

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

XVIII
ВЕК

СБОРНИК
20

Санкт-Петербург
„НАУКА”

1996

ББК 83
В76

Ответственный редактор
Н Д КОЧЕТКОВА

Рецензенты
П Е БУХАРКИН и Р Ю ДАНИЛЕВСКИЙ

*Книга издается при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 95-06-17203)*

В $\frac{4603010000-570}{042(02)-96}$ 180-96(II)
ISBN 5-02-028304-5

© Коллектив авторов, 1996
© Российская академия наук, 1996

П. Е БУХАРКИН

**ТОПОС «ТИШИНЫ»
В ОДИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ М. В. ЛОМОНОСОВА**

Памяти Галины Николаевны Моисеевой

Уже А. Н. Веселовский в своих первых работах по исторической поэтике отмечал исключительную важность той роли, какую играет топка в жизни культуры. Не употребляя самого термина, он в статье «О методе и задачах истории литературы как науки» (1870) писал: «...не ограничено ли поэтическое творчество известными определенными формулами, устойчивыми мотивами, которые одно поколение приняло от предыдущего, а это от третьего, которых первообразы мы неизбежно встретим в эпической старине и далее, на степени мифа, в конкретных определениях первобытного слова? Каждая новая поэтическая эпоха не работает ли над исстари завещанными образами, обязательно вращаясь в их границах, позволяя себе лишь новые комбинации старых и только наполняя их тем новым пониманием жизни, которое собственно и составляет ее прогресс перед прошлым? По крайней мере, история языка предлагает нам аналогическое явление».¹ С тех пор литературоведческая наука постоянно обращается к данной проблеме, и изучение литературной топки является одним из ведущих направлений исторической поэтики.

Если иметь в виду русское литературоведение, то наибольших успехов достигла медиэвистика, достаточно детально рассмотревшая топiku древнерусской словесности.² Несравненно

¹ Веселовский А. Н. Собр соч СПб, 1913 Т. 1 С 15—16.

² Литература о древнерусской топике чрезвычайно велика, к этой проблеме обращались многие выдающиеся филологи и историки, начиная с Э. О. Ключевского. Следует назвать классические работы А. С. Орлова, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова, А. М. Панченко, книгу В. П. Адриановой-Теретц «Очерки поэтического стиля Древней Руси» (1947) — едва ли не самое значительное исследование этого вопроса, а из трудов последних лет — глубокую и оригинальную книгу В. В. Колесова «Древнерусский литературный язык» (1989).

менее изучена топка литературы новой, особенно XIX века, эпохи реализма. Высказывались даже сомнения в перспективности поисков ее в так называемом реалистическом искусстве³. Для окончательного ответа и на вопрос о значении топки в литературе XIX—XX веков, и на вопрос о судьбе древнерусской топки в послепетровское время требуются тщательные и фронтальные разыскания «Необходимы систематические исследования — сначала таксономия, т. е. конструирование комплекса *loci communes*, а затем проверка таксономии на всем пространстве русской культуры»⁴. Причем, принимаясь за подобный труд, следует помнить суждение Д. Чижевского о том, что «топи — это не жесткие формулы, но, скорее, лишь темы, которые каждый писатель может разрабатывать по-своему, в некотором роде рамки, которые оставляют место для весьма разнообразного содержания, оправа, в которую можно заключить всевозможные конкретные украшения»⁵ (перевод Д. М. Буланина).

Использование топки конкретным автором дает богатый материал для размышлений о его традиционности и одновременно новаторстве, так как, с одной стороны, *loci communes* традиционно по своему существу, а с другой — авторские вариации в его трактовке высветляют то новое, что принес данный художник в культуру. Эта особенность функционирования топки в индивидуальной писательской системе приобретает особую важность при обращении к одической поэзии М. В. Ломоносова.

Трудно оспорить особое значение поэта в истории русской словесности и, шире, самосознания в целом. Еще в 1920-е годы Л. В. Пумпянский справедливо писал «Вдруг стало ясно, что водораздел русской литературы не между Ломоносовым и Пушкиным, а между Симеоном Полоцким, Кантемиром, Тредиаковским — и Ломоносовым, что тут легла бездна, а от Ломоносова к Пушкину — близко»⁶. Однако, с другой стороны, Ломоносов — литератор, филолог, историк — тесно и глубоко связан с традициями средневекового искусства⁷. И не случайно Д. Чижевский, исследуя древнерусскую литературу, помещал «Российского Пиндара» в ее эстетическое пространство⁸.

³ Фридлиндер Г. М. Поэтика русского реализма. Л., 1971. С. 10—22.

⁴ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 197.

⁵ Čiževskij D. Zur Stilistik der altrussischen Literatur. Topik // Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag. Wiesbaden, 1956. S. 107.

⁶ Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма (Поэтика Ломоносова) // Контекст-1982. М., 1983. С. 331.

⁷ См. об этом Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971.

⁸ Čiževskij D. History of Russian Literature from the Eleventh Century to the End of the Baroque. S'Gravenhage 1962.

В какой-то мере Ломоносов занимает в русской культуре переходное место, играет роль звена, скрепляющего средневековую «книжную премудрость» (которую он прекрасно знал с детства, в том числе и старообрядческие ее варианты, и с иными сторонами которой он постоянно соприкасался в Славяно-греко-латинской академии) и секуляризованное искусство послепетровского времени, одним из создателей которого он является. В связи с этим исследование ломоносовской топики помогает увидеть, что из древнерусского культурного наследия перешло в новую литературу, как это происходило и какие трансформации претерпевали средневековые элементы, оказавшись в ином контексте.

Пожалуй, среди всех *loci communes*, используемых Ломоносовым, наиболее частотен топос «тишины». Данный топос, как показал А. М. Панченко, вообще принципиально важен для русской культуры на всем протяжении — от раннего средневековья до XX века.⁹ Но едва ли найдется другой писатель, обращавшийся к нему так часто, как Ломоносов, у которого он встречается почти в каждой оде, нередко по нескольку раз. В одних случаях топос «тишины» воплощается в предельно сжатой языковой форме — «тихих дней венец», «море нашей тишины»; в других — в более развернутой:

Чтоб род российский и соседы
В глубокой были тишине

(Ода на праздник рождения
1757),¹⁰

Велика божеством природным
Восходит выше тишиной

(Ода на торжественный праздник
тезоименитства 1759, 152)

Иногда он приобретает вид достаточно подробных описаний:

Там мир в полях и над водами,
Там вихрей нет, ни шумных бурь,
Между млечными облаками
Сияет злато и лазурь

(Ода на день брачного сочетания
1745, 101)

Пять крат под счастливой державой
Цветами красилась земля,
Стократной облеклися славой
Российски грады и поля
Стоят трофеи вознесенны,

⁹ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ С 192—203

¹⁰ Ломоносов М. В. Избр произведения Л, 1986 С 147 (Библиотека поэта, большая серия) В дальнейшем при цитировании данного издания страницы указываются в тексте

Цветут оливы, насажденные
Елисаветиной рукой,
Что новых светов досягает;
От той Европа ожидает,
Чтоб в ней восставлен был покой
(Ода на день восшествия на престол
1746, 106)

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют,
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою,
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли

(Ода на день восшествия на престол
1747, 115)

Присутствие топоса «тишины» в ломоносовских одах не раз отмечалось в посвященных творчеству поэта научных трудах, однако исследователи ограничивались только констатацией факта его распространенности у Ломоносова, не пытаясь понять место и значение данного топоса в художественном мире поэта. Вместе с тем «тишина», как я думаю, связана с самой сутью мирообраза «нашего Пиндара, Цицерона и Вергилия», выражая его на языковом уровне текста.

Рассматривая «тишину» в ломоносовских одах, нельзя не обратить внимания на ее странное соседство с движением, шумом, войной, вообще динамикой разного рода. Это удивительно, ведь тишина, если понимать ее как состояние и видеть в ней умиротворенность, покой, в принципе противоположна всякой внешней активности. У Ломоносова же такой противопоставленности нет, более того, в некоторых случаях наступление «тишины» прямо сопровождается чрезвычайными потрясениями:

Но холмы и древа, скачите,
Ликуйте, множество озер,
Руками, реки, восплещите,
Петрополь буди вам пример
Елисавета к вам приходит,
Отраду с тишиной приводит
(Ода на прибытие императрицы
Елисаветы Петровны
1742, 91)

Примеры подобного рода заставляют задуматься над тем, что, собственно говоря, представляет для Ломоносова «тишина», какое значение доминирует в ней. Для ответа на такой вопрос в первую очередь надо обратиться к семантике данного слова. Ее достаточно хорошо вскрывают те синонимы, при помощи которых происходит словесное воплощение интересую-

щего нас топоса. Наряду с такими лексемами, как «покой» («Дугу поставил в знак покоя», «Счастливых и спокойных лет») и «мир» («То нас желанный мир прославит»), развитие топоса связано с лексемами «кротость» («кротким оком», «сей кроткий глас», «кротко разглашайте»), «прозрачность» («ключи прозрачны»), «ясность» («где воды протекают ясно»), «стройность» («да движутся светила стройно»). Последние два слова — «ясность» и «стройность» — особо важны, они непосредственно ведут к тому смыслу, который поэт вкладывал в понятие «тишины».

Характеризуя семантику слова «ясно» в древнерусском языке, И. И. Срезневский в своих «Материалах для словаря древнерусского языка» приводит такие значения, как «светло, чисто, отчетливо, определено, понятно, открыто».¹¹ С другой стороны, и в начале XIX века, в языке А. С. Пушкина, данная лексема также связана со спокойствием, безмятежностью, логичностью, четкостью.¹² Стоит иметь в виду и этимологические связи русского «ясно» с литовским *aiskus* (ясный, четкий) и древнеиндийским *yaśas* (великолепие, пышность, блеск).¹³ Этот семантический комплекс при всех исторических модификациях сохраняет свое (по крайней мере потенциальное) значение и в XVIII веке, мерцающе присутствует и в лексеме «ясно» ломоносовских од. На это, в частности, указывает ее синонимичность лексеме «стройно». Для последней актуальны значения: отличающийся упорядоченностью, гармоничностью, согласованностью.¹⁴ В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля данная лексема (в варианте имени прилагательного «стройный») описана следующим образом: «стройный — что в должном порядке, образе, хорошо устроено, согласно; взаимосоглашенный».¹⁵

Такая лексико-семантическая реализация топоса «тишина» в ломоносовских одах показывает, что «тишина» для поэта включает в себя сложный семантический комплекс: это свет, красота, блеск, даже пышность и одновременно логичность, четкость, последовательность. Причем разные качества «тишины» согласованы между собой, ибо она, кроме всего, — и соразмерность. А соразмерность такого рода, полная уравновешенность всех элементов — это не состояние, а свойство, атрибут, всегда присущий явлению; он спокойно может сочетаться с динамикой, движением, грохотом. Они — только внешняя сторона дела, не нарушающая внутренней гармонии.

¹¹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка СПб, 1903 Т III С 1668

¹² Словарь языка А С Пушкина М, 1961. Т 4. С 1043—1044

¹³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка М, 1973 Т IV С 565

¹⁴ Словарь языка А С Пушкина Т 4 С 408—409

¹⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка М, 1955 Т IV С 341

Стоит здесь обратить внимание на вышеприведенное словосочетание «кротко разглашайте», где глагол «разглашать», связанный с динамикой, активностью, даже громкостью, соединяется с наречием «кротко», т. е. скромно, безапелляционно, неосуждающе. Не навязывать другим свои суждения, а спокойно, с любовью, нести истину. Но вместе с тем и не сомневаться в ней, не пассивно выжидать, а деятельно возглашать — таков смысл данного оборота.

Образ оды 1742 года, соединяющий тишину и грандиозный шум ликующей природы, конечно, может быть на языковом уровне понят как типичный барочный оксюморон. Однако на уровне поэтической семантики противоречие, лежащее в основе всякого оксюморона, оказывается мнимым и снимается. «Скакание» холмов и деревьев, «рукоплескание» рек и тому подобное не может смутить соразмерности, говоря ломоносовскими словами — «стройности», огромного и прекрасного универсума, его тишины. При этом «тишина» — это не просто порядок, но согласие, основывающееся на *взаимопонимании*, *взаимообщении* на одном и том же языке. Мир, где властвует «тишина», состоит из элементов, открытых друг другу, понятных друг для друга. На это, в частности, указывают значения открытости, понятности, светлости, присутствующие, как мы видели, в лексемах, посредством которых разворачивается у Ломоносова анализируемый топос. Это мир не принуждения, а свободного единения, не рабства, но любви, не Закона, а Благодати.

Тот же смысловой комплекс, содержащийся в интересующем нас топосе, вскрывают и эпитеты, прилагаемые одописцем к «тишине». Пожалуй, наиболее показательно здесь определение из 2-го стиха 1-й строфы «Оды на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны 1747 года», которое уже приводилось выше: «возлюбленная тишина». Поэт недаром употребляет имя прилагательное «возлюбленная», заключающее нечто более интенсивное, активное, направленное на предмет, нежели его синонимы «любимая», «любезная». Для языка XVIII века глагол «возлюбить» означал не просто «полюбить», а «полюбить горячо, сильно» и, в другом плане, «предпочесть, избрать для себя». ¹⁶ Одновременно «возлюбленная» предполагает и некоторую возвышенность, устремленность вверх, ведь префикс «воз-» содержит в себе представление «о предметах высших... и прямее указывает на подъем, высоту». ¹⁷ Тишина оказывается не просто сильно любимой, она выбрана, предпочтена, в частности, потому, что способна вознести, т. е. духовно укрепить. Последний семантический оттенок эпитета «возлюбленная» актуализируется глаголом

¹⁶ Словарь русского языка XVIII века Л, 1988 Вып IV С 13

¹⁷ Даль В И Толковый словарь живого великорусского языка Т 1 С 230

«дерзают» из 8-го стиха той же строфы, прямо и непосредственно связанным с «возлюбленной тишиной»: корабли «дерзают в море» за тишиной — когда царит последняя, любое плавание возможно. «Дерзают» означает: осмеливаются, мужают. Получается, что «тишина» не только придает смелость, она и способствует возмужанию, воспитывает.

* * *

Итак, топос «тишины» выражает в одической поэзии М. В. Ломоносова сложную и многозначную поэтическую идею, причем его смысловые оттенки, несмотря на их разнообразие, не противоречат друг другу и складываются в единое смысловое целое. И рассмотрев это смысловое целое в контексте истории русской литературы, нетрудно заметить его принципиальную близость к важнейшим традициям древнерусского искусства. Можно сказать, что содержание ломоносовского топоса в целом соответствует представлениям, определявшим культуру средневековой Руси.

Характеризуя раннее средневековье, И. П. Смирнов выделил как конститутивную черту данной эпохи конъюнктивность, которая проявляется в особой связи субъекта с объектом, когда первый становится со-объектом (т. е. «я» реализуется только в паре с «не-я»), в парности героев средневековой книжности, в несамодостаточности отдельных текстов (включение одних произведений в состав других) и т. д.¹⁸ Эта конъюнктивность организует не только формы литературного процесса, но и внутренний мир средневекового текста, определяя его эпичность (в смысле — эпическое состояние мира), так сказать коллективность.

Это прекрасно видно на примере «Слова о полку Игореве», традиционно считающегося классическим памятником Киевской эпохи.¹⁹ Скорее всего, он относится к немногочисленным дошедшим до нас образцам «придворной княжеской культуры, отличной от основного корпуса памятников литературы и искусства».²⁰ Естественно, что понятия чести, подвига и славы очень важны для его идейной структуры. Однако поступки героя оцениваются не его «рыцарским» поведением, а их пользой для национального мира, что, в частности, проявляется в лексике начальной части (выступление Игоря в поход), в «Золотом слове» Святослава, в оценке бегства Игоря из плена и др. Особенно это заметно в сравнении с западноевропей-

¹⁸ Смирнов И. П. О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории. Wien, 1991. С. 16—42.

¹⁹ Оставляю в стороне далеко не решенную проблему о так называемой «подлинности» «Слова о полку Игореве».

²⁰ Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. München, 1991. С. 29.

ским героическим эпосом, например «Песнью о Роланде». «...Будучи виновным в собственной гибели, в гибели и поражении всего своего отряда, Роланд тем не менее прекрасен как идеальный образец рыцарской чести и вассальной преданности своему сюзерену — Карлу Великому, — писала Е. Н. Купреянова. — Рыцарская доблесть и верность Карлу, любовь к „милой Франции” и подымают Роланда (причем не вопреки, а благодаря его безрассудству и «неистовству») на пьедестал национального эпического героя. В летописном рассказе о поражении Игоря, как и в поэтическом „Слове” о его „полку”, все наоборот». Их авторы «отдают должное ратным подвигам Игоря, но в то же время оплакивают пагубные последствия для Руси его субъективно доблестного деяния. „Слово о полку Игореве” — не столько героическая поэма, сколько своего рода надгробное „слово”, плач о бессмысленной гибели русской ратной силы и общерусском бедствии, затем последовавшем».²¹

Следует заметить, что символический план содержания «Слова...», проанализированный, в частности, Н. С. Демковой, Б. М. Гаспаровым и И. П. Смирновым, только подтверждает сдержанную, а часто и прямо негативную оценку самостоятельной активности человека, переводя ее в религиозно-мифологический план. Так, например, по мнению И. П. Смирнова, самочинное решение Игоря выступить в поход (несмотря на зловещие предзнаменования) приравнивает Новгород-Северского князя к Адаму; оставление Русской земли соотносится с изгнанием Адама из рая; желание князя «испити» воды из Дона (т. е. осуществить личный героический подвиг) сопоставляется со вкушением Адамом запретного плода и т. д. «Поступок князя — грех, требующий искупления».²²

Мир «Слова...» — мир коллективный, где достоинства человека оцениваются не столько его личной доблестью, сколько той пользой, что он приносит, его значением для «русского мира». Нетрудно заметить при всех внешних различиях явную его близость основным началам ломоносовской поэзии — в обоих случаях на первый план выдвигаются единение, согласование с целым, со-причастность ему.

При этом, так же как и в случае с одическим пиитом XVIII столетия, принципом соединения оказывается не жесткий закон, а свободная Милость, Благодать. И это свойственно всему русскому Средневековью, не только раннему, но и позднему, XVI веку. Здесь, в частности, особый интерес представляет «Повесть о Петре и Февронии Муромских» Ермолая-Еразма. И в этом тексте, отделенном от «Слова...» несколькими веками, найдем ту же редукцию личного начала: Петр

²¹ Купреянова Е. Н., Макогоненко Г. П. Национальное своеобразие русской литературы Л., 1976 С 37

²² Смирнов И. П. О древнерусской культуре. С 47

может одержать окончательную победу (излечиться от ран, появившихся в результате борьбы с драконом) только при помощи свыше, посредством благой воли Февронии. Более того, сами по себе подвиги человека приводят его в смертельно опасное положение (болезнь Петра после победы над драконом).

Важно и то, как показаны в «Повести...» отношения Петра и Февронии: активность связана с последней Петр — не искатель своего счастья, не борец за него, он только воспринимает спускающуюся на него энергию, идущую от Февронии.

Как любой средневековый текст, «Повесть...» обладает символическим содержанием, которое связано с поисками «иного царства».²³ Князь Петр может быть понят как искатель этого царства «не от мира сего», найти которое он в состоянии только с помощью высшей силы, нисходящей к нему через имеющую мистический характер любовь к Февронии. Именно любовь оказывается той силой, которая руководит героями, определяет их взаимоотношения; она (любовь) не только направляет чудесных князя и княгиню на дорогу, ведущую вверх, но и определяет гармонический характер создаваемого в «Повести...» мира. Д. С. Лихачев дал точное определение персонажам «Повести», отметив, что они подобны «тихим ангелам Рублева».²⁴ А последние — едва ли не высшее воплощение стремления к гармонии, свойственного Древней Руси. Их превосходную характеристику дал о. П. Флоренский: «Среди мятущихся обстоятельств времени, среди раздоров, междоусобных распрей, всеобщего одичания и татарских набегов, среди этого глубокого безмирия, растлившего Русь, открылся духовному взору бесконечный, невозмутимый, нерушимый мир, „свышний мир“ горнего мира. Вражде и ненависти, царящим в дольном, противопоставилась взаимная любовь, струящаяся в вечном согласии, в вечной безмолвной беседе, в вечном единстве сфер горних».²⁵ Отзвук такой Божественной гармонии, достигнутой любовью, лежит и на героях Ермолая-Еразма.

«Слово о полку Игореве» и «Повесть о Петре и Февронии» — произведения разных эпох, литературных стилей и жанров. Но сквозь все их принципиальные различия ясно проглядывает общность — в обоих случаях художественный мир строится как эпический, согласованный, соразмерный, причем путь к этой гармонии лежит через любовь, милость. Но ведь те же начала определяют и смысловое наполнение

²³ См об «ином царстве» в русском народном сознании Трубецкой Е. Н. Иное царство и его искатели в русской народной сказке // Лит. учеба 1990 № 2 С 100—118

²⁴ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси 2-е изд. М., 1970 С 93

²⁵ о П. Флоренский Троице-Сергиева лавра и Россия // Рус. литерату-ра 1989 № 2 С 141

топоса «тишины» в одах М. В. Ломоносова. Конечно, топос представляет собою только один элемент художественного мира и, естественно, его содержание несоизмеримо уже и одностороннее. Но важно, что семантика ломоносовской «тишины» ни в чем не противоречит мирообразу русского Средневековья, наоборот, органично сочетается с основными его началами.

Эти начала выражаются в одической поэзии Ломоносова при помощи совершенно иного художественного языка. «Наших стран Малерб» использует выразительные средства, ориентированные на западноевропейский художественный язык, прежде всего на его основу — античное наследие. Однако глубинное содержание его поэзии, как мы видели, оказывалось развитием национальных традиций. Европеизируя отечественную словесность, вводя ее в круг культур «политичных» народов, Ломоносов вместе с тем, как показывает топос «тишины» в его одах, не порывал с основами русского искусства, опирался на них.²⁶ И это неудивительно — при всех изменениях, происходящих в литературе, в ней всегда остаются неизменяемые начала, трансисторические элементы, позволяющие обнаружить память литературы, в которой заключено ее национальное своеобразие и внутреннее единство.

Память литературы можно ощутить, исследуя разные явления литературного процесса: интертекстуальные связи произведений,²⁷ устойчивые национальные мифологемы, поэтические категории и их эволюцию. Не последнее место в этом познании занимает и изучение топосов, особенно их функционирование у тех писателей, которые, как Ломоносов, скрепляли своим творчеством разные эпохи истории русской литературы.

²⁶ К этим же выводам нас приведет исследование субъектно-объектных отношений в ломоносовских одах. См.: Бухаркин П. Е. Петр I и М. В. Ломоносов: (К вопросу о рецепции русской культурой петровских традиций) // Труды всерос. науч. конф., посвящ. 300-летию юбилею отечественного флота. Вып. 2. Переяславль-Залесский, 1992. С. 118—125.

²⁷ Возможности, открывающиеся перед этим путем изучения памяти литературы, блестяще продемонстрированы Р. Лахманн. См.: *Lachmann R. Gedächtnis und Literatur. Intertextualität in der Russischen Moderne.* Frankfurt a. M., 1990.

**«РАССУЖДЕНИЕ О ОДЕ ВООБЩЕ»
В. К. ТРЕДИАКОВСКОГО**

Известное и часто цитируемое замечание А С Пушкина, сделанное им по поводу комедии А С Грибоедова «Горе от ума» «Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным»,¹ можно отнести не только к писателю, но и к жанру, и, конечно, не только драматическому. Однако, когда речь заходит об оде, презумпция «законов», как правило, не учитывается. Между тем ода в отличие от большинства жанров русского классицизма такими законами, т е нормативной поэтикой, обладала. Они были изложены ей на самой заре ее появления В К Тредиаковским в «Рассуждении о оде вообще», изданном вместе с первым образцом «правильной» оды — одой «На здачу города Гданска» — в 1734 г.² Этот важный трактат до сих пор специально не рассматривался в самом близком для него контексте — контексте истории русской оды. Ему, правда, посвящен отдельный параграф в книге Г Ахингер «Der französische Anteil an der russischen Literaturkritik des 18 Jahrhunderts»,³ но автора, что явствует из заглавия книги, интересуется не судьба оды, а французские влияния в русской критике и теории литературы, в свете которых рассматривается и «Рассуждение». О полном безразличии к вопросу о значении «Рассуждения» для развития жанра свидетельствует, например, и тот факт, что Г Ахингер использует для анализа вторую редакцию «Рассуждения», вошедшую в корпус «Сочинений и переводов» Тредиаковского 1752 г.,⁴ не оговаривая различий ее с первым изданием, которые для нее, по всей видимости, не существенны. На самом деле вторая редакция отлична от первой помимо стилистических изменений тремя принципиальными положениями: определением предмета оды — во второй редакции он

¹ Письмо А А Бестужеву конца января 1825 г // Пушкин Полн собр соч М, Л, 1937 Т 13 С 138

² Рассуждение о оде вообще // Ода торжественная о здаче города Гданска, сочиненная в вящуюся славу имени () великия государыни Анны Иоанновны () Чрез Василья Тредиаковскаго Санктпетербургския имп Академии наук секретаря СПб Печ при Имп Акад наук, 1734 Новейшее издание, выполненное А Левицим, см Vasilij Kirillovic Trediakovskij Psalter 1753 Paderborn, Munchen, Wien, Zurich, 1989 Приложение V Рассуждение о оде вообще С 536—540 В дальнейшем цитируется по изданию 1734 г, в связи с отсутствием пагинации номера страниц указываются в квадратных скобках

³ Achinger G Der französische Anteil an der russischen Literaturkritik des 18 Jahrhunderts unter besonderer Berücksichtigung der Zeitschriften (1730—1780) Verlag Gehlen Berlin, Zurich, 1970

⁴ Сочинения и переводы как стихами так и прозою Василья Тредиаковского Т 1—2 СПб, при Акад наук, 1752 Т 2 С 278—281

расширен («материя благородная, важная и великолепная» [24] — 1734;⁵ «материя благородная, важная, редко нежная и приятная» — 1752); включением приводимого Г Ахингер пассажи о стиле псалмов;⁶ отсутствием пространной характеристики оды Феофана Прокоповича и всякого упоминания о ней. Общее довольно суровое заключение о том, что «bei ihm fällt eine persönliche Stellungnahme fort»,⁷ и о полной его подражательности «Discours sur l'ode» Н Буало и Ш Роллену⁸ не помешало, однако, Г. Ахингер увидеть две несуразности «Рассуждения», явно не соответствующие «Discours». Первая из них состоит в неразличении пиндарической и горацианской оды.⁹ Другую странность в изложении теории оды Тредиаковским Ахингер справедливо усматривает в его утверждении, что ода «благородством материи и высокою речей не разнится от эпическая Поэзии, но токмо краткостью своею»¹⁰ «Различие, основанное на длине», предопределило, по мнению немецкого исследователя, «дальнейшую путаницу в понимании лирической и эпической поэзии»¹¹ в России. Последнее ясно показывает, что Г. Ахингер не умела оценить всю трудность введения в Россию французской теории оды.

Тредиаковский начинает свой трактат с определения, что уже показывает, что Тредиаковский из более или менее обязательной реплики Буало в споре «древних» и «новых», направленной против Ш. Перро в защиту стиля Пиндара, а вместе с ним и жанра оды, отцом которого, по представлению классицизма, он являлся, создает нормативную поэтику, т е дополняет Буало и снимает злободневность 1693 г., отличавшую «Discours». Он встраивает по существу новый для России жанр — оду — в систему русской литературы, в которой классицизма, по существу, еще не было (трактат Тредиаковского — первая ласточка классицистической теории), а теория и практика жанров имела свою специфику. Так, Тредиа-

⁵ Там же С 278

⁶ *Achinger G* Der französische Anteil an der russischen Literaturkritik des 18 Jahrhunderts S 29

⁷ *Ibid* S 29 («у него отсутствует свой собственный взгляд на оду»)

⁸ *Ibid* Г Ахингер сопоставляет соответствующие места из Ш Роллена и В Тредиаковского

⁹ *Ibid* S 28 «Anscheinend sah er keinen Unterschied zwischen der pindarischen und der horazischen Ode» («Очевидно, он не видел разницы между пиндарической и горацианской одой»), что, по мнению Г Ахингер, свидетельствует об «отсутствии выработанного им самим представления об оде как о жанре» («Ihre fehlerhafte Gleichsetzung zeigt das Fehlen einer selbst erarbeiteten Kenntnis der Ode als Gattung»)

¹⁰ *Тредиаковский В К* Рассуждение о оде вообще // Тредиаковский В К Сочинения и переводы Т 2 С 279

¹¹ *Achinger G* Der französische Anteil an der russischen Literaturkritik des 18 Jahrhunderts S 28 «Trediakovskij siet zwischen beiden [Ode u Epos — H A] nur äußerte Differenz, die sich auf den Unterschied in der Länge gründet. Damit unterliegt auch er der Begriffsverwirrung zwischen epischer und lyrischer Dichtung, die das gesamte 18 Jahrhundert beherrschte»

ковский явно избегает в начале «Рассуждения» относить оду к лирической поэзии, что было обыкновенным в любой поэтике — школьной или классицистической. Термин «лирическая поэзия» появится только в том месте трактата, где Тредиаковский приводит слова Буало

Тредиаковский, дав определение оде (причем замечательно, что он ни словом не упоминает о ее происхождении и о том, что оды когда-то исполнялись под музыку, что было обычным в определении оды вплоть до Ш. Батте или Г. Р. Державина), пытается соотнести новый жанр с жанрами, известными в России. Начинает он действительно с эпопеи. В России эпопеи как таковой не было, но были опыты в эпическом роде, например «Епиникионы» Феофана Прокоповича, и отличались эти русские эпические стихи от лирических действительно преимущественно размером. В том же смысле об эпической поэзии говорится в «Новом и кратком Способе к сложению стихов российских», выпущенном через год. Упомянув о правилах эпопеи, но не назвав их, он говорит, что она «есть наилучшая и наибольшая из всех поэм»,¹² однако перечень образцовых эпических авторов, приведенный ниже (Гомер, Вергилий, Вольтер, Тасс, Мильтон, он повторяет аналогичный, данный в Правиле IX «Способа», правда, там упоминаются и сами поэмы), кажется, может свидетельствовать о хорошем знании эпопеи. Несоответствие между определением эпопеи и знанием (и вероятным пониманием) этого жанра в его классических образцах связано с тем вынужденным существованием Тредиаковского в двух по крайней мере измерениях: в системе европейской литературы и в системе русской. Русский контекст им, безусловно, всегда учитывается, а возможно, и определяет его теоретические нововведения

Тредиаковский действительно положил в основу своего «Рассуждения» «Discours», но само влияние на него французского законодателя, а подчас и прямое заимствование из его трактата не только не умаляют значения дела Тредиаковского, но едва ли могут свидетельствовать о несамостоятельности теоретической мысли русского автора. За четыре года до выхода «Рассуждения» И. Х. Готтшед, обладавший к тому времени значительно большим литературным опытом, издал свой известный «Versuch einer kritischen Dichtkunst vor die Deutschen.» («Опыт немецкой поэтики...»), в котором особая глава была посвящена оде. К тому времени в Германии уже была написана лучшая ода И. Х. Гюнтера «Ode an den Prinzen Eugen» (1718), образцы жанра оставили Ф. Р. Канитц, И. У. Кениг, И. В. Питч, но Готтшед не делает попытки со-

¹² Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определением до сего подлежащих званий СПб, 1735. Цит по Тредиаковский В. К. Избр произведения / Подгот текста Л. И. Тимофеева М., Л., 1963 С. 417

здать свою «оригинальную» поэтику оды, а описывает жанр оды в тех же категориях, что и Буало (правда без ссылки на него), и называет образцовым одическим поэтом Пиндара. Одическая теория Буало ко второй четверти XVIII в. начала становиться хрестоматийной и признаваться как во Франции (во многом благодаря успеху од Ж.-Б. Руссо), так и за ее пределами: эту теорию использовали как основу поэтик литератур, входящих в сферу влияния классицизма. Этим в известной мере объясняется различие установок и тона «Discours» Буало и «Рассуждения» Тредиаковского, на которые указывает Г. Ахингер.¹³ Экспериментаторскую оду Буало «На взятие Намюра» и связанный с ней и тоже революционный «Discours» Тредиаковский почитает за безусловный образец и истину.¹⁴ Однако тон, которым эта истина преподносится русскому читателю («охотнику российскому»), помимо некоторой стилистической игры, имитирующей оригинал, вызван очень смелым новаторством, на которое решился Тредиаковский, перенося теорию и образец оды Буало на русскую почву.

В России ода была известна лишь самому просвещенному кругу и исключительно в ее гораццианской разновидности. На Горация как на *principes iugis* («главного поэта лирического») указывает Феофан Прокопович в своем трактате «De arte poetica» (1705),¹⁵ все его отсылки и примеры связаны с одами римского поэта. Единственная ода Феофана Прокоповича «Ad augustissimum totius russiae imperatorem Petrum II. Cum Mosquam tenderet insignia regni Capessurus»,¹⁶ приведшая в «великий энтузиазм удивления» [26] Тредиаковского в 1730 г., принадлежит гораццианской традиции. Дошедшие до нас четыре оригинальные оды Антиоха Кантемира (в данном случае неважно, когда они были написаны — до отъезда, в 1729—1731 гг., или уже позднее, за границей) также гораццианские. К гораццианскому типу оды (правда, с неправильной для гораццианской оды строфикой) относится и его перевод латинской школьной оды «Ода к императрице Анне в день ее рождения» (1731).¹⁷ Еще одна ода с печатью гораццианства неизвестного

¹³ Achinger G. Der französische Anteil an der russischen Literaturkritik des 18. Jahrhunderts. S. 29

¹⁴ Живов В. М. Церковнославянская литературная традиция в русской литературе XVIII в. и рецепция спора «древних» и «новых» // История культуры и поэтика. М., 1994. С. 69

¹⁵ Феофан Прокопович. De arte poetica // Феофан Прокопович. Сочинения. М., Л., 1961. С. 321

¹⁶ [Феофан Прокопович]. Ad augustissimum totius russiae imperatorem Petrum II. Cum Mosquam tenderet insignia regni Capessurus [СПб., 1727]. См. о ней Берков П. Н. Одно из первых применений эзоповского языка в России (латинская «Ода Петру II» Феофана Прокоповича, 1927 г.) // Проблемы теории и истории русской литературы. М., 1971. С. 74—82

¹⁷ См. об этом Гершкович З. И. Примечания // Антиох Кантемир. Собрание стихотворений / Подгот. текста и примеч. З. И. Гершкович. Л., 1956. С. 465—466

автора появилась в 1732 г на страницах «Примечаний» к «Санктпетербургским ведомостям»¹⁸

Первый известный нам опыт Тредиаковского в жанре оды также связан с горацианской традицией. Им следует, вероятно, считать французскую оду «Point de courage! point d'espoir!» («Где бодрость! где надея!»), написанную, скорее всего, еще в Париже¹⁹. Эта ода отражает новую волну увлечения во Франции горацианством и представляет собой довольно типичный образец французской горацианской оды (тема непостоянства мира, короткая неравностопная строфа). Но в этой оде, как и во французских горацианских одах того времени, заметен след влияния теории оды Буало. Оно обнаруживается и в смелом приступе, и в общей энергии оды. По-видимому, для Тредиаковского резкое противопоставление горацианской и пиндарической оды отошло в прошлое и воспринимается им как предыстория современной оды. Возможно, поэтому и исходя из непререкаемости в России авторитета «первого поэта лирического» Тредиаковский последовательно (а значит, намеренно) не противопоставляет в своем трактате Пиндара и Горация. Это проявляется в отмеченном Г. Ахингер центральном месте «Рассуждения», заимствованном из Буало, где дается сущностная характеристика стиля оды (у Буало стиля оды Пиндара) определением неопределимого *furog poeticus*,²⁰ а образцовыми авторами названы и Пиндар, и Гораций: «Они только одни умели писать так чудесно, когда, чтоб изъяснить разум свой как бы вне себя быть, прерывали с умысла последование своея речи и, чтоб лучше войти в разум, выходили, буде позволено так сказать после Буало, из самого разума, удаляясь с великим старанием от того порядка методичного и исправного связания Сенса, который имел бы отнять всю соль, весь сок, или лучше сказать, самую душу у лирической Поэзии» [26]. В другом месте, характеризуя оду Феофана Прокоповича, он дважды сравнивает ее автора с Горацием («который по истине, как другие Горации» [26], «что Гораций бы сам, посмотрев оную [оду — *Н А*] в удивление пришел» [28]), а при перечислении ее достоинств наряду с «благородством», «высокостью», «великолепием» отмечает ее «энтузиазм» — свойство, как становится понятным из контекста «Рассуждения», близкое тому одическому «beau desordre»

¹⁸ Ода // Исторические, географические и генеалогические примечания в Ведомостях СПб, 1732 Ч 1 С 1—4

¹⁹ Она вошла вместе с ее русским переводом (одой «О непостоянстве мира»), помещенным перед ней и сделанным, возможно, уже в России, в сборник «Стихов на разные случаи», изданный вместе с «Ездой в остров любви» в 1730 г. См также *Тредиаковский В К* Избр произведения С 78—80

²⁰ Об одическом *furog poeticus* и о «пиндаризме» см упоминавшуюся уже статью *Живов В М* Церковнославянская литературная традиция в русской литературе XVIII в и рецепция спора «древних» и «новых» С 63—73

(«красному беспорядку»), подробное описание которого было дано Тредиаковским словами Буало (только что цитированное) и которое, казалось бы, никак не согласуется с горацианской одой. Однако в данном случае «энтузиазм» означает у Тредиаковского, по-видимому, просто одушевление, возможное и желательное во всякой оде, а не тот особый одический восторг, близкий к экстазу, который будет позднее предписан оде как обязательный. Тредиаковский тем самым несколько сглаживает и обезличивает свойства пиндарической оды, расширяя одновременно их понимание. «Энтузиазм, — по его мнению, — гораздо ж не мал в одах Малерба» [26], поэта славившегося своей рациональной сдержанностью.

Нежелание противопоставлять Пиндара и Горация проявляется наиболее отчетливо в другом месте почти дословного перевода из Буало. Заимствуя из «Discours» пассаж в защиту оды «На взятие Намюра», приноровляя его к своей гданьской оде, Тредиаковский цитирует вслед за Буало и строку Горация: «Pindarum quisquis studet aemulari...»²¹ — и приводит комментарий к ней Буало, но переводит его не дословно. У Буало: «...Гораций достаточно ясно дает понять, что если бы он сам захотел подняться на высоту Пиндара, то считал бы, что ему грозит большая опасность упасть».²² Тредиаковский переводит это место так: «...Гораций дает довольно знать, что ежели б он сам хотел взлететь на высоту Пиндарову, то бы думал про себя, что необходимо наниз бы имел слететь» [30]. О «падении» Горация и едва ли сильной возможности для него держаться высоты Пиндара (о чем писал сам Гораций), иными словами — о разном уровне Горация и Пиндара, Тредиаковский не говорит: для него эти уровни неразличимы.

Признание и Пиндара, и Горация образцовыми авторами в жанре оды продиктовано, конечно, не незнанием различий между пиндарической и горацианской одой и, возможно, не «сознательным стремлением воспроизвести противостоящие друг другу позиции», чтобы «перенести таким образом на русскую почву всю полноту европейского многообразия»²³ (в последнем случае ничто не мешало Тредиаковскому последовательно охарактеризовать пиндарическую и горацианскую оды, как это было уже к тому времени принято во французских поэтиках), а стремлением, сняв противоречия между ними, увидеть в обеих и выявить то главное, то сущностное свойство оды, которое определяет этот жанр в любой его

²¹ Тот, держась на крыльях, скрепленных воском,
Морю имя дать обречен, как Икар,
Кто, о Юл, в стихах состязаться — дерзкий —
С Пиндаром тщится (пер Н С Гинцбурга)

²² Буало Н Рассуждение о оде // Спор о «древних» и «новых» М., 1985 С. 267 (пер Н В Наумова)

²³ Живов В М Церковнославянская литературная традиция в русской литературе XVIII в и рецепция спора «древних» и «новых» С. 63

разновидности. Ведь не случайно свое «Рассуждение» Тредиаковский посвящает оде «вообще», а не просто оде. «Рассуждение об оде» было бы калькой заглавия Буало «Discours sur l'ode», но уже в заглавии он отступает от французского образца, сразу заявляя этим, что его интересуется ода как таковая, а не ее разновидность, которой был посвящен «Discours». ²⁴ Поэтому, наверное, образцовыми авторами признаются поэты противоположных устремлений: Буало и Малерб, Пиндар и Гораций, равно классические и признанные в жанре «оды вообще». При этом Тредиаковский, кроме поэтов, уже отошедших в прошлое: Пиндара, Горация и Малерба, а также вызывающего его нескрываемое восхищение Буало, не называет никого из одописцев. Готтшед, например, из французских поэтов упоминает Ж.-Б. Руссо и Ш. Лагранжа. Прекрасную осведомленность во французской литературе Тредиаковский выкажет через год в «Эпистоле от российской поэзии к Аполину» (1735), но и в ней из французских одописцев будет назван один Малерб: «Одами летал Малгерб в них всегда достойно», ²⁵ а из упоминаний о Ж.-Б. Руссо станет ясно, что он ценится Тредиаковским не как классик жанра, а прежде всего как автор духовных од: «Больше чрез псалмы Руссо, хоть чрез все он знатен». ²⁶ Таким образом, русская ода не получила никакого выбора образцов для подражания — Малербу, Пиндару и Горацию подражать было немислимо, единым образцом оставалась ода Буало «На взятие Намюра», приступ которой помимо Тредиаковского варьировался Ломоносовым (ода «На взятие Хотина»), Сумароковым и др. ²⁷

В «Рассуждении» Тредиаковский называет основные принципы одического жанра, которые впоследствии станут прописными истинами. К ним принадлежат возвышенность («высокость», «благородство», «великолепие») и восторг («энтузиазм»). Они заимствованы у Буало. Но вот чего у Буало нет и что Тредиаковский силится определить, — это парение, ведь именно это свойство оды имеет в виду Тредиаковский, говоря об «удивительном вознесении к высоте слогом возлетающем, каково Пиндар и Гораций имеет, и каково господин Буало Депро иметь приказывает» [28]. Ссылка на Буало ложная — у Буало, хотя это вполне в духе его теории, этого нет. Тредиаковский, должно быть, опирается на другие французские поэтики.

Может быть, самым важным свойством оды для Тредиаковского стала «высокость» ее стиля и «материи», т. е. предмета.

²⁴ Аналогичное название и термин см у Тредиаковского в «Рассуждении о комедии вообще» (1752), где под «комедией вообще» будет пониматься комедия как таковая, без разделения ее на древнюю и новую, и в «Мнении о начале поэзии и стихов вообще» (1752)

²⁵ Цит по: *Тредиаковский В К* Избр. произведения С 391

²⁶ Там же

²⁷ *Сумароков А. П.* Ода на победы () Петра Великого // Полн собр всех сочинений / Собр и изд Николаем Новиковым М, 1781 Т 2 С 3.

О ней говорится на протяжении всего трактата и в связи с эпопеей и песней, и при описании стиля псалмов, и в похвалу оде Феофана. Возможно, возвышенности в таком новом ее понимании более всего не хватало Третьяковскому в русской панегирической поэзии, что и стало причиной введения в Россию новой одической теории

К концу «Рассуждения» Третьяковский, специально не оговаривая этого, трижды упоминает жанр дифирамба (рассматривая свою оду, он ссылается на «дифирамбичество» и «пиит дифирамбических»). По Третьяковскому, его ода, написанная по образцу оды Буало, пиндарическая («я всячески старался пиндаризировать» [30]) и написана с учетом законов «дифирамбичества». Лишь в конце «Рассуждения», таким образом, выясняется, что эта новая возвышенная, пиндарическая ода, о которой с опорой на Буало говорилось выше, близка известному в России по поэтике Феофана Прокоповича жанру дифирамба. Тем самым Третьяковский, по-видимому, невольно выстраивает известную трехчленную иерархию лирической поэзии или оды. Низшей одой, по Третьяковскому, является песнь, или стансы «средней материи, то есть не очень благородной (. . .) так и речами средними, то есть ни очень высокими, ни гораздо низкими» [24]. Эта средняя ода при введении дифирамба становится низшей, дифирамб — высшей, а средней можно считать «оду вообще». Новая теория оказывается вполне соотносимой со старой.

«Рассуждение» не вызвало заметного резонанса. Тип оды и одические свойства, декларировавшие Третьяковским, долгое время оставались чуждыми русскому читателю («охотнику российскому»), об этом можно судить по отсутствию подражаний оде «На здачу города Гданска». В 1730-е гг. заметное влияние оказывал, как известно, «Способ к сложению российских стихов».²⁸ В нем вместе с «правилами сложения стихов» были предложены два образца оды со ссылкой по поводу жанра на «Рассуждение». Оды «Способа» даны как примеры разных версификационных систем: новой — силлабо-тоники и старой — силлабики. Первая ода «В похвалу цвету розе» состоит из 8-стишных строк равными стихами (русский «пентаметр» — одиннадцатисложник шестистопного хорей). Кроме равностишной строфы, близкой классической, она не имеет ничего общего с «пиндарической» одой образца Буало. Вторая ода «В славу правды, побеждающая ложь и всегда торжествующая над нею» продолжает традицию русской буалоистской оды, положенную одой «На здачу города Гданска». Возможно, она создавалась в 1734 г., в период работы над «Рассуждением» и гданьской одой. В ней тот же девятисложный стих

²⁸ См. об этом: Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени М., Л., 1936 С. 55

(правда, строфа укороченная — шестистишная) и близкая гданьской оде экспрессия («Что за злость? и что за ярость?»). Примечательно, что ода эта была переведена Тредиаковским из Ф. Фенелона (на что он не указывал) и, таким образом, представляла собой на самом деле образец оды до так называемой «реформы оды» Буало. Но в русском контексте ода, созданная по образцу Буало («На здачу города Гданска»), и ода Фенелона оказывались настолько близки, что могли восприниматься как один тип оды.

В первые годы после «Способа» влияние оды «В похвалу цвету розе» возобладало. Сам Тредиаковский в 1736 г. переводит немецкую оду «Zu dem (...) Geburts-Feste (...) Anno Ioanpowпа...» («Торжественный день рождения...»),²⁹ написанную классической одической строфой, «экзаметром нашим», т. е. тринадцатисложником семистопного хорее. Правило «Рассуждения» — «ода никогда не пишется героическим стихом» [24] — забыто. Ученики Тредиаковского опирались на опыт оды «В похвалу цвету розе» и, возможно, на эту переводную оду. Причем оды, написанные «экзаметром», были более распространены. Это естественно. Усвоив новую силлабо-тоническую систему, поэты неизбежно усваивали и образец оды, написанный в этой системе; тонический же тринадцатисложник («экзаметр») стал основным ее стихом. Так, А. П. Сумароков свои ранние оды («...в первый день нового года 1740...») создает по образцу од Тредиаковского.³⁰ Первая, «Как теперь начать Анну поздравляти...», написана строфой оды «В похвалу цвету розе». В ней можно заметить стремление к некоторой экспрессии («энтузиасму»), но в целом до «краснаго беспорядка» оды Буало ей очень далеко. Вторая, «О Россия веселись, монархиню видя...», возможно, восходит к образцу переводной оды «Торжественный день рождения...». Во всяком случае, она написана «экзаметром» и от «дифирамбической» оды оказывается еще дальше. Ода «Радость столичнаго города...» (1742)³¹ также состоит из гекзаметров. «Экзаметром» написаны и приветственные стихи Елизавете на посещение ее Троицкой лавры — «Кую радость ныне наш Радонеж имеет...» (1744).³² Ода образца Буало, в своем русском варианте офор-

²⁹ Zu dem (...) Geburts-Feste (...) Anno Ioanpowна SPb, 1736. Русский перевод издан отдельно: Торжественный день Рождения (...) Анны Иоанновны (...) всеподданейше прославляет Академия наук. СПб, 1736.

³⁰ Они опубликованы П. Н. Берковым в изд. Сумароков А. П. Избр. произведения Л., 1957. С 49—51.

³¹ Один из списков ее приводит В. Н. Перетц — см. Перетц В. Н. Очерки по истории поэтического стиля в России: (Эпоха Петра Великого и начало XVIII ст.) // ЖМНП 1905 Ч 359, № 10 С 59 Другой хранится в РГБ и описан П. Н. Берковым — см.: Берков П. Н. Ломоносов и литературная поэтика его времени С 32—33

³² Описание краткими стихами иллюминации на всерадостное е и. в (...) имп Елизаветы Петровны (...) пришествие в Троицкую Сергиеву обитель СПб, 1744

мившаяся в силлабике, оставалась за пределами новой системы. Это не единственная, но, думается, одна из важных причин полной «глухоты» к «Рассуждению» успеху «Рассуждения» мешает «Способ».

Можно было бы думать, что программа Тредиаковского не удалась. «Рассуждение» с его центральной идеей «высокости» и русский образец «пиндарической» оды забыты и никакой роли не играют. Возможно, русская ода и в дальнейшем развивалась бы в традиции русских стихотворных панегириков, сохраняя «умеренный» стиль, если бы в 1739 г. Ломоносов не создал оду «На взятие Хотина», положив ею начало новой одической традиции. Его первая ода, перевод оды Ф. Фенелона, присланный из-за границы в Академию наук в 1738 г. («Горы, толь что дерзновенно...»), написана уже в тонической системе, правильным четырехстопным ямбом, и представляет собой (и по стилю, и по форме) образец французской оды, близкий тому, который Тредиаковский пытался внедрить в Россию «Рассуждением», гданьской одой и одой «В похвалу правды» и который считал «правильным» Теорию оды Ломоносов изучил по «*Versuch einer kritischen Dichtkunst*» Готтшеда, повторявшего в своей основе теорию оды Буало. Однако, по всей очевидности, первое знание об оде французского типа он получил из «Рассуждения». Своими первыми одами Ломоносов одновременно отменяет правила стихосложения «Способа» и невольно утверждает принципы «Рассуждения». С торжеством оды Ломоносова в России устанавливается буалоистский тип оды, тем самым русская ода по существу воплощает в себе идеал оды, впервые предложенный и описанный Тредиаковским. «Рассуждение» становится актуальным трактатом, на долгое время единственным источником знаний об оде. Последующие одические теории, появляющиеся в России, так или иначе с ним связаны. Русские заимствованы или навеяны им,³³ переводные относятся к той же буалоистской традиции. «Рассуждение» если и не выполнило своей задачи ввести в Россию новый жанр высокой оды — это было сделано Ломоносовым, манифестом русской оды все-таки стало, сопровождая ее на всем протяжении ее блистательного пути.

³³ О полном соответствии раздела об оде в «Правилах пиитических» Аполлоса Байбакова «Рассуждению» см. *Кадлубовский А П* «Правила пиитические» Аполлоса Байбакова // *ЖМНП* 1899 № 7 С 487—489 На «Рассуждение» Тредиаковского в начале своего «Рассуждения о лирической поэзии, или об оде» ссылается Г Р Державин — *Державин Г Р* *Рассуждение о лирической поэзии, или об оде* // *Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я Грота* СПб, 1872 Т 7 С 601

СУМАРОКОВ — ИСТОРИК

Сумароков не был профессиональным историком. Однако все его творчество несет на себе отпечаток постоянного обостренного интереса к истории. Сумароков обращался к ней и в трагедиях, и в одах, и в задуманной им, но неосуществленной эпопее «Димитриада» (1769), в похвальных прозаических панегириках и даже в притчах. Его публицистические эссе и критические статьи, многочисленные лексикологические заметки и наброски, его письма пестрят историческими экскурсами и размышлениями об опыте прошлых времен. В то же время в его обширном творческом наследии выделяется целый пласт сочинений, непосредственно связанных с изучением истории как таковым. Их около десятка.

«Краткая Московская летопись», очерк «О первоначалии и созидании Москвы», два сочинения, посвященных стрелецким бунтам: «Первый и главный стрелецкий бунт» и «Второй стрелецкий бунт» (работа над последним осталась незаконченной); «Сокращенная повесть о Стеньке Разине», статья «О происхождении российского народа»; задуманная, но не осуществленная «Краткая история Петра Великого» (найденный в рукописях фрагмент ограничивается «Приступлением...» к самой «Истории...»), эссе «Российский Вифлеем» и, наконец, коротенькая заметка «О происхождении слова Царь» — таков, по-видимому, неполный перечень трудов Сумарокова, касающихся его изучения истории. Написанные в разное время, они по-своему отражают еще одну грань творчества Сумарокова, непосредственно не связанную с его художественными замыслами и в то же время раскрывающую личность драматурга в новом для нас свете.

Тема данной статьи — исторические занятия Сумарокова, рассмотрение тех его сочинений, в которых он предстает не как художник, а как исследователь событий прошлого, как интерпретатор источников на уровне задач, относящихся к прерогативам исторической науки.

Последнее обстоятельство, возможно, может служить объяснением того факта, что эта часть наследия Сумарокова в сущности оказалась обойдена вниманием литературоведов. Существует лишь одно исследование, посвященное данной стороне его творчества, — небольшая статья М. А. Салминой «Древнерусские повести о начале Москвы в переработке А. П. Сумарокова»¹ Работа носит в основном источниковедческий характер и посвящена только одному сочинению Сумарокова, очерку «О первоначалии и созидании Москвы». Ниже

¹ ТОДРЛ Л, 1958 Т XV С 378—383

мы остановимся на ней подробнее. Больше исследований, посвященных попыткам Сумарокова взять на себя роль историографа, нет. Литературоведы, по-видимому, не решаются вступить в область знаний, находящуюся за пределами их компетенции. Историки, в свою очередь, отказываются всерьез воспринимать труды писателя, чье имя в исторической науке ничего им не говорит, поскольку в данном случае речь может идти только о дилетантских опытах.

Между тем обозначенный круг сочинений Сумарокова представляет несомненный интерес как для углубления наших представлений о нем как художнике, так и для понимания некоторых аспектов становления в XVIII в. отечественной историографии в целом.

Попытки выступать в роли историка обнаруживаются у Сумарокова с того момента, когда он, достигнув творческой зрелости, весьма активно подключается к участию в журналах и к другим просветительским начинаниям тех лет. Его устремленность к истории соответствовала общей атмосфере культурной жизни 1750—1760-х гг. О пробуждении исторической мысли в России в середине XVIII столетия свидетельствует прежде всего многолетняя работа В. Н. Татищева по изучению русских летописей, результатом которой явилось создание труда «История российская» (начала издаваться в 1768 г.).

После смерти Татищева наблюдается резкий всплеск историографической активности. В то время как в России над переводами исторических сочинений Ш. Роллена и Ж.-Б. Кревье в течение нескольких лет трудится неутомимый В. К. Тредяковский, во Франции по поручению российского правительства над историей России времени царствования Петра I работает Вольтер. Материалы для него готовятся в Петербургской академии наук. Начиная с середины 1760-х гг. в России выходят из печати один за другим переводы капитальных трудов европейских авторов по истории Древнего Рима, Польши, Дании, Англии. Тогда же издаются исторические труды умершего к этому времени Ломоносова: «Древняя Российская история» (СПб., 1766) и 2-е издание «Краткого российского летописца с родословием» (СПб., 1767; 1-е издание вышло в 1760 г.). Выходит «Опыт Казанской истории...» П. И. Рычкова (СПб., 1767); начинает выпускать тома задуманной им «Российской истории жизни всех древних от самого начала России государей...» Ф. А. Эмин (1-й том вышел в 1767 г., 3-й том — в 1769 г.; труд остался незавершенным).

В то же время в 1740—1760-х гг. в стенах Петербургской академии наук трудится целая плеяда историков-иностранцев, в основном немцев, целенаправленно и методично изучающих историю России. Труды Г.-Ф. Миллера, Ф. Г. Штрубе де Пирмона, Г. З. Байера, приехавшего несколько позднее А. Л. Шлецера обозначили целый этап в исследовании российского про-

шлого, выдвинув ряд проблем, ставших ключевыми в процессе становления молодой русской историографии (в частности, «варяжский вопрос», поднятый Байером; проблема роли Новгорода в становлении русской государственности, поставленная Миллером; вопрос о Несторе как зачинателе традиции русского летописания, легший в основу источниковедческой концепции Шлецера и др.). Огромную роль в пробуждении интереса к отечественному прошлому и в активизации исторических разысканий сыграли многочисленные публикации статей Миллера в академическом журнале «Ежемесячные сочинения». Начиная с 1755 г. он регулярно помещает там материалы, посвященные русской истории. Не без участия Миллера на исходе 1760-х гг. предпринимается целая серия публикаций памятников древнего периода истории Московской Руси, в частности «Судебника Ивана Грозного». Миллер издал его с примечаниями Татищева в 1768 г. в Москве. Одновременно в Петербурге издание «Судебника» осуществил С. Башилов под руководством Шлецера. И в эти же годы выходят первые тома «Русской летописи» по Никоновскому списку под эгидой Петербургской академии наук.

Миллер, по-видимому, сыграл свою роль и в пробуждении у Сумарокова интереса к исторической науке в чистом виде. По крайней мере первым свидетельством обращения драматурга к сугубо научным историческим разысканиям следует считать появившуюся на страницах ноябрьского номера «Ежемесячных сочинений» за 1757 год публикацию под названием «Надписи, означающие лета преставления Высочайших персон Фамилии Царской в Московском Архангельском соборе опочивающих. Сообщено господином Бригадиром Сумароковым».² Задача Сумарокова ограничивалась в данном случае чисто механическим копированием имевшихся на надгробных плитах надписей, содержавших сведения о сроках смерти членов великокняжеского и царского дома периода истории Московской Руси. Попутно Сумароков дополнил эти сведения перечислением всех имевшихся на столбах и стенах храма изображений великих князей с момента принятия Русью христианства.

То, что Сумароков, по-видимому, не без совета Миллера начал свои историографические опыты с подобных разысканий, весьма симптоматично. Проблема родословных взаимоотношений членов царствующей династии для исторической науки XVIII в. представлялась едва ли не самой животрепещущей. Еще в 1746 г. Миллеру пришлось апробировать сочинение П. Н. Крекшина «Родословие великих князей, царей и императоров», где доказывалось прямое происхождение династии Романовых от Рюриковичей. Отзыв Миллера был резко критическим. Для разрешения спора была создана комиссия,

² Ежемесячные сочинения 1757. Т VI С 387—404

куда наряду с Третьяковским был включен Ломоносов. Не случайно поэтому Миллер в первом же январском номере «Ежемесячных сочинений» за 1755 год помещает подготовленный им для печати фрагмент из «Истории Российской» Татищева под названием «Краткая роспись Великим князьям все-российским от Рюрика до нашествия татар с показанием родословия».³ В этом же русле следует рассматривать и «Краткой российской летописец с родословием» Ломоносова, опубликованный в 1760 г. Кстати, и сам Сумароков позднее предпримет попытку воссоздания родословного списка всех Московских великих князей и царей — от князя Даниила Александровича, стоявшего у истоков возвышения Москвы, и до царя Федора Алексеевича — в своем историческом сочинении «Краткая Московская летопись» (СПб., 1774), сопроводив перечень «Таблицей о супругах Московских государей».

Уже первая публикация Сумарокова, пока еще носившая подсобный источниковедческий характер, обнаруживает вполне определенное направление его историографических интересов. Подавляющее большинство материалов, касающихся исторических разысканий Сумарокова, посвящено тому хронологическому периоду отечественной истории, который связан со временем Московской Руси, и соответственно преимущественно обращено к событиям XVI—XVII вв. О причинах такого положения мы скажем ниже. Пока же отметим, что самые первые шаги Сумарокова на историографическом поприще проходят под воздействием традиции школы Миллера. Позднее, как мы увидим, положение несколько изменится и Сумароков логикой обстоятельств будет приведен к тому уровню осознания смысла изучения истории, которое сформировалось в отечественной историографии XVIII в., имевшей определенные отличия от сложившейся ранее европейской историографической традиции.

В свое время В. О. Ключевский в «Лекциях по русской историографии» тонко подметил качественную разницу в понимании задач исторической науки, какая существовала в XVIII в. между русскими историками и трудившимися в России историками-иностранцами. Труды отечественных ученых были отмечены осознанной идеологической направленностью, известным прагматизмом осмысления исторических фактов. Наоборот, иностранные академики сосредоточивали свое внимание на критике источников, на анализе сравнительной ценности их содержания.⁴ Такое положение было вполне естественно, поскольку для русских исследователей занятия собственной историей не только отвечали их духовным потребностям, но и служили созданию некоей целостной концеп-

³ Там же 1755 Т I С 1—16

⁴ Ключевский В О Сочинения В 9 т М, 1989 Т VII С 221—222

ции развития российской государственности Историческая наука в России XVIII в в лице того же Татищева, уже осознав необходимость критики источников, еще не выработала всеобъемлющих приемов палеографической выверки фактов Только на исходе столетия указанный разрыв устраняется в трудах И Н Болтина, в его известных «Критических примечаниях» на сочинение французского историка Н-Г Леклерка «История древней и новой России»

«История становится наукой с того момента, когда рационалистическая теория исторического процесса соединяется с историческим источником Такое соединение и составило заслугу В Н Татищева»⁵ Деятельность его на этом пути продолжил Ломоносов Отношение Сумарокова к исторической науке было, как мы увидим, любительским Решающим фактором в пробуждении его интереса к истории как науке было, вероятно, общение с Миллером Сумароков неоднократно прибегал к его помощи в деле расширения своих знаний в области истории Свидетельства этому мы обнаруживаем в письмах Сумарокова к Миллеру, особенно с момента назначения последнего директором Московского архива иностранных дел в 1765 г Во время своего приезда в Москву в 1767 г по делам наследства Сумароков просит историографа предоставить ему для ознакомления документы начала XVII в — «ряду» времен «смуты» В этот период он обдумывал замысел трагедии «Дмитрий Самозванец» Позднее, уже после переезда в Москву в 1769 г, Сумароков буквально засыпает Миллера просьбами о присылке ему «журналов» (разрядных книг дворцового приказа), проявляя особый интерес ко времени установления династии Романовых

Из этой переписки мы узнаем немало сведений, проливающих свет на исторические занятия Сумарокова Из записки Миллера, например, сообщающего о посылке Сумарокову польской Библии, с уверенностью можно судить о том, что тот владел польским языком, так подтверждается факт активного использования им польских исторических источников (в частности, «Синописа» Страницкого) при обращении к древнему периоду русской истории Переписка подтверждает научное сотрудничество Сумарокова с князем М М Щербатовым, также принимавшим участие в снабжении драматурга необходимыми ему сведениями в области изучения российских древностей Порой в письмах к Миллеру среди различных просьб Сумароков высказывает идеи, раскрывающие его собственные представления о задачах и методологических принципах исторической науки, о чем мы еще скажем ниже

⁵ Алпатов М А Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII—первая половина XIX в) М 1985 С 36

Таковы в самых общих чертах внешние факторы, способствовавшие обращению Сумарокова к чисто научным разысканиям в области истории.

Первое свое историческое сочинение Сумароков печатает в собственном журнале «Трудолюбивая пчела» (1759). Это была статья «О первоначалии и созидании Москвы». Как показала М. А. Салмина в вышеуказанной работе, очерк Сумарокова являлся контаминацией двух рукописных повестей: «хронологической» повести посещения Москвы князем Георгием, «проименованным Долгоруким», с последующей историей убийства Андрея Боголюбского и «сказки» о построении Москвы князем Даниилом Александровичем, основавшим одновременно город Алексин с заложением там церкви, что послужило началом Сарской и Крутицкой митрополии. Заключительную часть сумароковской повести составило сообщение сведений о постепенной застройке Москвы великими князьями, начиная с Ивана Грозного получившими титул царей. Источниками этой части повести, как замечает исследовательница, могли служить «выписки из материалов летописного характера (...)» Вполне возможно, что при написании „Истории” Сумароков использовал уже готовую подборку материалов, касающихся Москвы, может быть, в какой-то степени подобную той, которая известна по рукописи ГИМ (собр. Музея, № 1582) второй половины XIX в. В этой рукописи собраны различные материалы, относящиеся к Москве. Среди известий „о начале Москвы” в ней находятся и обе древнерусские повести — „хронографическая” и „сказка”, имеются в ней также и сведения о постройках в Москве».⁶

Как показала М. А. Салмина, в ходе написания очерка Сумароков весьма свободно обходился с фактами, сообщаемыми в источниках. Он вычленил нужные ему фрагменты, заполняя пропуски известиями, почерпнутыми из других источников, иногда просто изменяя сообщаемые в древнерусских текстах факты. Так, например, мстителем за убийство Андрея Боголюбского выступает в очерке не Михаил (как сообщается в «хронологической» повести), а другой брат владимирского князя, Всеволод. Немало отступлений от сведений, зафиксированных в летописях, отмечает М. А. Салмина и в тех сообщениях, которые дает Сумароков относительно времени и обстоятельств постройки в Москве церквей и зданий Кремля. Особо, конечно, стоит вопрос о языке произведения Сумарокова. Он, в сущности, просто пересказывает древнерусские источники литературным языком XVIII в.

В целом сочинение Сумарокова представляло собой связанное повествование, пронизанное единой концепцией, призванной отразить постепенный и неуклонный рост значения Москвы как центра российской государственности. В характере

⁶ ТОДРЛ. Т. XV С. 381.

рассказа проскальзывают элементы критического подхода к источникам. Но определяющим для его содержания остается все-таки публицистичность.

Не менее важным следует считать помещение в первом же номере журнала двух материалов, посвященных непосредственно проблемам изучения истории. Это прежде всего статья Н. Н. Мотониса «Рассуждение о двух главных добродетелях, которые писателю истории иметь необходимо должно, то есть об искренности и несусеверном богопочитании». Центральная идея статьи состояла в доказательстве необходимости для историка руководствоваться в своем труде правилами нравственности: «всякий благоразумный и добродетельный читатель никогда не простит сочинителю истории пороков, которые от злобного сердца и испорченного нрава свое начало имеют».⁷ Погрешности, проистекающие из незнания фактов в области географии, хронологии, баснословия (т. е. мифологии), политики, не столь страшны, как преднамеренное искажение истины, продиктованное злобой или личной корыстью пишущего исторические труды. Ни «сусевер», ни «безбожник», ни «суетный вольнодумец» не могут, по мнению Мотониса, быть объективными историками.

Особо останавливается автор на проблеме различий между задачами историка и поэта или ратора. «Весьма погрешает тот, кто не рассуждает, что иныя стихотворец и слова похвального писатель должен иметь правила, а иныя сочинителю истории наблюдать прилично (...) Никто не будет охуждать сочинителя слова похвального в том, что он Героя своего всеми добродетелями, всеми дарованиями украшает, не упоминая его погрешностей. Напротив того, ежели историк, подражая сочинителю слова похвального, подобное употребит ласкательство или, последуя стихотворцу, станет рассказывать превращения, не будет ли сочинение его баснею, без стоп и без рифм составленно».⁸

Весь тон статьи и отдельные ее положения заставляют предположить наличие в ней скрытого полемического подтекста, что вполне соответствовало натуре издателя журнала. Целый ряд материалов, помещенных в нем, имел полемическую направленность против Ломоносова, на что уже обратил в свое время внимание П. Н. Берков.⁹ Но следует заметить, что к моменту начала издания «Трудолюбивой пчелы» главные исторические труды Ломоносова еще не были опубликованы. Кроме того вряд ли нелестные наименования «безбожником», «сусевером» и «вольнодумцем» были к нему применимы. Но зато к этому времени достаточно отчетливо прояснились исто-

⁷ Трудолюбивая пчела СПб, 1759 Ч 1 С 35

⁸ Там же С 40—41

⁹ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века М., Л., 1952 С 121, 124

рические пристрастия другого противника Сумарокова, а именно Третьяковского. С конца 1740-х гг. тот работал над переводом трудов Ш. Роллена, посвященных древней и римской истории. Попутно Третьяковский помещает в «Ежемесячных сочинениях» статью «Об истине сражения у Горацийев с Куриациями, бывшего в первые Римские времена в Италии». Статья представляла собой вольное изложение предисловия из «Римской истории» двух историков-иезуитов, Кеструя и Рульема. Пересказывая его, Третьяковский вводил русского читателя в круг проблем европейской исторической критики античных источников. Центральной проблемой статьи была проблема достоверности сведений об исторических источниках, сообщаемых «пиитами». Излагая аргументацию иезуитских историков, отвергавших возможность недобросовестности римских поэтов, сохранивших известия о поединке между Горациями и Куриациями (подобными известиями и пользовался Тит Ливий при написании своей истории), Третьяковский ссылается на примеры из русской истории: «Кто, например, отважится у нас написать стихами, что хан Мамай не шел на Россию? Что князь Димитрий Иванович (прозванный Донским) не победил его? Что Сергей Радонежский не давал ему двух черноризных богатырей Пересвета и Ослеба? (...) Всем тогда и ныне ведомо сие не разгласно истинное бытие; и не токмо Россиянам, но и чужестранным соседним народам».¹⁰

В свете вынашиваемого Сумароковым замысла «Димитрияды» подобный пассаж не мог остаться незамеченным. И последовательно проводившаяся в статье Мотониса мысль о принципиальном различии задач поэта и историка в сущности опровергала положение статьи Третьяковского, не говоря уже о скрытых намеках на его личность в выражениях «суевер», «безбожник» и «суетный вольнодумец» (вспомним начало памфлетного стихотворения Ломоносова «Зубницкому», направленного против Третьяковского: «Безбожник и ханжа, подметных писем враль!»).

Вопросы изучения истории в их теоретическом освещении затрагивались и в статье «О пользе мифологии», автор которой Г. В. Козицкий также находился в дружеских отношениях с Сумароковым. Этой статьей, кстати, открывался первый номер «Трудолюбивой пчелы». Говоря о соотношении мифологии и истории, Козицкий высказывает ряд принципиальных соображений, помогающих лучше представлять тот уровень понимания места истории в системе знаний, который соответствовал представлениям о ней Сумарокова. «История представляет нам начала, укрепление и распространение государств, подает основательные правила и показывает в самом деле сбывшиеся примеры ко управлению целых народов, описывает прехвальные и вечной славы достойные дела мужей

¹⁰ Ежемесячные сочинения 1755 Т I С 211

знаменитых, определяет точное время, когда, каким образом и кем населены ужасные пустыни и непроходимые дубравы, когда пагубными неприятельскими войнами (...) разрушились царства. Сия толь нужная, полезная и приятная наука не может достигнуть к совершенству без Мифологии. (...) История, приближаясь к своим началам, теряется, наконец, в Мифологии. Где сыщем мы о древнейших народах известия; откуда узнаем их происхождение, правление и случившиеся в нем перемены; кто объявит нам имена, родословие, добрые и худые поступки их владельцев (...) Мифология нас из сего недоумения вывести, и в толикой тьме некоторой свет подать может».¹¹

Подобные взгляды на связь мифологии с историей были свойственны научному мышлению XVIII в. И сам Сумароков демонстрирует актуальность идей, выдвигаемых Козицким, помещая на страницах «Трудолюбивой пчелы» коротенькое эссе «Российский Вифлеем». Эссе посвящено основанию подмосковного города Коломна и вписывается в возникшую еще в XVI в. легенду о мифическом родстве правившей в Московской Руси великокняжеской династии с потомками римских кесарей. Эта версия содержалась в «Книге Степенной Царского родословия» митрополитов Киприана и Макария (в XVIII в. ее издал Г.-Ф. Миллер); версия перешла в труд историка петровского времени А. И. Манкиева «Ядро российской истории», где утверждалось, что Рюрик, Синаус и Трувор, имевшие владения свои «по берегу моря Балтийского», происходили от поколения Пруса, двоюродного брата кесаря Августа.¹²

Сумароков, используя попавший в его руки какой-то источник сходного рода, связывает миф с основанием села Коломенского. Рассказ о потомке знатнейшего римского рода Колонна, некоем бежавшем из Рима от своих неприятелей Карле Колонне, важен для него как еще один повод прославить Петра I, место рождения которого, село Коломенское, оказывается таким образом освящено славой древнего Рима. «Сей Карл на Москве реке построил замок и иарек его по имени своего рода Колонною. Замок сей есть нынешний город Коломна. Он ли или потомки ево построили село Коломенское, мне не известно, но то мне известно, что в сем селе родился Великий Петр...»¹³ И данный факт дает основание Сумарокову уподобить Коломенское Вифлеему, месту, связанному с рождением Христа Спасителя. Так мифология причудливо сочетается в сознании Сумарокова с историей, выполняя роль не столько источника научного знания, сколько средства утверждения определенной идеологической программы.

¹¹ Трудолюбивая пчела 1759 Ч 1 С 14—16

¹² Манкиев А. И. Ядро российской истории М., 1770 С 22

¹³ Трудолюбивая пчела 1759 Ч 1 С 241 Согласно версии, принятой современной исторической наукой, Петр I родился в московском Кремле

Собственных теоретических трудов, которые бы раскрывали его принципы изучения истории, Сумароков не оставил, но о его взглядах на эту проблему мы можем составить представление, во-первых, на основании его трудов в данной области и, во-вторых, по тем высказываниям, которые встречаются в его статьях, письмах и даже в некоторых стихотворных произведениях. Уже на основании знакомства с рассмотренным выше первым историческим сочинением Сумарокова можно сделать вывод о его весьма вольном обращении с источниками. Будучи сам писателем, он, по-видимому, памятники прошлого воспринимал так же, как произведения литературы. И свою задачу как историка он видит в приближении событий прошлого к современности, в пересказе источников литературным языком и даже в их корректировке. В записке к Миллеру от 12 апреля 1769 г., прося историографа прислать ему для ознакомления очередную партию рукописных разрядных книг, Сумароков с полной серьезностью замечает: «Говорят, будто эти журналы напечатаны или печатаются; верно ли это? (...) Мне кажется, что такие журналы должны быть совсем по-новому подготовлены, если им предстоит увидеть свет; ведь в рукописях много бесполезного, очень часты однообразные записи и утомительные повторения».¹⁴ Иными словами, Сумароков готов освобождать рукописи при их публикации от «утомительных повторений».

Сумароков, таким образом, остается сторонником живописания истории, отдавая предпочтение сочинениям писателей перед голый информацией газетных реляций, о чем можно судить из его письма к Екатерине II от 23 сентября 1770 г.: «Дела Великия Екатерины требуют чувствительного изъяснения».¹⁵ Как видим, с годами Сумароков отходит от той позиции, какую в вопросах поэтизации истории занимал Н. Мотонис. Впрочем, уже в период издания «Трудолюбивой пчелы» Сумароков высказывает необычайно меткие соображения, касающиеся методологических проблем историографии в статье, казалось бы непосредственно с изучением истории прямо не связанной: «О коренных словах русского языка». Сумароков ставит язык по его значению для исторической науки в один ряд с памятниками материальной культуры, и даже отдает ему преимущество.¹⁶

Следующий этап историографической активности Сумарокова приходится на конец 1760-х гг., когда он обращается к теме стрелецких бунтов и одновременно приступает к работе над трагедией «Димитрий Самозванец». По-видимому, изучение социальных потрясений конца XVII в. должно было вы-

¹⁴ Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 120 (Перевод с немецкого)

¹⁵ Там же. С. 143.

¹⁶ Трудолюбивая пчела СПб., 1759 С 92

литься в подготовку целой серии исследований на эту тему. В этом убеждает тот факт, что помимо опубликованного Сумароковым сочинения «Первый и главный стрелецкий бунт, бывший в Москве в 1682 году» (СПб., 1768) сохранилось начало его следующего труда — «Второй стрелецкий бунт». Рукопись осталась незавершенной и в таком виде была опубликована Н. И. Новиковым уже после смерти Сумарокова в его «Полном собрании всех сочинений...» (М., 1781. Ч. VI. С. 221—230).

Тема стрелецких бунтов находилась в поле зрения Сумарокова уже в 1750-е гг., о чем можно судить из содержания его «Оды на государя Императора Петра Великого», опубликованной в журнале «Ежемесячные сочинения» (1755. Т. I. С. 219—222). Значительное внимание этому событию уделил Ломоносов в Песни I своей незавершенной героической поэмы «Петр Великий» (1761). Кстати, уже он нашел необходимым подчеркнуть особые сложности, неизбежно возникавшие при обращении к данной теме, поскольку в событиях, связанных с выступлениями стрельцов, были замешаны многие знатные боярские и дворянские роды, чьи представители в этот критический период борьбы за власть и последовавшей за нею кровавой смуты подчас проявили себя не с лучшей стороны. Этот момент надо особенно иметь в виду, поскольку, как нам представляется, одной из причин, объясняющих обращение Сумарокова к теме стрелецких бунтов, было то, что в исторических известиях о событиях, предшествовавших мятежам, на каком-то этапе фигурировал представитель рода Сумароковых в контексте, явно уязвлявшем чувство семейной гордости, о чем еще ниже пойдет речь. Были и другие факторы, определившие актуальность для Сумарокова данной темы.

Выше я уже заметил о вспышке историографической активности, приходившейся в России на конец 1760-х гг. Летом 1767 г. литературный противник Сумарокова, романист Ф. А. Эмин, закончил перевод на русский язык известного в Европе труда Вольтера «История Российской империи при Петре Великом» («Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand», 1759) и представил его к изданию в типографию Петербургской академии наук. Причины, по которым перевод труда Вольтера, так долго ожидавшийся в России, так и не был в XVIII в. опубликован, остаются до конца не проясненными. Известно лишь, что уже в сентябре того же года Эмин пишет в Комиссию Академии наук доношение, где сообщает о начале работы над «Российской историей», первый том которой, посвященный древнейшему периоду отечественного прошлого, был к этому времени уже готов.

Сумарокову было, конечно же, известно о подготовленном Эминым переводе. Известно, по-видимому, ему было и то, что материалы для вольтеровского труда готовил в Петербургской академии наук Ломоносов. Кстати, в «Примечаниях» на руко-

пись «Истории...» Вольтера, посланных в 1757 г. во Францию, Ломоносов обратил особое внимание именно на главу, посвященную волнениям стрельцов: «Вся сия глава о стрелецких бунтах не полна и весьма недостаточна, — писал он Вольтеру в пункте 26 «Примечаний». — Много неисправностей. К сочинению ее можете перевести приказать мой экстракт о стрелецких бунтах».¹⁷ Экстракт Ломоносова, переведенный на французский язык, был использован Вольтером при переработке рукописи своего труда, и в освещении событий, связанных с выступлением стрельцов, он следовал ломоносовскому тексту, порой повторяя его почти дословно.

Но Вольтер использовал не только материалы Ломоносова. Одним из основных источников сведений о России времени царствования Петра I и предшествовавшего столетия была для Вольтера вышедшая в Стокгольме в 1730 г. на немецком языке книга Ф.-И. Страленберга, посвященная географическому и историческому описанию России, под названием «Das Nord-und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Sibirien (...) in einer Historisch—Geographisch Beschreibung der alten und neueren Zeiten...». Книга сразу обратила на себя внимание образованных людей в России, и Татищев уже в середине 1730-х гг. откликнулся на нее обширными «Примечаниями». К 1738 г. при его участии были переведены под заглавием «Гисторическое и географическое описание о древнем и новом состоянии полуночно-восточной части Европы и Азии паче же Империи Российской...» 1—12 главы книги. Подобно Ломоносову, а точнее задолго до него, Татищев обращает также особое внимание в «Примечаниях» на описание Страленбергом событий, связанных с возмущением стрельцов: «Описует бунт стрелецкой, яко не довольно тоя истории сведущий. Понеже оное здесь неместительно, того ради желаючий да читает обстоятельную о сем гисторию старца Селиверста Медведева и краткую графа Матфеева. И хотя они не одной, но противных стран были, и Матфеев более о себе вывести и красноречием оную украсить хотел, однако ж прилежному истинну видеть нетрудно, которому для изъяснения примечания сделать еше в памяти имущие люди сыскаться могут».¹⁸ Татищев фактически называет основные источники, из которых современники могли черпать сведения о данных событиях. Примечательна последняя реплика историка, отсылающая к еще живым свидетелям, сохранившим память о происшествиях тех лет. Остававшихся в рукописи «Примечаний» Сумароков, по-видимому, не читал. Но Татищев упоминает сочинения Медведева и Матвеева в «Предъизвещении» к своей «Истории Российской», первый том которой вышел из печати как раз в 1768 г.: «Сильвестр

¹⁷ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М., Л., 1952. Т. 6. С. 94.

¹⁸ Татищев В. М. История Российская. М., Л., 1968. Т. 7. С. 426.

Медведев монах Чудова монастыря и граф Матфеев описали стрелецкой рокош 1682-го, токмо в сказаниях по страстям весьма несогласны, и более противны, потому что графа Матфеева отец в оном стрельцами убит, а Медведев сам тому рокошу участником и тайным с Милославским предводителем был, за что после с Шегловитым кажен»¹⁹

К указанным Татищевым источникам, достаточно распространенным в XVIII в в рукописных списках, следует добавить известия, содержащиеся в публикациях, появившихся в европейской периодической печати, в частности донесение датского резидента Бутенанта фон Розенбуша «Relation der traurigen Tragedie in der Stadt Moscau», напечатанное в «Theatrum Europaeum» (Франкфурт-на-Майне, 1691 Т XII), которым пользовался Ломоносов, как уже отмечали комментаторы академического издания собрания его сочинений

Исходя из содержания сочинения Сумарокова, посвященного первому стрелецкому бунту, можно с уверенностью считать, что основным источником сведений об этом событии служила для него «Записка» Андрея Артамоновича Матвеева, сына растерзанного стрельцами в первый же день бунта боярина Вполне объяснимая пристрастность рассказа Матвеева, на которую указывает Татищев, по-видимому, мало смущала Сумарокова, ибо он подходит к освещению данного исторического эпизода не столько как историк, сколько как публицист. Это видно из сравнения его сочинения с содержанием упоминавшегося уже «экстракта» о стрелецких бунтах Ломоносова.

Несмотря на то что Ломоносов тоже активно использовал «Записки» А А Матвеева при составлении своего «экстракта», между его позицией в освещении событий и позицией Сумарокова наблюдается целый ряд принципиальных расхождений. Так, например, в объяснении причин восстания Сумароков, по существу, обходит молчанием постепенно накапливавшееся недовольство стрельцов, которым не платили жалованье и которых притесняли их полковники. Факт неправого наказания челобитчиков стрельцов, посланных с жалобой на своих начальников, Сумароков в отличие от Ломоносова (оправдавшегося в данном случае на сведения, сообщаемые Сильвестром Медведевым) вообще не упоминает. Основную причину мятежа он видит в соперничестве родов Милославских и Нарышкиных, обусловленном двумя супружествами царя Алексея Михайловича «Сие сугубое супружество было причиною стрелецких бунтов»²⁰ — прямо резюмирует Сумароков в

¹⁹ Там же М, Л, 1962 Т 1 С 85 В XVIII веке и «Записка» А А Матвеева под названием «Описание бунта бывшего в 1682 г» (в двух редакциях), и «Описание бунта Сильвестра Медведева» были опубликованы Ф О Туманским в его «Собрании разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя Императора Петра Великого» (СПб, 1787 Ч 1 С 109—229, Ч 6 С 8—54, 54—84)

²⁰ Сумароков А П Полн собр всех соч М, 1781 Ч VI С 184

главе I своего сочинения. Главным же лицом, заинтересованным в мятеже, он считает жаждавшую власти царевну Софью.

Сумароков явно следует Матвееву, когда постоянно уподобляет стрельцов диким зверям, а движущей пружиной стрелецкого бунта объявляет интриги Милославских, их потакание низменным страстям «черни» — склонности стрельцов к пьянству, разбою, анархии: «Имя Нарышкиных у черни, особливо у стрельцов, было приведено ухищрением боярина Ивана Михайловича Милославского в ненависть; ибо всякое в народе огорчение, налоги, насилия, драки по улицам (...) все то Нарышкиным приписывалось (...) Все то было им вымышляемо, что хитрости человеческой при подлой душе свойственно. А потому что он имел дело с чернью, так и политика на самой простоте основанная была употребляема. Иная проповедь людям просвещенным, иная черни».²¹ Сумароков не скрывает подчеркнуто сословного подхода к оценке описываемых им событий, и в этом его позиция исторического повествователя также резко отличается от ломоносовской.

Используя сведения относительно причин бунта, сообщаемые Медведевым, Ломоносов, однако, полностью самостоятелен в оценке движущих сил, определявших развитие событий; он в полной мере отдает себе отчет в особой заинтересованности в бунте царевны Софьи, опиравшейся в достижении своих честолюбивых целей на Милославских и Толстых. Но он стремится к максимальной полноте в раскрытии причин возмущения и предельной объективности в их оценках. Правда, при освещении всех перипетий стрелецких волнений он постоянно имеет в виду отстаивание одной, главной для него, идеи — утверждение изначального права Петра на занятие престола, и в описании некоторых обстоятельств, сопутствовавших началу и ходу бунта, сообщаемые им факты расходятся со свидетельствами других современников событий.

Сумароков, напротив, следуя в основном за рассказом Матвеева, вычленяет из его содержания те события, которые согласуются с его собственным, сложившимся а priori взглядом на них, подчас дополняя описание событий мельчайшими подробностями, отсутствовавшими в известиях как той, так и другой стороны. Так после сообщения о смерти царя Федора Алексеевича в «Записке» Матвеева следует описание приезда ко двору для защиты интересов законного наследника представителей знатнейших княжеских родов Голицыных и Долгоруких, причем все были «в панцирях, скрытых под платьем». Если Ломоносов опускает эти подробности, то Сумароков не только воспроизводит данный факт, но значительно расширяет список дворян, сохранивших верность сословному долгу. А излагая далее эпизод, когда при объявлении наследником Петра подстрекаемый партией Милославского и Софьи некий

²¹ Там же С 185—186

дворянин Сунбулов (в рассказе Матвеева он назван «Максим Исаев сын Суслов») прокричал о незаконности такого назначения, так как нарушено право старшинства, Сумароков дополняет сообщение рассказом о последовавшем раскаянии Сунбулова, пострижении его в монахи и случайной встрече его с уже императором Петром через много лет в церкви Чудова монастыря.

Передача исторических фактов у Сумарокова отличается необычайной эмоциональностью изложения, множеством авторских отступлений, обнаруживающих в рассказчике человека XVIII века. Так, например, рассказав о падении влияния Нарышкиных с восшествием на престол царя Федора Алексеевича, когда вдовствующая царица Наталья Кирилловна осталась без поддержки при дворе, в одиночестве, Сумароков дополняет рассказ комментарием: «Слово мода было тогда еще в России неизвестно, но действие онаго слова искони у нас было: все входило и выходило из моды; входили и выходили из моды и поклонны, тем же подобием, как и ныне. А когда в комнатах царицы Натальи Кирилловны прихожих было немного, так и Нарышкины без друзей остались».²²

Еще более отчетливо вторжение авторского голоса в историческое повествование проявляется в тех местах сочинения, где Сумароков описывает кровавые последствия буйства стрельцов. Так, рассказав со всеми подробностями эпизод расстреливания стрельцами начальника Стрелецкого приказа князя Михаила Юрьевича Долгорукого, Сумароков раздражается бурной тирадой, в которой его сословные пристрастия обнажаются с предельной ясностью: «Вот начало кровопролития и первое превосходящего зверство жестокосердия исполнение. Прервала чернь узы свои; нет Монаршей власти; скипетр и законы бессильны; властвуют и повелевают рабы; сыны отечества молчат и повинуются. *Се мнимое естественное право, что все человеки равны! Благородные люди никогда толпами к варварскому действию не приступают. Рабам принадлежит раблепная покорность; сынам отечества попечение о государстве; Монарху власть; Истинне предписание законов. Вот основание общенародного российского благосостояния*».²³

В своих комментариях к описываемым событиям (практически почти отсутствующих в экстракте Ломоносова) Сумароков использует любую мелочь, чтобы подчеркнуть лишний раз не только свое отношение к прошлому, но и неразрывную связь его с настоящим

Постоянные отсылки Сумарокова к современности несут на себе черты скрытой полемики с неназываемыми в тексте оппонентами. Poleмические выпады буквально пронизывают

²² Там же С 187

²³ Там же С 204—205 (курсив здесь и далее мой — Ю С)

все повествование, превращая историческое сочинение в публицистическое эссе. Наиболее рельефно эта особенность труда Сумарокова проявляется в развернутых комментариях, которыми он сопровождает характеристику правления царя Федора Алексеевича. С личностью этого царя отечественная историографическая традиция связывала представления об идеале мудрого, гуманного и справедливого правителя, и Сумароков полностью разделяет эту позицию. Но показательно, как похвалы Федору Алексеевичу перерастают у него в гневные инвективы против неназываемых по имени современных подражателей европейским модам и против хулителей отечественного прошлого. Царь Федор Алексеевич, подводит итог Сумароков, «был хранитель правосудия, любитель наук, покровитель бедных, решитель перепутанных тяжб (...) искоренитель местничества, вместо заслуг отечеству почитающих бесполезное роду человеческого свое родословие, облегчитель народных тягостей и уменьшитель дороговизны».²⁴ Завершая перечисление заслуг царя указанием на его любовь к красноречию, в украшение которого «цветами, из российского языка рожденными», он внес личный вклад, Сумароков внезапно резко меняет тон, обращаясь к нравам современников: «...ибо тогда язык наш еще не был нашпикован ни немецкими, ни французскими словами, а россияня во дни ево не старались ни в немцов, ни во французов претвориться, но исправиться, просветиться и быти достойными подлинниками, а не слабыми, смешенными и колеблемыми соображениями чужестранцам, собственными своими гнушаяся почтенными качествами».²⁵ И ниже Сумароков, не сдерживая уже своего темперамента публициста-сатирика, гневно клеймит неназываемых авторов исторических сочинений, и русских и иностранных, утверждавших об отсталости и варварском состоянии России до вступления на трон Петра I: «*Бредят люди, проповедывающие то, что мы до времен Петра Великого варвары, или паче скоты были; предки наши были не хуже нас: а сей последний Царь в нашей древности (царь Федор Алексеевич. — Ю. С.) был достойный брат Петру Великому. И не было другого россиянам превращения, как вопят новомодные невежи, наслышавсья от чужестранных, которым они сами о себе такую подлость натолковали, кроме сея, что сии сумасбродныя толкователи, превращенны стали, ибо они из человеков ненапудренных действительно в напудренную превратилися скотину*».²⁶ И далее Сумароков возвращается к прерванному рассказу о последствиях смерти царя Федора Алексеевича.

²⁴ Там же С 189

²⁵ Там же

²⁶ Там же С 190

В приведенном фрагменте кроется ключ к пониманию полемического задания всего сумароковского сочинения в целом. Кто эти «новомодные невежи», наслышавшиеся от чужестранцев басен и глупостей о России, ими же самими сочиненными и сообщенными? Кто эти «сумасбродные толкователи» о «превращении» (т. е. «метаморфозисе») России, чудесно изменившем облик варварской страны? Сумароков ополчается фактически против общепринятых формул, в которых оценивались итоги петровских преобразований и которые буквально наполняли публицистику и оды XVIII в., не исключая прежние сочинения и его самого.

Для ответа на поставленные вопросы необходимо обратить внимание еще на некоторые аспекты содержания сумароковского сочинения. Я имею в виду прежде всего неоднократные апелляции Сумарокова по ходу повествования к римской истории. Уже в самом начале очерка сообщение о смерти Федора Алексеевича сопровождается введением реалий древнеримской истории: «...по услышании ево кончины была Москва в таком горестном состоянии, как Рим по смерти Титовой. Рыдала Москва и вся потом Россия омывалась слезами».²⁷

Вновь римский мотив возникает в авторском комментарии, сопровождающем рассказ о принятии присяги на верность Петру, когда часть стрельцов не согласилась с избранием юного царя: «...так кажется мне, что самая лучшая присяга есть любовь к отечеству и честность; потому что она присяга никогда не нарушается: тако клялся Катон и многия римляня в верности своему отечеству».²⁸ Пока уподобление отдельных событий фактам римской истории не содержит чего-либо обнаруживающего пристрастия автора, хотя второе сравнение уже заключает скрытое противопоставление, поскольку комментарий следует за фактом отказа от присяги части стрельцов. Но вот после описания нарастания анархии в рядах стрельцов, создавшей предпосылки для прямого бунта, полемическая установка использования подобных уподоблений обнаруживает себя со всей очевидностью. Отметив рост пьянства и своеволия стрельцов, Сумароков восклицает: «Вот какова была наша чернь ко стыду нашему! Римская чернь никогда против Рима не бунтовала, а московская против Москвы вооружалась, чего дворяня никогда не делали».²⁹

Показательно, что именно это место вызвало резкое возражение со стороны Ф. Эмина, который в Предисловии к III тому своей «Российской истории...» уличил Сумарокова в недостаточном знании римской истории. «Не часто же сей автор читывал римскую историю. А кто ее читал, тот знает, что подобных сему бунту римлян было множество. Оных я

²⁷ Там же С. 191

²⁸ Там же С. 192

²⁹ Там же С. 197

имянно для того здесь не упоминаю, что надобно бы по малой мере оными наполнить целый том».³⁰

Критические возражения у Эмина вызвали и другие места сумароковского сочинения. Закончивший к этому времени третий том задуманного им обширного исторического труда, Эмин, по-видимому, считал себя вправе делать замечания своему противнику, демонстрируя его некомпетентность в области исторических изысканий. Несомненно, он чувствовал себя уязвленным перед лицом тех нападок на «чернь», постоянно противопоставляемую дворянству как единственному оплоту отечества, которые встречались чуть ли не на каждой странице труда Сумарокова. «Мне то больше всего удивительно, — замечает в заключение своего критического примечания Эмин, — что автор сего сочинения, стыдясь тогдашних бунтов, утверждает, что сего дворяне никогда не делали. Изрядное ж он и о российской истории имеет понятие. А разве Милославский, знатный тогда боярин, его помощники Толстые, Сумбулов, Озеров и прочие (...) что были начинщики стрелецкого заговора, не были дворяне?»³¹

Но следует помнить, что отсылки к римской истории составляют лишь часть общего полемического контекста, объектом которого выступали, по всей вероятности, именно историки и публицисты («сумасбродные толкователи» о «превращениях»), причем имевшие общение с иностранцами, которые писали о России времен Петра I. Под эту категорию потенциальных оппонентов Сумарокова в равной степени подпадают и Ломоносов, снабжавший Вольтера сведениями об истории России времен Петра I, подготовивший ему, как мы знаем, специальный экстракт о стрелецких бунтах, и Татищев, лично знавший Страленберга и в середине 1720-х годов побывавший в Швеции; во время пребывания там занимавшийся историческими разысканиями для своего будущего труда.³²

Именно в книге Страленберга в главе 6 «О государствовании императора Петра Великого», представлявшей особый интерес для Вольтера, содержались утверждения, что до времени правления Петра «Россия даже до сего веку почиталась за варварской, языческой и татаром подобной народ и что оной ни к чему не способен».³³ Подобная оценка частично перешла в сочинение Вольтера. Кстати, у Страленберга, по-видимому, не бывавший в России Вольтер заимствовал известие о водобоязни Петра в раннем детстве, на что также счел необходи-

³⁰ Эмин Ф. А. Российская история жизни всех древних от самого начала России государей. СПб., 1769 Т III С XVI

³¹ Там же С XVII—XVIII

³² О научных связях Татищева со шведскими историками подробно пишет А. И. Андреев в статье «Труды В. Н. Татищева по истории России» (*Татищев В. Н. История Российская* М., Л., 1962 Т I С 7—10)

³³ Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого М., Л., 1985 Ч 1 С 108

мым отреагировать Ломоносов дополнительными разъяснениями в «Примечаниях» на вольтеровскую рукопись.

Если учесть, что во «Вступлении» к опубликованной в 1766 г. «Древней российской истории» Ломоносов высказывает мысль о «некотором общем подобии в порядке деяний российских с римскими», сопровождая этот тезис развернутым сравнением стадиальности развития российской государственности с теми этапами, которые переживал Древний Рим, то язвительные экскурсы Сумарокова в древнеримскую историю по ходу рассказа о стрелецких бунтах находят свое объяснение. Впрочем, апелляции к историко-культурному наследию Древнего Рима, ссылки на Цицерона, Эпикура при обсуждении проблем российской истории неоднократно встречались в известном трактате Татищева «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ», написанном в 1733 г. и распространенном в списках. Там, настати, шла речь и о естественном праве как регуляторе человеческих отношений на внесловном уровне (Вопрос 98), на которое с яростью ополчается Сумароков, повествуя о бунте.

Для приближения к ответу на вопрос об объектах всех этих полемических выпадов Сумарокова существенно рассмотреть другое его сочинение, посвященное продолжению описанных в первом очерке событий и содержащее дополнительные детали относительно стимулов его обращения к данной теме. Я имею в виду оставшийся незавершенным очерк «Второй стрелецкий бунт». Как уже было отмечено, впервые он был напечатан в 1781 г. Н. И. Новиковым в томе X «Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе...» А. П. Сумарокова.

Сумароков подобно Ломоносову видит прямую связь между причинами первого и второго бунтов. Но, так же как и при описании первого бунта, он несколько отступает от порядка освещения событий, какой имел место у Ломоносова. Последний, опираясь на известия, сообщаемые Крекшиным и Матвеевым, связывает второй бунт с выступлениями раскольников во главе с попом-расстригой Никитой Пустосвятом и стоявшими за ними князьями Хованскими. Основную заслугу в подавлении этого бунта Ломоносов относит на счет решительности юного Петра, проявленной в самый критический момент.

Сумароков начинает рассказ с описания последствий первого бунта — установления на Красной площади стрельцами столбов с указанием на них вины убитых во время мятежа бояр, ссылки и пострижения в монахи Кирилло-Белозерского монастыря Кирилла Полуектовича Нарышкина, отца вдовствовавшей царицы, спасения десятилетнего Андрея Матвеева. Но, прежде чем перейти к основным событиям второго бунта, он излагает эпизод, отсутствовавший во всех названных выше источниках и на первый взгляд с бунтом прямо не связанный. Эпизод относился ко времени начала правления Федора Алексеевича и последовавшего вскоре удаления от двора Нарыш-

киных. Сумароков рассказывает историю своего двоюродного деда, комнатного стольника Ивана Богданова сына Сумарокова, прозванного «Орлом» за спасение на охоте царя Алексея Михайловича от медведя. Этот человек стал жертвой доноса «некоего Давыда лекаря царицына», обвинившего Орла в сговоре с Нарышкиными, намеревавшимися якобы убить только что вступившего на престол Федора Алексеевича. «Сия небылица, — замечает Сумароков, — вымышлена на прошедшее время и сказана в настоящее».³⁴ В целях восстановления истины он и включает этот эпизод в свой рассказ Царевна Софья сразу после смерти своего брата вспомнила о доносе и, чтобы расправиться с Нарышкиными, велела попытать Ивана Михайловича Сумарокова, требуя от него подтвердить его справедливость. За это она ему обещала 1000 дворов крестьян, боярство, Вятское наместничество и воеводство. Но тот не согласился подтвердить клевету и умер от пыток. Сумароков в своем рассказе даже указывает место, где был погребен его двоюродный дед: «...в Белом городе между Мясницкою и Покровкою у Николы Столпа, где прежде высокая коланча для усмотрения татарских набегов».³⁵

Ни Ломоносов, ни Матвеев, ни Медведев об этом эпизоде не упоминают. Но зато он содержался в записке Татищева о царствовании Федора Алексеевича среди подготовительных материалов и набросков к его «Истории Российской» под названием «Жизнь царя Федора Алексеевича, описанная г. Татищевым вкратце». Татищев не отрицает, что речь идет о доносе, подстроенном благодаря проискам Милославского. Но, согласно его рассказу, доносчик (имя его Татищевым не названо) «извещал, якобы Нарышкин Иван Кириллович знакомцу своему Самарокову (которому прозвание было Орел) говорил: „Ты де орел, да не промышлен, а есть ныне молодой орленок, надобно бы его подщипать“. И оной Самароков якобы сказал: „Если де его не избыть, то де вам пропадать“. И притом якобы оной Самароков обещался нечто против государя предпринять. По которому извету немедленно Нарышкины, Матфеев и Самароков взяты под караул. И хотя Самароков так жестоко пытан, что в застенке, ни в чем не винась, умер, однако ж Нарышкин и Матфеев по разным дальним местам всылки разосланы...»³⁶

Рукопись «записки» Татищева была в 1760-е гг. в распоряжении Миллера, сохранившись в составе его «портфелей» (РГАДА, № 53), и Сумароков при жизни Миллера вполне мог ее читать. В рассказе Татищева, как мы видим, отсутствует

³⁴ Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. Ч. VI. С. 226

³⁵ Там же. С. 227

³⁶ Татищев В. Н. История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 178. На наличие некоторых ошибок в сообщаемых Татищевым сведениях о связи ссылки Матвеева с доносом на Сумарокова указывал Е. Замысловский в своем исследовании «Царствование Федора Алексеевича» (СПб., 1871. Ч. 1. С. 05).

целый ряд очень существенных деталей об этом деле, а трактовке поведения двоюродного деда писателя в чем-то придает-ся двусмысленный характер. Татищев ничего не говорит о заслугах предка Сумарокова, изображая его просто «знакомцем Нарышкиных». Согласно его версии, доносчик сообщает о готовности Сумарокова «нечто противу государя предприть». Наконец, у Татищева ни словом не упоминается Софья, и соответственно мужество и бескорыстная верность предка Сумарокова законному государю также в рассказе предстают затушеванными.

Можно понять уязвленность чувств Сумарокова и его желание восстановить справедливость. В своем рассказе он, по всей вероятности, основывался на семейных преданиях, и главной его заботой было отстаивать честь рода. И это, по-видимому, явилось также одним из стимулов обращения его к историческим событиям конца XVIII века.

Таким образом, включение в повествование о бунтах стрельцов означенного эпизода опять-таки объясняется, на наш взгляд, полемическим заданием. Сумарокову прежде всего было важно отвести всякие подозрения о возможности участия какого-либо представителя его рода в злоумышленных заговорах против царствующих особ. Здесь находит свое объяснение резко выраженное противопоставление в его очерках интересов «сынов отечества», т. е. дворян, интересам «черни».

Несдержанный; импульсивный Сумароков в изложении событий, связанных со стрелецкими бунтами, по-видимому, видел свою главную задачу в том, чтобы изложить собственную версию происходившего. Кое в чем он вполне закономерно следовал источникам, которые невольно оказывались общими. Но в ряде моментов его взгляд на события расходился с оценками предшественников. И объектами полемики могли быть и труды Ломоносова, и труды Татищева, и сочинения иностранных историков, в частности Страленберга.

О том, что труд Страленберга в качестве объекта полемики мог находиться в поле зрения Сумарокова, свидетельствует, на наш взгляд, его небольшая заметка-эссе «О происхождении слова Царь». Первые же фразы заметки обнаруживают ее полемическую направленность: «Не сказали мы еще европейцам от чего слово Царь происходит; ибо и у нас немногие это знают. Думают европейцы, что это слово испорчено, вместо Цесарь выговаривается, и будто оно значит Короля».³⁷ Сумароков не называет имена думающих так «европейцев», но знакомство с книгой Страленберга помогает уловить источник подобного мнения Глава 7 труда Страленберга прямо называется «Разность в титуле царя и великого князя и о гербе российском», и в ней мы находим и уподобление этого титула званию «короля» и сближение данного слова с именем «цеса-

³⁷ Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. Ч. X. С. 158

ря». «Титул царя в славенском языке прежде значит, что в немецком языке кениг „король”, приемлется же в разуме (т. е. в смысле. — Ю. С.) императора, ибо в старинных духовных и светских книгах все короли царями именуются, как то в славенской Библии прежде 700 лет з греческого языка переведено задолго до того, как великие князья российской титул царской употребили».³⁸ По мысли Сумарокова, для европейских историков своим происхождением слово «царь» обязано испорченным произношением слова «цесарь», знаменовавшим того же короля. В чем-то объяснения Страленберга приближаются к подобному толкованию, когда он со ссылкой на употребление в славянской Библии слова цесарь приходит к заключению, «что Цесарь еже у немцев Kayser, у славян было имя собственное, к фамилиям точию (или вместо прозвания) употребляемое».³⁹ Именно с подобной позицией и полемизирует в своей заметке Сумароков, когда безапелляционно заявляет: «Сие слово (царь. — Ю. С.) не знаменует ни Цесаря, ни Короля, но Монарха. А происходит оно от слова отец, из которого сделано слово Отцарь»⁴⁰ Так несколько наивно, но зато в полном соответствии с представлениями Сумарокова о факторах, определяющих исторические предпосылки политических форм власти в России, устанавливается этимология слова «царь». Сумароков и здесь остается верен своей позиции подменять реальное осмысление исторических фактов заключением в них собственного представления об их сущности с точки зрения той сословно выдержанной идеологической доктрины, выразителем которой он неизменно выступал.

Мы уже заметили выше об особой актуальности для Сумарокова-историка московской темы. В переписке его 1760-х гг. эта тема звучит постоянно. Еще до переезда в Москву, куда он окончательно переселяется весной 1769 г., в начальных строках своего письма к графу Г. Г. Орлову от 25 января 1769 г. Сумароков признается, что ему дорога прежняя столица: «Намерен я по силе увольнения моего от должностей отселе переселиться в Москву, яко в отечество российского дворянства...»⁴¹ Он ссылается на материальные трудности своего житья в Петербурге. Кроме того, он видит в Москве своеобразный символ дворянской независимости; здесь ему живется «всегда здоровее». Об особом пристрастии ко всему, что касается Москвы и ее истории, свидетельствует и другое письмо Сумарокова, адресованное к Г.-Ф. Миллеру, от 21 марта 1771 г., в котором он извещал историографа о посылке ему своей новой трагедии «Димитрий Самозванец»: «Я приемлю смелость послати к вам новосочиненную мою траге-

³⁸ Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга Ч 1 С. 167

³⁹ Там же

⁴⁰ Сумароков А П Полн собр всех соч Ч X С 158

⁴¹ Письма русских писателей XVIII века Л, 1980 С 115

дию, а особенно ради того, что оная содержание взято из московской истории»⁴²

В свете подобных настроений становится понятным возврат Сумарокова в начале 1770-х гг к теме своей первой исторической статьи, посвященной созданию Москвы Теперь в переработанном и несколько сокращенном виде он публикует ее под названием «Краткая Московская летопись» (СПб, 1774), дополнив основной текст родословным списком всех московских князей и царей с XIV по конец XVII в и отдельной «Таблицей о супругах Московских государей» Кроме того, в конце исторического очерка, предваряющего родословные списки, Сумароков помещает любопытный фрагмент, представляющий собой опыт исследования топонимики Москвы Центральное место в нем занимают рассуждения, касающиеся этимологии названия прежней столицы Сумароков высказывает весьма оригинальную версию происхождения слова «Москва», связывая его с имевшимися в данном месте течения реки «мостками»: «а Москва река прежде называлась Смородиною, но протекая чрез дорогу Смоленскую, как и протчия московские воды, имела мостки, как и те реки, где ломались оси, колеса и дроги, ради чего при мостке чрез Неглинную поселилися и кузнецы, отчего и поныне мост через ту реку называется Кузнецким мостом От сих мостков главная река получила наименование а от реки и город»⁴³

На чем основываются подобные домыслы Сумарокова, сказать трудно Скорее всего, они принадлежат ему самому, как это уже имело место в его этимологических разысканиях по поводу слова «царь» Но несомненно, на наш взгляд, что инициатива Сумарокова, дополнившего прежний текст отмеченным фрагментом, имела, как всегда, полемическую направленность

В «Примечаниях» В Н Татищева ко второй книге его «Истории российской» (вышла в свет в 1773 г) вопросу о происхождении названия Москвы было уделено особое внимание Обозначив со ссылкой на рукопись Никоновского летописного свода и на Хронограф срок заложения Москвы 1151 годом, Татищев излагает далее ряд версий, касающихся этимологии ее названия, приводя в заключение и собственное мнение: «Иные же строение ея (Москвы — Ю С) хотя весьма старее сказуют, производя имя ея от Мосоха, чему неколико и Стрыковский, о имени руском пиша, согласует, но без доказательства Другие имя производят от бывшей деревни Мскотовы, которому видятя те причиною, что писали особно о убиении Кучковичами Андрея Боголюбского и о строении Москвы Данилом Александровичем, не справясь с историями, басню сложили Имя же Москва есть сарматское, значит крутящаяся

⁴² Там же С 145

⁴³ Сумароков А П Полн собр всех соч Ч VI С 166

или искривленная, мню, от того, что течением весьма излучины делает, да и внутри Москвы оных не скудно Страленберг имя сие производит от деревни, прежде бывшей, Москвы; но сие видится, вымышлено теми, кто сложил басню о убиении Андрея Боголюбского Кучковичами и о построении Москвы Данилом Александровичем, не справясь с историею, потому что при прадеде Даниилове, Всеволоде III, Москва уже была. Что же Стрыковский и другие от Мосоха внука Афетова, производят, о том достаточно выше в главе 30 показано». ⁴⁴

Как видим, в поле зрения Татищева находились источники самого различного происхождения, не исключая и иностранных историков. С точкой зрения польских хронистов (Стрыковского и Кромера) Татищев полемизировал еще ранее, в 1730-е годы, когда работа над главным трудом его жизни еще не начиналась. Вопрос о происхождении имени Москвы рассматривался им в «Примечаниях» на сочинение Страленберга, о которых выше уже шла речь, в свете предпринятого по его инициативе перевода этого труда на русский язык в 1736—1737 гг. ⁴⁵

Имевший возможность прочесть еще ранее труд Страленберга, знакомый с сочинениями польских историков, наконец, узнавший из только что вышедшего тома «Истории российской» самого Татищева его объяснение происхождения имени прежней столицы, близко принимавший к сердцу все, что касается Москвы, Сумароков также решил внести свой вклад в решение спорного вопроса. Таково, по-видимому, наиболее вероятное объяснение приведенного выше фрагмента, включенного в текст «Краткой Московской летописи».

Мы затронули далеко не все аспекты темы, обозначенной в названии статьи. Целый ряд вопросов, связанных с историческими разысканиями Сумарокова, продолжают оставаться открытыми. Но и тот предварительный обзор материалов, касающихся обозначенной сферы его интересов, какой был сделан в пределах настоящей статьи, позволяет сделать определенные выводы о значении деятельности Сумарокова как исследователя истории.

На всех исторических трудах Сумарокова лежит неизгладимая печать его личности. И в отборе исследуемого материала, и в характере обработки источников, и в манере изложения исторических фактов он остается человеком своего времени. Занятия историей были для него в сущности своеобразным продолжением творческой деятельности. И вопросы, ответы на которые он искал в истории, были подсказаны современностью. В этом Сумароков-историк разделял участь практически всех российских историков XVIII века.

⁴⁴ Татищев В Н История российская М, Л, 1963 Т 2 С 270—271

⁴⁵ Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого М, Л, 1986 Ч 2 С 245—247

ОБРАЗ ВОДЫ У ДЕРЖАВИНА И ОБРАЗ ПОЭТА

Река времен в своем стремлении

Предлагаемая статья служит продолжением наших предварительных заметок, касающихся «символа воды», намечающих возможные экскурсии по теме и рассматривающих раннее творчество Державина¹ В настоящем исследовании рассматриваются более зрелые произведения поэта, учитывается не только символическое, но и образное значение топоса воды² Исследование включает в себя публикацию рукописного сочинения Державина «Утренняя заря», связанного с темой статьи

Начнем с резюме опубликованных нами положений, опорных и в этой работе Прежде всего речь идет о том, что поэзию Державина плодотворнее осмыслять не как разрушение,³ а, напротив, завершение эстетических чаяний русских поэтов XVIII в⁴ О двух основных линиях в развитии русской оды XVIII в начал говорить уже Ю Н Тынянов и продолжил Г А Гуковский⁵ Как показали названные исследователи, в развитии жанра с конца 1740-х гг происходит определенный разрыв между ломоносовской и антиломоносовской (сумароковской) «установкой», и эти две линии создали ряд взаимоисключающих предпочтений, которые в свою очередь наложили на русскую оду целый комплекс *лишних* (а именно это редко подчеркивается исследователями) метрических, тропных, тематических и лингвистических запретов, не характерных для развития этого жанра в других странах Когда Державин пренебрегал (часто по своему неумению выдержать стилистически маркированный ряд) многими из этих запретов, он

¹ См *Levitsky A A La symbolique de l'eau chez Derjavine // Derjavine, un poete russe dans l'Europe des Lumières* Publie sous la direction d'Anita Davidenkoff Paris, 1994 (Bibliothèque Russe de L'Institut D'Études Slaves T XCVIII) Далее ссылки даются сокращенно Левицкий, 1994 — с указанием страницы

² Настоящая работа предваряет более тщательное исследование темы в монографии о Державине, готовящейся нами к публикации

³ До сих пор существует представление, что Державин разрушил эстетику XVIII в, создавая гибридные формы поэзии, совмещающие понятия, ранее в русской поэзии несовместимые например наличие сатиры в оде «Фелица» или элегического момента в «Водопаде» и т д

⁴ В очередном сборнике «Записок русской акад группы в США» под названием «Г Р Державин К 250-летию со дня рождения» (под ред Е Г Эткинда и С Ельницкой, 1995) публикуется наша статья «Оды „Бог“ у Херакскова и Державина», в которой это положение аргументировано более широко Далее ссылки на эту статью даются сокращенно Левицкий, 1995 — с указанием страницы

⁵ См Тынянов Ю Н Ода как ораторский жанр // Поэтика Л, 1927 Вып 3 С 102—128, Гуковский Г А Из истории русской оды XVIII века // Там же С 129—147

вовсе не разрушал оду, но возвращал ее к своим более свободным первоосновам, заданным еще в 1734 г В К Тредиаковским в «Рассуждении о оде»⁶ В этом теоретическом труде Тредиаковский говорит именно о «красном беспорядке» (а не порядке, к которому позднее стремились Ломоносов и Сумароков с антагонистических позиций) Заимствуя это понятие у Буало («beau desordre» в «L'Art poétique») и добавляя к нему принцип «энтузиазма», который он находит у Малерба, Тредиаковский, в сущности, дает этому жанру ту необходимую свободу, которая наконец проявилась в творчестве Державина К этим «свободным» нормам он прибавит вскоре весь широкий диапазон тематических возможностей оды, которая позволяла (пользуюсь здесь словами перевода трактата Буало, сделанного самим Тредиаковским) не только «возлетать славно до превыспренных небес», но и быть «в дружбе с богами, отверзать подвиги, воспевать победоносцев, вести на берега, покорять врага, цветы на венец в полях собирать смело, прославлять танцы, веселый пир и смех, и с уст поцелуя полученного успех»⁷ Легко убедиться, что слова Буало в переводе Тредиаковского о возможностях оды, в сущности, исчерпывают диапазон основных тем в поэзии Державина Он по сути своей поэт лирический, а в лирическом роде, видимо, признает, как и Тредиаковский, один главенствующий жанр — оду

Таким образом, можно согласиться с С С Аверинцевым, который писал о Державине: «К предыдущему периоду российской словесности он не выражал других чувств, кроме самых добрых Ниспровергать каноны не входило в его намерения».⁸ Среди этих «канонов» было почитание одического жанра, а Державин не только начинает свою печатную деятельность с од (в частности, Читалагайских),⁹ но и закан-

⁶ См *Trediakovskij V K Psalter 1753 / First Edition, prepared and commented by Alexander Levitsky Paderborn, Munchen, Wien, Zurich, 1989 P 536—540 (Biblia Slavica Serie III Bd 4b)* Далее ссылки даются сокращенно Тредиаковский, 1989 — с указанием страницы

⁷ *Тредиаковский В К Сочинения СПб., 1849 Т I С 43—44* Далее ссылки даются сокращенно Тредиаковский, 1849 — с указанием страницы

⁸ *Аверинцев С С Поэзия Державина // Державин Оды Л., 1985 С 19* Трудно, однако, согласиться с предыдущей фразой, как бы подвешенной исследователем к этому выводу, а именно что Державин «ни от чего не отталкивался, ни против чего не бунтовал» В своей наполненной бурными событиями жизни поэт от *многого отталкивался* и против *многого бунтовал*, а на литературном поприще он отказывался от «школярского», или узкого, понимания жанров поэзии, в которой, несмотря на свои намерения, как признает сам С С Аверинцев, все-таки совершил качественный переворот См также *Западов В А Державин-полемист // Русская литература 1992 № 2 С 68—75 — Ред*

⁹ Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае 1774 года СПб., 1776 Уточняя и поправляя комментарий Я К Грота, Н Ю Алексеева пишет о том, «что тип оды, над которым трудился Державин в Шафгаузене и который некогда ввел Руссо (т е французский Гораций — А Л), был своего рода переходным моментом к гораццианской оде» Державина и что «непосредственным учителем» последнего (в будущем русского Горация — А Л) был

чивает ее уже развернутой апологией оды в «Рассуждении о лирической поэзии или об оде»,¹⁰ осознавая возможности этого жанра, о которых в свое время писал Тредиаковский¹¹

Осмысление литературного наследия Державина в этом ключе необходимо для того, чтобы более основательно понять, почему автор, несмотря на свои «намерения», все же установившиеся «каноны ниспровергал» Для поэта существовали и другие художественные критерии, иногда находившиеся в конфликтных отношениях с чисто литературными предпочтениями, при таких условиях зачастую именно они, а не жанровые традиции, оказывали большее влияние на решение определенной литературной дилеммы Некоторые из таких внелитературных, но явно связанных со словом категорий предпочтений сами по себе видоизменялись в процессе развития этических, эстетических и философских воззрений Державина, другие оставались на уровне имманентных убеждений в психике поэта

Среди последних стоял и «образ водной стихии», как и вообще понятий, смежных с ее основными аспектами: «текучестью», «протекаемостью», «жидкостью», «туманностью», как и со всеми аморфно-текучим образом изменяющимися свою форму предметами: пивом, вином, слезами, туманами, облаками и т. д., интерес к которым прослеживается у Державина с самых ранних его стихотворений Для Державина характерно стремление осмыслять жизнь циклично, закругленно, сведением начал с концами,¹² как следует из его же собственных «Записок» Он утверждал, что первым им высказанным изречением в младенчестве при виде кометы (которая появилась

Фридрих, который «подготовил Державина к восприятию горацианства», сам «идя, возможно, по стопам знаменитого француза» (Ж.-Б. Руссо) См. *Алексеева Н. Ю.* Державинские оды 1775 года (К вопросу о реформе оды) // XVIII век СПб, 1993 Сб. 18 С. 92 Кроме этого важно учесть и ту богатую традицию переводов Горация, которая предшествовала Державину не только Тредиаковский (переведший, кстати, и оду Руссо «A la Fortune»), но и Кантемир, Ломоносов, Поповский, Сумароков и т. д. Таким образом, поворот русской оды к «чистой лирике» был сделан значительно раньше

¹⁰ См. *Западов В. А.* 1) Работа Г. Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии» // XVIII век Л., 1986 Сб. 15 С. 229—282, 2) Последняя часть «Рассуждения о лирической поэзии» Г. Р. Державина // Там же 1989 Сб. 16 С. 289—318

¹¹ Державин начинает свое «Рассуждение», в первой же сноске упоминая Тредиаковского, а не Ломоносова или Сумарокова. Знаменательно также, что в этом «Рассуждении» Державин, как и Тредиаковский, невольно ставит знак равенства между «лирической поэзией» и «одой». Для обоих, кроме той свободы, которую дает ода в топике, несомненно, важен принцип вдохновения, который Тредиаковский называл «энтузиазмом», а Державин «отливом разгоряченного духа отголоском растроганных чувств, упоением или изливанием восторженного сердца» (Сочинения Державина СПб, 1872 Т. 7 С. 517)

¹² См. об этом в публикации Левинский, 1994 С. 55—56 — и в конце настоящей статьи

на небе в начале 1744 г.) было слово «Бог»,¹³ как бы предвещающее создание его знаменитой в будущем оды. Не менее интересным в смысле цикличного осмысления автором своей жизни оказывается его воспоминание о том, что его еще до умения говорить «запекали в хлебе», ибо «в младенчестве был весьма мал, слаб и сух».¹⁴ Ощущение сухости, с малолетства, видимо, усугубленное запеканием его в хлебе (как следует из его слов, «по тогдашнему в том краю непросвещению»),¹⁵ он явно считал нежелательным и, как было показано, всячески от него отталкивался, находя именно в обратном от него состоянии — в сфере влаги вообще — ключи к выражению внутренних потребностей и мыслей. Начальные стихи первого из дошедших до нас произведений, надписи «На шествие императрицы в Казань» (1767) («Пристойно, Волга, ты свирепо протекала»)¹⁶ и последнее предсмертного произведения «Река времен в своем стремленьи» (1816) связаны с образом водной стихии.

Конечно, и это совпадение можно было бы назвать просто случайностью, не будь того обстоятельства, что и в первом печатном труде Державина, в «Оде на всерадостное бракосочетание их императорских высочеств» (т. е. Павла с Наталией Алексеевной) 1773 г., вместо авторской подписи указывается, что ода «сочинена потомком Аттилы, жителем реки Ра». В этом тексте, однако, не бессознательное отталкивание от «сухости», связанное с детством, а сознательное употребление водной тематики в создании первого (пусть пока еще завуалированного анонимностью, но поэтому и более маркированного) в печати образа автора, который со временем стал обогащаться пластами новых ассоциаций, но никогда не отделялся от своей первичной связи с речным или водным символическим значением. Поскольку этот текст редко привлекал внимание исследователей, считаем необходимым уточнить значение некоторых «темных» мест оды, непосредственно связанных с темой нашего исследования. Я. К. Грот комментировал загадочную подпись автора следующим образом: «Здесь в первый раз выразилась охота Державина скрываться под загадочными названиями, какие он после придумывал при выпуске в свет Читалагайских од и „Фелицы“. „Потомком Аттилы“ назвал он

¹³ Записки Г. Р. Державина / С литературными и историческими примеч. П. И. Бартенева М., 1860 С 6 В дальнейшем сокращенно: Записки — с указанием страницы О значении образа кометы и оды «Бог» в развитии сферического понимания мира Державиным я говорил в докладе «Сферическая функция в поэзии Державина» («Spheric function in Derzhavin's poetry») на конференции в Нью-Йорке 27 декабря 1992 г; некоторые положения этого доклада вошли в исследование Левницкий, 1995.

¹⁴ Записки. С 6.

¹⁵ Там же

¹⁶ Сочинения Державина / С объяснит примеч. Я Грота. 2-е акад изд. СПб., 1868—1878. Т 1—7 Т 3 С 185 В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы. Курсив в цитатах мой — А. Л

себя в том же смысле, как после „Татарским мурзою“; а „жителем реки Ра“ (Волги) — как казанский уроженец» (3, 204). Прав ли был академик в своем истолковании? Конечно, на определенном уровне дешифровки все казалось довольно просто, особенно при его глубоком знании архивного наследия поэта. Для Я. К. Грота была очевидна привязанность автора к теме Востока, с которым Державин связывал происхождение своего рода, а также к Волге: у ее берегов он родился и в детстве она давала ему свободу «между сел на парусах лететь», как он писал уже на шестом десятке в «Арфе» (2, 116).

Но Державин-поэт не довольствуется такого рода простой зашифровкой. Ведь у него не сказано, что ода «сочинена потомком Аттилы (и) жителем реки Ра», а именно «потомком Аттилы, (запятая) жителем реки Ра». С Аттилой связана не только тема Востока, но и факт его захоронения в реке. Причем, если верить преданию, которое явно было доступно Державину, реку временно преградили плотиной, вырыли могилу, куда захоронили не только Аттилу, но и множество его рабов, и потом, убрав плотину, дали реке снова течь в своем прежнем русле, *чтобы никто уже не тревожил ни «вечного покоя», ни «вечного пути» реки с Аттилой, или, вернее, Аттилы в реке.* С другой стороны, житель реки Ра — это не просто житель какой-то придуманной реки «Ра»,¹⁷ а именно реки Ра, реки египетского фараона, первым создавшего культ поклонения солнцу, который, как и Аттила после смерти, связан с рекой в народной мифологии, но теперь уже текущей не по земле, а в небе, с востока на запад, кормчим в которой — солнце — сам Ра (у греков Гелиос). Итак, замеченные совпадения начал самого раннего и самого позднего стихотворений Державина перестают быть случайными и выражают систему мифотворчества, создаваемую поэтом, в которой он не просто житель Волги, но также рек Аттилы и Ра; одновременно он также не только потомок вождя Аттилы, но и фараона Ра, и, следовательно, связан с востоком, восходом солнца и, как Аттила и как Ра, он причастен к последнему образу в своем творчестве, к «реке времен», так же как и Иисус Христос причастен и к образу солнца, и к новозаветскому представлению о нем, к «реке жизни»¹⁸ Только поэт, осмысляющий себя во всех этих ипостасях уже в 1773 г., сможет подойти через семь лет к знаменитому стиху «Я царь — я раб, я червь — я бог» (1, 132) и написать оду о Христе (3, 145—159). Отметим также, что его положительная оценка текучести начинается с первых стихов «Оды на бракосочетание...»:

¹⁷ Конечно, нужно учесть, что уже у Птолемея сама Волга обозначалась как река Ра, и в этом смысле, поэт, конечно, обыгрывает значение старого названия реки, у берегов которой он действительно родился, с необходимой ему мифотворческой функцией имени египетского фараона

¹⁸ См., например: Мифы народов мира М., 1988 Т 2 С 375

В полнощи светлый юг сияет,
Течет живее в сердце кровь,
И осень, как весна, вливает
Наталье с Павлом в грудь любовь (3, 197) ¹⁹

Эта любовь не отвлеченного характера, более приличествующего описанию отношений «императорских высочеств», а страстного в описании поэта. «Живому течению крови», образу, открывающему эту оду, сопутствуют далее «кристальные воды», что «бьют меж перл» (3, 201), и «на берегах» которых «между лавровыми древами» описан жар любви:

В тенях тут горлиц въздыханье,
В водах там лебедей всклицанье;
Супругов страстных всюду зрак (3, 197)

Итак, уже в первом печатном произведении Державина, оказывается, были заложены образы, связанные со сферой воды, к которым мы подойдем в этом исследовании тематически, разделяя сложное отношение поэта к этому элементу на ряд таких тем как: 1) автор и любовь; 2) автор и символика текучести, пены; 3) автор и вдохновенье, поэзия; 4) автор и смысл жизни; 5) автор и образ поэта, и т. д. Отметим также, что сам Державин вряд ли их сознательно разделял таким образом, так как они зачастую взаимосвязаны в его поэтико-философском восприятии мира. Мы не сможем уделить названным темам равное внимание и коснемся главным образом первой и пятой.

Неудивительно, что, поскольку Державин смог связать Павла I со стихией воды в оде на его бракосочетание, он вернулся к мотиву реки через пять лет, сам став «страстным супругом», хотя в его случае река послужила буквально преградой для любви, а не фоном идиллии. Я имею в виду стихи «Препятствие к свиданию с супругою» (1, 41—42), написанные непосредственно на берегу Камы, когда по ней шел лед, сделавший переезд невозможным. Задержанный на пути из своих оренбургских имений в Казань, где он оставил свою милую жену, молодожен засел в деревеньке Мурзихе и излил чувства сокрушения по этому поводу в стихах, которые можно считать частью своеобразного цикла к Пленере, первого в России цикла поэта, обращенного к жене, и начинающегося стихами к «Невесте» (1, 36—38). Слова с берегов Камы зачастую наполнены двойным смыслом. Например, строки «Укротися же стихия! Подстелися путь к стопам» можно трактовать и как намек на хождение Христа по такой же «стихии», и как наивное желание поэта повторить это чудо в момент непреодолимой страсти быть как можно скорее с молодой супругой, о которой он писал: «С нею вечен мой союз» (1, 41).

¹⁹ Строфа 1

Однако «союз» Державина с супругой не был «вечным», а длился всего лишь 16 лет, до ее преждевременной смерти. Между тем на берегу Камы упрочился и другой «союз» в его внутреннем мире, все более связывающий его поэтику со сферой воды и открывающий ему новые пути расширения ее смысла. В любовной лирике, обращенной к жене, это особенно заметно в стихотворении «Прогулка в Сарском селе», в котором прогулка с женой не только превращается в своеобразное «плавание», но и «красы природы» «стекаются» вокруг все еще «младой Пленеры» (см словосочетания «жемчужная струя», «кристалл шумел от весел», «сребром сверкают воды», «огненная река» и развернутые образы: «всюду длинна тень, / ложась в стеклянны воды, / в их зеркале берегов / изображала виды», и др.) При этом отметим, что Державиным не забыт образ «лебедей» в прохладе озера, который им был впервые использован в описании любовной идиллии Павла с Наталией в оде 1773 г. С другой стороны, образ «плывущих птиц» в «Прогулке» найдет у Державина через несколько лет своеобразное превращение в знаменитой «Ласточке», которая «в небе протряся плывет и играет в зеркале водном», а сама жена после смерти явится перед ним в следующем образе: «Я вижу. Ты в тумане / течешь ко мне рекой».²⁰ Этим стихотворением завершается цикл стихов Державина к Пленере.²¹

Обратим внимание еще на один цикл стихов, посвященный другой Екатерине, сыгравшей важную роль в его жизни, а именно Екатерине II.²² Он начинается как раз с *плавания* Екатерины по Волге в 1767 г., упомянутого выше. В *особом*, по крайней мере *очарованном*, если не *влюбленном*, отношении молодого Державина к Екатерине II можно не сомневаться.²³ Пути девятнадцатилетнего, рвущегося к продвижению по службе Державина и все еще молодой Екатерины, продвигающейся к власти на белом коне и в гвардейском мундире Преображенского полка (в котором тогда служил Державин) впервые совпали в 1762 г. Вновь они сошлись в 1767 г., когда Державин также направился в Казань, «где потом и в Орен-

²⁰ «Призывание и явление Пленеры» (1, 407)

²¹ Отметим, что и в стихотворении, написанном в день смерти первой жены, в «Песни на смерть Пленеры 1794 г июля 15 дня», выявлен следующий «водный» образ

Собравшись издали стеною,
Морские волны вокруг стоят,
Подняв главы свои седые
Зреть красоты твоей хотят (1, 403)

²² До «Фелицы» Державин посвятил не менее десяти отдельных стихотворений Екатерине II

²³ Об этом говорилось в моем докладе «Г. Р. Державин и императрица Екатерина II», прочитанном на конференции, посвященной 250-летию со дня рождения Г. Р. Державина, 5 июля 1993 г. во Всесоюзном музее А. С. Пушкина (Петербург)

бургской деревне оставшуюся часть лета и осень в семействе своем прожил».²⁴ То, что первые стихи, посвященные Екатерине, связаны именно с водным пространством, совсем не случайно. Речное пространство станет для Державина в будущем синонимичным с понятием успокоения, красоты, внедрения жизни в нормальное русло, целью жизни. Впоследствии он будет жить в домах, построенных обязательно у рек (Фонтанки и Волхова).

В 1767 г. овладение речным пространством доступно, однако, пока только идеалу в его воображении — Екатерине Великой. Обращаясь к Волге, по которой в его поэтическом представлении плывет на судах Екатерина, он уверен, что ей днесь «тещи пристойно с тишиною», ибо «Екатерина мир приносит всем собою». Описывая маскарад, устроенный к ее прибытию в Казань, Державин не забывает водной тематики в двестишии «И радость и восторг текут в сердца рекою / И горы и леса текут к Тебе толпою», но потом заменяет первый стих строкой, отражающей мифологическое восприятие водного пространства: «Воистину у нас Орфеев век тобою» (3, 183—184).²⁵ А в недошедших до нас стихах 1760-х гг. он связывает образ императрицы не только с рекой, но и с жемчугом: «первые написал ямбические экзаметры на проезд Государыни чрез реку того селения Мохость, в которой иногда находят прекрасный жемчуг».²⁶ Таким образом, уже в самых ранних стихах Державина намечаются те художественные находки, которые приведут не только к образу «кристальных вод, бьющих меж перл» в 1773 г., но и лет через двадцать к знаменитому образу в начале «Водопада»: «Жемчугу бездна и серебра / кипит внизу, бьет вверх буграми».

Ранние описания проездов императрицы по рекам имеют ассоциативный и топонимический характер. В зрелой поэзии Державина связь образов императрицы с текучестью усложнится. Уже в «Фелице» императрица совсем не случайно «орошается» реками слез самого поэта («Стремятся слез приятных реки / Из глубины души моей»), а в «Благодарности Фелице» с ней связывается текучесть всей природы («Там блещет брег в реке зеленый, / Там светят перлы по лугам; / Там степи, как моря, струятся, / Седым волнуясь ковылем (...) Когда поверх струистой влаги»). В «Видении Мурзы», которое начинается со слов «На темноглубом эфире / Златая плавала луна» (1, 106), ночной пейзаж не только утопает в образах взаимопротекаемости Невы и Бельта, но и появление Екатерины, представленной богиней, приносящей «сиянье небесно»,

²⁴ Записки С 37

²⁵ Орфей, по преданию, — сын фракийского царя Эагра, бога реки, при звуках его лиры море не шумело, а во время его плавания с аргонавтами сдвигающиеся быстро скалы симплегадов остановились навсегда, чтобы пропустить его корабль

²⁶ Записки С 35

что «ярчее молний *пролилось*» посреди спящего дома Державина, выражено путем струящегося образа «Одежда белая струилась / На ней серебряной волной» (1, 108)

Появление плывущего образа Екатерины, связано у поэта с таким же чувством вдохновения, с каким оно будет выражено через полстолетия у Пушкина в стихах «Я помню чудное мгновенье / Передо мной явилась ты»

и светлый облак скрыл
От глаз моих ненасыщенных
Божественны ея черты
Мой Бог! мой Ангел во плоти!
Душа моя за ней стремилась,
Но я за ней не мог идти
Подобно громом оглушенный,
Бесчувствен я, безгласен был
Но, током слезным орошенный,
Пришел в себя < > (1, 108—109) 27

Надо отметить, что в «Видении Мурзы» присутствует и другая Екатерина, «нежная его Пленира», упомянутая в 39-м стихе, о которой он в 1778 г также писал, что она «как ангел хороша» (1, 36) Возможно, ему было неловко выразить порыв полувлюбленного вдохновения, возникшего при виде «ангела во плоти» поэтому он связал Пленире только с ночным образом «домашних», спящих под воздействием палевого луча луны

Кропя забвения росой
Моих домашних усыпляя
Вокруг вся область почивала,
Петрополь с башнями дремал,
Нева из урны чуть мелькала,
Чуть Бельт в брегах своих сверкал (1, 107)

При появлении императрицы, которое представлено на таком же уровне парадокса появления «дня среди ночи», как в «Вечернем размышлении о Божием величестве при случае великого Северного сияния» у Ломоносова, золотая луна, связанная со сферой сна Пленеры, «побледнев», скрывается и дает Державину вволю отдаться струящемуся «видению» Фелицы, на которой «сиял при персях пояс злат»

Женская природа императрицы нередко выражена Державиным и в более конкретных образах, зачастую связанных со сферой влаги. Не забывая секунд, когда он еще, «будучи рядовым, иногда удостоивался счастья быть жалованным к руке», т е целовал руку Екатерины, молодой поэт в ней видел не только императрицу, но и несомненно идеал женщины, как следует из первой оды Екатерине, описание кото-

27 Примечательно, что хотя у Пушкина прямая цитата о «гении чистой красоты» заимствована из более отвлеченного стихотворения Жуковского о вдохновении («Я музу юную бывало »), Пушкин все же пишет, выражаясь словами Державина, об «ангеле во плоти», «божественными чертами» которой (у Пушкина «небесными чертами») также «ненасыщенны» были его глаза, как и у Державина

рой начинается с образа: «Она подобна той пернатой, / Что кровь свою из персей льет » Значительно позднее, уже переходя от исконной традиции, «к которой восходит этот образ», к живописной, он, обращаясь к Рафаэлю в «Изображении Фелицы», попросит его (кроме прочих начертаний) «осенить перлом» перси Екатерины. О том, что такая деталь связана у Державина с темой любви, говорит и непосредственная близость образа к стихам «премудрость и любовь устами / как розы дышат», а также предложение Державина Рафаэлю представить Фелицу то стройной, то наклоняющей свою вершину пальмой, повторяющее обращение Соломона к Суламифи в «Песни песней». Интересно отметить, что после того как Державин станет общаться с Екатериной лично в качестве статс-секретаря, все эти намеки на влюбленность исчезнут из его поэзии, как и вообще его желание о ней писать. Тем не менее, пожалуй, в самом откровенном стихотворении «Развалины», обращенном к императрице и написанном вскоре после ее смерти и аллегорически изображающем Царское Село в виде острова Киприды (острова — значит окруженного «водой»), под которым он подразумевал Екатерину II,²⁸ поэт заканчивает размышление о ее величии именно признанием все продолжающейся к ней любви.

Но здесь ее уж ныне нет
Померк красот волшебных свет,
Все тьмой покрылось, запустело,
Все в прах упало, помертвело
От ужаса вся стынет кровь,
Лишь плачет сирая Любовь

«Песнь песней» (как, например, ее начало «Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои лучше вина») привела автора, конечно, и к другим стихам, не связанным уже с Фелицей, но касающимся поцелуев и других проявлений любви, как в «Разных винах» и в др. Последнее (как и «Развалины») было им включено в состав его «Анакреонтических песен», в которых, обращаясь «к читателям», он упоминает первым из древних писателей как раз Соломона, а не Анакреона.²⁹ Несмотря на пристальное внимание современников Державина и ученых двадцатого века к этим песням, до сих пор, кажется, не выявлено, каким образом объединены зачастую и разнородные, писанные в разные годы, стихи этой книги в единый сборник.

Одним из таких стержней (кроме, конечно, чисто тематических предпочтений в духе Анакреона) и является топос

²⁸ См примечание Я К Грота (2, 63)

²⁹ Анакреонтические песни Петроград, 1804 (далее сокращенно АП), переизданы в серии «Литературные памятники» Державин Г. Р. Анакреонтические песни / Изд. подгот Г. П. Макогоненко, Г. Н. Ионин, Е. Н. Петрова, М., 1986 (далее сокращенно АП86 — с указанием страницы), упоминание о Соломоне см. в последнем издании (с. 8)

текучести, который присущ и застольным песням типа «Кружка», и описаниям женской красоты типа «К Софии», и стихам, посвященным рожденьям, свадьбам или просто прогулкам императорской семьи, и, наконец, медитативным стихам типа «Потопление», «Развалины» или «Философы пьяный и трезвый». Последнее стихотворение представляет собой интересное «расщепление» оксюморона «Кое трезвое мне пианство», с которого Тредиаковский, подражая Буало, начал свою «Оду (. . .) о сдаче Гданска» (теоретически обосновав ее как жанр в 1734 г.).³⁰ Интерес Державина к обновлению приема «совмещения несовместимого»³¹ проявился не только в этом стихотворении, но и в планировке целого сборника: его начало и конец построены на обыгрывании и другого оксюморона Буало, упомянутого последним в рассуждении об элегии, где он говорит о тех ненавистных ему стихотворцах, которые, описывая любовь, называют ее «огонь» всегда «хладным или льдяным» (*feux, toujours froide et glacée*)³² Как бы полемизируя с Буало, Державин начинает свой сборник с трансформации этого клише: обращаясь к «красавицам», он предстает в виде старика,³³ который хоть и «нравиться уж бессилён (. . .) дурен, стар и не умилен», но посвящает им «чувствы», которыми его наделил «любви всеильный бог», «влив» в его кровь «с жизнью самой» их «пламень», а в душу их «силу огня». Итак, в «Приношении красавицам» дан не «хладный пламень» любви, а «хлад старости» в совмещении с «пламенем любви» — оксюморонная связь, подчеркнутая в стихах: «Сыплют искры — снег и камень / Под стопами у меня».

³⁰ См. начальные стихи в «Оде торжественной о сдаче города Гданска», которые сам Тредиаковский счел нужным отметить словами «Оду, которую я сочинил (. . .) отдаю в рассуждение искусным, объявляя им, что я всячески старался пиндаризовать, то есть Пиндару во всем подражать, так что я в ней меч сердитым, а трезвым пианство назвал, и прочие многие, гораздо дерзновенные употребил фигуры, с великолепием невозможным мне слов, по примеру древних *Пиит Дифирамбических*, как то видно из всея *Оды*, а наипаче в четвертой надесять строфе из фигуры, называемая *Гипербола*, которая, хотя и чрезвычайна, и с правдою мало сходна, но *Дифирамбичесества*, чтоб вольно было так сказать, дерзостнаго законом позволенная» (см. Тредиаковский, 1989 С 539) Другими словами, Тредиаковский здесь говорит о поэтических вольностях ради выражения именно «вдохновения», как правильно отмечает Л. И. Тимофеев в «Примечаниях» в кн. *Тредиаковский В. К. Избранные сочинения* М., Л., 1963 С 486

³¹ Использую здесь выражение А. А. Морозова о литературе барокко — См. *Морозов А. А. Проблема барокко в русской литературе XVII—нач. XVIII века (Состояние вопроса и задачи изучения)* // *Русская литература 1962* № 3 С 3—8

³² Тредиаковский, например, перевел это место следующим образом «Мало быть Пиитом, должно самому любить / Ненавижу тех творцов, кои Музу нудят / Воспевать о сем огне, а себя не взбудят, / Правилем печалась при спокойствии своем, / Всю любовь замерзлу делают при сем» (См. Тредиаковский, 1849 С 43)

³³ К моменту выхода «Анакреонтических песен», он уже разменял седьмой десяток лет

К образу старика поэта удивительно удачно примыкает образ старика Борея в стихах «На рождение в Севере порфирородного отрока», непосредственно следующих в книге за «Приношением красавицам», но писанных за четверть века до него Державин решил поместить его именно здесь не столько потому, что «оно было написано хореем, как писались тогда анакреонтические стихи» (как отметил Г. П. Макогоненко),³⁴ а именно потому, что оно связано своим внутренним механизмом с заглавием, под которым оно было впервые опубликовано «Стихи на рождение в Севере порфирородного отрока декабря во 2-й надесять день, в который солнце начинает возврат свой от зимы на лето»³⁵ Построенное на описании потепления природы после рождения Александра Павловича, оно служит необходимым связующим звеном для перехода от «холода» старчества, упомянутого поэтом в первом стихотворении, к «согреванию», даже «опламенению», которое ему дает анакреонтическая тематика

Стихи «На рождение в Севере порфирородного отрока» одновременно важны и тем, что они единственные в сборнике представляют сферу воды в скованном виде Борей «Сыпал иней пушисты / И метели воздымал, / Налагая цепи льдысты, / Быстры воды оковал» Этот образ одного из первых русских зимних пейзажей нужен поэту как необходимое начало разъединения того оксюморона, против которого ратовал Буало³⁶ Ведь вода (выражающая, к примеру, «невинную красоту» Софии в стихах «Как чистая вода прозрачна, / Блистая розовой зарей»)³⁷ существует лишь между полюсами льда, в котором она скована, и огня, при воздействии которого она превращается в пар, как в стихотворении «Горючий Ключ»³⁸ Причем любовь, которая у Державина сопровождается почти всегда сферой водной топки, без ощущения текучести обречена на сгорание, как, например, в стихотворении «Анакреон у печки»³⁹ Таким образом, «возвращение весны», которое предрекается «рождением порфирородного отрока» и которому посвящены и это, и другое, отдельное, стихотворение в сборнике,⁴⁰ служит поэту необходимым временем года для начала его анакреонтического цикла

³⁴ См. АП86 С 274

³⁵ Санктпетербургский вестник 1779 Ч IV Декабрь С 410 Г. П. Макогоненко также обращает внимание на принципиальное значение этого заглавия, но для него принципиальность заключается в том, что это «не ода, а „стихи“!» «Такого жанра, — продолжает ученый, — поэтика классицизма не знала» (См. АП86 С 274)

³⁶ Желание передать суть ощущений, связанных именно с русской зимой было, конечно, одной из задач поэта при создании этого произведения, но это происходило в конце семидесятых годов В 1804 г. он преследовал и другие цели

³⁷ См. «К Софии» в АП86 С 37

³⁸ АП86 С 44

³⁹ АП86 С 39—40

⁴⁰ См. «Возвращение весны» в АП86 С 17—18

Державин обновляет лирику созданием образа «влюбленно-го старика», на котором держатся и единство, и самобытность его книги. В последнем четверостишии сборника поэт возвращает читателей к оксюмору о любви в морозе старости, т. е. к началу:

Посмейтесь, красоты российски,
Что я в мороз, у камелька,
Так с вами, как певец Тиисский,
Дерзнул себе искать венка ⁴¹

Образ старика в АП соотносится с водной стихией на разных уровнях, но не всегда непосредственно с образом самого автора. Например, к стихотворению «Явление Аполлона и Дафны на Невском берегу», которое наполнено элементами текучести и начинается со стихов: «По гранитному я брегу / Невскому гулять ходил, / Сладкую весенню негу, / Благовонный воздух пил», — в рукописи с рисунками, подготовленной для 3-го тома сочинений Державина, воссоздающего с дополнениями АП 1804 г., приложена концовка, изображающая облокотившегося на урну старика со следующим пояснением: «Река в виде Старца источает из урны воду, на которой написано: Нева 1801 года». ⁴² Кто же этот «старец», источающий воду? На эксплицитном уровне он как будто не должен иметь ничего общего с образом автора, который с первых же стихов утверждает, что сам «по гранитному брегу Невскому гулять ходил», а должен, видимо, представлять Хроноса, который после совмещения с образом старика Кроноса в поздней античной мифологии, изображался старцем, источающим воду. Для того чтобы основательно понять значение этого образа, надо вернуться к началу зрелого периода в творчестве Державина, т. е. к 1778—1779 гг., связанным с инцидентом при реке Каме. Этот эпизод послужил чем-то вроде водораздела в творчестве Державина и подвел его не только к соединению образа поэта с источником воды, а также к последующему развитию темы в его творчестве. Начиная со следующего года образы текучести, плавности, жидкости, протекаемости, слезности станут необходимыми атрибутами в его поэтике и войдут практически во все его стихи. ⁴³ В знаменитом произведении этого времени, в «Ключе», написанном в честь М. М. Хераскова, закончившего к этому времени «Россияду», Державин пропитывает практически каждую строфу

⁴¹ См «Венец бессмертия» в АП86 С 85

⁴² См факсимильное воспроизведение в АП86, между с 160—161 (Альбом-вкладыш С 42)

⁴³ В «Успокоенном неверии» мы, например, находим строфу, откликающуюся на тему «суеты сует», начатую еще М. М. Херасковым в «Сонете и Эпитафии» (см Ежемесячные сочинения 1755 Август. С. 166), но если у последнего персонаж-сирота рождается для того, чтобы быть «покрытым землею», то у Державина «Младенец лишь родится в свет () Низвержен в треволненно море, / Волной несется чрез волну, / Песчинка в вечну глубину» (1, 43).

рефлексией поэтики воды.⁴⁴ После описательной пространной части поэт начинает говорить о вдохновении, которое он надеется получить у ключа, у которого «вкушал воды» Херасков:

Творца бессмертной Россияды,
Священный Гребеневский ключ,
Поил водой ты стихотворства (1, 48)⁴⁵

Предпоследний стих с прилагательным «священный» связывает его со значением ключа Бандузии у Горация. Подобное осмысление образа ключа присутствует также в переводе С. С. Боброва 1787 г., поэта очень близкого Державину своей словесной фактурой:

О ты, Бландузский ключ кипящий,
В блистаньи спорящий с стеклом
Целебные струи точащий,
Достойный смешан быть с вином!
Завтра пестрыми цветами
Хочу кристалл твой увенчать,
Завтра в жертву пред струями
Хочу козла тебе заклать⁴⁶

Именно к такому, сакральному, толкованию Горация подводит эпитет «священный», употребленный Державиным. Это слово, низведенное практикой русского романтизма до уровня штампа, все еще сохраняло свой надлежащий смысл в 1779 г., когда Державин закончил «Ключ». Читатель, пораженный богатством и развитием пейзажной темы в оде, подходя к ее окончанию, начинал осознавать и ее философский подтекст. Ему становились понятны отказ Державина от упоминания о заклании козла, который, если продолжать перевод Боброва, должен «кровь свою червлену» растворить в студеной влаге ключа, и окраска вместо этого целого пейзажа при ключе в

⁴⁴ Он явно знаком со смыслом известной оды Горация «К ключу Бандузии» и старается выразить потаенный смысл реального ключа, находящегося в Гребеневе, подмосковном имении Хераскова, которое он не раз посещал. Но у Горация в 13-й оде 3-й книги только 4 строфы, состоящие из четверостиший, а у Державина целых 10, состоящих из пятистиший, и если в оде Горация нет перечисления ощущений, возникающих при виде его ключа, то для Державина это источник шумный и прозрачный, текущий, луга поющий, кропящий перлами, быстрый и утешающий слух, в его водах горят пламенные розы зари, ветерок струит дуброву, волнует жатву и т. д. Державин явно лобкуется зрелищем, возникающим при виде этого источника вечером, когда его «кристалл» загорается «лучем» и «туманов море разольется» ему уже не «шумят со льдами» волны реки Камы, а он «один, шумя, сверкает» (1, 47—48). О державинских пейзажах, отраженных в воде, см. *Пумпянский Л. В. Поэзия Ф. И. Тютчева // Урания Тютчевский альманах Л., 1928 С. 61—78*

⁴⁵ Последний стих со времен едкого замечания о нем кн. П. А. Вяземского невольно связан с каламбурным пониманием его смысла. Вяземский писал «Лучшая эпиграмма на Хераскова отпущена Державиным без умысла в оде Ключ — Вода стихотворства, говоря о поэзии Хераскова, выражение удивительно верное и забавное!» — См. Северные цветы на 1827 г. С. 157

⁴⁶ Поэты 1790—1810-х годов / Под ред. Ю. М. Лотмана и М. Г. Альтшуллера Л., 1971 С. 76 (Библиотека поэта, большая серия 2-е изд.)

«кровавый» оттенок именно поэтому у Державина «красная заря, пурпур огнисты и розы пламенны, горя, катятся с падением вод», именно поэтому «брег» ключа становится «багряным», а луч солнца, катящегося «с небес», загорается в «кристалле» его вод. Сама природа заменяет кровавую жертву у Горация на бескровную у Державина, но связанную все же с ее смыслом и цветом, как и вино заменило ее в причастии у христиан. Подобно им, поэт приходит к ручью «вкусить» воды, т. е. причаститься к крови поэзии, которой жаждет, «сгорая страстью». И если в оригинале Горация (в отличие от Боброва) непонятно, кто именно будет венчать цветами и смешивать с вином «целебные струи» ключа Бандузии, то в тексте Державина сам «Гребеневский ключ» «кропит перлами цветы», сам «являет лицо небес», а следовательно, и «поит водой стихотворства», как Христос «поит кровью-вином» христиан.

Надо также учесть, что само это «причастие» введено поэтом в довольно сложный семантический ряд. Вернемся к началу оды:

Седящ, увенчан осоко́ю,
В тени развесистых древес,
На урну облегшись рукою,
Являющий лицо небес
Прекрасный вижу я источник

В рукописи, преподнесенной автором Екатерине II, можно увидеть, что персонификация ключа исполнена А. Н. Олениным именно над этой строфой в виде того же старика Хроноса, на котором кончается «Явление Аполлона и Дафны на Невском берегу», упомянутое выше.⁴⁷ Но читатель, не посвященный в рукописное наследие автора, может понять значение первой строфы и так, что в ней Державин представляет образ самого себя, сидящего, облокотившись «на урну рукою»; во всяком случае, сложный синтаксис этой строфы неоднозначен и дает возможность для такого прочтения.

Эта полиморфность значения явно запланирована автором: он надеется, что, после того как, «сгорая стихотворства страстью», он сможет «вкусить воды» ключа, его мысль *сравнится* в песнях с «чистой струею» ключа, а лирный глас — с его стремлением. Другими словами, в представлении Державина он сам станет аналогом ключа «в виде Старца, источающего из урны воду». Если такое сравнение происходит пока только на имплицитном уровне, то в АП взаимосвязь образа старца и поэта более обнажена. Причем это не обязательно старец Хронос, «источающий из урны воду времени», это также, и даже чаще, старец, опьяненный влитым в него огнем любви, который ему приходится источать, как, например, в стихотворении «Горючий Ключ», (некоторого рода антипод

⁴⁷ В заставке — старец в венке из осоки, опирающийся на урну, из которой вытекает вода.

«Ключа») Здесь уже не только название, но и заставка говорит несколько о ином толковании действия вод: «Нимфа испуганная и отвращающаяся от [чудесного действия пылающих]⁴⁸ дымящих вод, окруженных кипарисным лесом, у которых под скалою сидит Ключ в образе Старца».⁴⁹ Но какой же Старец в заставке? У Державина в стихотворении нет старца, а упомянут «Кипридин сын», покоящийся «у вод перловых», а в оригинале Мариана схоластика, на котором основан текст поэта, как показывает Я. К. Грот, упомянут «изнуренный Эрот» (2, 82—83). Никаких нимф, испуганных действием ключа, нет в стихе Державина. Наоборот, после того как они «подивились факелу» Кипридина сына, они настолько зажглись этим чудом, что бросились вместе с ним купаться:

И вот! — кипит ключ пеной весь,
С купающихся Нимф стекают
Горящие струи поднесь

Тот же мотив еще более недвусмысленно выражен в «Водомете», присоединенном к АП позднее, в котором невозможно отделить образ водомета от эротических фантазий поэта:

Луч шумящий, водометный!
Свыше сыплюща роса!
Где в тени в день знойный, летний
Совершенная краса,
Раскидав по дерну члены
И сквозясь меж струй, ветвей,
Сном объята, в виде пены
Взгляд влекла души моей⁵⁰

Не о схожем ли образе водомета думал за 30 лет до этих стихов молодой Державин, когда он, посетив в 1771 г. Петергоф, в котором «вина живет блаженств, Екатерина» (3, 195),⁵¹ не упустил случая выразить своего восхищения:

Прохладная страна! места преузорочны!
Где с шумом в воздух бьют стремленья водоточны
(3, 195 «На Петергоф»)

Во всяком случае, воды именно «бьют меж перл», когда он описывает любовь Павла к Наталии через два года, или «водо-метно свыше сыпят росу», когда он выражает свою любовь к Наталии Алексеевне Колтовской, по предположению Я. К. Грота (2, 442—443 и 457—458)

Очевидно, словосочетание «поить водой стихотворства» в последнем стихе «Ключа» Державина является более сложным обыгрыванием смысла Горация, чем представлялось рань-

⁴⁸ См это прочтение «стихотворческого смысла» в «Альбоме-вкладыше» (с 80) в АП86, между с 160—161

⁴⁹ См АП86 С 421

⁵⁰ АП86 С 121

⁵¹ Так он завершает это стихотворение в более поздней редакции

ше с одной стороны, оно намекает на надежду автора приобщиться к «священному Гребеневскому ключу», как причащаются христиане вином; с другой стороны, оно связывает образ автора (бывшего «жителя реки Ра»), «сгорающего стихотворства страстью», с образом старца (вероятно, Хроноса) в «тени развесистых деревьев». Со временем образ трезвой старости совместится в сознании поэта с образами опьянения от «страсти» любви, так же восходящими к «трезвому пиянству» Третьяковского.⁵²

Однако в образы-олицетворения источников вод и рек у Державина внедряются наряду с динамикой любовных тем и ощущения неподвижности, статичности. У него не только практически все старцы ключей и рек связаны с урнами, гранитом и скалами, но и его знаменитый водопад представлен как недвижимая гора:

Алмазна сыплется гора
С высот четырьмя скалами,
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх буграми,
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит

Отметим, что в этой вводной строфе местоимения и имена существительные, связанные с незыблемостью, значительно превышают состояния текучести (т. е. такие понятия, как «алмазна гора, скалами, жемчугу бездна и сребра, буграми, холм стоит» преобладают над эквивалентами понятий воды «кипит внизу, бьет вверх» и «брызгов»). В восьмой строфе этот образ сопрягается с образом сидящего старца («Я вижу — некий муж седой / склонился на руку головой»). Статичность старца в облачении героя⁵³ подчеркнута тем, что автор использует целую строфу, для того чтобы связать наклон головы седого мужа в восьмой строфе с глаголом «сидит», с которого начинается десятая, мотивирующая появление этого образа:

Сидит и, взор вперя к водам,
В глубокой думе рассуждает
«Не жизнь ли человека нам
Сей водопад изображает?»

В последующих строфах, особенно в 12-й в стихе «Не слышим ли в бою часов / Глас смерти, двери скрип подземной», даны образы, близкие к тем, которые были впервые представлены поэтом в оде «На смерть князя Мещерского» (1779). Мы уже

⁵² Удивительно, насколько этот оксюморон о вдохновении, о котором радеет Державин в конце своего стихотворения «Ключ», выражает суть эстетики самого Державина, связанной с символической «текучести»

⁵³ Его мы также встречаем на заставке к «Ключу», воспроизведенной по рукописи в кн. Державин Г. Р. Стихотворения Л., 1957. Между с. 176 и 177

касались ее философского подтекста,⁵⁴ но обратим здесь внимание на роль «звука», также роднящую последнюю с «Водопадом» и подчеркнута выраженную в первых стихах оды:

Глагол времен! Металла звон!
Твой страшный глас меня смущает,
Зовет меня от жизни он,
Зовет — и к гробу приближает⁵⁵

В редакции 1783 г. Державин заменил третий стих стихом «Зовет меня, зовет твой стон», ставшим впоследствии нормативным при воспроизведении текста. Я. К. Грот это место комментирует следующим образом: «Здесь поэт обращается не к погребальному звону колокола, как некоторые думают, а к бою часов. Иначе выражения *глагол времен* и *твой стон приближает меня к гробу* не имели бы основания. Словом *стон* Державин не в одном этом месте означает звук хода часов» (I, 57—58). Далее Я. К. Грот приводит примеры из стихотворений «На выздоровление Мецената» и «Водопад», как бы подтверждающие ход его мысли, и заканчивает утверждением, что «эту мысль о значении боя часов заронило в душу Державина чтение Юнговых *Ночей*», представляя читателям старинный перевод надлежащего места, в котором, однако, упомянуты не только часы, но и «язык колокола». Так ли ощущал значение звука Державин? Отметим, что звукопись начальных стихов находится в непосредственной близости к самодовлеющему образу смерти, появляющемуся в шестом стихе первой строфы («Уже зубами Смерть скрежещет») и настолько грандиозному, что автору понадобится еще целых три строфы, чтобы его окончить опять-таки на звуковой реминисценции в четвертой строфе («Ея и громы не быстрее / Слетают к гордым вершинам»). Если судить по семантике стиха, начальный импульс слов «глагол времен» ближе к «удару судеб», заканчивающему оду, чем просто к механическому бою часов, который ему подчинен. Не менее важно, однако, что понятие «звука времени» также сопряжено с уже знакомым нам понятием о «текучести времени», связанного с топосом воды в последних стихах второй строфы:

⁵⁴ Как мы уже отметили, Державин, который в то время сильно увлекался Горацием не без содействия целого круга близких ему в это время друзей Львова, Капниста, Муравьева и т. д., начал увлекаться и другими поэтами этого времени. В связи с разработкой новых тем он быстро вырос сам и как поэт и как мыслитель. Как и на примере осмысления «Ключа Горация», в этом стихотворении Державин также дает новое толкование первоисточнику, который явно послужил отправным пунктом при создании этой блестящей оды, — поэме Э. Юнга «The Complaint, or Night Thoughts on Life, Death and Immortality», или, вернее, переводу А. М. Кутузова «Юнговы ноши», который стал доступен русскому читателю в 1778 г. Уже И. З. Серман показал, насколько Державин отходит от назиданий Юнга, особенно в последней строфе (см. *Серман И. З.* Гаврила Романович Державин. Л., 1967. С. 44).

⁵⁵ Привожу по Гроту (I, 54—56), но с учетом первоначальной редакции

Зияет Время славу стерть
Текут как в море речны воды,
Текут так в вечность дни и годы,
Глокает царства алчна Смерть (1, 54 и 56)

В данной строфе *время*, *море*, *вечность* и *смерть* находятся во взаимодополняющем отношении и между ними проведен (путем двоеточий и союзов *так* и *как*), в сущности, знак равенства. Мы могли бы, например, легко заменить в стихе «Зияет Время славу стерть» слово *время*, словами *море* или *вечность* и тем более *смерть*, если бы оно ритмически подходило, не меняя существенно его смысла. Но сам стих «Глокает царства алчна Смерть», находящийся в рифменном соотношении со стихом «Зияет Время славу стерть», находится с ним и в логическом равенстве (даже подчеркнутым выделением слов «Время» и «Смерть»). Следовательно, в сознании автора «глагол Времен» ближе к «гласу Смерти», чем к «бою часов», о чем и говорит энтимема «Не слышим ли в бою часов / Глас смерти, двери скрып подземной» из «Водопада», и стон не «хода часов», а «глагола времен» оказывается в основе оды «На смерть князя Мещерского».

Но «глагол времен», как нам намекает автор в пятой строфе, в одинаковой степени граничит и с берегом смерти, и с берегом жизни, которые отделены морским или водным пространством,⁵⁶ и поэтому в некотором смысле понятны читателю.⁵⁷ Адекватное изображение его звука, обращенного теперь уже к жизни, Державин находит опять не в создании человека, а в творении природы — в «Водопаде». Образной и философской природе этого произведения посвящено множество исследований, но тому факту, что он заканчивает свою первую строфу стихом «Далече рев в лесу гремит», уделено, как нам кажется, недостаточно внимания. А ведь вторую строфу Державин связывает с первой глаголом «шумит», и этот «шум» имплицитно сопровождает все образы, навеянные водопадом, до того места, когда с ним автор уже прощается и переводит свое внимание на «тихое», но еще более грандиозное по своему масштабу описание слияния рек Суны и Онеги. Свое прощание с водопадом автор дает в семидесятой строфе, в которой в последней строке подчеркнуты эти обращенные к жизни шум и красота водопада:

Шуми, шуми, о водопад!
Касаяся странам воздушным,
Увеселяй и слух и взгляд
Твоим стремленьем, светлым, звучным,
И в поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!

⁵⁶ И не только потому, что они берега, а также потому, что автор подготовил нас уже во второй строфе к такой расшифровке путем сравнения времени с водами рек в море

⁵⁷ Вопрос «где» находится дух Мещерского потому и абсурден, что он за границами не только жизни, но и времени, и смерти

Мысль о том, что только в звуке сохранится суть жизни поэта, повторена не раз в творчестве Державина, и особенно в его знаменитом произведении «Евгению. Жизнь Званская», в последних стихах. После того как он описал свой богатый ощущениями день на Званке, который к вечеру навел его на пророческие размышления о разрушении «сего дома» после его смерти, поэт, обращаясь к Евгению, который уже «слышал» стихи, несшиеся «через холмы, доли, нивы» от лиры Державина «шумящею рекой», просит его только об одном:

Шепнешь вслух страннику, вдали как тихий гром:
«Здесь Бога жил певец, — Фелицы»

В рукописях поэта существует и другое произведение, навеянное впечатлениями, связанными со Званкой. Оно также воспроизводит рождение вдохновения, которое возникает у него утром при виде пейзажа, окружающего Званку: при этом к образу старца на холме присоединяется представление о поэте как о «барде», восходящее к трудам Макферсона. В этом до сих пор не опубликованном произведении «Утренняя заря» он опять-таки симптоматически связывает себя с речной стихией.

«Утренняя заря сверкала уже из-за синих гор и возвещала румяною своею улыбкою прекрасный осенний день; как Волховской бард вышел из кленовой своей кущи на набережный холм; вознеслося против чела его солнце за прядями по голубой реке звезды. Стоящие по другой стороне дубы, наклонясь на зеркало струи, от легкаго веяния ветерков, как будто проснувшись, зыблились в них головами своими. Дальние рощи подобно островам выходили из среды волнующихся вокруг их туманов, которые становились отчасу реже и наконец совсем исчезли. Повсюдный блеск лучей наполнил обзор ока. Полосатые луга и нивы, ходящие по ним разношерстные стада; багряно-желтые и еще зеленоватые на деревьях, а паче розовые на осиннике листья, двойною пестротой своею на земле и на водах мелькающие, поражали взор и удивляли. Курящиеся серным дымом, по разным пологим горкам, разбросанные маленькие деревни, между которыми виделись безчисленные загороди недавно окошеннаго сена, а по гумнам сплоченные скирды хлеба, наиболее внимания его на себя обращали. Но в какой он пришел восторг, когда с высот на дальнем пространстве услышал: там рев, бляение, ржание, топот скота, крик толпящихся по загонам гусей, там зов охотничьего рога и лай псов, там гул, бегущий по водам от рыболовов, на тысячи челнах разъезжавших и колотивших в корм свой, рыб в сети загоняющих, а также играющее эхо от пастушеских их свирелей и пение нимф. Как обездушенный, как (нрзб.) в безмолвном радостном исступлении, стоял он долго недвижим. Но пришел в себя, возвратился в кушу, взял струницу и возгласил:

Могу ли, мой Творец и Бог,
 За все Твои благотворенья
 Излить души моей восторг
 Тебе в достойном песнопеньи
 Земля, вода и воздух
 Полны Твоих щедрот, чудес,
 Все полной блещет красотой
 На всем Твое благословенье
 Согрело все и все [к лести?] (нрзб)
 Своей преспело в наслажденье
 Коль красен и осенний вид,
 Где длань Твоя страну хранит»⁵⁸

Отметим, что в этой «идиллии» нет поисков вдохновения, типичных для романтизма, а наоборот, поэт ощущает его «прилив» от окружающей речное пространство Званки природы — проявления божественного начала, а не трансцендентного (как у Шлегеля), и поэтому этюд и заканчивается молитвой. Его мироощущение значительно ближе к поэтике сельской жизни Горация, чем к философии Руссо, и тот факт, что К. Ф. Рылеев, например, учился анакреонтике у Державина, совсем еще не доказательство того, что последний является преромантиком или даже романтиком. Наоборот, его вдохновение связано с водной стихией в той же степени, как и у Гомера с морем, но только Державин, следуя Горацию, уделяет источникам и ключам, из которых текут реки в море, значительно большее внимание. Мы не можем перечислить всех рек, которые упоминаются в творчестве Державина или с берегов которых он пишет. Отметим только, что в «Памятнике» он называет сразу шесть морей и рек («от Белых вод до Черных, Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал»); в то время как из собственных достижений он упоминает только два конкретных («Фелицу» и «Бога»)⁵⁹. Кстати, в «Памятнике» Горация названы только реки Авфид (Aufidus) и Давн (Daupus), что лишней раз убеждает нас в *особом* отношении Державина к водной стихии и в том, что упоминания об Инде и Евфрате в оде «жителя реки Ра», как и «восклицания озер и рек»,⁶⁰ в ней не случайны.

Но если поэт касается в своей поэзии всех переливов и ассоциаций, связанных с природой воды, текучести, взаимопроливания отдельных сфер бытия, будь то туманы из только что цитированного отрывка или «облака, молнии и радуги» из известной триады стихов более позднего периода; если он откликается на оду Д. И. Хвостова «Реке Кубре» стихотворением «Волхов Кубре» (1804) и видит в «воде» ключ к выражению состояния вдохновения (которое он видел и в гребнев-

⁵⁸ ОР РНБ, ф 247, Державин, № 1, л 133—135

⁵⁹ Обе эти знаменитые оды в свою очередь также связаны с символикой воды

⁶⁰ См. «На бракосочетание () Павла () с Наталией Алексеевной», строфа 14 (3, 200)

ском «Ключе», и в реке Волхове), то суть поэтического действия он находит не только в «образах» водного пространства, но и в «звучах», их сопровождающих. Наряду с уже упомянутыми «глаголами времен» и «шумами водопадов» отметим, что в описании утра на Званке, опубликованном выше, именно звуки, несущиеся над рекой («там рев, бляение, ржание, топот скота, крик толпящихся по загонам гусей, там зов охотничьего рога и лай псов, там гул, бегущий по водам от рыболовов, на тысячи челнах разъезжающих и колотивших в корм свой, рыб в сети загоняющих, а также играющее эхо от пастушеских их свирелей и пение нимф»), привели его от «безмолвного радостного иступления» к «излиянию души его восторга» в стихах, следующих за прозаическим текстом.

Итак, суммируем элементы, выражающие суть творческого начала в образе поэта. С одной стороны, они связаны с рекой и всеми льющимися образами, выраженными уже в самых ранних стихах Державина.⁶¹ Они также важны в любовной лирике поэта и при создании образов женщин. С другой стороны, с источниками этих рек связан образ старца, непременно неподвижного, ведущего, по-видимому, свое начало от изображений Хроноса, из урны которого льется Время. Этот образ Державин постепенно связывает с образом самого себя, застывающего в холоде, который ему приносит старость. Все эти мотивы, наконец, совмещены в последнем его стихотворении «Река времен»:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы

Несмотря на общее почитание этого стихотворения среди любителей державинской поэзии, недостаточно внимания было уделено толкованию профессора М. Халле в статье «О незамеченном акростихе Державина»,⁶² да и самому акростиху. Дело в том, что в этом стихотворении действительно вплотную сошлись все зачастую подсознательные, но чаще сознательные, выражения державинских мотивов, названных выше. Здесь «река времен в своем стремленьи» не только возвращает нас к темам ранних стихотворений Державина 1767 г., но

⁶¹ В эту систему образов входит также «человеческая слеза», о которой мы не говорили в данной статье, так как она является самодовлеющим образом в сферической концепции мира и философии Державина (См об этом в статьях Левицкий, 1994 и Левицкий, 1995)

⁶² International Journal of Slavic Linguistics and Poetics S-Gravenhage, 1959 I/II P 232—236

является символом вечности. Причем первый лексический импульс, «река времен», евфонически повторяет изречение «глагол времен», с которого Державин начал свою первую оду, посвященную теме смерти.

Несмотря на безнадежный тон, переданный по горизонтали, т. е. по течению стиха, линейно, до конца в котором даже «звуки лиры» поэта «пожрут» вечностью, читателю вдруг предлагается новое осмысление — по вертикали, независимое от привычного чтения. В акростихе «РУИНА ЧТИ» Державин создает себе как бы новый памятник, который не только «металлов тверже и выше пирамид», но прочнее самой Вечности не только природой скрытого от нее значения, но и эвфонически, так как оба прочтения ведут свое начало от буквы «Р», с которой начинаются слова «река» по горизонтали и «руина» по вертикали и которую он считал особо твердой⁶³ Осмысляя себя в качестве руины, автор создает себе своеобразное надгробие, которое будет стоять несмотря на вечность в человеческом понимании времени, и не случайно «река времен», аналог вечности, дословно *вытекает* в стихах из образа «руины», последнего авторского представления о себе, как дряхлейшем из стариков, которое сопровождало более ранние его изображения ключей, рек и водопадов. Конечно, при скептическом подходе к такому осмыслению поэзии можно возразить, что такое слияние смыслов является случайным совпадением, тем более что Державин акростихов ранее не писал. Однако, как было показано выше, стремление соединить образ поэта и с рекой (житель реки Ра), и с образом Хроноса, из которого вытекает время, и, наконец, с образом застывшего в оледенении старика (нагляднее всего выраженного в АП), такое «совпадение» становится не только закономерным, но и единственно возможным решением в образной системе автора. Но если раньше воды времени истекали из урн, то в этом стихотворении, олицетворяя себя самого в руине, Державин одновременно сам становится источником «реки времен». Будучи ее «ключом», он «уходит» общей судьбы вечности и воздвигает себе грандиознейший последний памятник — надгробие над звуками своей лиры, которое прочнее самого жерла вечности. Такого памятника не воздвиг и сам Гораций. В нем не только слышен «рев» алмазной горы, из «Водопада», но и «рев времен», исходящий из вечно осыпающейся, но и

⁶³ Буква «Р» осмыслялась автором настолько твердым звуком, что он в предисловии АП «К читателям» гордился тем, что она совсем не была употреблена в десяти из предлагаемых им в сборнике песен «Между прочим, для любопытных, в доказательство его (отечественного слова — А Л) избытка мягкости послужат песни под номерами () в которых буквы „р“ совсем не употреблено» (см АП86 С 8) Таким образом, строя себе памятник, который не только «тверже металлов» но и самой вечности, он, наверное, гордился бы находкой слова «РУИНА», утверждающей для него даже в звуковом плане свою прочность

вечно возвышающейся, как водопад над рекой жизни, руины, которую невозможно не «читать».

Одновременно эта руина «уходит» той «общей судьбы», которую создает в поэзии невнимательное прочтение стихов. Повторим здесь замечание Державина о роли акростиха, которое М. Халле привел в своей статье. В акростициях, говорит Державин, «заглавные каждого стиха буквы содержат в себе имя, в честь коего стихи писаны»; они также могут содержать в себе, добавляет он, «какое-нибудь значительное слово, коего поэт открыто для всех сказать не хотел».⁶⁴

Отметим, что, хотя Державин не внес в заглавные буквы своего имени, он внес свой целостный образ, к созданию которого в последние годы стремился, которого достиг, но, благодаря тому что его весь пафос раскрывается только в посмертном значении, он не только этого «значительного слова открыто для всех сказать не хотел», но и не мог, не достигнув «брега смерти».

Раскрытие значения акростиха также ставит под сомнение то распространенное об этом восьмистишии мнение, что это произведение не закончено. Такое мнение связано с первым изданием «Реки времен», в котором кроме прочего было издателями сказано следующее: «За три дня до кончины своей, глядя на висевшую в кабинете его известную историческую карту: *Река времен*, начал он стихотворение *На тленность* и успел написать первый куплет. Сии строки написаны им были не на бумаге, а еще на *аспидной* доске (как он всегда писал начерно), и уже после его смерти положены на бумагу одним родственником» (3, 178—179).

С «толкованием» первых издателей последних стихов Державина трудно согласиться. Во-первых, тот факт, что у Державина в кабинете была историческая карта под названием «Река времени» (Я. К. Грот воспроизводит ее полное название: «или Эмблематическое изображение всемирной истории»), совсем еще не означает, что он хотел воссоздать в стихах карту. Поскольку к стихам было присоединено заглавие «На тленность», то именно тленность и была темой сочинения, а не «эмблематическое изображение всемирной истории». Во-вторых, то, что стихи им были написаны на грифельной доске, вовсе не говорит о том, что они являются черновиком или не окончены. Наоборот, именно грифельная доска служит тем ограниченным пространством, на котором можно сначала написать акростих, а потом, не меняя расположения заглавных букв или еще каких-нибудь других элементов заданного себе плана, менять стихи так, чтобы они наконец вошли в заданную себе задачу. (Я. К. Грот совершенно правильно отмечает, что Державин вряд ли часто употреблял *аспидную доску*. Во всяком случае, о такой практике его

⁶⁴ Халле М О незамеченном акростихе Державина С 235

работы нигде нет документальных сведений, но зато после него остался огромный архив зачастую по многу раз переписанных и исправленных вариантов стихотворений. Это, конечно, говорит о том, что он не настолько уж ценил бумагу, чтобы писать на ней только законченные варианты, и что именно бумага была его основным материалом, на котором он «писывал начерно») В-третьих, сам выбор заглавия — «На тленность» — намекает на то, что Державин хотел обыграть тему «суеты сует» из книги Екклезиаста (которая была особенно популярна в Херасковском кружке начала 1760-х годов). Основным стихом, касающимся темы реки, с которой начинается его последнее стихотворение, является 7-й стих в первой главе Екклезиаста, гласящий следующее «Все реки текут в море, но море не переполняется; к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь»

Отметим, наконец, что в четырех из пяти книг прижизненных «Сочинений» Державина, которые издавались под его контролем, последним всегда помещалось стихотворение на тему «бессмертия»: свою первую часть он заканчивает «Памятником», вторую — «Лебедем», третью — «Венцом бессмертия» (четвертая не в счет, так как не содержит лирики), а пятую — своим предпоследним в жизни стихотворением «Полигимнии», которое еще успело попасть в прижизненное издание под № LVII и завершается стихом «Буду я, буду бессмертен!». Поэтому трудно себе представить, чтобы эта тема не вошла и в самое последнее стихотворение Державина. Таким образом, я предлагаю расширенное чтение смысла акrostиха со следующими знаками препинания: по горизонтали, следуя смыслу Екклезиаста (гл 1, стих 7), в замысел акrostиха входят первая и последняя строки стихотворения: «Река времен в своем стремленьи и общей не уйдет судьбы!», по вертикали: «РУИНА ЧТИ!»

Итак, мнимо «случайная» находка М Халле оказывается совсем не случайной. Его внимательное чтение помогло нам подвести итоги и доказать, что слова «Река времен в своем стремленьи» являются ключевым образом в понимании смысловой архитектоники творчества Державина

«ПРАВОСУДИЕ» И «МИЛОСТЬ» В ПОЭЗИИ Державина

Тема «правосудия» — одна из центральных в творчестве Державина. И это вполне понятно, так как именно названная тема особенно тесно связывала, объединяла творчество поэта и его государственную деятельность. В стихотворении «Осень» (предположительно датированном 1804 г.), Державин писал:

Я дни мнил Астреи, мир и покой
Ввеств в распрей вертеп; и с чистой душой
Благ всем желал.¹

В «Объяснениях» к своим сочинениям поэт так прокомментировал эти строки: «Автор говорит про себя, что, будучи генерал-прокурором, хотел ввести правосудие, желая общих благ» (3, 696).

Постоянно размышляя о сущности правосудия, Державин неоднократно обращался к тексту Псалтири. Здесь он находил созвучные ему идеи, получавшие затем в его стихах новую интерпретацию. Характерный пример — знаменитое переложение 81-го псалма «Властителям и судиям» (1780), которое обычно интерпретируется, и не без основания, как обличение «земных богов», т. е. царей.² Между тем стихотворение имеет и более широкий смысл, отражая нравственные искания Державина, продолжавшиеся на протяжении всей его жизни.

Сопоставление текста стихотворения, точнее разных его редакций и вариантов, с текстом Библии обнаруживает существенные расхождения, что отчасти было уже отмечено исследователями. Обратим внимание на заключительные строки 81-го псалма: «Воскресни, Боже, суди земли, яко ты наследши во всех языцех».

Другие русские поэты XVIII века, обращавшиеся к этому же псалму, стремились более или менее точно передать библейский текст. Так, в переложении В. И. Майкова, осуществленном не позднее 1773 г., соответствующие строки звучали так:

Боже, сие внемли,
Сколь неправды в нас велики
Воскресни, суди земли
И наследуй меж языки!³

¹ Сочинения Г. Р. Державина, с объяснительными примечаниями Я. Грота СПб, 1865 Т. 2. С. 556 В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы

² См. *Lehmann U. G. R. Derzavins Paraphrase des 81. Psalms «Властителям и судиям» Zum 150. Todestag des Dichters // Zeitschrift für Slawistik 1960 Bd XI H. 4. S. 550—553*

³ Сочинения и переводы В. И. Майкова СПб, 1867 С. 8

Державин уже в первоначальной редакции стихотворения акцентировал мотив борьбы со «злыми»

Итак, коль истины не стало,
И правды в свете нет нигде,
Исторгни, Творец, неправды жало,
Приди и царствуй сам везде (1, 110)

В окончательной редакции строфа была переработана коренным образом. Вместо достаточно абстрактного призыва «исторгнуть неправды жало» появились замечательные страстные строки

Воскресни, Боже! Боже правых!
И их молению внемли
Приди, суди, карай лукавых
И будь един царем земли! (1, 113)

С удивительной силой здесь зазвучала тема возмездия: вышший судья должен не только защищать слабых и невинных, но и наказывать, карать обидчиков (в соответствующем библейском тексте о каре не говорилось). В то же время Державин, воспитанный на христианской этике, последовательно развивает систему образов, связанных с представлением о Страшном суде. Люди делятся на «правых» — «праведников» и «лукавых» — «грешников»; первым суждена Божеская милость и благодать, вторым — адские муки.

К этой теме поэт продолжает обращаться на протяжении всего последующего творчества. Характерно, в частности, стихотворение «Правосудие» (подражание Архилоху, переведенное с немецкого в 1796 или 1797 г.).

Нет! знай, что Правосудья око,
Хоть бодрствует меж звезд высоко,
Но от небес и в бездны зрит
Тех милует, а тех казнит
И здесь, в сей жизни скоротечной,
И там, и там, по смерти, в вечной

Нет, стой! Есть Бог, есть Вседержитель,
Живых и мертвых есть судья
Есть наших тайных дел ценитель

Он счастье, славу дням твоим
И продолжение дарует
Страшись, когда вознегодует! (2, 116—117)

Но еще в стихах 1780-х годов, обращенных к «земным богам», вершившим судьбы людей, Державин чаще всего подчеркивал их незлобие, снисходительность, стремление воспитать подданных собственным благородным примером. В знаменитой «Фелице» (1783) императрица предстает как «ангел кроткий, ангел мирный», который «проступки снисхождением правит», «шутам, трусам, неблагодарным / И праведным свой свет дарит» (1, 146). Славя Г. А. Потемкина под именем Ре-

шемысла («Решемыслу», 1783), Державин опять-таки подчеркивает его добродушие:

Он в сердце злобы не имел
И даже мухи не обидит (1, 174)

Развивая тему царской или боярской милости, Державин следовал традиции русской одической поэзии: как и Ломоносов, поэт в комплиментарной форме предлагал государям свою программу, поучал, давал советы. Несколько позднее к этой же традиции обратится и Карамзин, который в стихотворении «К Милости» (1792) смело выступит в защиту подвергнутых в это время репрессиям своих друзей — Новикова и членов его кружка. Это стихотворение явилось выражением политической и общественной философии эпохи.⁴

Для Державина, однако, понятие «милость» не стало синонимом слова «всепрощение». Мысль о воздаянии и за добро, и за зло постоянно занимала его. Об этом свидетельствует, в частности, обращение поэта к тексту 100-го псалма «Милость и суд воспою тебе, Господи...» — стихотворение «Праведный судия» (1789):

Я милость воспою и суд
И возглашу хвалу я Богу,
Законы, поученье, труд,
Премудрость, добродетель строго
И непорочность возлюблю

Моей трапезой угошу
Правдивых, честных, благодетельных,
К благим и добрым буду добр

И где со мною ни сойдутся
Лжецы, мздоимцы, гордецы,
Отсюду мною изженутся
В дальнейшие земны концы,
Иль казнь повергнет их во гроб (1, 265—267)

Соответствующий псалом завершается такими словами: «Во утрия избивах вся грешныя земли. Еже потребити от града Господня вся делающая беззакония». У Державина грешники не только подвергаются суровому наказанию, но осуждаются на казнь, лишаются жизни («казнь повергнет их во гроб»).

Стимулом для дальнейших размышлений Державина о «милости» и «правосудии» оказался весьма интересный эпизод, связанный с историей текста оды «На взятие Измаила» (1790 или 1791). Стихотворение неоднократно перерабатывалось, свои поправки вносили в него Н. А. Львов, В. В. Капнист, И. И. Дмитриев. Многие из предложенного ими Державин не

⁴ См. Cross A. G. N. M. Karamzin. A Study of His Literary Career (1783—1803) London and Amsterdam, 1971 P. 61

принял; тем интереснее и значительнее те случаи, когда он согласился с правкой В строке «и милостью сердца пленить» Львов заменил слово «милостью» словом «правотой», сопроводив это весьма любопытным рассуждением: «Ломоносов показал дорогу везде просить милости. Я не считаю это ни благородным подвигом, ни красным словом, да и в моральном смысле не представляется мне милость иначе как простить преступление, и если милость без заслуги, то она, поверь мне, что наказание невиновному, угнетение общее, если же милость кто по заслуге получал, то она уже не милость, и слово сие уменьшало бы достоинство действия, тогда бы была она только справедливость и для того я написал правота» (1, 359).⁵ Очевидно, рассуждение Львова показалось Державину убедительным, так как в последующих изданиях строка стала печататься:

И правотой сердца пленить

В 1790-е годы поэт неоднократно возвращался к теме правосудия, продолжая говорить о необходимости возмездия за зло. Благодатным материалом по-прежнему служил текст Псалтири. Перелагая 74-й псалом (стихотворение «Радость о правосудии», 1794), Державин вслед за текстом псалма повторил свой излюбленный мотив:

Неправых выя да согнется,
А правых вознесется роґ! (1, 597)

В то же время, как и в других случаях, Державин по-своему интерпретировал библейский текст, свободно варьируя и дополняя его. В стихотворении есть строки, не находящие соответствия в 74-м псалме:

Нет человека без порока,
Без слабостей и без страстей (1, 596)

Очевидно, поэт придавал большое значение этой теме: вариантом первой из приведенных строк были слова «Нет в мире беспорочных»,⁶ также не имевшие аналогии в тексте 74-го псалма, однако перефразирующие известное библейское выражение из 115-го псалма: «Всякий человек есть ложь»

Это изречение Державин использовал уже в «Фелице» (1783):

Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож
Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякий человек есть ложь (1, 139)

⁵ Текст сверен и уточнен по рукописи. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки, ф 247, т 1, л 87

⁶ Ильинский Л. К. Из рукописных текстов Г. Р. Державина // Известия Отделения русского языка и словесности 1917 Т. 22 Кн. I С. 306

К этому же изречению Державин обратился спустя еще несколько лет в своих «Примечаниях» (1805) к стихотворению «Похвала за правосудие» (1798), написанному по просьбе генерал-аудитора князя Ивана Андреевича Шаховского, который хотел, чтобы поэт прославил его как справедливого судью. Державин оказался в довольно затруднительном положении. В «Примечаниях» он так излагал историю создания стихотворения: «Князь И. А. Ш., будучи генерал-аудитором, неоднократно и неотступно просил, чтобы автор написал ему похвалу за правосудие его в главном кригзрехте, а как многия тогда по гневу императора осуждались в ссылку не токмо без справок, но и без ответов, то и не мог он ему написать истинной хвалы, а похвалил иронией, сказав, что он уже и тем счастлив, что ежели без угрызения своей совести исполнял только волю государя, и что никто из человеков не может требовать похвалы за правосудие, которое принадлежит, по строгому смыслу, единому сердцеведу — Богу, ибо всякой человек есть ложь».⁷

Позднее, составляя на основе «Примечаний» «Объяснения к своим стихам» (1809), Державин существенно переработал этот текст, заменив заключительную сентенцию словами: «.. несправедливо было сделать совершенную похвалу за такое неосновательное правосудие» (3, 66). Державину важно было определить свою собственную позицию: он не желал кривить душой, восхваляя «судью неправедного», но все-таки не мог отказать влиятельному Шаховскому. Вполне понятно, как трудно шла работа над этим стихотворением, что и подтверждается черновыми рукописями.

В первоначальном варианте, рисуя идеальный образ неподкупного служителя истины, поэт завершил стихотворение достаточно резкими строками:

Не ты ль то, князь? — Ах, нет! — я чести
Отдать тебе страшуся сей,
Хула для мудрых — голос лести
Доволен правдой будь моей
Благоволит тебе коль Павел
И совесть у тебя чиста,
Держися их всегда ты правил
Вот честь; моя ж хвала — мечта (2, 174)

Такая концовка, конечно, могла задеть Шаховского, и Державин, продолжая работать на текстом стихотворения, существенно смягчил ее. В окончательном тексте идеальный нелицеприятный судья не противопоставляется Шаховскому, но предстает как пример для подражания:

⁷ Примечания на сочинения Державина / Публикация Е. Н. Кононко // Вопросы русской литературы Респ. межвед. науч. сб. Львов, 1975. Вып. 1 (25). С. 114 (Черновицкий гос. ун-т)

Так, князь! держись и ты сих правил,
И верь, что похвала — мечта
Счастлив, коль отличает Павел
И совесть у тебя чиста! (2, 175)

При внимательном чтении можно заметить, что стихотворение «Похвала за правосудие» представляет собой чрезвычайно интересную параллель знаменитому переложению 81-го псалма «Властителям и судиям». Обнаруживаются тематические и даже фразеологические повторы:

Властителям и судиям
Ваш долг есть сохранять законы,
На лица сильных не взирать
(1, 111)

Похвала за правосудие
Кто думает на лица сильных
Не зреть, и на мольбы друзей?
< > Соблюл законов строгий долг
(2, 173—174)

Но при всей близости этих стихотворений они существенно различаются по своей направленности. Ода «Властителям и судиям» имеет ярко выраженный обличительный характер. Известно, сколько сложностей возникло при ее опубликовании; позднее, в 1796 году, Державину пришлось опровергать обвинения в якобинстве и доказывать, что «проповедь Священного писания в прямом разуме и с добрым намерением нигде и никогда не была опасна» (1, 115). В стихотворении «Похвала за правосудие» на первый план выступает иная тема: неосуществимость высоких нравственных идеалов: если не пороки, то слабости, присущие всякому человеку, не позволяют в реальной жизни осуществить пример безупречного служения истине.

Искусно отказав царедворцу в похвале, которую тот хотел от него услышать, Державин отстаивал свою творческую независимость. Одновременно здесь возникала исключительно важная для него проблема — ложь поэтического слова и ответственность за нее поэта. Эта проблема постоянно волновала Державина. «Фелица» принесла ему не только славу, но и огорчения из-за толков, возникших после того, как ее певец был щедро награжден государыней. В стихотворении «Видение мурзы» поэт отвечал своим обвинителям:

Но пусть им здесь докажет Муза,
Что я не из числа льстецов;
Что сердца моего товаров
За деньги я не продаю (1, 167)

Подобные поэтические декларации приобретали особый смысл на фоне расцвета «сервильной морали» литераторов XVIII века⁸

⁸ См. Западов В. А. Проблема литературного сервизма и дилетантизма и поэтическая позиция Г. Р. Державина // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. С. 56—75.

Следуя традиции Ломоносова, Державин стремился панегирик соединить с поучением, что и проявилось в стихотворении «Похвала за правосудие». Необходимость поддерживать зыбкое равновесие программных и хвалебных элементов, несомненно, тяготила Державина. Требование «нравственной безукоризненности» постоянно тревожило его: он стремился к ней на протяжении всей своей деятельности и одновременно ощущал неосуществимость этого требования. Стихотворение «Властителям и судиям» явилось одним из наиболее ярких проявлений бескомпромиссной позиции поэта. В стихотворении «Похвала за правосудие» нашло отражение иное — горькое сознание неизбежности отступлений и уступок. «Похвала иронией» должна была иметь вид «истинной хвалы» и, по крайней мере, не вызвать неудовольствия влиятельного вельможи.

Тем не менее поэту всегда оставался чуждым нравственный релятивизм, представление о добре — истине и зле — лжи было для него главной мерой вещей, мерой, с которой он подходил к оценке как деяний, так и слов, к оценке собственного поэтического творчества. Сам поэт становился нелицеприятным судьей, воздающим «истинную хвалу» за добрые дела и осуждающим порок.

**ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ:
ДЕРЖАВИН И ПУШКИН**

(Стихотворение Державина «Евгению. Жизнь Званская»)¹

Некоторые литературоведы считают Державина неким разрушителем поэтических канонов своего времени или необыкновенным поэтом подлинной, повседневной жизни. Такое восприятие обычно основано на сравнении устоявшихся жанровых правил с особенностями державинского творчества или на изучении тем отдельных стихотворений. Однако существуют также другие подходы к литературному творчеству, которые одновременно объединяют и тематические и жанрово-формальные аспекты анализируются в первую очередь пространственно-временные отношения в поэзии, что позволяет рассматривать державинские стихотворения в соотнесенности со всем его творчеством. Подобные подходы также могут служить началом для интерпретации его поэзии в контексте литературы последующего периода, в частности творчества А. С. Пушкина.

Настоящая статья посвящена державинскому стихотворению «Евгению. Жизнь Званская», написанному в 1807 г. В американских исследованиях это произведение недооценено. Д. Святополк-Мирский в его «Истории русской литературы» утверждает, что это изящное стихотворение ценно лишь как биографическое свидетельство о том, как Державин писал о своей жизни в деревенском покое и уединении².

Американский литературовед П. Гарт пишет в своей монографии «Г. Р. Державин. Развитие дарования одного поэта», что в «Жизни Званской» Державин не достиг тематического единства³. Однако ни подход Д. Мирского, ни подход П. Гарта не позволяют воспринять динамику самого стихотворения.

¹ Автор приносит благодарность Совету по международным исследованиям и обменов США (International Research and Exchanges Board) за предоставление возможности для работы над данной статьей. Автор также сердечно благодарит Сектор XVIII века ИРЛИ и Музей Державина в Петербурге за поддержку и полезные советы.

² «Его (Державина) свободная, эпикурейская и философски тихая жизнь там (на Званке) описывается бойко и живо в одном из самых прелестных стихотворений его последних лет, „Евгению. Жизнь Званская“ (1807)» («His (Derzhavin's) spacious, epicurean and philosophically quiet life there (at Zvanka) is described with verve in one of the most charming poems of his old age „To Eugene Life at Zvanka“ (1807)») — См. *Mirsky D. S. A History of Russian Literature from its Beginnings to 1800 / Ed. by Francis J. Whitfield* New York: Vintage Books, 1958. P. 50.

³ См. *Hart P. G. R. Derzhavin: A Poet's Progress* Columbus, Ohio: Slavica Publishers, Inc., 1978. P. 131.

Мы предлагаем толкование этого произведения, исходя из концепции М. М. Бахтина. В своей очерке «Формы времени и хронотопа в романе» М. М. Бахтин описывает хронотоп как взаимодействие хроноса и топоса, или времени и пространства. Согласно принципам М. М. Бахтина, динамика времени и пространства играет важную роль в определении и отражении не только содержания данного произведения, но и отношения этого произведения к соответствующему жанру вообще. Следовательно, изучение организации времени и пространства внутри данного произведения подчеркивает соотношение между содержанием и формой. М. М. Бахтин пишет: «Хронотоп мы понимаем как формально-содержательную категорию литературы... В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп».⁴ М. М. Бахтин направляет свою теорию главным образом на изучение прозы, однако его подход можно в равной мере применить и к поэтическому творчеству, и особенно к произведениям Державина.

Стихотворение Державина «Евгению. Жизнь Званская» представляет собой один из самых ярких примеров идиллического хронотопа. В рамках описания одного дня в Званке Державин изображает всю полноту и разнообразие своей жизни в любимом деревенском имении. На протяжении всего произведения он рассматривает соотношение между внутренними переживаниями поэта и его природным окружением.

Ход действий и мышления в «Жизни Званской» тесно связан с грамматической структурой этого произведения. Господствуют глаголы несовершенного вида в настоящем времени, и таким образом мы получаем представление о том, как проводит поэт типичный день в Званке. В сочетании с местоимениями и наречиями, которые выражают место и время действия (например, местоимение *где* и наречие *иногда*), такие глаголы настоящего времени отражают повторяющиеся или привычные действия. Таким образом Державин описывает то, что обычно происходит у него в гостининой:

*В которой поутру иль ввечеру порой
Дивлюся в Вестнике, в газетах иль журналах,
Россиян храбрости, как всяк из них герой,
Где есть Суворов в генералах!*

⁴ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 235

*Где также иногда по палкам, по костям
Усатый староста иль скопидом брюхатый
Даёт отчет казне, и хлебу, и вещам,
С улыбкой часто плутоватой*⁵

Все действия, описанные Державиным в этих строфах, тесно связаны не только с ранним часом дня, но также с определенным местом, в частности с комнатой. Каждая из семи строф, описывающих события в гостиной, начинается или с местоименного наречия *где*, или с конструкции *в которой*. Таким образом, окружение данного действия не только предопределяет, но и почти затеняет сами действия.

По всему произведению возникает несколько подобных действий, связанных с определенным местом и временем дня: например, подобные глагольные, предложные и наречные конструкции отнесены к столовой, к полям и реке в имении, а также к верхней части дома. Так как эти действия почти полностью повторяют тот же принцип, который излагается в вышеупомянутом примере, нет необходимости перечислять и описывать все эти строфы. Однако можно тщательно проследить одно повторяющееся действие, которое объединяет все стихотворение. Почти каждый раз, когда поэт размышляет о духовном и высоком, он описывает свой физический и духовный подъем. Таким образом, Державин воплощает духовную и отвлеченную идею о времени и пространстве именно в Званке. По всему произведению глагольные приставки *вос-/вс-* и *воз-/вз-*, которые обозначают движение вверх,⁶ однозначно указывают на такое состояние подъема у поэта. Так, проснувшись утром, поэт, «восстав от сна», «взводит на небо скромный взор» и читает молитву благодарности Творцу:

*Восстав от сна, взвожу на небо скромный взор;
Мой утренюет дух правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудес, красот позор
Открыл мне в жизни толь блаженной* (2, 634)

Такое употребление приставок повторяется до середины стихотворения:

*Оттуда прихожу в святилище я муз
И с Флакком, Пиндаром, богов восседши в пире,
К царям, к друзьям моим иль к небу возношусь
Иль славлю сельску жизнь на лире* (2, 634)

Еще дважды Державин связывает физическое описание своего стремления вверх с «высоким», духовным. Вечером после заката солнца поэт сидит на балконе второго этажа своего дома и предается своему воображению:

⁵ Сочинения Г. Р. Державина, с объяснительными примечаниями Я. К. Грота Пб., 1865. Т. 2. С. 635—636. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы. Курсив везде мой. — А. М.
⁶ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. В 2 т. М., 1959. Т. 1. С. 90.

Но нет как праздника, и в будни я один,
На возвышении сидя толпов перильных,
При гусях под вечер, челом моих седин
Склонясь, ношу в мечтах умильных, —

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Мимолетящи суть все времени мечтаны
Проходят годы, дни, рев морь и бурей шум
И всех зефиров повеваньи (2, 642—643)

В то же время, вне рамок «однодневного цикла» в Званке, поэт свободно размышляет о прошедшем, настоящем и будущем. Последние пятнадцать строф, одна четверть всего стихотворения, выражают суть этих размышлений.

В вышеупомянутой монографии «Развитие дарования одного поэта» П. Гарт предполагает, что эти строфы неадекватны и неуместны, потому что они резко меняют течение основной мысли произведения. Он пишет: «Если бы поэт вычеркнул последние 15 строф „Евгению“, оно (т. е. это стихотворение — А. М.) оказалось бы несомненным свидетельством постоянного увлечения стареющего Державина миром чувств... Наибольший из художественных недостатков стихотворения „Евгению“ коренится в невозможности Державина объединить различные мотивы и таким образом ввести новые идеи в свой общий замысел. Заключительное обращение к Евгению — просьба Державина о помощи в поисках бессмертия — разочаровывает и оставляет читателя в недоумении относительно общей идеи стихотворения»⁷

Нет сомнения, что тон этого произведения заметно меняется именно в последних пятнадцати строфах. По объему первых трех четвертей произведения почти все строфы включают в себя глаголы несовершенного вида, спрягаемые в настоящем времени. А потом, когда поэт размышляет о будущем в этой же последней части, строфы в основном включают в себя глаголы совершенного вида в будущем времени и, таким образом, указывают на одноразовые действия, которые производят окончательный результат. Но эти существенные изменения в тональности повествования несколько не нарушают логику стихотворения. Напротив, последние 15 строф поднимают многие вопросы, прямо связанные с темой времени и пространства, и не столь явные в начале стихотворения. Иные грамматические формы подчеркивают структурные особенности первой части стихотворения и выводят их на иной, более высокий уровень. Однако заключительная часть произведения

⁷ «Had the poet omitted the final fifteen stanzas of „To Eugene,“ it would stand as an unambiguous testament to the aging Derzhavin's consistent preoccupation with the world of the senses. The artistic flaw which damages „To Eugene“ results from Derzhavin's consistent inability to integrate his themes and thus produce new insights into his perception of the problem. The concluding appeal to Eugene to assist him in his quest for immortality is so distinctly anticlimactic (sic) as to leave the reader wondering about the poem's basic purpose» — Hart P. G. R. Derzhavin A Poet's Progress P. 131

еще тесно связана с предыдущей его частью. И здесь особенно важно, что глаголы, обозначающие движение вверх и вниз, продолжают указывать на реальное и воображаемое перемещение поэта кверху и книзу.

В этой последней части поэт прорицает, как рухнут со временем его дом и сад. Но потом он опять вдохновляется и успокаивается, когда представляет себе, как его друг, митрополит Евгений Болховитинов, с почтительностью посетит знаменитый усадебный холм в Званке:

Иль нет, Евгений! ты, быв некогда моих
Свидетель песен здесь, *взойдешь на холм тот страшный,*
Который тощих недр и сводов внутрь своих
Вождя, волхва гроб кроет мрачный ()

Не зря на колесо веселых, мрачных дней,
На возвышение, на понижение счастья,
Единой правдою меня в умах людей
Через Клии воскресишь согласья ()

Ты слышал их, — и ты, будя твоим пером
Потомков ото сна, близ Севера столицы,
Шепнешь вслух страннику, вдали, как тихий гром
«Здесь Бога жил певец, Фелицы» (2, 644—645)

В этих строфах связь между физическим и духовным подъемом достигает художественной кульминации. Поэт ограничивает себя рамками дневного цикла, и поэтому собственное место в общей системе мироздания ему неясно. Подобно изображениям циклических повседневных «подъемов» и «падений» поэт в вышеупомянутых строфах изображает бесконечное течение «веселых и мрачных дней» как кружение колеса или прихоти фортуны. Однако, подобно тому как сам поэт покидал «плен» столь милой ему Званской жизни, удаляясь в свой кабинет для поэтических занятий, так и Евгений, взойдя на холм, оказывается в ином временном измерении. Только тогда он избавит от забвения этот дом и сад и утраченную гармонию жизни, которая была здесь при Державине.

Особенности державинского восприятия времени и пространства проявляются еще ярче, если стихотворение «Евгению. Жизнь Званская» рассмотреть в контексте более позднего литературного события. В работе над стихотворением «Осень» (1833) А. С. Пушкин выбрал для эпиграфа следующую строку из «Жизни Званской»: «Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?». Таким образом, фраза Державина становится исходным пунктом размышлений Пушкина.

Ю. Чумаков представляет содержательный анализ пушкинского стихотворения «Осень» с учетом временно-пространственных и жанровых принципов его структуры.⁸ Однако, хотя

⁸ Чумаков Ю. Н. «Осень» Пушкина в аспекте структуры и жанра // Пушкинский сб. Учен. зап. ЛГПИ им А. И. Герцена Псков, 1972 Т. 483 С. 29—42

его статья указывает на некоторые сходные места в «Жизни Званской» и «Осени», она сосредоточена на пушкинском произведении и анализирует далеко не все стороны данного вопроса по отношению к Державину

Державинское стихотворение утверждает актуальность идиллии и гармонию циклического времени, связанного с определенным местом Пушкинское же произведение перестраивает державинскую идиллию по требованиям художественного времени Начиная с названий и общей структуры, эти два произведения представляют различные подходы к вопросу о времени и пространстве Название державинского стихотворения «Евгению Жизнь Званская» подчеркивает роль пространства или окружения как определителя жизни и течения времени Название пушкинского стихотворения «Осень» указывает только на время года Державинское стихотворение представляет собой завершенное произведение, а пушкинское называется «отрывком» и заканчивается протяженным многоточием в середине первой строки двенадцатой строфы («Плывет, Куда ж нам плыть?»)⁹ В полном соответствии с жанром это произведение-отрывок содержит совсем иную концепцию времени и пространства, чем стихотворение Державина В формальном плане жанр «отрывка» обычно подчеркивает незавершенность действия и мышления, переходы или фрагменты воображения, которые в плане содержания часто отражаются в виде утраты гармонии или рая В частности, можем указать на стихотворение-отрывок английского романтика С Т Колриджа «Кубла Хан» («Kubla Khan») как типичнейший пример такого жанра

Содержание пушкинского стихотворения полностью соответствует требованиям жанра В то время как державинский повествователь восхищается гармоничностью каждого момента жизни в Званке, пушкинский лирический герой говорит о недостатке порядка и гармонии почти во всех временах года Например, лето подавляет его энергию и заставляет его мысленно возвратиться к зиме

Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь! Как поля, мы страждем от засухи
Лишь как бы напоить да освежить себя —
Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи

Поминки ей творим мороженым и льдом (III, ч 1 С 319)

Но герой Пушкина находит для себя покой и гармонию именно в грустном и переходном времени — в осени Его особенно вдохновляет «прощальная краса» увядающей Природы

⁹ Пушкин А С Полн собр соч М, Л, 1948 Т III, ч 1 С 321 Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома, части и страницы Курсив везде мой — А М

Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,

И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы (III, ч 1 С 320)

Г П. Макогоненко пишет, что творение Пушкина могло бы быть названо «Державину. Жизнь болдинская»¹⁰ И действительно, биографы поэта справедливо утверждают, что Пушкин воспевал в этом стихотворении то необыкновенное вдохновение, которое ему даровала осень именно в Болдинском имении Но характерно, что в стихотворении «Осень» Пушкин не пишет ничего конкретного о жизни в этой усадьбе, как это делает Державин относительно Званки. Пушкин нигде не упоминает Болдино, не описывает дом или свое окружение Его больше занимает изображение одного из времен года и его восприятия самим поэтом.

Тем не менее «Осень» сохраняет одну важнейшую черту державинского стихотворения. В девятой строфе повествователь описывает, как течет день к вечеру, и именно тогда поэт начинает размышлять о важном и высоком — точно так, как поступает повествователь в «Жизни Званской».

Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
Огонь опять горит — то яркий свет лиет,
То тлеет медленно — а я пред ним читаю
Иль думы долгие в душе моей питаю (III, ч 1 С 320)

Но после этой строфы пушкинский герой описывает действия и мысли, которые противоположны тем, что описывает Державин в последней части «Жизни Званской». Вместо того чтобы обращаться к своему другу или к Творцу, пушкинский герой «забывает мир» и пытается создать внутренний ритм времени и пространства в своих стихах. «Гости», его посещающие, как и метафорический корабль в конце одиннадцатой строфы, являются только плодами его воображения:

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне

И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей (III, ч 1 С 321)

Оказывается, что Пушкин в отличие от Державина видит в поэтическом ритме способ отвлечения от своего реального времени и места. Метафора плывущего корабля и вопрос в конце стихотворения («Куда ж нам плыть?») яснее всего указывают на противоположность его мышления державинскому:

¹⁰ «Тематическая близость „Осени“ к „Жизни Званской“ проявляется в том, что она является как бы описанием „жизни болдинской“» — (Макогоненко Г П Пушкин и Державин // XVIII век Сб 8 Державин и Карамзин в литературном движении XVIII—начала XIX века» Л, 1969 С 122

Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны,
Громада двинулась и рассекает волны

Плывет Куда ж нам плыть?

В одиннадцатой строфе Пушкин пользуется глаголом «дремать», который также звучал уже в эпиграфе из Державина («Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?»). В контексте цитированных выше строк из Пушкина глагол «дремать» подчеркивает здесь представление о недвижимом корабле при мертвом штиле в море. Итак, конец пушкинского стихотворения резко отличается от державинского. Тогда как Державин завершает «Жизнь Званскую» *утверждением* самооценки поэта и своего окружения («Здесь Бога жил певец, Фелицы»), Пушкин-повествователь *отстраняет* действительность от своего поэтического мира и находит гармонию только во времени года и в пространстве, его воображением созданном. А Державин, напротив, с радостью представляет себя именно в Званке и желает, чтобы все всегда отождествляли его с этим местом.

Как свидетельствует последняя строфа «Жизни Званской», в воображении Державина жизнь и история всегда связаны с каким-то конкретным местом и памятью народной сохраняются. Пока люди, подобные Евгению, еще могут «взойти на холм тот страшный» и соединить свои впечатления с увиденным, до той поры ни один человек и никакое событие не забудутся. В мирозерцании и во всем поэтическом творчестве Державина не существует ни места без значения, ни времени без воплощения.

БАРКОВИАНА И ДЕРЖАВИН!?

По преданию, А. С. Пушкин как-то заметил, что первыми книгами, которые выйдут в России без цензуры, будет полное собрание сочинений Баркова. И вот наступило время, когда почти перестала издаваться классика, зато отсутствует цензура на самую грубую порнографию, — а собрания сочинений Баркова нет и не предвидится. Да и вряд ли оно когда-нибудь вообще станет возможным.

Причины тут — вполне объективные — различны; они достаточно хорошо известны.

Во-первых, насколько реален действительный Иван Семенович Барков, семинарист, студент, служащий Академии наук, пьяница и дебошир, поротый по приказанию начальства, хороший переводчик античных поэтов и автор прекрасной статьи о Кантемире (сборник сатир которого он же сам и редактировал), настолько мифичен «Иван Барков» как автор «Девичьей игрушки»: эта часть его жизни окутана сплошными легендами, вплоть до обстоятельств смерти и автоэпитафии: «Жил грешно, умер смешно». Более или менее твердо приписываемых ему произведений в этом сборнике — считанные единицы, да и то принадлежность почти каждого из них именно Баркову в полной мере не доказана.

Во-вторых, неясность авторства определена уже предисловием к «Девичьей игрушке», где сам Барков или кто-то, еще тогда прикрывшийся его именем, в «Приношении Белинде» недвусмысленно заявлял: «Но препоручив тебе, несравненная Белинда, книгу сию, препоручаю я в благосклонность твою не себя одного, а многих, ибо не один я автор трудам, в ней находящимся, и не один также собрал оную».¹ Издавна в числе «соперников» Баркова на поприще «приапической поэзии» (думаю, что точнее по-русски именовать подобные сочинения просто похабелю) считался Иван Елагин. Заведомо входит в первоначальный состав сборника небольшой комплекс стихов Адама Олсуфьева.² (Любопытно, что двое последних станут в ближайшем будущем статс-секретарями Екатерины II).

В-третьих, ни автографа (чьего?), ни первоначальной рукописи «Девичьей игрушки» пока не выявлено, поэтому невозможно определить и ее первичный состав. Однако давно уже признано, что «Девичья игрушка» сразу же начала превращаться в собрание «барковианы», год от года разбухавшей от дополнения многочисленных стихов аналогичного рода.

¹ Барков Иван. Девичья игрушка. СПб., 1992. С. 18.

² Степанов В. П. Барков Иван Семенович // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. С. 60.

В-четвертых, немалую путаницу вносили разного рода идейно-прагматические соображения. Так, например, популярность и распространенность «барковианы» давала возможность в случае необходимости «прикрыться» именем покойного поэта. К примеру, у арестованного в начале 1790-х гг. Василия Пассека был обнаружен похабный акростих «Екатерина II». На следствии Пассек твердо заявлял, что он не автор этого пасквиля на императрицу; он лишь нашел данное стихотворение в сочинениях господина Баркова (и потому, подразумевалось в показаниях, оскорблением величества с его, Пассека, стороны оно быть не может).

С другой стороны, нередко ошибочные трактовки вносили идеологизированные толкования XX столетия. Так, в 1933 г. Г. А. Гуковский, обнаружив в рукописи XIX в. стихотворение под названием «Е.....а (сатира на русскую императрицу Анну Иоанновну)», усиленно доказывал, что к Анне Иоанновне оно не имеет отношения, ибо является сатирой на Екатерину II, точнее на тот эпизод ее путешествия по России 1787 г., когда она проезжала мимо Глухова (близ Новгород-Северского).³ Между тем это самое стихотворение, но под заглавием «Песня I» («Лишь в Глухове узнали...») содержится в списке «Девичьей игрушки», который датируется 1777 г., то есть никакого отношения к путешествию Екатерины на юг десятилетием спустя не имеет и иметь не может.

Наконец, есть ряд стихотворений, вопрос об авторстве которых может быть предположительно поставлен, но не решен окончательно.

В указанном уже сборнике 1777 г., на основании которого издан ряд подборок «барковианы», в цикле «Эпиграммы» под № 1 значится (без названия) «Муж спрашивал жены, какое делать дело...», под № 4 — «Заика с толмачом» («Желанья завсегда зайки устремлялись...»), под № 9 — «Венерино оружие» («Венус у Марса смотрела с почтеньем...»)⁴

Эти же три стихотворения, но без жанровых обозначений и с иными названиями находятся в одной из ранних рукописных тетрадей Г. Р. Державина — «Разные стихотворения». Для большей ясности последующих рассуждений полезно коротко напомнить о происхождении этой тетради. Как сообщил сам Державин в своих «Записках», проигравшись в карты в Москве, он скакал в Петербург, но был задержан на протivo-чумной карантинной заставе в Тосно. Не имея денег, чтобы прожить положенный срок в карантине, и чтобы скорее пробиться через заставу, Державин пожертвовал единственной

³ См.: Гуковский Г., Орлов В. Подпольная поэзия 1770—1800-х годов // Лит. наследство. М., 1933. Т. 9—10. С. 10—12.

⁴ См., например: Барков и барковиана // Русская эротическая поэзия. СПб., 1992. С. 108—110; Лит. обозрение. 1992. Спец. вып.: Эротика в русской литературе. С. 15; Русский Декамерон. [М.], 1993. С. 288—291 (здесь «Заика...» — № 5, «Венерино оружие» — № 10).

бывшей у него вещью — сундуком с рукописями, накопившимися за десять лет. Сундук был предан огню, а Державин пропущен через карантин.⁵ Спустя какое-то время он по памяти восстановил некоторые из погибших в огне произведений, и таким образом получились две небольшие тетрадки, более поздняя из которых, «Разные стихотворения», датируется обычно 1776 г.

В «Разных стихотворениях» под № 8 находим «Избрание» («Муж спрашивал жены: нам что теперь начать...»), под № 18 — «Оружие» («Венус у Марса смотрела с почтеньем...»), под № 41 — «Зайка» («Желанья завсегда зайки устремлялись...»)⁶.

Первый, сам собой напрашивающийся, вывод: Гаврила Державин — автор этих стихов, которые каким-то образом стали известны, разошлись по рукам и в результате оказались в составе «Девичьей игрушки». Этим выводом, наверно, можно было бы и удовлетвориться, если бы не одно, кажущееся на первый взгляд несущественным, обстоятельство (видимо, поэтому на него и не обращали внимания ни Г. А. Гуковский, ни другие исследователи, в том числе — ранее — автор данной работы).

А обстоятельство это заключается в «содержательном» различии названий двух сборников. Второй, следующий после «Разных стихотворений» в томе, хранящемся в РНБ, носит четко персонафицированное наименование: «Песни, сочиненные Г..... Р..... Д.....» (т. е. «Гавриломъ Романовичемъ Державинымъ»). Первый же сборник почему-то назван иначе: «Разные стихотворения». Почему «разные»? Разные по жанровому составу? Или разные по принадлежности различным авторам?

Под № 4 здесь переписана «Эпитафия. Соч: Сумар: на Ломонос: на поэму Пет: Ве:» (т. е. Сочинение Сумарокова (или Сочиненная Сумароковым) на Ломоносова, на поэму «Петр Великий») — «Под камнем сим лежит Фирс Фирсович Гомер...», а сразу после нее, под № 5, — «Ответ на такое ж окончание рифм» — державинская «Вывеска» («Терентей здесь живет Облаевич Цербер...»). В подобном включении в авторский сборник «чужого» произведения, ответ на которое содержится тут же, в принципе нет ничего необычного. Скажем, в сборнике М. Н. Муравьева 1775 г. «Оды» помещен его «Сонет к Василью Ивановичу Майкову» и ответный сонет Майкова, равно как в сборнике Майкова перепечатана та же пара стихотворений.

Под № 21 в «Разных стихотворениях» записан «Мадригал»: «Гостиной сын с конем пред всеми щеголяет». Это неяс-

⁵ См.: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1871. Т. VI. С. 456—457.

⁶ РНБ, фонд Г. Р. Державина, ед. хр. № 1, л. 3—10. Рукописью «Разных стихотворений» открывается данный том.

ный вариант либо перепев эпиграммы Ф. Г. Волкова, опубликованный Новиковым в «Опыте исторического словаря». Что это? Державин сознательно подражал известному произведению или записал его, как чужое, неточно, по памяти?

Под № 45 сборник содержит «Сонет». В отличие от других названных выше произведений (кроме «Вывески») Я. К. Грот опубликовал его в 3-м томе академического издания сочинений Державина с точным указанием местонахождения источника публикации: «В рукописи 1776 г. № 45».⁷ Приведу для наглядности первое четверостишие стихотворения:

Красавица! не трать ты времени напрасно
И знай, что без любви все в свете суеты:
Жалей и не теряй прелестной красоты,
Чтоб после не тужить, что век прошел несчастно...

Включался этот «Сонет» в сочинения Державина и впоследствии. В 1958 г. его ввел в свое издание А. Я. Кучеров, уточнив по оригиналу текст (в частности, заменив восклицательный знак после «Красавица» на запятую, как в рукописи);⁸ недавно «Сонет» попал в издание, подготовленное И. И. Подольской.⁹ В обоих случаях даны ссылки на гротовское издание, где стихотворение напечатано «впервые», и датируется оно 1-й половиной 1770-х гг.

Дело, однако, заключается в том, что стихотворение напечатано впервые еще в 1755 г., в журнале «Ежемесячные сочинения» (Июнь. С. 534—535); автор «Сонета» прекрасно известен — это А. П. Сумароков, в собрания сочинений которого он неизменно входил;¹⁰ неоднократно печатался он и в сборниках Сумарокова, например в обоих изданиях большой серии «Библиотеки поэта»; введен «Сонет» и в подборку сумароковских стихотворений в томе лирики XVIII века.¹¹

Расхождения между текстом Сумарокова и записью Державина незначительны. К примеру, в первой строфе различия есть лишь в первых двух строках, которые в оригинале выглядят так:

*Не трать, красавица, ты времени напрасно,
Любися; без любви все в свете суеты...* (курсив мой. — В. З.).

Сам характер этих различий (перестановка первых двух слов; «И знай, что» вместо «Любися») наводят на мысль, что стихотворения действительно записывались по памяти (кста-

⁷ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. 1866. Т. III. С. 464.

⁸ Державин Г. Р. Стихотворения. М., 1958. С. 304.

⁹ Державин Г. Р. Сочинения. М., 1985. С. 19.

¹⁰ Сумароков А. П. Полн. собр. всех сочинений в стихах и прозе. М., 1787. Ч. IX. С. 106.

¹¹ Сумароков. Стихотворения. [Л.], 1935. С. 81; Сумароков А. П. Избр. произведения. Л., 1957. С. 170; Русская литература — век XVIII. М., 1990. Т. 1: Лирика. С. 111.

ти, аналогичные типы разночтений имеются и в «барковианских» стихах «Разных стихотворений»; любопытно отметить при этом, что, записывая эти стихи, Державин старается избегать общенной лексики, или, как образно выразится позднее Я. Б. Княжнин, «коренных российских слов», заменяя в тексте эти самые «слова» вполне удобопроизносимыми).

К этому следует добавить еще одно, может быть, второстепенное, но заслуживающее внимания наблюдение. Произведения из «Разных стихотворений», достоверно принадлежащие Державину, в этой же рукописи более или менее усиленно редактировались, поскольку автор включал их впоследствии в разные подборки, готовил к публикации и т. д. Все же стихи «барковианского» типа (к перечисленным можно прибавить еще 2—3 стихотворения), «Сонет» и ряд других произведений перо поэта не трогало. Не свидетельствует ли и это обстоятельство, что определенная часть произведений в тетради «Разные стихотворения» не принадлежит Державину, а записана им «для себя»?

Во всяком случае, наличие даже одного безусловно «чужого» (сумароковского) «Сонета» в «Разных стихотворениях» заставляет сделать вывод, что не все произведения данного сборника принадлежат самому Державину, а следовательно, уверенно говорить об авторстве его в отношении тех стихов, которые обнаруживаются в «Девичьей игрушке», не приходится (особенно учитывая изъятие столь характерных для самого Баркова и «барковианы» «коренных российских слов», равно как и отсутствие позднейшей правки в этой группе стихов). В самом же интересе к стихам подобной тематики молодого человека, к тому же военного (сержанта, фельдфебеля, поручика), ничего удивительного нет.

Коль скоро речь идет не о Баркове, а о барковиане, нельзя обойти вниманием вопрос, вызывающий разнотолки среди исследователей эротической литературы. Я имею в виду вопрос о времени написания и в связи с этим отчасти об авторстве известной поэмы «Лука Мудищев».

Давняя устная традиция связывала поэму с именем Ивана Баркова (а значит, с 1-й половиной или серединой 1760-х гг., поскольку Барков умер в 1768 г.). Сравнительно недавно эту точку зрения в печати выражали К. Ваншенкин и М. Чулаки.¹²

Другая устная же традиция (пожалуй, даже более популярная, чем барковская, в интеллигентской и студенческой среде) называла автором «Луки» А. С. Пушкина (и соответственно, временем создания — 1-ю треть XIX в.). В 1992 г. К. Тарановский посвятил особую статью датировке поэмы. С помощью исторических и статистических аргументов он попы-

¹² См., например: Лит. обозрение. 1992. Спец. вып.: Эротика в русской литературе. С. 18.

тался доказать, что поэма относится к концу пушкинской эпохи (и даже предположительно назвал автора — Льва Сергеевича Пушкина).¹³

Наконец, третью точку зрения недавно высказал В. Сажин: «Лука», по его мнению, «написан, по крайней мере, не ранее 70-х годов прошлого века».¹⁴

Думается, есть возможность кое-что уточнить в этих предположениях.

Справедливо отводя авторство Баркова, К. Тарановский замечает: «В генеалогии Мудищевых упоминается прадед Луки — блестящий генерал при дворе Екатерины Великой; следовательно, Лука должен был бы родиться в самом начале XIX века». Поэтому, заключает исследователь, действие может происходить между 1833 и 1837 гг.

Однако в эти расчеты исследователя вкрались несомненные ошибки.

Во-первых, если «при матушке Екатерине» был «в случае» Лев, «красивый генерал-аншеф», то просто физически невозможно, чтобы его правнук появился на свет в «самом начале XIX века», а фактически — в начале 90-х гг. XVIII в., ибо Лука в момент действия поэмы — «дородный // Мужчина лет так сорока».¹⁵ В списке, публикуемом Тарановским (точнее — в «Литературном обозрении» вслед за статьей Тарановского) возраст Луки почему-то не указан, зато ему дан чин «штык-юнкера» (младший офицерский чин в артиллерии), чин, упраздненный еще в XVIII в.

Во-вторых, из текста поэмы никак не явствует, что генерал-аншеф Лев — прадед Луки; более вероятно, что он и «Луки распутный дед», который спустил «свои именья, капиталы», — одно и то же лицо. Но и в этом случае вряд ли у него мог появиться внук, которому к 1833—1837 гг. исполнилось бы сорок лет. В реальной истории «при матушке Екатерине» служили (и могли бы быть по возрасту «в случае», но не были) отец братьев Пушкиных Сергей Львович (род. 1767) и его старшие братья — Николай (род. 1745), Петр (род. 1751) и Василий (род. 1766).

Следовательно, если при Екатерине служил дед или прадед Луки, то он должен был быть старше родителей Александра и Льва Пушкиных как минимум на 20—30 лет, а это означает, что время действия поэмы не 30-е гг., как получается из выкладок К. Тарановского, а вторая половина 1850-х.

¹³ Тарановский К. Ритмическая структура скандально известной поэмы «Лука» // Лит. обозрение. 1992. Спец. вып.: Эротика в русской литературе. С. 35—36.

¹⁴ См.: Барков Иван. Девичья игрушка. С. 10.

¹⁵ Возраст указан в тексте, включенном и в «Девичью игрушку», и в «Русский Декамерон». Эпитет «дородный» привожу по своему списку, ибо в печатных текстах здесь значит «здоровый», что не очень-то рифмуется с «голодный».

Между тем как раз к этим годам подводит содержание «Луки». Именно к этому времени «Колумб Замоскворечья» А. Н. Островский прочно ввел на русскую сцену и в русскую литературу купеческую тему, причем у него находим в разных вариантах и главную коллизию, и основных действующих лиц поэмы: богатую купчиху, томящуюся без мужа, услужливую сваху-сводню, приводящую «благородного», но бедного жениха-дворянина. Пожалуй, ни в какой из моментов истории русской литературы эта коллизия не была столь популярной, как в пьесах Островского 1850-х гг. (например, «Праздничный сон до обеда», «Не сошлись характерами!» и др.). В сознании современников прочно удерживалось представление об Островском не только как о «Колумбе Замоскворечья», но не была забыта еще и идеализация купечества в пьесах периода «молодой редакции» «Москвитянина», хотя сам драматург во 2-й половине 1850-х гг. от этой идеализации уже отошел.

Отсюда вполне естественно возникает предположение, что «Лука» появился из-под пера бывших противников «Москвитянина», прежде всего — кого-то из сотрудников «Современника» Н. А. Некрасова—И. И. Панаева. Кстати, один из работников Пушкинского Дома любезно сообщил мне, что в бумагах А. В. Дружинина есть запись о том, что Иван Панаев сочинил поэму, название и имя героя которой в дамском обществе произнести невозможно (в опубликованном «Дневнике» Дружинина мне, правда, подобной заметки найти не удалось).

Как бы то ни было, 2-я половина 1850-х гг. — наиболее подходящее по всем признакам время, когда мог быть сочинен «Лука». Фигура же Нового поэта, Ивана Панаева — кстати, члена дружининского кружка «чернокнижников»¹⁶ — представляется вполне вероятной в качестве автора поэмы. Стоит в этой связи также отметить, что если Дружинин называл Островского — Здравомыслом, Толстого — Добросердом, Некрасова — Крутоном, Анненкова — Себялюбом, то Панаев заслужил у него весьма специфическое прозвище *Фривол* (подчеркнуто Дружининым).¹⁷

Что же касается предположения В. Сажина о 1870-х гг. как времени создания поэмы, то в эту эпоху русскую литературу при описании купеческой среды волновали совсем иные проблемы (прежде всего социальные), да и сюжеты чисто бытового плана отошли далеко на второй план.

¹⁶ «Чернокнижие — термин, придуманный Д(ружининым) для обозначения фривольного времяпрепровождения литераторов его круга...» (примеч. Б. Ф. Егорова в кн.: Дружинин А. В. Повести. Дневник. М., 1986. С. 467). Для ясности добавлю, что термин относился не только к времяпрепровождению, но и к литературным сочинениям, например «Досугам Козьмы Пруткова» (там же. С. 270).

¹⁷ Дружинин А. В. Повести. Дневник. С. 381.

В заключение стоит остановиться еще на одном аргументе К. Тарановского, который должен доказать, что не Барков — автор «Луки» и обосновать принадлежность поэмы к пушкинской эпохе. Исследователь сопоставляет статистические параметры четырехстопного ямба Баркова и Пушкина и делает вывод, что «Лука» написан после 1820 г. Однако сопоставление параметров проведено некорректно, ибо сравниваются абсолютно разные в жанровом и эмоционально-тематическом отношении произведения: две оды Баркова («Ода кулашному бойцу» и «Ода на день рождения... Петра Феодоровича» 1762 г.) с двумя поэмами Пушкина («Езерский» и «Медный всадник»). Между тем уже более 20 лет назад (и как раз в полемике с концепцией К. Тарановского) было доказано, что «общих параметров четырехстопного ямба XVIII столетия» (равно как общих параметров других размеров) просто не существовало, что определенные размеры в разных жанрах дают разные параметры.¹⁸ Согласно концепции К. Тарановского, весь четырехстопный ямб XVIII века имеет более высокую ударность (т. е. меньшее количество пиррихий) на первой стопе, чем на второй (к примеру, ода Петру Феодоровичу имеет параметры 93, 1; 76, 2; 57, 5; 100 %; 160 ст.). На самом деле тип ритма зависит не только от жанра, но и от степени лиризма, личности, медитативности и т. д. в произведении. Так, ода М. Н. Муравьева «Весна. К В. И. Майкову» имеет параметры 87, 0; 96, 0; 55, 0; 100 %; 100 ст. — т. е. те самые параметры, которые Тарановский приписывает только 20—40 гг. XIX века вообще и которые обнаруживаются в поэзии Пушкина и в целом пушкинской эпохи, в том числе в «Луке» (а ведь «Весна» напечатана в 1775 г.!). Но вот Н. А. Некрасов «На Волге» (1860): 78, 2; 94, 2; 38, 8; 100 %; 294 ст. (не вдаваясь в подробности, замечу, что низкий показатель ударности 3-й стопы в четырехстопном ямбе здесь связан, по моему мнению, с высоким уровнем медитативности фрагмента поэмы). Таким образом, сопоставление ритма оды и поэмы, относящихся к разным столетиям, во-первых, с научной точки зрения некорректно, а во-вторых — отнюдь не аргумент для определения времени создания произведения.

В заключение повторю, что наиболее вероятное время создания «Луки» это 2-я половина 1850-х гг., а предполагаемый автор ее — «Фривол» кружка «чернокнижников» И. И. Панавев.

¹⁸ Западов В. А. Русский стих XVIII—начала XIX века: (Ритмика). Л., 1974. С. 10, 26 и др.

**КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА Н. А. ЛЬВОВА «СИЛЬФ,
ИЛИ МЕЧТА МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ» И ТРАДИЦИИ
РУССКОЙ ЛЮБИТЕЛЬСКОЙ СЦЕНЫ**

Специалисты давно сошлись во мнении, что комическая опера Н. А. Львова «Сильф, или Мечта молодой женщины» принадлежит к наиболее замечательным достижениям русской театральной драматургии XVIII столетия, хотя текст этой пьесы и оставался до недавнего времени неопубликованным. Причина художественного успеха Н. А. Львова, на наш взгляд, в хорошем знакомстве его с европейским театральным репертуаром и в связи его произведения с традицией любительских спектаклей русского дворянства. Отметим также, что «Сильф», сочиненный в 1778 году, принадлежит к первым русским опытам в этом жанре. К этому времени было написано всего пять музыкальных пьес: «Анюта» М. И. Попова (постановка и публикация — 1772 г.), «Любовник-колдун» Н. П. Николаева (преьера — 1772 г., публикация — 1779 г.), «Деревенский праздник» В. И. Майкова (преьера и публикация — 1779 г.), анонимная комическая опера «Перерождение» (преьера 8 января 1777 г., публикация — 1779 г.). Однако ни одна из этих пьес по своим художественным достоинствам не может сравниться с созданием Н. А. Львова.

Важнейшим свидетельством о круге чтения молодого писателя, о литературных симпатиях и предпочтениях в период, предшествовавший написанию «Сильфа», является его «Путевая тетрадь № 1», хранящаяся в Рукописном отделе Пушкинского Дома.¹ Здесь в 1770-х годах был сделан ряд кратких записей — большей частью, видимо, для памяти. На обороте 2-го листа поэтом выписаны названия следующих трагедий: «Электра» Еврипида, «Эдип в Колоне» Софокла, «Ариадна» П. Корнеля, «Радамист и Зенобия» П. Ж. Кребийона, «Эдип» и «Брут» Вольтера. Здесь же находится итальянская помета «due autori comici» (два комедиографа), относящаяся к именам Лопе де Вега и Ж. Б. Мольера.

7 июля 1773 года Н. А. Львов сделал выписку из «Помпея» П. Корнеля (л. 25), 12 июля 1773 года — из «Комедии граций» Ж. Ф. Сен-Фуа (л. 28); 13 августа 1773 года переведены три стиха из «Ифигении» Ж. Расина (64 об.). Не датированы отрывок из «Дезертира» С. Мерсье (л. 27) и «Ромула» А. Де Ла Мотт-Удара (л. 89).

Несколько раз в «Путевой тетради № 1» встречается имя П. Метастазіо, поражавшего современников музыкальностью

¹ ИРЛИ, 16.470/СІV620, 133 л. В следующем абзаце ссылки на этот документ даны лишь с указанием листа.

своих стихов. О глубоком интересе Н. А. Львова к творчеству и личности мастера оперного либретто свидетельствует и знакомство двух поэтов, состоявшееся 3 августа 1781 года. Об этой встрече сохранилась следующая запись в дневнике путешествия по Италии, находящемся в Пушкинском Доме:

«3-е августа 1781 года, в Вене.

Сегодня бы я у гд. *Метастазия*, прием сего доброго и умнаго человека останется мне и без записки памятным, я записал для гордости, что видел перваго нашего века драматическаго стихотворца, для того чтобы *Ив(ан) Ив(анович)* не хвастал, что он в *P(aris)* видел *R(ousseau)*.

Метас(тазий) говорил со мной целой час, обнял и поцеловал меня прощаясь.

Его слова (т. е. *Метастазиио*. — *К. Л.-Д.*):

J'ai tant vecu que j'ai perdu le droit de m'en plaindre.

*Quand on avance en age on commence d'aimer sa cage».*²

Одним из самых ярких впечатлений молодости было пребывание Н. А. Львова вместе с *М. Ф. Соймоновым* и *И. И. Хемницером* в Париже в 1777 году (с февраля по май). Русские путешественники были частыми посетителями театров столицы, подневные записки, которые вел *И. И. Хемницер*, позволяют в значительной мере восстановить виденный ими репертуар.³ *Хемницером* зафиксировано посещение следующих трагедий «*Комеди Франсез*»: «*Цинна*» *П. Корнеля*, «*Федра*» и «*Гофлия*» *Ж. Расина*, «*Танкред*», «*Заира*» и «*Китайская сирота*» *Вольтера*, «*Зюма*» *П. Ф. А. Лефевра*. Обычно спектакль этого прославленного театра состоял из трагедии и комедии, следовавшей за ней. К сожалению, *Хемницером* была указана лишь одна пьеса комедийного репертуара — «*Галантный Меркурий*» *Э. Бурсо*, заглавную роль в которой играл *Превиль*. В трагедиях русские путешественники видели знаменитых *Лекена*, *Ла Рива*, *Бризара*, представителей театральной семьи *Вестрис*. Известная трагическая актриса *Дюмениль* оставила сцену в 1775 году, но и через два года память о ее игре была еще свежа, что вызвало следующие строки *И. И. Хемницера*:

«Надлежит знать, что с 15 месяцев тому назад, как *Dumesnil* отошла от театра. *Меропу* еще никто из актрис нынешних играть не осмеливается. Из сего судить остается, коль великая актриса она была, а особливо в роли *Меропы* или в подобном ей лице».⁴

Русские путешественники не раз бывали на спектаклях «*Гран-Опера*» — «*Ифигения в Авлиде*», «*Альцеста*», «*Орфей* и

² *Львов Н. А.* Путевые записки // ИРЛИ, Р 1, оп 15, № 166, л 79—79 об. Впервые об этом факте было упомянуто в статье *В. Верещагина* «Путевые заметки *Н. А. Львова* по Италии в 1781 году» (Старые годы 1909 № 5 С 281)

³ *Хемницер И. И.* Сочинения и письма (По подлинным рукописям) / С биограф ст и примеч *Я. К. Грота* СПб, 1873 С 371—394

⁴ Там же С 383

Эвридика» (Х.-В. Глюка) и «Деревенский колдун» (Ж.-Ж. Руссо), а также «Комеди Итальянн» — «Друг дома» (А.-Э.-М. Гретри, Ж.-Ф. Мармонтель), «Мазе» (Э.-Р. Дуни, Л. Ансом), «Любовь пятнадцатилетних» (Ж.-П.-Э. Мартини, П. Ложон), «Король и фермер» (П.-А. Монсиньи, Л. Ансом), «Колония» (А. Саккини, Н.-Э. Фрамери), «Том Джонс» (Ф.-А. Филидор, А. Поинсине де Сиври).

Из оперных певцов Хемницером упомянут лишь Ле Гра, из актеров «Комеди Итальянн» — Ж.-Б. Клерваль, мадемуазель Ла Руэтт, мадемуазель Триаль, мадемуазель Коломб. Справочник Д. К. Бреннера⁵ позволяет установить, какие пьесы шли в «Комеди Итальянн», даже если хроникером событий указан лишь факт посещения этого театра (26 февраля, 3 марта): «Дезертир» (П.-А. Монсиньи, М.-Ж. Седен), «Сильвен» (А.-М. Гретри, Ж.-Ф. Мармонтель), «Роза и Колас» (П.-А. Монсиньи, М.-Ж. Седен).

5 мая Н. А. Львов один был в Версале на представлении «Кастора и Поллукса» (Ж.-Ф. Рамо, П.-Ж. Бернар) в честь приезда в Париж австрийского императора. Через пять дней все трое были на представлении «Близнецов», пародии на эту оперу в «Комеди Итальянн» (П.-Т. Гондо, П.-Ж. Бернар).

За время пребывания в Париже русские путешественники, видимо, неоднократно бывали и в театрах на бульварах, предназначенных для демократической аудитории. Хемницером зафиксировано лишь посещение «Амбигю комик», открытого в 1741 г. Н.-М. Одино (N.-M. Audinot): «2 марта были у Audinot в театре».⁶

О силе парижских впечатлений⁷ свидетельствует то, что одна из пьес, увиденных здесь (комическая опера А. Саккини и Н.-Э. Фрамери «Колония»), вскоре была поставлена при участии Н. А. Львова на сцене любительского театра, о чем упоминается в письмах М. Н. Муравьева к родным 1777—1778 годов, опубликованных Л. И. Кулаковой и В. А. Западным. Н. А. Львов возвратился в Петербург в начале августа;⁸ осенью, видимо, начались репетиции в доме Петра Васильевича Бакунина Меньшого, так что 18 декабря состоялся спектакль, на который был приглашен М. Н. Муравьев:

«Я нынешний вечер еду, по приглашению Ник(олая) Ал(ександровича) Львова, в дом Бакунина, где собравшееся общество будут играть комедию и опера-комик. Комедия будет

⁵ Brenner D. Cl. The «Theatre Italien», its Repertory 1716—1793 Berkeley, Los Angeles 1961 P 373—374

⁶ Хемницер И И Сочинения и письма С 374

⁷ Отметим также, что не менее сильны были итальянские театральные впечатления во время путешествия, состоявшегося в 1781 г., что уже было рассмотрено мною в отдельной работе Лаппо-Данилевский К Ю Итальянский маршрут Н А Львова в 1781 г // XVIII век Сб 19 Л, 1995 С 102—113

⁸ Письма русских писателей XVIII века Л, 1980 С 268

„Игрок” г. Реньяра, в которой Николай Алесандрович будет играть отца, а опера-комик называется „Колония”, содержанием своим хотя и немного значащая, но превосходной музыки. Петь будут Марья Алекс(еевна) и Катерина Алексеевна Дьяковы, большой их брат и еще (...) не знаю». ⁹

В другие дни пьесы, видимо, представлялись по отдельности: 21 декабря — «Игрок»; 24 и 29 декабря — «Колония». ¹⁰

Участие в этих спектаклях, как кажется, стало толчком для оригинального творчества Н. А. Львова — 19 января он читал своему другу комическую оперу «Сильф, или Мечта молодой женщины». Об этой встрече М. Н. Муравьев сделал следующую запись в своем дневнике: «В исходе прошедшего и в начале нынешнего 1778 г. зачал Николай Алесандрович Львов писать свою комическую оперу „Воздушный муж”. Сколько вкусу и нежности положить в свое сочинение, как он, значит (проявить) склонность и дарование. И, конечно, будет она иметь знаменитое место между „Анютю”, „Деревенского праздника” и „Счастливых солдат”. Вечеру 19 января слушал я чтение некоторых явлений из нее». ¹¹

Столь же высоко оценил М. Н. Муравьев пьесу в письме к сестре от 22 января 1778 года: «На этих днях сидел я целый вечер у Николая Алесандровича, который читал мне свою оперу-комик. Я был прельщен, ее слушаючи. Тысячи маленьких черт делают эту прелесть, которой нет в „Анютю”. Это делает образ мыслить и чувствовать. Я не буду ничего говорить: довольно, и ты, может быть, это заметила, что я завистлив. Приятно любить достоинства, хотя в другом». ¹²

Как явствует из записи на титульном листе неполной копии «Сильфа», хранящейся в Российской Национальной библиотеке в Петербурге, пьеса была завершена 15 февраля 1778 года. ¹³ Указаний на то, что комическая опера Н. А. Львова ставилась в конце 1770-х годов, в письмах М. Н. Муравьева нет, однако нет оснований полностью отвергать это предположение.

Зимой 1778 года в доме Бакунина Меньшого ставилась Дидона Я. Б. Княжнина. 6 февраля М. Н. Муравьев писал сестре: «Завтра надеюсь быть на представлении „Дидоны” г. Княжнина у г. Бакунина...» ¹⁴ 8 февраля он делился со своей сестрой впечатлениями от спектакля:

«Я был вчерась на представлении „Дидоны” Якова Борисовича Княжнина, сего столь тихого и любви достойного человека, который заставляет ждать в себе трагика, может быть, превосходнейшего, нежели его тесть. Дмитревский играл

⁹ Там же С 328

¹⁰ Там же С 330—334

¹¹ РНБ, ф 499, оп 1, № 37, л 37 об

¹² Письма русских писателей XVIII века С 341

¹³ РНБ, ф 247, кн 38, л 169

¹⁴ Письма русских писателей XVIII века С 346

Иарба. Какой это актер! Дьяков, который играл его наперстника, говорит, что он трепетал, с ним играя. Как обманешься, если хочешь рассудить о Дмитревском в шлеме по Дмитревскому в колпаке! Это не простой человек: какой голос, как он гибок в его гортани. После плесков актерам все оборотились в угол, где стоял автор, и плескали ему. Какие чувства должен он иметь! В восемь лет, как он сочинил „Дидону“, видел он первое ее представление. Но и какое ж? Марья Алексеевна много жару и страсти полагает в своей игре...»¹⁵

Об игре Н. А. Львова в этом спектакле в письмах М. Н. Муравьева не упоминается. Какая бы роль ему ни выпала, неоспорим тот факт, что поэт участвовал в постановке и многочисленных репетициях. Я. Б. Княжнин, ждавший представления столь дорогой ему трагедии, несомненно, также бывал на них. О продолжавшемся знакомстве, взаимной симпатии и близости эстетических воззрений свидетельствует появление в конце 1770-х годов произведений Н. А. Львова и его друзей в «Санктпетербургском вестнике», т. е. именно в то время, когда одним из его редакторов стал Я. Б. Княжнин. Не случаен, как кажется, и тот факт, что большую часть лирических произведений, печатавшихся в 1783 году в «Собеседнике любителей российского слова», составили стихотворения Державина, Муравьева, Львова, Капниста и Княжнина.

Важным для характеристики театральных и музыкальных знакомств Н. А. Львова представляется указание о его дружбе с братьями Полторацкими, сохранившееся в переписке В. В. Капниста.¹⁶ Как известно, их отец М. Ф. Полторацкий (1729—1795), директор Певческой капеллы, покровительствовал Д. С. Бортнянскому, по-видимому, в его доме состоялось знакомство Н. А. Львова с выдающимся русским композитором второй половины XVIII столетия.

В последней монографии о Д. С. Бортнянском отрицается предположение Н. Ф. Финдейзена о близости композитора к Н. А. Львову: «Неоднократно, хотя и с оговорками, высказывались предположения о принадлежности Бортнянского к литературно-музыкальному кружку Н. А. Львова (...) Не имея фактов, доказывающих или отвергающих это положение, мы бы, однако, не стали связывать их имена. В важнейшем труде кружка и своеобразном итоге его музыкально-эстетической деятельности — „Собрании русских народных песен“ нет никаких намеков на участие Бортнянского. Едва ли Львов стал бы обращаться к И. Прачу за гармонизацией песен, имей он соратника и единомышленника в лице Бортнянского».¹⁷

¹⁵ Там же. С. 348.

¹⁶ *Капнист В. В.* Собр. соч.: В 2 т. / Ред. вступ. ст. и примеч. Д. С. Бабакина. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 249—256.

¹⁷ *Рыцарева М. Г.* Композитор Д. С. Бортнянский. М., 1979. С. 187.

К сожалению, от внимания М. Г. Рыцаревой ускользнуло указание на факт сотрудничества Н. А. Львова и Д. С. Бортнянского, содержащееся в статье Л. И. Кулаковой «Творчество Н. А. Львова 1770-х—начала 1780-х годов». В дневнике М. Н. Муравьева историком литературы найден текст анонимной песенки, напечатанной в августовской книжке «Санктпетербургского вестника» за 1780 год с пометой: «Песенка Николая Александровича с музыкой Бортнянского».¹⁸ Учитывая этот факт, можно с уверенностью утверждать, что знакомство поэта и композитора произошло вскоре после приезда Бортнянского из Италии в 1779 году.

Назначение Д. С. Бортнянского 1 января 1784 года капельмейстером малого двора (сначала на время отпуска Д. Паизиелло, а затем постоянно), связанное с переездом в Павловск, отделило композитора от его друзей. Интересно, что авторы либретто его музыкальных произведений этого времени, Ф. Г. Лафермьер (1737—1796) и А. А. Мусин-Пушкин (1760—1805), — лица, несомненно знакомые Н. А. Львову. Со вторым из них поэта связывала искренняя дружба, о чем свидетельствуют их поэтические послания друг другу.

Как известно, в 1780-е годы при дворе наследника в Павловске сложилась любительская труппа, в спектаклях которой участвовал А. А. Мусин-Пушкин. 23 ноября 1788 года она выступала в доме А. С. Строганова с комической оперой «Нина, или Безумная от любви» (Н.-М. Далеярак, Б.-Ж. Марсолье).¹⁹ О близости Д. С. Бортнянского львовско-державинскому кружку можно заключить и на основании сотрудничества с Г. Р. Державиным — в 1791 году ими была создана кантата «Другу художеств», адресованная А. С. Строганову и исполнявшаяся в связи с «новосельем» (особняк вельможи на углу Невского проспекта и Фонтанки был отделан после пожара). Сохранившиеся в РГИА письма Н. А. Львова и А. С. Строганова друг другу²⁰ позволяют утверждать, что поэт бывал частым гостем в доме вельможи, известного своим меценатством

Нередко бывал в доме А. С. Строганова в 1790-е годы писатель и актер-любитель Иван Матвеевич Муравьев (1765—1851), в начале XIX века получивший право на двойную фамилию «Муравьев-Апостол». Он был адресатом поэтического послания Н. А. Львова, с которым его связывали дружеские отношения. Из писем его двоюродного брата М. Н. Муравьева, хранящихся в ГИМ, можно почерпнуть ряд сведений о любительских представлениях того времени и об участии И. М. Муравьева в них («маленького франта», «Ванюшки»,

¹⁸ Проблемы изучения русской литературы XVIII века Л, 1974 Вып 1 С 53

¹⁹ История русской музыки М, 1985 Т 3, ч 2 С 393

²⁰ РГИА, ф 37, оп 11, д 117, л 215 об—216, д 115, л 18—19

как его называл корреспондент).²¹ 22 марта 1789 года М. Н. Муравьев сообщал, что его молодой родственник дома «проигрывает сестре комедии нараспев или сочиняет музыку прекрасных куплетов».²² Интересные указания находим в письме от 21 ноября 1789 года: «Но до сих пор И(ван) М(атвеевич) играет одну оперу за другой, разделяясь между двух театров — Матюшкиной и графа Строгонова. Он соединяет плескания и удовольствия».²³

3 марта 1790 года М. Н. Муравьев отправился на празднество, устроенное А. С. Строгановым: «Я еду обедать к графу Строганову, которого сегодня день рождения. В воскресенье будут у него играть „La folle par l'amour” (об опере Д. Паизиелло „Нина, или От любви сумасшедшая”. — К. Л.-Д.) и „Devin de village” («Деревенский колдун» Ж.-Ж. Руссо. — К. Л.-Д.). Иван Матвеевич всюду имеет роль влюбленного».²⁴

Через несколько дней, в письме от 10 января 1790 года, М. Н. Муравьев снова делился своими впечатлениями от представления комической оперы Паизиелло: «Наш Ванюшка не сидит дома. Его вырывают из рук в руки. В прошедшее воскресенье играл он у Строгонова „Нину”. Нельзя описать выражения, которое производит это зрелище».²⁵

Как мы видим, многие из ближайшего окружения Н. А. Львова были актерами-любителями. Все это могло в значительной степени способствовать возникновению спектаклей в доме поэта. О них до настоящего времени фактически ничего не известно, поэтому представляется необходимым суммировать все, пусть даже на первый взгляд незначительные, указания.

В доме Н. А. Львова в 1780-е и 1790-е годы часто происходили любительские концерты, как об этом вспоминал его двоюродный брат Ф. П. Львов: «В 1790 году член нашей Академии Художеств, покойный тайный советник Николай Александрович Львов, при помощи охотников и родственников, в доме его непрестанно певших, в числе которых имел честь быть и я, сделал новое собрание песен, которые с наших голосов положил на ноты г. Прач; предисловие при сем написано было г. Львовым».²⁶

Известно также, что в доме Н. А. Львова жили дворовые девушки Лизинька и Дашинька, славившиеся исполнением народных песен и танцев. Ими восхищались в своих стихах Г. Р. Державин и А. М. Бакунин, их рисовал В. Л. Борови-

²¹ ГИМ, ф. 445, д. 53—54.

²² ГИМ, ф. 445, д. 54, л. 22 об.

²³ Там же, л. 87 об.

²⁴ ГИМ, ф. 445, д. 53, л. 19 об.

²⁵ Там же, л. 21 об.

²⁶ *Львов Ф. П.* О пении в России. СПб., 1834. С. 44—45. См. об этом также: Объяснения на сочинения Державина, изданные Ф. П. Львовым. СПб., 1834. Ч. 1. С. 25—28.

ковский. Музыкально были одарены дочери поэта Елизавета и Вера.

В высшей степени интересно письмо Н. А. Львова к графине Екатерине Александровне Головкиной (1733—1821) от 28 мая 1800 года, отпуск которого сохранился в РГИА. Из него можно узнать о судьбе крепостного музыканта Александра, подаренного Н. А. Львову Е. А. Головкиной, о заботах поэта по его воспитанию: «Во все время продолжал я его учить музыке у капельмейстера Сарти в намерении иметь для управления маленького хора, а когда с летами его учение довершится, если благодарность его будет порукою и впредь за доброе поведение его, то дать ему свободу на некоторых для него же полезных условиях: поелику безвременное увольнение послужило бы к пагубе его таланта и его собственно». ²⁷ Таким образом, в доме Н. А. Львова существовал небольшой хор, видимо, из крепостных, о будущем капельмейстере для которого заботился поэт.

Не менее важно свидетельство о долгих дружеских отношениях, связывавших Н. А. Львова и Дж. Сартти (1729—1802), содержащееся в этом письме. До сих пор был известен лишь факт их сотрудничества при подготовке роскошного издания пьесы Екатерины II «Начальное управление Олега» (СПб., 1791) — в конце предисловия «Объяснений на музыку, господином Сарттием сочиненную для исторического представления „Начальное управление Олега“» находится помета: «Перевел Н. А. Львов». Поэт писал Е. А. Головкиной о дружбе, о взаимных услугах, связывавших его с Сартти: «Я ему денег не давал, но дарил его картинами, он Д. Сартти учил его (крепостного мальчика. — *К. Л.-Д.*) за платою дружбы, а я на учение сие терял свои к нему услуги, случай и время, которое для меня всех денег дороже». ²⁸

Наличие в доме Н. А. Львова оркестра подтверждается письмом его к Н. П. Яхонтову от 10 сентября 1796 года (оно сохранилось в рукописи пьесы «Милет и Милета» в архиве Г. Р. Державина в Российской национальной библиотеке): «Для него (Алексашки — видимо, то же лицо, о котором речь шла в письме к Е. А. Головкиной. — *К. Л.-Д.*) и двух моих девочек напишу я маленькую драму и пришлю к твоему песнословию; а теперь посылаю к тебе готовую почти оперку, для того чтобы дать тебе работу и практику, положить инструменты к тем голосам, у которых оркестра не отыскалось. Потрудись, зимою привези и мы заиграем: 48 человек музыкантов к твоим услугам готовы». ²⁹

²⁷ *Львов Н. А. Избранные сочинения / Предисл. Д. С. Лихачева. Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Перечень архитектурных работ подготовлен А. В. Татаринным. Кельн; Веймар, Вена, СПб., 1994. С. 355—356.*

²⁸ *Львов Н. А. Избранные сочинения. С. 356.*

²⁹ Там же. С. 349.

Таким образом, можно говорить о представлениях комических опер в доме Н. А. Львова. Обнаруженный мною авторизованный список «Сильфа» позволяет высказать предположение о его постановке здесь в 1790-е годы. С этой же традицией, как кажется, связаны следующие пьесы: «Милет и Милета» (1794), «Парисов суд» (1796) Н. А. Львова, «Клорида и Милон» (1800) В. В. Капниста, «Кутерьма от Кондратьев» (1806) Г. Р. Державина. О последней сохранилось следующее примечание ее автора: «Сия домашняя комедия сочинена была для детей, племянниц автора, Львовых, которые приехали погостить к автору на его именины»³⁰

К сожалению, полный текст «Сильфа» долгое время не был известен ученым и лишь в начале 1960-х годов партитура комической оперы была обнаружена в Псковском краеведческом музее А. С. Розановым, сообщившим о своей находке в статье «Композитор Н. П. Яхонтов».³¹ В ней была восстановлена биография «незаслуженно забытого русского композитора доглинкинского периода». А. С. Розановым впервые было указано на существование двух редакций «Сильфа» и на их различия. Мелодика комической оперы (именно она была в центре внимания исследователя) оригинальна, хотя в ней заметно влияние В. А. Моцарта и Е. И. Фомина. Подчеркнутое противопоставление помещиков крепостным в пьесе Н. А. Львова сохранено композитором: «Социальному делению основных персонажей на две категории — господ (Мира и Нелест) и слуг (Нина и Андрей) — соответствует и определенный круг музыкально выразительных средств. Так, в партиях Мира и Нелеста интонационный строй далек от русской народной песни, приближается к общеевропейскому музыкальному языку эпохи (...) И наоборот, партии представителей народа, Нины и Андрея, насыщены интонациями подлинной русской народной песни, живыми оборотами повседневной русской речи».³²

В 1980 году была опубликована статья Е. Д. Кукушкиной «Комическая опера Н. А. Львова „Сильф, или Мечта молодой женщины“. (К вопросу о методе Львова-драматурга)»,³³ где установлено, откуда почерпнут сюжет пьесы: «Прямым источником „комедии с песнями“ Львова А. С. Розанов считает пьесу Ж.-Ф. де Сен-Фуа „Сильф“. Однако нам кажется, что в

³⁰ Объяснения на сочинения Державина, изданные Ф. П. Львовым СПб., 1834 Ч. 4 С. 11 Как установил американский исследователь Джон Рэндольф, аналогичные представления имели место и в связанной родственными узами с львовско-державинским кругом семье Бакуниных Им обнаружен текст «Пролога Нового года на 1790 г.», написанного Прасковьей Михайловной Бакуниной для семейного исполнения (ГАРФ, ф. 825, оп. 1, № 1061)

³¹ Розанов А. С. Композитор Н. П. Яхонтов // Музыкальное наследство М., 1962 Т. 1 С. 11—64

³² Там же С. 51

³³ Проблемы изучения русской литературы XVIII века Л., 1980 Вып. 4 С. 48—53

основе сюжета русской оперы лежит не плутовская комедия Сен-Фуа, в которой маркиз Сильвин с помощью ловкого слуги, переодевшись в женское платье, добивается расположения нелюдимои Юлии, а нравоучительная сказка Мармонтеля „Le mari Sylphe” («Супруг Сильф»). Львов сохраняет основную идею сказки, почти буквально следует эпизодам ее сюжета, не изменяет количество героев. Тем не менее он создает вполне оригинальное драматическое произведение с тонко очерченными характерами героев, изящным юмором и сложным драматическим конфликтом».³⁴

Е. Д. Кукушкиной было отмечено, что «Сильф» представляет «пьесу в пьесе», «где зрителями являются не только сидящие в зале, но и сами персонажи оперы — слуги, которые оценивают происходящие на их глазах события».³⁵ В соответствии с этим комический эффект, по мнению исследовательницы, достигается в первую очередь столкновением двух полярных мировосприятий, использует Н. А. Львов и приемы, восходящие к народному театру, и опыт волшебного-феерических зрелищ

По отношению к «Сильфу» нужно констатировать большую степень изученности в сравнении с другими пьесами Н. А. Львова, однако ряд проблем, на наш взгляд весьма существенных, не получил еще должной разработки: текстология музыкальной оперы; «Сильф» Н. А. Львова и повесть Ж. Ф. Мармонтеля «Le mari Sylphe». Их рассмотрению и будет посвящена вторая часть данной статьи.

До настоящего времени были известны следующие рукописные материалы, позволяющие проследить историю текста пьесы:

1 Отрывок из списка «Сильфа»; включает семь явлений первого действия и начало восьмого; писарская копия без авторской правки. Хранится в фонде Г. Р. Державина в Российской Национальной библиотеке в Петербурге.³⁶ Признан отражающим первоначальную авторскую редакцию — ср. указание на титульном листе: «Сильф, или Мечта молодой женщины. Комедия с песнями в двух действиях. Сочинена в 1778 году 15 февраля в Петербурге». Далее обозначается как А.

2. Рукописная партитура «Сильфа», обнаруженная А. С. Розановым в 1960-х годах в Псковском краеведческом музее (далее обозначается как Д). Ныне хранится в Отделе рукописных и редких книг Псковского объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (шифр 260/49; 159 л.).³⁷ Имеет дарственную надпись:

³⁴ Там же С 49

³⁵ Там же С 51

³⁶ РНБ, ф 247, кн 38, л 169—183

³⁷ Этот вариант текста опубликован мной в кн *Львов Н А Избранные сочинения* С 202—252

«Dédié à madame Sophie de Paltchicoff née de Pestschoureff par un mélomane dévoué».³⁸ Судя по водяным знакам, бумага изготовлена в 1824 году. По всей видимости, это копия с более ранней, не дошедшей до нас партитуры, принадлежавшей Н. П. Яхонтову (далее — С).

3. Неизвестный ранее список «Сильфа» с авторской правкой, хранящийся ныне в РГАЛИ (Москва) — ф. 1296, оп. 2, № 13, 46 л.³⁹ За титульным листом следует акварельный рисунок Н. А. Львова, изображающий сцену второго действия, как ее себе представлял автор. На предпоследнем листе указаны дата и место окончания работы — «25 июля 1791, Черенчицы». На последнем листе следующая запись рукой Н. А. Львова:

«Revue, corrigé et augmenté⁴⁰ в тот же час после ужина.

Как приятно в вечер красной
Слышать двух друзей согласной,
Как сердце их, тон простой.
Голос правды дух прельщает,
А природа повторяет
Только сельской песни строй.

Петру Лукичу и Федору Петровичу».⁴¹

В описях РГАЛИ автор пьесы не был указан и до недавнего времени она считалась анонимной. В XIX веке рукопись прошла через магазин В. П. Ключкова, как о том свидетельствует наклейка на обороте обложки. Затем она, по-видимому, была приобретена И. А. Шляпкиным,⁴² коллекция которого поступила в библиотеку Саратовского университета. Отсюда приказом от 18 апреля 1942 года она передана ЦГАЛИ в Москве (ныне РГАЛИ).⁴³ Это, несомненно, наиболее полный и выражающий последнюю авторскую волю текст (далее — В).

В сущности связь различных списков можно представить следующей стеммой:

A → B → C → D

Близость А и В весьма велика — речь в данном случае должна идти лишь о незначительных исправлениях. И от А, и от В Д отличается в значительно большей степени — фактически можно говорить о более краткой версии комической

³⁸ О лицах, упомянутых в посвящении, см. вышеупомянутую статью А. С. Розанова.

³⁹ Ниже ссылки на эту рукопись даются в тексте с указанием хранилища и номера листа.

⁴⁰ Просмотрено, исправлено и дополнено (фр.).

⁴¹ Т. е. П. Л. Вельяминову и Ф. П. Львову.

⁴² Без указания автора «Сильфа» числится в описи его собрания: *Петец В. Н.* Описание рукописей проф. И. А. Шляпкина // Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960. С. 375. № 291.

⁴³ За помощь в уточнении перемещения рукописи выражаю благодарность С. А. Мезину.

оперы. Но если текст подвергся сокращению, то ремарки нюансировались и расширялись. По сравнению с А на протяжении начальных семи явлений в Д добавлено около 30 авторских указаний («смеясь», «с огорчением», «с насмешкою» и др.), 8 ремарок расширены и лишь две исключены. Сравнение В и Д показывает в то же время, что если основной текст в Д сокращался, то вокальные номера возрастали в своем объеме (так, сцена импровизации Торини во втором действии в два раза длиннее). Столь значительное «вторжение» наряду со стилистической правкой позволяет предположить, что эти изменения принадлежали Н. А. Львову, «адаптировавшему» текст для написания к нему музыки или же для какой-либо его домашней постановки. Впрочем, ответить на этот вопрос однозначно в данный момент вряд ли возможно.

Приведем один, наиболее показательный, пример соотношения В и Д:

Мира (*вспыльчиво*) Учтив? О! если бы он осмелился употребить против меня власть свою, то увидел бы он раскаянием, что может оскорбленная чувствительность! Я теперь в молчании сношу гордость его, и никто, конечно, не услышит моих жалоб, а тогда, пошла бы я на все опасности, свыше пола моего и городских толков. Я бы оставила его

Нина (*в сторону*) О! это не шутка. Однако, сударыня, это правда, что есть мужья, такие грубияны, такие неучтивцы

Мира. Мне это довольно удивительно — и надобно быть очень глупенькой девушке, чтобы из грубого жениха согласиться иметь несносного мужа. Как ни хитры мужчины, однако дурные души их, часто обличаются одним поступком

Нина. Полно, вам что тужить! если бы барин был неучтив и вы бы пожаловались вашему сильфу, то он бы проучил его

Мира. Вот какой вздор! Нет, Нина, чтобы ни было между нами, не допущу я никого сделать зло моему моему

(РГАЛИ, л 27 об — л 28 об)

Мира (*вспыльчиво*) Учтив! О! если бы он осмелился употребить против меня власть, то увидел бы, что может оскорбленная чувствительность. Теперь я в молчании сношу его гордость, и никто, конечно, не услышит моих жалоб, а тогда б

Нина. Да что вам тужить. Если бы он вздумал сделаться против вас неучтив, вы бы пожаловались бы вашему сильфу, так он бы его проучил

Мира. Нет, Нина, что бы между нами ни было, я никогда никого не допущу делать зло моему моему⁴⁴

Художественное своеобразие первого драматического произведения Н. А. Львова невозможно понять без сопоставления пьесы с ее французским источником. Подобный анализ позволит выяснить, насколько поэт оригинален в трактовке характеров, где он следовал за Мармонтелем, вводил ли

⁴⁴ Львов Н. А. Избранные сочинения. С. 233

новых персонажей, включал ли в комическую оперу эпизоды, которых нет у его предшественника и т. д.

«Нравоучительные рассказы» («Contes picaresques»), к которым принадлежит «Le mari Sylphe», возникли благодаря сотрудничеству Ж.-Ф. Мармонтеля в журнале «Mercure de France». Редактор этого периодического издания драматург Луи Буасси (1694—1758) вскоре после своего назначения в середине 1750-х годов обратился к писателю с просьбой о сотрудничестве. Так возникли первые рассказы этого цикла. Со смертью Луи Буасси в 1758 году Мармонтель становится редактором крупнейшего французского журнала. Печатавшиеся на его страницах рассказы с прибавлением трех новых вошли в двухтомник, появившийся в самом начале 1761 года. Успех книги способствовал в том же году ее переизданию, при этом в нее были включены еще три новеллы.

Интересующая нас повесть появилась в составе «Contes picaresques» лишь в 1765 году и с тех пор неоднократно перепечатывалась, поэтому установить, каким именно изданием пользовался в конце 1770-х годов Н. А. Львов, представляется затруднительным. Сам Мармонтель считал нужным отметить в предисловии 1765 года, что встречается большое количество супругов, достойных любить, но не доверяющих друг другу, переходящих от холодности к антипатии, от ложной осторожности к обоюдному несчастью. Именно этот случай, утверждал писатель, изображен в повести «Le mari Sylphe». Толчком же к ее созданию, как установлено исследователями, стала одноименная комедия Ж.-Ф. де Сен-Фуа.⁴⁵

Вряд ли может вызвать возражения вывод немецкого ученого Макса Фрейда, что основная тема повести Мармонтеля — изображение вредных следствий увлечения романами.⁴⁶ Не менее существенной представляется затронутая французским просветителем проблема женского воспитания и раннего брака незнакомых между собой молодых людей, а также роли ложных представлений в частной и общественной жизни. Эти вопросы, видимо, волновали и Н. А. Львова, что и побудило его взяться за перо.

Обратимся к сюжету, увлекшему творческую фантазию русского поэта. Юная Элиза покинула монастырь, чтобы предстать перед алтарем с маркизом де Воланжем; она убеждена, что существом наиболее опасным из числа созданных природой являются мужья. Они беспрестанно льстят и лицемерят, для того чтобы затем унижить и поработить своих жен. Воланж сразу же заметил отвращение, внушенное им Элизе, которое он тяжело переживает, ибо весел, галантен, чувстви-

⁴⁵ Lenel S. Un homme de lettre au XVIII siècle. Marmontel d'après des documents nouveaux et inédits. Paris, 1902. P. 232.

⁴⁶ Freud M. Die moralistischen Erzählungen Marmontels. Halle, 1905. S. 19.

телен. Все более влюбляясь и все более страдая, Воланж не может найти выход из сложившегося положения.

В руки Элизы тем временем попадают романы из жизни сильфов — она поверила в существование этих воздушных существ, они полны для нее очарования истинности, они начинают снится ей.

После посещения одной из опер, посвященной сильфам, Воланж встревожен увлечением, с которым жена следила за актером, игравшим сильфа. Воланж ревнует. Вечером происходит разговор между ним и служанкой Жюстиной, конфиденткой его жены. Жюстина оправдывает Элизу, вынужденную влюбляться в духов, ибо ее муж принял скромность за холодность. В конце разговора Воланжу приходит мысль использовать сложившуюся ситуацию, он говорит Жюстине, что труден лишь первый узел интриги и что он рассчитывает на ее помощь.

Отметим сразу, что аналогичный диалог в «Сильфе» несмотря на его сходство и даже перевод отдельных реплик Н. А. Львовым, вполне оригинален. Чуть иначе ведет себя горничная Нина — она обвиняет Нелеста столь же несправедливо, как Жюстина Воланжа, но не столь экспансивно. Если маркиз считает сложившуюся ситуацию опорной точкой интриги, ее первым узлом, то аргументация Нелеста более психологична, он хочет, чтобы Мира, полюбив мечту, со временем нашла в нем предмет своей страсти, боится обидеть жену, сразу разрушив ее иллюзию.

В повести Мармонтеля на следующий день после знаменательного разговора Жюстины и Воланжа юная Элиза описывает своей камеристке виденное во сне: прекрасные небесные существа вздыхали у ее коленей, она находилась в беседке из роз, слышала восхитительный голос, вдыхала благовония... Воланж узнает от Жюстины обо всем, и это помогает ему дебютировать в роли сильфа, он также просит окропить вечером духами постель Элизы.

Следующей ночью Воланж проникает в спальню своей жены и заговаривает с ней, она вскрикивает, на шум прибегает Жюстина. «О, я слышу его», — восклицает Элиза. «Не считайте меня ребенком», — говорит служанка и удаляется: «Спокойной ночи!»

Через день сильф возвращается, между ним и Элизой происходит первая беседа. Воланж рассказывает своей жене о том, что сильфам суждено любить кого-либо на земле, их блаженство заключено в том, чтобы дарить смертным счастье. Элиза жалуется на мужа, который, по ее мнению, является воплощением всех пороков, свойственных мужьям: он убежден в своем превосходстве, груб, жесток и т. д. Сильф утешает ее, когда же речь заходит о его имени, отвечает: «Вало́э».

Ночные встречи становятся регулярными, Мармонтель подробно описывает их. Однажды утром Элиза находит на софе

платье, которое ей хотелось иметь. В другой раз молодая женщина обращается к своему мужу с просьбой купить ей арфу, что Воланж и исполняет. Но в своем кабинете маркиза находит арфу более изящную, украшенную двумя блистающими крыльями, — это подарок сальфа.

Для занятий на арфе приглашен господин Тимотé, предварительно проинструктированный Воланжем. Учителю музыки ночью явился его дух-покровитель и продиктовал стихи, воспевающие Элизу. Тимотé преподносит их маркизе.

Однажды Воланж вспоминает, что его жена забавлялась тем, что чертила две сплетенные литеры — «Э» и «В» (инициалы Элизы и Вало́з). Через некоторое время Элиза, отправляясь на бал, достает из шкатулки драгоценности и видит, что они украшены вензелем из двух букв.

Всю зиму продолжают сюрпризы сальфа, неизменно радостные для юной маркизы. Наконец наступает весна, и молодая чета переселяется за город. Сальф следует за нею. Здесь и должна произойти развязка.

По законам сценического искусства, провозглашенным эстетикой классицизма, пьеса должна была охватывать отрезок времени в 24 часа, поэтому действие комической оперы Н. А. Львова начинается в ночь после приезда Нелеста и Миры в их деревенский дом, а завершается следующим вечером. Соблюдены также единство места (все происходит в саду возле дома) и действия (пьеса целиком посвящена истории любви Нелеста и Миры). Все это придает «Сальфу» композиционную стройность и изящество, способствует стремительности развития интриги.

Н. А. Львов включает в комическую оперу следующие эпизоды, заимствованные у Мармонтеля: приобретение арфы, преподнесение платья, приглашение учителя музыки, сочинение сальфом стихотворения. Все они трансформированы в соответствии с задачами, которые ставил перед собой драматург.

Нелест является своей жене в облике сальфа лишь дважды. В ночь приезда он впервые беседует с Мирой, потом выходит в сад и кратко рассказывает Нине о своем посещении. Нелест очарован своей женой и желает скорейшего и счастливого окончания двусмысленного положения: «Обманывать жену, которую люблю, представлять всякую ночь влюбленного и счастливого духа и всякой день быть скучным мужем не делает меня довольным» (РГАЛИ, л. 16 об.). Утром Мира выходит в парк, и зритель узнает из монолога о ее переживаниях. Второе появление сальфа совпадает с развязкой, этот кульминационный момент должен поразить зрителей.

Днем происходит встреча Миры и учителя музыки Торини, при которой присутствует Нелест, он поет привезенную будто бы арию, не признаваясь в своем авторстве (д. 2, явл. 10). Затем Мира получает в подарок платье; в саду она замечает, что беседка украшена сплетенными литерами «Н» и «М»

(д. 2, явл. 15). Н. А. Львов не следует рабски сюжету французской повести — он изменяет эпизод с вензелями и арфой, создает оригинальные диалоги, арии, дуэты, творчески преобразует источник. Наконец он вводит новое действующее лицо (крепостной) и эпизод с эхом, украсивший пьесу. Мира разговаривает с собой — окончание ее реплик подхвачено эхом, так возникает беседа с ним:

«Мира

...Сколько дух во мне страдает,
то едина только знает
страждущая грудь сия.

Эхо

...и я.

Мира (с удивлением)

Я слышу, в воздухе мне кто-то отвечает,
Неужели меня Неис драгой внимает?
Не ты ль, Неис? ... О! как была бы рада я!

Эхо

...да я.

Мира

Ты здесь? но где? где ты? мне это непонятно!
Ты, Неис? (про себя) иль это сон?
Но я не сплю, нет это он.
Спрошу еще его... или тебе приятно
Со мной быть иногда.

Эхо

...да», и т. д. (РГАЛИ, л. 16 об.—17).

Как бы сама природа помогает молодым супругам, поддерживая иллюзии Мира. О мастерстве Н. А. Львова-драматурга свидетельствует то, что введенный эпизод не тормозит развитие действия, но ускоряет развязку: Мире кажется, что Неис назначил ей свидание на вечер. После разговора с эхом она с нетерпением ждет приближения ночи.

Переезд главных героев за город в повести Мармонтеля предшествует концовке — встречи с Валоэ возобновляются. Сильф изъявляет желание посетить Элизу во время купания, она смущена. На следующий день маркиза находит в ванной свой великолепный портрет, вставленный вместо зеркала (этот эпизод не вошел в русскую пьесу).

Вскоре сильф назначает свидание Элизе, говоря, что при встрече примет облик ее мужа. Воланж встревожен, ибо должен испытать добродетель своей супруги (обстоятельство, придающее особую пикантность финальной сцене повести Мармонтеля, опущено Н. А. Львовым). Когда же наступает минута решительного объяснения, Элиза подчеркивает, что

любит сильфа именно как духа, как свою мечту. Вало́ же признается ей, что его повелитель, король небесных сфер, приказал ему воплотиться, приняв облик ее мужа, и послал его на землю, чтобы Элиза подчинилась его желаниям. Эти слова приводят маркизу в отчаяние:

— Да, я люблю вас, Вало́, — восклицает она, — но честь для меня более дорога, чем жизнь и любовь.

— Но посмотрите, как я похож на вашего мужа.

— Но ведь вы не он.

Воланж в восторге, что жена выдержала испытание, он открывает ей правду. Жюстина подтверждает, что все, что случилось, было подготовлено маркизом, чтобы завоевать любовь жены. Счастливая Элиза обнимает своего мужа и признается, что он покори́л ее сердце.

Несколько иначе завершает свою пьесу русский драматург. Мира ждет встречи с сильфом в саду, он ей сообщает о том, что небесный повелитель позволил принять Неису облик ее мужа Нелеста. Мира встревожена («Под видом мужа я тебя, Неис, любя, // Должна обманывать и мужа, и тебя // — обманывать себя!»), но соглашается:

Постой.

Возможно ли такой любви супротивляться!

(решительно)

Ты можешь показаться (РГАЛИ, л. 39).

Развязке предшествует великолепное феерическое зрелище, столь характерное для итальянских опер-серия, ставившихся в Петербурге:

«При последнем слове слышен на духовых инструментах за кулисами риторнель, выражающий снисхождение небесных духов; зад у беседки открывается, и сквозь туман виден длинной освещенный путь, по которому ведут четыре сильфа Нелеста, опутанного цепями, составленными из цветов. Платье на нем белое и богатое, растрепанные волосы перевязаны лентами, на всяком дереве отпадает по несколько ветвей, между которыми видны сильфы, поющие следующий хор:

Часто смертным налагает
Узы блеск пустой мечты:
Власть телесной красоты.
Лучшей славою блистает
Нежной Миры торжество;
Красота души прельщает

и само божество» (РГАЛИ, л. 38—39 об.).

Когда Нелест вступает в беседку, иллюминация и пение прекращаются. Мира, пораженная сходством Неиса и своего мужа, падает без чувств. Когда главная героиня приходит в себя, Нелест умоляет узнать в сильфе обожающего ее супруга. Он и Нина признаются в розыгрыше, о котором более никому неизвестно. Юная чета счастлива. Музыкальный финал венчает пьесу.

Концовка повести Мармонтеля менее правдоподобна — вряд ли Элиза могла столь долго беседовать с Воланжем, не узнав его, не усомнившись, сильф ли перед ней, принявший облик мужа, или сам муж. Подобное завершение не было приемлемо для пьесы, поэтому русский поэт избирает иное решение, на наш взгляд весьма удачное.

Как видно из сопоставления комической оперы Н. А. Львова и повести Мармонтеля, образы главных героев не претерпевают значительного изменения, хотя, нужно отметить, Нелест более деликатен и простодушен, чем Воланж. Персонаж русской пьесы не стремится испытывать свою жену, а лишь желает заслужить ее любовь. Иначе дело обстоит с другими героями пьесы. Так, Нина лишена экспансивности Жюстины. В отличие от французской камеристки, всерьез переживающей за своих господ, Нина порой посмеивается над барскими причудами:

«**Нина** (одна). Какие чудесники! Жена проказит да воздушных любовников выдумывает, муж от земной жены бегаёт, да по ночам звезды считает, а нам, право, нет покою.

Ария (без риторнеля)
О! когда бы мне женою
Удалось твоею быть!
То ночной бы ты порою
Этак позабыл ходить.
Нет, уж не учить бы Нину,
Как супругу, господину
Приказать себя любить», и т. д. (РГАЛИ, л. 10).

Ария Нины в 17-м явлении 2-го действия — это не только совет служанки господам, но и своеобразная мораль пьесы:

Шуткой, шуткой, господа,
Ваши маленькие вздоры,
Прихоти, упрямства, ссоры
Исцеляйте завсегда (РГАЛИ, л. 36 об.).

Учитель игры на арфе Тимотé в повести Мармонтеля — участник розыгрыша; в пьесе Н. А. Львова создан образ итальянского музыканта Торини, погруженного в себя, плохо владеющего русским языком, постоянно бранящегося с дворовым Андреем. Сцена их препирательства выделяется в пьесе фарсовым комизмом, открывает второе действие и задает ей жизнерадостную тональность.

Торини преподаёт Мире, готовит представление, но о размовке супругов и не подозревает, он будто живет в ином измерении. Замечателен эпизод импровизации Торини, также не имеющий аналогий в повести Мармонтеля, — зрители как бы соучаствуют в сочинении музыки (д. 2, явл. 5).

Подлинной удачей Н. А. Львова-драматурга стал образ крепостного Андрея, соединяющего отеческую нежность по отношению к господам с искренним непониманием сущности конфликта. Андрей немного трусоват, боится нечистой силы,

предпочитает ухаживать за капустой и морковью, а не за садовыми клумбами, не дает спуску Торини, которого называет «французом» и «немчином» в одно и то же время. Этот персонаж как бы оттеняет искусственность конфликта господ, олицетворяя простонародный упрощенный взгляд на их взаимоотношения. Андрей искренне радуется благополучному окончанию размолвки молодой четы; ему же выпадает завершить пьесу, прокламировав победу над предрассудком и установление желанного status quo:

Когда с вами зауряд
Наша проста речь годится,
Во крестьянстве говорится,
Что не надобен и клад,
Как с женой у мужа лад (РГАЛИ, л. 45 об.).

В заключение хотелось бы отметить, что каждое из драматических произведений Н. А. Львова — своеобразный сценический эксперимент: «Сильф» — опыт первой в русской литературе XVIII века светской музыкальной пьесы; «Ямщики на подставе» — хроника отрезка жизни русского свободного крестьянства; «Милет и Милета» — пастораль, значительная доля прелести которой заключена в ее аллюзионности, связанной с историей сватовства Г. Р. Державина к Д. А. Дьяковой;⁴⁷ «Парисов суд» — пожалуй, единственная в русской литературе аллегорическая бурлескная комическая опера. Театр Н. А. Львова мог существовать лишь в атмосфере доброжелательности, «повышенной информированности» аудитории, ее подготовленности к восприятию нетрадиционных сценических средств. В этом, как кажется, причина и провала «Ямщиков» на профессиональной сцене, и камерности исполнения других музыкальных пьес Н. А. Львова. Их бытование в конце XVIII—начале XIX века было связано именно с любительским дворянским театром.

⁴⁷ Лаппо-Данилевский К. Ю. Эпизод биографии Г. Р. Державина и комическая опера Н. А. Львова «Милет и Милета» // Г. Р. Державин: Личность, творчество, современное восприятие: Тезисы Международной конференции, посвященной 250-летию со дня рождения поэта. Казань, 1993. С. 33—35.

«ПРАВОСУДИЕ» И «МИЛОСТЬ» В ПОЭЗИИ Державина

Тема «правосудия» — одна из центральных в творчестве Державина. И это вполне понятно, так как именно названная тема особенно тесно связывала, объединяла творчество поэта и его государственную деятельность. В стихотворении «Осень» (предположительно датированном 1804 г.), Державин писал:

Я дни мнил Астреи, мир и покой
Ввеств в распрей вертеп; и с чистой душой
Благ всем желал.¹

В «Объяснениях» к своим сочинениям поэт так прокомментировал эти строки: «Автор говорит про себя, что, будучи генерал-прокурором, хотел ввести правосудие, желая общих благ» (3, 696).

Постоянно размышляя о сущности правосудия, Державин неоднократно обращался к тексту Псалтири. Здесь он находил созвучные ему идеи, получавшие затем в его стихах новую интерпретацию. Характерный пример — знаменитое переложение 81-го псалма «Властителям и судиям» (1780), которое обычно интерпретируется, и не без основания, как обличение «земных богов», т. е. царей.² Между тем стихотворение имеет и более широкий смысл, отражая нравственные искания Державина, продолжавшиеся на протяжении всей его жизни.

Сопоставление текста стихотворения, точнее разных его редакций и вариантов, с текстом Библии обнаруживает существенные расхождения, что отчасти было уже отмечено исследователями. Обратим внимание на заключительные строки 81-го псалма: «Воскресни, Боже, суди земли, яко ты наследши во всех языцех».

Другие русские поэты XVIII века, обращавшиеся к этому же псалму, стремились более или менее точно передать библейский текст. Так, в переложении В. И. Майкова, осуществленном не позднее 1773 г., соответствующие строки звучали так:

Боже, сие внемли,
Сколь неправды в нас велики
Воскресни, суди земли
И наследуй меж языки³

¹ Сочинения Г. Р. Державина, с объяснительными примечаниями Я. Грота СПб, 1865 Т. 2. С. 556 В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы

² См. *Lehmann U. G. R. Derzavins Paraphrase des 81. Psalms «Властителям и судиям» Zum 150. Todestag des Dichters // Zeitschrift für Slawistik 1960 Bd XI H. 4. S. 550—553*

³ Сочинения и переводы В. И. Майкова СПб, 1867 С. 8

Державин уже в первоначальной редакции стихотворения акцентировал мотив борьбы со «злыми»

Итак, коль истины не стало,
И правды в свете нет нигде,
Исторгни, Творец, неправды жало,
Приди и царствуй сам везде (1, 110)

В окончательной редакции строфа была переработана коренным образом. Вместо достаточно абстрактного призыва «исторгнуть неправды жало» появились замечательные страстные строки

Воскресни, Боже! Боже правых!
И их молению внемли
Приди, суди, карай лукавых
И будь един царем земли! (1, 113)

С удивительной силой здесь зазвучала тема возмездия: вышший судья должен не только защищать слабых и невинных, но и наказывать, карать обидчиков (в соответствующем библейском тексте о каре не говорилось). В то же время Державин, воспитанный на христианской этике, последовательно развивает систему образов, связанных с представлением о Страшном суде. Люди делятся на «правых» — «праведников» и «лукавых» — «грешников»; первым суждена Божеская милость и благодать, вторым — адские муки.

К этой теме поэт продолжает обращаться на протяжении всего последующего творчества. Характерно, в частности, стихотворение «Правосудие» (подражание Архилоху, переведенное с немецкого в 1796 или 1797 г.).

Нет! знай, что Правосудья око,
Хоть бодрствует меж звезд высоко,
Но от небес и в бездны зрит
Тех милует, а тех казнит
И здесь, в сей жизни скоротечной,
И там, и там, по смерти, в вечной

Нет, стой! Есть Бог, есть Вседержитель,
Живых и мертвых есть судья
Есть наших тайных дел ценитель

Он счастье, славу дням твоим
И продолжение дарует
Страшись, когда вознегодует! (2, 116—117)

Но еще в стихах 1780-х годов, обращенных к «земным богам», вершившим судьбы людей, Державин чаще всего подчеркивал их незлобие, снисходительность, стремление воспитать подданных собственным благородным примером. В знаменитой «Фелице» (1783) императрица предстает как «ангел кроткий, ангел мирный», который «проступки снисхождением правит», «шутам, трусам, неблагодарным / И праведным свой свет дарит» (1, 146). Славя Г. А. Потемкина под именем Ре-

шемысла («Решемыслу», 1783), Державин опять-таки подчеркивает его добродушие:

Он в сердце злобы не имел
И даже мухи не обидит (1, 174)

Развивая тему царской или боярской милости, Державин следовал традиции русской одической поэзии: как и Ломоносов, поэт в комплиментарной форме предлагал государям свою программу, поучал, давал советы. Несколько позднее к этой же традиции обратится и Карамзин, который в стихотворении «К Милости» (1792) смело выступит в защиту подвергнутых в это время репрессиям своих друзей — Новикова и членов его кружка. Это стихотворение явилось выражением политической и общественной философии эпохи.⁴

Для Державина, однако, понятие «милость» не стало синонимом слова «всепрощение». Мысль о воздаянии и за добро, и за зло постоянно занимала его. Об этом свидетельствует, в частности, обращение поэта к тексту 100-го псалма «Милость и суд воспою тебе, Господи...» — стихотворение «Праведный судия» (1789):

Я милость воспою и суд
И возглашу хвалу я Богу,
Законы, поученье, труд,
Премудрость, добродетель строго
И непорочность возлюблю

Моей трапезой угошу
Правдивых, честных, благодетельных,
К благим и добрым буду добр

И где со мною ни сойдутся
Лжецы, мздоимцы, гордецы,
Отсюду мною изженутся
В дальнейшие земны концы,
Иль казнь повергнет их во гроб (1, 265—267)

Соответствующий псалом завершается такими словами: «Во утрия избивах вся грешныя земли. Еже потребити от града Господня вся делающая беззакония». У Державина грешники не только подвергаются суровому наказанию, но осуждаются на казнь, лишаются жизни («казнь повергнет их во гроб»).

Стимулом для дальнейших размышлений Державина о «милости» и «правосудии» оказался весьма интересный эпизод, связанный с историей текста оды «На взятие Измаила» (1790 или 1791). Стихотворение неоднократно перерабатывалось, свои поправки вносили в него Н. А. Львов, В. В. Капнист, И. И. Дмитриев. Многие из предложенного ими Державин не

⁴ См. Cross A. G. N. M. Karamzin. A Study of His Literary Career (1783—1803) London and Amsterdam, 1971 P. 61

принял; тем интереснее и значительнее те случаи, когда он согласился с правкой В строке «и милостью сердца пленить» Львов заменил слово «милостью» словом «правотой», сопроводив это весьма любопытным рассуждением: «Ломоносов показал дорогу везде просить милости. Я не считаю это ни благородным подвигом, ни красным словом, да и в моральном смысле не представляется мне милость иначе как простить преступление, и если милость без заслуги, то она, поверь мне, что наказание невиновному, угнетение общее, если же милость кто по заслуге получал, то она уже не милость, и слово сие уменьшало бы достоинство действия, тогда бы была она только справедливость и для того я написал правота» (1, 359).⁵ Очевидно, рассуждение Львова показалось Державину убедительным, так как в последующих изданиях строка стала печататься:

И правотой сердца пленить

В 1790-е годы поэт неоднократно возвращался к теме правосудия, продолжая говорить о необходимости возмездия за зло. Благодатным материалом по-прежнему служил текст Псалтири. Перелагая 74-й псалом (стихотворение «Радость о правосудии», 1794), Державин вслед за текстом псалма повторил свой излюбленный мотив:

Неправых выя да согнется,
А правых вознесется роґ! (1, 597)

В то же время, как и в других случаях, Державин по-своему интерпретировал библейский текст, свободно варьируя и дополняя его. В стихотворении есть строки, не находящие соответствия в 74-м псалме:

Нет человека без порока,
Без слабостей и без страстей (1, 596)

Очевидно, поэт придавал большое значение этой теме: вариантом первой из приведенных строк были слова «Нет в мире беспорочных»,⁶ также не имевшие аналогии в тексте 74-го псалма, однако перефразирующие известное библейское выражение из 115-го псалма: «Всякий человек есть ложь»

Это изречение Державин использовал уже в «Фелице» (1783):

Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож
Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякий человек есть ложь (1, 139)

⁵ Текст сверен и уточнен по рукописи. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки, ф 247, т 1, л 87

⁶ Ильинский Л. К. Из рукописных текстов Г. Р. Державина // Известия Отделения русского языка и словесности 1917 Т. 22 Кн. I С. 306

К этому же изречению Державин обратился спустя еще несколько лет в своих «Примечаниях» (1805) к стихотворению «Похвала за правосудие» (1798), написанному по просьбе генерал-аудитора князя Ивана Андреевича Шаховского, который хотел, чтобы поэт прославил его как справедливого судью. Державин оказался в довольно затруднительном положении. В «Примечаниях» он так излагал историю создания стихотворения: «Князь И. А. Ш., будучи генерал-аудитором, неоднократно и неотступно просил, чтобы автор написал ему похвалу за правосудие его в главном кригзрехте, а как многия тогда по гневу императора осуждались в ссылку не токмо без справок, но и без ответов, то и не мог он ему написать истинной хвалы, а похвалил иронией, сказав, что он уже и тем счастлив, что ежели без угрызения своей совести исполнял только волю государя, и что никто из человеков не может требовать похвалы за правосудие, которое принадлежит, по строгому смыслу, единому сердцеведу — Богу, ибо всякой человек есть ложь».⁷

Позднее, составляя на основе «Примечаний» «Объяснения к своим стихам» (1809), Державин существенно переработал этот текст, заменив заключительную сентенцию словами: «.. несправедливо было сделать совершенную похвалу за такое неосновательное правосудие» (3, 66). Державину важно было определить свою собственную позицию: он не желал кривить душой, восхваляя «судью неправедного», но все-таки не мог отказать влиятельному Шаховскому. Вполне понятно, как трудно шла работа над этим стихотворением, что и подтверждается черновыми рукописями.

В первоначальном варианте, рисуя идеальный образ неподкупного служителя истины, поэт завершил стихотворение достаточно резкими строками:

Не ты ль то, князь? — Ах, нет! — я чести
Отдать тебе страшуся сей,
Хула для мудрых — голос лести
Доволен правдой будь моей
Благоволит тебе коль Павел
И совесть у тебя чиста,
Держися их всегда ты правил
Вот честь; моя ж хвала — мечта (2, 174)

Такая концовка, конечно, могла задеть Шаховского, и Державин, продолжая работать на текстом стихотворения, существенно смягчил ее. В окончательном тексте идеальный нелюбимый судья не противопоставляется Шаховскому, но предстает как пример для подражания:

⁷ Примечания на сочинения Державина / Публикация Е. Н. Кононко // Вопросы русской литературы Респ. межвед. науч. сб. Львов, 1975. Вып. 1 (25). С. 114 (Черновицкий гос. ун-т)

Так, князь! держись и ты сих правил,
И верь, что похвала — мечта
Счастлив, коль отличает Павел
И совесть у тебя чиста! (2, 175)

При внимательном чтении можно заметить, что стихотворение «Похвала за правосудие» представляет собой чрезвычайно интересную параллель знаменитому переложению 81-го псалма «Властителям и судиям». Обнаруживаются тематические и даже фразеологические повторы:

Властителям и судиям
Ваш долг есть сохранять законы,
На лица сильных не взирать
(1, 111)

Похвала за правосудие
Кто думает на лица сильных
Не зреть, и на мольбы друзей?
< > Соблюл законов строгий долг
(2, 173—174)

Но при всей близости этих стихотворений они существенно различаются по своей направленности. Ода «Властителям и судиям» имеет ярко выраженный обличительный характер. Известно, сколько сложностей возникло при ее опубликовании; позднее, в 1796 году, Державину пришлось опровергать обвинения в якобинстве и доказывать, что «проповедь Священного писания в прямом разуме и с добрым намерением нигде и никогда не была опасна» (1, 115). В стихотворении «Похвала за правосудие» на первый план выступает иная тема: неосуществимость высоких нравственных идеалов: если не пороки, то слабости, присущие всякому человеку, не позволяют в реальной жизни осуществить пример безупречного служения истине.

Искусно отказав царедворцу в похвале, которую тот хотел от него услышать, Державин отстаивал свою творческую независимость. Одновременно здесь возникала исключительно важная для него проблема — ложь поэтического слова и ответственность за нее поэта. Эта проблема постоянно волновала Державина. «Фелица» принесла ему не только славу, но и огорчения из-за толков, возникших после того, как ее певец был щедро награжден государыней. В стихотворении «Видение мурзы» поэт отвечал своим обвинителям:

Но пусть им здесь докажет Муза,
Что я не из числа льстецов;
Что сердца моего товаров
За деньги я не продаю (1, 167)

Подобные поэтические декларации приобретали особый смысл на фоне расцвета «сервильной морали» литераторов XVIII века⁸

⁸ См. Западов В. А. Проблема литературного сервизма и дилетантизма и поэтическая позиция Г. Р. Державина // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. С. 56—75.

Следуя традиции Ломоносова, Державин стремился панегирик соединить с поучением, что и проявилось в стихотворении «Похвала за правосудие». Необходимость поддерживать зыбкое равновесие программных и хвалебных элементов, несомненно, тяготила Державина. Требование «нравственной безукоризненности» постоянно тревожило его: он стремился к ней на протяжении всей своей деятельности и одновременно ощущал неосуществимость этого требования. Стихотворение «Властителям и судиям» явилось одним из наиболее ярких проявлений бескомпромиссной позиции поэта. В стихотворении «Похвала за правосудие» нашло отражение иное — горькое сознание неизбежности отступлений и уступок. «Похвала иронией» должна была иметь вид «истинной хвалы» и, по крайней мере, не вызвать неудовольствия влиятельного вельможи.

Тем не менее поэту всегда оставался чуждым нравственный релятивизм, представление о добре — истине и зле — лжи было для него главной мерой вещей, мерой, с которой он подходил к оценке как деяний, так и слов, к оценке собственного поэтического творчества. Сам поэт становился нелицеприятным судьей, воздающим «истинную хвалу» за добрые дела и осуждающим порок.

СЮЖЕТ «СУД СОЛОМОНА» В ДРАМАТУРГИИ

21 мая 1803 года в Петербургском Большом театре состоялась премьера драмы Л.-Ш. Кенье в переводе А. И. Клушина «Суд царя Соломона». Это было последнее произведение, подготовленное А. И. Клушиным, в ту пору инспектором театральной труппы, для сцены, и одна из первых мелодрам, которые стали особенно популярны в России в 1810—1820-х годах.

Новый драматургический жанр, отличающийся острой интригой, перенесенной в сферу нравственных проблем, эмоциональностью, вниманием к внутреннему миру человека, появился во Франции в конце XVIII века, хотя термин возник позднее. Впервые «мелодрамой» была названа пьеса Р.-Ш. Г. де Пиксерекура «Белый пилигрим» в критической статье актера и теоретика драматургии Ж.-М. де Ларив, опубликованной театрального альманахом «*Coaugier des spectacles*» (1801). С 1803 г. Пиксерекур сам стал называть свои произведения для театра «мелодрамами». Однако этот термин долгое время оставался принятым только во Франции.¹ В России такие пьесы называли драмами, историческими или романтическими представлениями. Слово «мелодрама» появилось на афишах только в 1820-х годах.²

Важная роль в мелодраме отводилась музыке. Она усиливала впечатление от лирических эпизодов, подчеркивала драматизм действия, отмечала значительность изображаемых на сцене событий. Парижские «театры бульваров», в которых исполнялись пьесы Ж.-А. Ф. Ламартельера, Ж.-М. Монвеля, Пиксерекура, а затем Кенье и В. Дюканжа, содержали хорошие оркестры.

Мелодрама Кенье «*Le jugement de Salomon*» была представлена в *Ambigu-Comique* в 1802 г. и принесла автору, которого впоследствии современники называли «бульварным Расином», известность. По свидетельству театральной критики, персонажи были обрисованы хорошо и в высшей степени театрально.³ Музыку к спектаклю написал капельмейстер театра А. Кезен (*Quaisain*). В том же году пьеса была напечатана,⁴ а

¹ Глумов А. Н. Музыка в русском драматическом театре М, 1955 С 404

² История русского драматического театра 1801—1825 М, 1977 Т 2 С 449

³ *Histoire du théâtre contemporain en France et à l'étranger depuis 1800 jusqu'à 1875* par Alphons Roger Paris, 1878 Т 1 P 363

⁴ *Le jugement de Salomon, mélo-drame en trois actes, mêlé de chants et de danse, représenté pour la première fois sur le théâtre de l'Ambigu-Comique, le 28 nivôse an X* Par L. C. Gagniez, auteur de la Forêt Enchantée, et le Nourjahad et Chéradin Musique du c'en Quaisin Ballets du c'en Richard A Paris, se vend au théâtre, an X, 1802 P 1—39

позднее включена в издание «Collections des théâtres français». ⁵

Библейский сюжет, который Кенъе положил в основу пьесы, записан в Третьей книге Царств (III. 16—28).

В Библии сказано, что к Соломону пришли две блудницы с просьбой рассудить их. Они жили в одном доме и почти одновременно родили по ребенку. Ночью сын одной из женщин умер, ибо она «заспала» его. Тогда она положила своего мертвого младенца к груди другой женщины, а живого взяла себе. Утром, увидев возле себя мертвого младенца и взглядевшись в него, эта женщина обнаружила подмену «И сказала другая женщина: нет, мой сын живой, а твой сын мертвый. А та говорила ей: нет, твой сын мертвый, а мой живой. И говорили они так пред царем. И сказал царь: Эта говорит: „Мой сын живой, а твой сын мертвый“, а та говорит: „Нет, твой сын мертвый, а мой сын живой“. И сказал царь: „Подайте мне меч“. И принесли меч к царю. И сказал царь: „Рассеките живое дитя надвое, и отдайте половину одной, и половину другой“. И отвечала та женщина, которой сын был живой, царю, ибо взволновалась вся внутренность ее от жалости к сыну своему: „О, господин мой! Отдайте ей этого ребенка живого и не умерщвляйте его“. А другая говорила: „Пусть же не будет ни мне, ни тебе, рубите“. И отвечал царь и сказал: „Отдайте этой живое дитя и не умерщвляйте его; она его мать“»

В библейском рассказе изображен суд в его древнейшей форме. ⁶ Соломон рассматривает не преступление — кражу ребенка, а словесный поединок между женщинами. Целью суда является установление истины, а не наказание виновной, ибо судьей в библейском смысле подобает быть только Богу (I Книга Царств. 2.10). В Библии этот сюжет является доказательством мудрости Соломона, его права вершить суд над людьми от имени Бога. Рассказ завершается словами: «И услышал весь Израиль о суде, как рассудил царь; и стали бояться царя, ибо увидели, что мудрость Божия в нем, чтобы производить суд».

За испытанием, которому Соломон подвергает женщин, угадывается долгий исторический путь развития человечества от обряда принесения ребенка в жертву до появления табу на этот обряд. ⁷ Древние корни имеет и образ блудницы. На стадии формирования образов герой наделялся профессией, связанной с той стихией, которую он олицетворял. Мать — метафора богини плодородия — в фольклоре и литературе в ре-

⁵ Collection des Théâtres français Mélo-drames — V Tome 5 Seuls, Tremblay, Imprimeur de S a R M G R le duc de Bourbon 1829 P 1—66

⁶ Фрейденберг О Поэтика сюжета и жанра Л, 1936 С 97

⁷ Данилевский Р Ю «Eines Kindes blut'ger Mord» (Заметки к теме) // Res slavica Festschrift für H Rothe Zurich, 1994 S 17—24

зультате смещения религиозной значимости превращается в сводницу, прелюбодейку, гетеру, блудницу.⁸

Необычайный драматизм и психологическая достоверность, потенциально содержащиеся в лаконичном библейском эпизоде, в разные эпохи привлекали к нему внимание художников. Назовем, например, миниатюру Сенской Библии XIV в., фреску Рафаэля в Станцы делла Сеньятура в Ватикане, полотна П. Скалберга, Л. Джордано, Н. Пуссена, П. Рубенса, П. Веронезе

Образ мудрого царя Соломона был с древних времен чрезвычайно популярен и на Руси. Притчи о его судах, включая и библейский рассказ, вошли в состав Палеи, древнейшие списки которой восходят к XIV веку.⁹ Рассказ Палеи добавляет к этому сюжету несколько деталей. Блудницы здесь названы подругами. Верша суд, Соломон обращается к слугам: «Разрубите этого живого мальчика пополам и отдайте половину его этой, а половину той. И мертвого тоже, разрубив, дайте половину его этой, а половину той».¹⁰

Сюжеты Соломонова цикла, близкие к сказкам новеллистического и анекдотического типа, имели широкую популярность в письменности XVII—XVIII веков, продолжая жить и вне текста Палеи.¹¹ Это делало возможным появление в них мотивировок и новых подробностей «Бысть у некоего евреина народися детище в дому, и прилучися соседовой жене в том дому быти; чад у нея не бысть. И быша рождению младенцову, уснувше матери и всем в доме, и прибежа нощию соседова жена и украде детище, и принесе в дом свой, и учини детищу краденному рождение, и ляже на одре своем и повеле мужу своему заколоти овцу и кровию помаза срам свой и призва бабу и повеле иерею с потребою быти и как изготовити младенца крестити, и наутрие возташа вси в дому того жители, где прежде младенец родися в колыбели, младенца не обретоша...» и т. д.¹²

А. Н. Веселовский приводит также древние восточные варианты этого сюжета, которые, несомненно, прежде чем были записаны, долго существовали в устной традиции. Один из них находится в Винае, втором отделе священных писаний буддистов. Рассказывается, что у одного человека не было от жены детей, и он взял себе еще одну жену. Вторая жена

⁸ Фрейденберг О Поэтика сюжета и жанра С 242—243, 305—306

⁹ Лурье Я С Апокрифы о Соломоне // Словарь книжников и книжности Древней Руси Л, 1988 Вып 2 (вторая половина XIV—XVI в.) Часть 1 А—К С 66—68

¹⁰ Памятники литературы Древней Руси XIV—середина XV века М, 1981 С 67, 541 (публ. прим Г М Прохорова)

¹¹ Истоки русской беллетристики Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе Л, 1970 С 329 (исследование Я С Лурье)

¹² Тихонравов Н Летописи русской литературы и древности М, 1862 Т IV, отд II С 142

родила ему сына, которого уступила первой из боязни вызвать ее ненависть Умирает муж, и женщины начинают спорить о ребенке, потому что только на мать переходит право владеть всем домом. Судья хочет убедиться, которая из двух женщин мать, и велит обеим тянуть к себе ребенка изо всей силы, рассчитывая, что настоящая мать будет тянуть осторожнее, чтобы дитя не пострадало.

Другой рассказ помещен в собрании легенд о Будде. В нем говорится, что одна женщина, купаясь, оставила на берегу ребенка. Демон Yakinni принимает образ женщины и просит у матери позволения понянуть ребенка, на самом деле собираясь съест его. Мать соглашается, но видя, что демон с ребенком на руках убегает, преследует их. Они приходят к жилищу пандита (Будды). Спор решается следующим образом Пандит начертил на полу линию, и, положив на нее дитя, велит одной женщине взять ребенка за руки, другой за ноги и каждой тянуть. Кто перетянет — та и мать. Мать потянула немного, но потом оставила и принялась плакать. Решение известно.¹³

Библейский рассказ о мудром Соломоне, решившем спор женщин, еще в средние века явился благодатным материалом для драматургии, поскольку судебный процесс, представляющий собой словесную борьбу двух сторон, имеет генетическую связь с драматическим действием¹⁴ Наиболее ранними пьесами, использовавшими его, были анонимная «Страсбургская пьеса» (1541), «комедия» Ганса Сакса «Juditium Salomonis» (1551), школьная драма Иоганна Баумгарта «Das Gericht Salomonis» (1561).¹⁵ А. Н. Веселовский указывает на драму Христиана Цирля (Christian Zirl) «Urtheil Salomons», напечатанную в Страсбурге в 1692 г. В ее основе апокрифические и фольклорные суды Соломона, причем они изложены так, что один суд входит в другой по способу скрещивания Второй акт открывается известным судом между двумя женщинами о ребенке.¹⁶

Л.-Ш. Кенье существенно осложнил и дополнил библейский рассказ, сообразуясь с духом времени и вкусами публики.

В мелодраме спор о ребенке ведут деревенская девушка Лелия и Тамира, вдова военачальника Баная. Лелия — обманутая невинность, характерный для литературы того времени образ, который в скрытой форме соотносится с образом блудницы. Дочь богатых родителей, Лелия рано осиротела и жила со своей кормилицей Деборой крестьянскими трудами. По ходу действия пьесы постепенно выяснялось, что за четыре года до изображаемых событий Лелия познакомилась с млад-

¹³ Веселовский А Н Собр соч Пг, 1921 Т 8, вып 1 С 90—92

¹⁴ Фрейденберг О Поэтика сюжета и жанра С 160

¹⁵ Kawerau W Johann Baumgarts «Gericht Salomonis» // Vierteljahrschrift für Litteraturgeschichte 1896 Bd 6 S 1—37

¹⁶ Веселовский А Н Собр соч Т 8, вып 1 С 397

шим братом Соломона Элиофалом. Он был на охоте и увидел Лелию, собирающую цветы. Молодые люди полюбили друг друга, и «любовь привела в заблуждение» их разум. Между тем Соломон призвал Элиофала к себе, и тот, «рассеянный удовольствиями двора» и служебными обязанностями, забыл о своей возлюбленной. Узнав о том, что Лелия родила сына, Элиофал хотел «излить на нее всевозможные благодеяния», но она не приняла их, тем более что сразу после рождения, ночью, ребенок был похищен, а вместо него положен мертвый. Теперь в каждом трехлетнем младенце Лелия ищет черты сходства со своим сыном.

Действие пьесы происходит в день бракосочетания Соломона и Египетской царевны. Лелия со своей кормилицей пришли в Иерусалим, чтобы увидеть этот пышный праздник. Лелия в душе надеется встретить Элиофала, тем более что в народе ходят слухи, что он намерен жениться на Тамире, вдове с трехлетним сыном.

Шаг за шагом драматург ведет зрителей к догадке, что Тамира не родная мать этого ребенка. Садовник Морад замечает, что в те редкие минуты, когда Тамира бывает вместе с сыном, она холодна с ним. Нянька младенца рассказывает, что он родился очень слабым, но призванный на помощь врач за одну ночь вылечил его.

Напряженность действия постепенно нарастает. Выясняется, что Банай хотел оставить Тамире, и только рождение сына удержало его от этого шага. Расставшись с мужем, Тамира вынуждена была бы вернуться к своему прежнему «низкому состоянию».

Многочисленные трогательные сцены вызвали у зрителей чувство сопереживания и составляли основное содержание пьесы. Лелия встречает ребенка, в руках у которого гнездо с птенцами. Она уговаривает мальчика положить гнездо на место: «Ты не знаешь, милая крошечка, что мать, которая потеряла детей своих, будет их вечно оплакивать» (д. 1, явл. 2). Насыщен волнующими диалогами эпизод, когда Элиофал встречает Лелию и в его сердце возрождается любовь (д. 2, явл. 3). В душе Лелии борются надежда и отчаяние, когда по знакам на шее и руке ребенка она узнает в нем своего сына (д. 2, явл. 5).

О сцене, когда конфликт между разоблаченной Тамирой и Лелией достигает предельной остроты, следует сказать особо. Это первая кульминация пьесы. Обнимая ребенка, Лелия обвиняет Тамире в его похищении. Она не намерена еще раз терять сына: «Скорей можно вырвать сердце у меня!». Тамира приходит в исступление. Она пытается вырвать мальчика из рук Лелии, и та, после некоторого сопротивления, выпускает его, восклицая с отчаянием: «Ах, она его так больно жала!» (д. 2, явл. 6). Нетрудно заметить, что этот эпизод по способу решения спора напоминает один из восточных вари-

антов сюжета. Он был бы достаточен для разрешения конфликта в пьесе. Но, по замыслу Кенье, время для развязки еще не наступило. Следует еще одна психологически напряженная сцена. Элиофал, в душе которого борются любовь к Лелии и чувство долга по отношению к Тамире, узнает, что ребенок может оказаться его сыном. Взволнованный, он принимает решение обратиться за помощью к Соломону.

Третье действие представляет собой сцену суда, которая разработана с обстоятельностью. Для зрителей важен был не результат суда, он был предопределен, а сам его процесс. Во время суда персонажи пьесы наиболее полно проявляли свою сущность. Это выражалось в их репликах и подчеркивалось сценическим поведением, определяемым авторскими ремарками. Тамира «входит с левой стороны с видом гордым и презрительным и едва кланяется Соломону. Потом Лелия (...) выходит с правой стороны. Вид ее скромн, глаза опущены в землю» (явл. 4). Открываются последние неясные детали и подробности совершенного Тамирой преступления. Именно так оценивается ее поступок в пьесе. У Тамиры была корыстная цель. Похищенный ребенок позволил ей сначала сохранить мужа, а затем стать наследницей его богатства. Близится развязка конфликта. Но Соломон в нерешительности. Тем самым драматическое напряжение еще более усиливается. Царь размышляет: «Каким образом могу я произнести мой приговор без оскорбления правосудия? Одна имела на дитя неоспоримые права даже до сего дня. Другая разрушает их, если не сильными доводами, то, по крайней мере, догадками (...) Желая отдать ребенка одной, может быть, могу я отнять сына у другой. Между тем обе могут быть невинны. Итак, пусть одна из вас сделает великодушную жертву другой. А я клянусь всем моим могуществом наградить эту потерю». Лелия решительно отказывается: «Всеми вашими сокровищами не можете вы мне заплатить за моего сына». Тамира, предчувствуя свое поражение, восклицает: «Мне видеть его у этой женщины! Пусть лучше он погибнет!». Этой репликой она и подсказывает Соломону способ, которым можно разрешить спор. Соломон повторяет ее слова: «Пусть лучше погибнет... Некоторый луч блеснул для меня в глубине мрака (...) (Тамире) Ты меня научила, чем я должен решить... (Солдату) Возьми этого ребенка, умертви его, и чтобы потом драгоценные остатки его тела положены были в два гроба, каждую из этих женщин...» Развязка традиционна. Следует только добавить, что в этом эпизоде участвует и ребенок, который просит пощады у солдата «сложив ручки». В финале истинные родители ребенка Лелия и Элиофал воссоединяются, Соломон лишает Тамиру родового имени Баная, а сама она испытывает глубокое раскаяние: «Я должна заплатить оскорбленной природе. Я менее краснею от преступления, что похитила этого ребенка, нежели от того, что, почитая себя его

матерью, соглашалась видеть его растерзанным пред моими глазами».

Обогащение и расширение сюжета в пьесе Кенье происходит также с помощью второстепенных персонажей. Типичная параллель из низкого сословия к героине и герою — Дебора и Морад. Они не лишены здравого смысла. Их усилиями развивается действие, а рассуждениями о жизни привносится в пьесу легкая ироническая интонация.

Получил развитие и образ Соломона. Библейский царь является лишь его ядром. Как и в Библии, Соломон в мелодраме просит мудрости у Бога, но принять верное решение ему помогают наблюдательность, знание жизни, понимание человеческой души. Звучавшие со сцены рассуждения Соломона о тяжелой обязанности царей вершить беспристрастный суд над людьми и о том, что цари должны быть примером добродетели и благонравия, не выходили за рамки сюжета. Однако значимость этого персонажа подчеркивалась сценическим оформлением эпизодов с его участием. Это были красочные массовые сцены с музыкой и балетом.

Успех мелодрамы Кенье был определен не только достоинствами самой пьесы, но и некоторыми внешними факторами. В середине 1801 г. во Франции были официально восстановлены права католической церкви, и в один из воскресных дней в Париже после более чем десятилетнего перерыва зазвучали колокольные звоны.¹⁷ Появление пьесы, написанной на известный библейский сюжет, соответствовало духу времени и знаменовало возвращение к давно ожидаемому общественному спокойствию.

Усилиями Наполеона весной 1802 г. был заключен долгожданный мир с Англией. Наступили дни всеобщей радости. Популярность первого консула необычайно возросла, день его рождения был объявлен национальным праздником. Мудрый царь Соломон, горячо любимый народом, невольно вызывал ассоциации с Наполеоном, только что, в августе 1802 г., провозглашенным пожизненным первым консулом. Исторической ситуации соответствовали даже некоторые детали библейского сюжета, сохраненные в пьесе. Действие ее происходит в день, когда Соломон берет в жены дочь египетского фараона и тем самым расширяет свои владения. Египетские походы Наполеона (1798) еще не были забыты.

А. И. Клушин обратил внимание на мелодраму Кенье потому, что она отвечала сразу нескольким требованиям, предъявляемым в России начала XIX в. к драматическим произведениям. Она изображала «чувствительных» героев в сложной для них психологической ситуации, предоставляла возможности для богатого сценического оформления спектакля, что в ту пору было модно, и давала возможности драматургу для выра-

¹⁷ Манфред А 3 Наполеон Бонапарт М, 1971 С 390—392

жения его общественно-политических взглядов. Этими возможностями Клушин в первую очередь и воспользовался. Оригинал для перевода послужило французское издание пьесы 1802 г. Сравнение его с наиболее ранним из дошедших до нас списков перевода (РНБ, ф. 550, Q XIV. 62), сделанным в 1808 г. (на с. 41, по другой пагинации 61 — писцовая запись: «окончена перепискою июня 24 дня 1808 года»), показывает, что Клушин значительно расширил роль Соломона, реплики которого превратились в публицистические выступления в духе идей Просвещения. Для более естественного включения одного из пространных монологов Соломона в действие пьесы Клушин добавил эпизод с ребенком. Ребенок спрашивает Соломона: «Отчего это ты царь, а я не боюсь тебя?» На что Соломон, лаская его, отвечает: «Оттого, что дети должны любить отца, а не бояться его. Я проклинаю те страхи, которые презрительная гордость владык сеет между царем и народом. Ежели я могу быть удален на минуту от моих любезных подданных, а они от меня, то низлагаю эту пышную, ненавистную мне корону. Когда не благодарение царя и не любовь народа поддерживает и украшает ее, она тогда недостойна Соломона» (д. 1, явл. 5).

Еще характернее другая написанная Клушиным сцена. Соломону докладывают, что один из подданных осмелился оскорбить его своими суждениями о несовершенстве законов и теперь находится под стражей. Соломон велит тотчас освободить его, «а на несовершенство законов сделать ему свои замечания. И ежели они с пользою граждан более согласны, нежели мои законы, я их завтра приму (...) Если он говорит правду, тогда достоин моего уважения. Если обманывается, то заслуживает наказания. Самое величайшее наслаждение царя простить и, если можно, никогда не наказывать» (д. 1, явл. 6).

В пространных монологах Соломона слышались отзвуки державинских наставлений царям — сохранять законы, помогать слабым, быть «на троне человеком» и отцом своим подданным («Властителям и судиям», «На рождение в севере порфирородного отрока»). Упрекая Элиофала, Соломон говорит: «Брат мой, ты преступник. Удалясь от трона, сошел в хижину затем, чтобы напасть на бессильную, немощную, рыдающую добродетель... Затем ли мы на троне, чтобы сеять преступления и пожинать слезы. Научись знать царя и человека. Чем блистательнее сан первого, тем преступления его ужаснее и вреднее (...) Когда трон царя — трон добродетели — тогда подданный не может быть ни зол, ни порочен» (д. 2, явл. I). «Трон, порфира, алмазы, столь блистательные, не сотрут лучами своими черных пятен в сердце. Думаешь ли ты, что умильный голос бессильной, гонимой добродетели не слышен у престола всемогущего? Нет, мой друг! Будет время, в которое раздастся он сильнее грома, пламеннее мол-

ний. Там — когда мы здесь всемогущи — там, за каждый вздох, за каждую слезу подданного должны мы дать мучительный ответ, там не порфиру, не царя, но человека судить будут» (д. 2, явл. 3).

В обработке Клушина французская мелодрама получила второе рождение. Она стала хорошо вписываться в политическую ситуацию России, проникнутую необычайным воодушевлением в связи с либеральными тенденциями, которыми началось правление Александра I — амнистией политических заключенных и ссыльных, отменой телесных наказаний, смягчением цензуры и другими. Образ либерального царя, царя-гражданина рисовался в первой же сцене пьесы, в разговоре Морада и Деборы: «Вы видели толпу народа, которая собирается со всех сторон, чтобы видеть Соломона? Такова участь добрых царей (...) Кроток, снисходителен, милосерд и мудр, он занимается только нашим спокойствием (...) Какой бедной вдове не отер он слез? Какому сироте не сделался отцом? Так, он более гражданин, нежели царь, более отец, нежели властелин...»

Другие изменения, которые внес Клушин во французский оригинал, должны были сделать пьесу более сценичной. Так, несколько подробнее разработана сцена встречи Лелии и Элиофала, узнавание ребенка по знакам на теле. В ряде случаев Клушин разделил диалоги на более короткие реплики, что сделало речь персонажей живее, позволило придать ей разговорный характер. С этой же целью в текст были включены некоторые реплики: «Идем, идем, Лелия, не думай больше об этом», «Боже мой!». Кое-где добавлены ремарки, которыми должны были руководствоваться актеры: «с небольшой досадою», «с горьким чувством».

В пьесу были включены и новые музыкальные эпизоды — хор, прославляющий царя, и балет (д. 1, явл. 8, 9). Музыка к русскому варианту мелодрамы написал А. Н. Титов, для творчества которого характерны мелодизм, умение передать особенности местного колорита, в данном случае восточного.¹⁸

Успеху пьесы в русском театре способствовали ее богатое сценическое оформление и слаженный актерский ансамбль. В списке пьесы 1808 г. указаны ее первые исполнители. В роли Соломона выступил крупнейший актер начала XIX в. А. С. Яковлев, который умел создать на сцене образ человека с богатым душевным миром и к тому же обладал красивым сильным голосом. Лелию сыграла А. Д. Каратыгина, превосходно передававшая нежные чувства любовниц и матерей и умевшая искренне страдать и плакать на сцене. Большой мастер бытовых ролей В. Ф. Рыкалов исполнил роль садовника Морада. В спектакле участвовали А. В. Каратыгин (Элиофал), старейший актер Н. Д. Сахаров, а также воспитанники теат-

¹⁸ Глумов А. Н. Музыка в русском драматическом театре С 63

ральной школы (А. Люстих). Четырнадцатилетняя М. И. Валберхова исполнила роль ребенка. По-видимому, это было одно из первых ее выступлений на сцене, в главной роли она дебютировала в 1807 г.¹⁹

После первого представления 21 мая 1803 г. мелодрама «Суд царя Соломона» исполнялась на той же сцене на следующий день, затем 11 сентября. По несколько представлений состоялось в Петербурге в 1804 и 1805 годах.

В то же время в Москве в здании Петровского театра французская труппа ставила пьесу — оригинал Кенье. Труппа не блистала талантами, и мелодрама в ее постановке успеха не имела. 28 января 1805 г. С. П. Жихарев записал в своем дневнике: «Сегодня, в бенефис мадам Дюпаре и Mérienne давали мелодраму „Le jugement de Solomon” и оперку „La danse interrompte”. Первая пьеса, несмотря на пространное и высокопарное объявление о ее высоком достоинстве, о господствующей в ней с первой до последней сцены нравственности и проч., есть такое литературное уродство, которому и названия придумать не умею, и, сверх того, так скучна, так скучна, что мочи нет! Это древняя мистерия вроде той, „как Олоферну царю Юдифь отрубила голову”. Рыжая m-me Duraoui играла Соломона, а m-me Mérienne — настоящую мать ребенка. Охота же французам давать такой вздор, а нам платить за него деньги!».²⁰

Судьба русского варианта пьесы сложилась благополучнее, хотя напечатана она не была. Текст мелодрамы сохранился в четырех списках. Кроме списка 1808 г., наиболее раннего, сделанного, по-видимому, с авторской рукописи, существует список Московского театра, который относится, вероятно, ко второй половине 1810-х годов.²¹ После войны 1812 года, которая совершенно разрушила хозяйство театра, он заново создавал свой репертуар, расходуя средства главным образом на постановку мелодрам.²² «Суд царя Соломона» представлялся на его сцене по несколько раз в 1817, 1818 и 1823 гг. На Петербургской сцене постановки возобновились в 1813 г., затем по несколько представлений состоялось в 1814, 1820—1823 гг., в 1825 г.

В петербургской Театральной библиотеке хранятся еще два списка пьесы. Рукопись под шифром I.7.2.64, на бумаге с водяным знаком «1825». Это дефектный текст с большим количеством механических пропусков. Самым поздним из сохранившихся списков является цензурный вариант пьесы (шифр 25 998) с надписью от 21 мая 1860 г. о запрещении ее постановки.

¹⁹ История русского драматического театра. Т. 2. С. 188

²⁰ Жихарев С. П. Записки современника Л., 1989 Т. 1: Дневник студента С. 42

²¹ К сожалению, у автора статьи не было возможности познакомиться с этим списком

²² История русского драматического театра Т. 2 С. 280

В годы правления Николая I мелодрама «Суд царя Соломона» сначала сошла со сцены, так как не соответствовала новым, значительно ужесточившимся, цензурным требованиям. В это время запрещалось изображать в театре монахов, говорить о них хорошее или дурное. Запрет распространялся также на их приближенных, слуг и придворных, которые могли своим поведением бросить тень на повелителей. Позже Николай I снял запрещение выводить на подмостки царей, исключая царствующий дом Романовых, но мало кто из драматургов воспользовался этим разрешением.

Цензура относилась с крайней осторожностью ко всему, что было так или иначе связано с религией. Запрещались исторические пьесы, имевшие отношение к церкви, не допускалось изображение церковных обрядов. В 1836 г. в тексте «Ревизора» Н. В. Гоголя цензором были вычеркнуты все упоминания святых угодников, благословения, восклицания «Боже мой!», «Ей-Богу!», слово «безбожник». Не одобрялись также произведения, посягавшие на чистоту семьи, святость брака, изображавшие соблазнительей или соблазнительниц. Цензура вымарывала все, что могло оскорбить женщину.²³

После большого перерыва представления мелодрамы Клушина возобновились в 1847 году в Петербурге (9, 11 и 16 сентября) и Москве (8 и 11 декабря). В 1840-е годы интерес к пьесе проявили некоторые провинциальные театры. В 1844 г. Харьковская театральная дирекция просила в Цензурном комитете разрешения представить на своей сцене среди других драм «Суд царя Соломона».²⁴ Ярославский частный театр, содержащийся купцом М. Я. Алексеевым, включил эту пьесу в репертуарный список, представленный в цензуру в 1848 г.²⁵ В 1858—1859 гг. она же значится в числе пьес, предполагаемых к постановке Ярославским театром, находящимся на содержании «рыбинского купеческого сына» В. А. Смирнова.²⁶

В эпоху Александра II цензурные требования мало изменились. А. Никитенко записал в 1869 г. в своем дневнике: «Вообще для литературы настала эпоха весьма неблагоприятная. Главное, государь сильно против нее вооружен».²⁷ По-прежнему не рекомендовалось изображать на сцене лиц с атрибутами царской власти. Непозволительным считалось изображение в театре церковных атрибутов, религиозных символов, святых или сцен, затрагивающих религиозные чув-

²³ *Дризен Н В* Драматическая цензура двух эпох 1825—1881 Книгоиздательство «Прометей» Н Н Михайлова, [1917] С 5—6, 42, 104—105, 117, 169

²⁴ РГИА, ф 780, оп № 2, № 46, с 32

²⁵ Там же, ф 780, оп № 2, № 42, с 8, 10

²⁶ Там же, ф 780, оп № 2, № 42, с 43, 55, 74

²⁷ *Никитенко А В* Дневник Гос изд худож лит, 1955 Т 2 С 106

ства.²⁸ В рапорте о пьесах, рассмотренных драматической цензурой 21 мая 1860 г., о драме «Суд царя Соломона», готовящейся к постановке Ярославским театром, после изложения сюжета пьесы сказано: «Цензура, имея в виду, что содержание драмы этой заимствовано из священного писания и что в ней одно из главных действующих лиц — царственный пророк Соломон, полагала бы пьесу эту запретить, как неприличную к представлению на сцене».²⁹ Автором перевода назван А. Крутиннин. Возможно, это ошибка чиновника, составлявшего рапорт, или уловка руководителей Ярославского театра, пытавшихся представить известную цензуре пьесу как новый ее перевод. В том же году в рапорте о пьесах для Харьковского театра о драме «Суд царя Соломона» сказано: «...переделанная с французского Клушиным. Пьеса эта была уже в рассмотрении цензуры и, на основании рапорта 21 мая 1860 года № 114, запрещена».³⁰

Хранящийся в Театральной библиотеке цензурный вариант пьесы позволяет увидеть, какие изменения произошли с ней через 57 лет после премьеры.

Во второй половине XIX в. слово «мелодраматизм» стало синонимом театральной посредственности. Трогательные сцены, когда-то вызывавшие слезы у зрителей, теперь казались нелепыми, устаревшими. Поэтому текст пьесы сократился до двух действий прежде всего за счет этих сцен. Сильно сжаты все монологи Соломона, что сделало его образ безжизненным, схематичным. Сокращены рассуждения и других действующих лиц. Сюжет развивается динамично, быстро обнаруживаются все скрытые мотивы, которыми руководствовались в своих поступках персонажи пьесы, но при этом ощущается недостаточность психологических мотивировок. Количество действующих лиц также сокращено, среди них нет Азелии. Сцена суда во втором действии изображается в кратком варианте. В финале нет упоминания о наказании Тамиры, а мудрость Соломона провозглашается «небесной» (но не божественной). В тексте пьесы опущены все музыкальные эпизоды, а описание места действия лишено прежней красочности.

Еще раз переделка Клушина упоминается в 1884 г. в циркулярном отношении Главного управления по делам печати начальникам губерний. В связи с тем что с 1876 г. надзор за театральными представлениями и зрелищами был возложен на полицию, в циркуляре, во избежание недоразумений, печатался перечень пьес, дозволенных к представлению безусловно (то есть без исключения некоторых мест) по 1 января 1888 г. Среди прочих драматических произведений под № 3782 зна-

²⁸ Дризен Н. В. Драматическая цензура двух эпох. С. 159—160, 169—170, 222, 238.

²⁹ РГИА, ф. 780, оп. № 1, 1860, д. № 37, с. 56.

³⁰ Там же С. 83.

чится «Суд царя Соломона. Драма в 3 д. с хоровыми балетами Подражание Кенье». ³¹

Впервые познакомив русского зрителя с творчеством Л.-Ш. Кенье, А. Клушин открыл путь произведениям этого драматурга на российский театр. В период с 1811 по 1823 г. на петербургской и московской сценах с большим успехом шли драма Л.-Ш. Кенье и А. Лемера «Les enfants du bûche-gon» («Дети дровосека», пер. И. И. Вальберха), историческое представление «Jean de Calais» («Жан Калейский, или Мореходец и принцесса португальская», пер. Ф. И. Шеллера), драма «L'ermitte du mont Pausilippe» («Пустынник на горе Павзилиппе, или Торжество невинности», пер. И. И. Вальберха). Сильное впечатление произвела на публику драма Л.-Ш. Кенье и Т.-Б. Добиньи «La pie voleuse, ou La servante de Palaiseau» («Сорока-воровка, или Палезосская служанка», пер. И. И. Вальберха), впервые представленная в 1816 г. Как известно, ее сюжет лег позднее в основу повести А. И. Герцена «Сорока-воровка».

Параллельно «библейскому» сюжету о женщинах и ребенке самостоятельное развитие в драматургии получил и другой, «восточный» его вариант.

В Мюнхене в театральный сезон 1924—1925 гг. с успехом была представлена пьеса в пяти действиях Клабунда (настоящее имя Альфред Хеншке, Henschke, 1890—1928) «Меловой круг», переведенная «с китайского». ³²

По сюжету пьесы мандарин по имени Ма покупает «девушку из чайного дома» по имени Чан-Хайтан. Сумма, за которую ее продавали, столь велика, что принц Пао, влюбленный в девушку, вынужден был отступить. У Чан-Хайтан рождается сын, но первая жена мандарина из ревности отравляет мужа и обвиняет Чан-Хайтан и ее брата в убийстве мужа и похищении ребенка. Принц Пао, став к этому времени императором, решает спор. Он очерчивает меловой круг, в него кладут ребенка и обеим женщинам велят тащить его из круга якобы для того, чтобы подлинная мать, имея больше сил, перетянула его к себе. Чан-Хайтан из любви к ребенку дважды выпускает его из рук. Ее признают матерью. В финале она становится женой императора ³³

Круг, являющийся символом светила, солнца, изначально сопутствовал судебному процессу. В древности судьи сидели

³¹ Полный алфавитный список драматическим сочинениям на русском языке, дозволенным к представлению безусловно, с приложением циркулярных распоряжений от 21 марта 1884 года за № 1361, 15-го и 20-го мая 1888 г за № 2139 и 2201 Исправлено и дополнено по 1 января 1888 г СПб, 1888 С 167

³² Автором этой китайской пьесы в спектаклях уругвайского театра был назван писатель XIII в Ли Синг-тао (Театр 1956 № 6 С 163)

³³ *Klabund* Der Kreidekreis Spiel in fünf Akten, nach dem Chinesischen Zürich, 1954

внутри священного круга или полукруга.³⁴ В этом сюжете символическое значение круга приобретает новый аспект. Способ разрешения спора смягчен. Нет речи об убийстве ребенка. Соперничество женщин строится на возможности или невозможности причинения ему боли, вреда.

Б. Брехт увидел пьесу Клубунда в берлинском Лессинг-театре. В 1940 г. он написал новеллу «Аугсбургский меловой круг», в которой использовал понравившийся ему сюжет, а затем пьесу «Кавказский меловой круг» (опубл. в 1948 г.).

Пьеса сохраняет рудименты старого сюжета, но Брехт существенно переосмыслил его.

Действие пьесы происходит в Грузии во времена деспотического княжеского правления. В минуту опасности жена губернатора Нателла оставляет своего сына в колыбели, но не забывает захватить с собой дорогие платья. Ребенка спасает служанка Груше. Ради него она в течение двух лет терпит всяческие невзгоды и унижения, жертвует личной жизнью. Когда Нателла узнает, что сможет стать наследницей большого богатства, только имея сына, она требует вернуть его. В роли судьи выступает деревенский писарь Аздак. По его указанию женщины тянут ребенка, поставленного в начерченный на полу круг, в разные стороны. Но Груше, а не «юридическая» мать отпускает его ручку. Она и побеждает в споре. По мысли Б. Брехта, право называться матерью имеет не та женщина, которая родила ребенка, а та, которая искренне и бескорыстно его любит. Пьеса насыщена психологическими мотивировками. Сюжет восточной легенды служит схемой, на которую наслаивается многовековой человеческий опыт.

³⁴ Фрейденберг О Поэтика сюжета и жанра С 97

ПЕРЕПИСКА Н. М. КАРАМЗИНА С А. А. ПЕТРОВЫМ (К проблеме реконструкции «романа в письмах»)

Письма А. А. Петрова к Н. М. Карамзину не были предметом специального литературоведческого анализа. Исследователи использовали этот материал либо в качестве биографического источника,¹ либо для обоснования эстетических позиций Карамзина и Петрова.² Ответные письма Карамзина не сохранились. В 1793 г., напуганный преследованиями, обрушившимися на московских масонов, И. А. Петров уничтожил архив покойного брата.³ Однако реконструкция карамзинских писем представляется вполне возможной: Петров передает их содержание,⁴ восстанавливает зачеркнутые другим строки.⁵ Благодаря особому ощущению адресата, свойственному эпистолярному жанру, письма Петрова доносят реплику, слово, точку зрения корреспондента; сохраняют его интонацию, настроение, движение чувства. Это дает основания для постановки вопроса о переписке Карамзина с Петровым как своего рода «тексте», запечатлевшем их связи, отношения, характеры.

Дружеское письмо второй половины XVIII века — явление особое. Не переставая быть средством связи, документом частной жизни, оно превращается в «школу» чувствования,⁶ становится не только формой познания, самовыражения личности, но и, шире, формой освоения действительности. Переписка воспринимается как факт литературы. В 1760—1770-х гг. письмо в некоторых отношениях опережает литературу. Со свойственной ему непосредственностью и быстротой реакции оно улавливало зреющие конфликты, проблемы века, «схватывало» в жизни новый сентиментальный тип сознания и мироощущения и стихийно отражало их, прежде чем они ста-

¹ *Погодин М. Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии* М., 1866. Ч. 1. С. 26—36.

² См. *Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма* (Эстетические и художественные искания) СПб., 1994. С. 82—84, 86, 90, 208.

³ После смерти друга Карамзин предпринимает попытку получить свои письма, но безрезультатно — См. письмо к И. И. Дмитриеву от 4 мая 1793 г. «Я доволен, что письма мои сожжены, но для чего г. Петров не хотел отдать их, не понимаю» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву СПб., 1866. С. 35).

⁴ Письма А. А. Петрова к Карамзину 1785—1792 / Подгот. текста Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский Л., 1984. С. 501, 502 и др. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы. Орфография и пунктуация писем приведены в соответствие с ныне действующими правилами.

⁵ См. письмо от 20 мая 1785 г. (С. 502).

⁶ *Кулакова Л. И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века* Л., 1968. С. 202.

новились предметом художественного исследования в прозе. В 1780—1790-х гг. дружеское письмо подвергается мощному воздействию литературы, во многом определяющей его тематику и стилистику. Это влияние, скорее опосредованное, чем прямое, было следствием романтического жизнетворчества, выражающегося в сознательной ориентации человеческого поведения на литературный образец.⁷ Карамзин разделял свойственный романтической эстетике взгляд на жизнь «как произведение искусства»⁸ Сошлемся на суждение писателя, оставшееся не замеченным исследователями: «Для чего не сочинять нам романов, когда вся жизнь наша есть не что иное, как роман, отчасти подобный романам девицы Скюдери? Всему есть время, и сцены переменяются».⁹ Оно относится к 1796 г. и должно быть воспринято не только как идея, но и как признание глубоко личного характера: ведь Карамзин был человеком, который, по словам Ю. М. Лотмана, «творил себя» всю жизнь.¹⁰

Но если «жизнь — роман», то переписка, отразившая это вторичное, «построенное» бытие, — «роман в письмах». В данном аспекте мы и будем анализировать переписку Карамзина с Петровым.

Деять писем Петрова к Карамзину — вот все, что уцелело от «романа в письмах», создаваемого друзьями в 1785—1792-х гг «Роман» в шести «частях» и девяти «главах», где в качестве «глав» выступают письма (точнее, каждое отдельное письмо), а деление на «части» осуществляется по пространственно-временному принципу. Мы будем обозначать «части» по месту нахождения адресата: «В Симбирск» (1785), «В Знаменское» (1787), «В Москву» (1788), «В Знаменское» (два письма, входящие в эту «часть», не датированы), «В Женеву» (1789), «В Москву» (1792). Насколько сохранившиеся «части» «романа в письмах» соответствуют реальному объему переписки двух друзей, неясно. С большим основанием можно говорить о двух не дошедших до нас «главах»: одно письмо, датированное июлем 1787 г. (из второй «части»), другое — от июля 1792 г. (из шестой «части»). Во второй «части» отсутствует конец «главы» (письма); четвертая «часть» состоит из двух недатированных фрагментов.

Первая, наиболее обширная (из трех «глав») и, по-видимому, наиболее сохранившаяся «часть» «романа» относится к 1785 г. Карамзин находится в Симбирске, его друг — в Мос-

⁷ См. об этом *Лазарчук Р. М.* Переписка Толстого с Т. А. Ергольской и А. А. Толстой и эпистолярная культура конца XVIII—первой трети XIX в. // *Л. Н. Толстой и русская литературно-общественная мысль* Л., 1979 С. 85—90

⁸ *Гинзбург Л.* «Былое и думы» Герцена Л., 1957 С. 111

⁹ Письмо Н. М. Карамзина А. И. Вяземскому от 20 октября 1796 г. // *Архив князя А. И. Вяземского* М., 1881 С. 112

¹⁰ *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина М., 1987 С. 17

кве. Именно в этой части переписки отчетливо проявляется зависимость поведения и внутренней жизни Карамзина от литературы. На литературное происхождение образа-идеала, под который «подгоняется» внутренняя жизнь поэта, указывают интересные детали из писем Петрова к Карамзину, легко и небрежно иронически разрушающие заданный образ. 5 мая 1785 г. в ответ на жалобы друга Петров пишет: «...совсем не понимаю, как можешь ты почитать свое состояние столь мрачным, каким ты его описываешь. Не погневайся; я думаю, что ты сам отчасти виноват в тех неприятностях, которые терпишь, и хочешь беспрестанно скучать» (С. 499). Следующее письмо Карамзина подтверждает возникшее подозрение. 20 мая 1785 г. Петров бранит друга за «вымаранные строки» в письме от 9 мая 1785 г.: «Ты наделал мне труда на целый час (...) После многих тщетных опытов показалось мне, что тут написано было:¹¹ Если так, то для чего это вымарывать? Мне весьма приятно слышать, что ты не совсем чужд в Большом Симбирском Свете» (С. 502). Концовка фразы «не совсем чужд в Большом Симбирском Свете» восстановлена Ю. М. Лотманом и Б. А. Успенским. Как указывают исследователи, в копии писем Петрова¹² эти слова зачеркнуты. Поверх них рукою Карамзина вставлено «печален» («Мне весьма приятно слышать, что ты не совсем печален». — С. 502). Правка обнаруживает опытного редактора: устранена стилистическая неправильность («не совсем чужд в Большом Симбирском Свете»), найдено точное, ключевое для сентиментальной поэтики слово «печален».

Более значима вторая правка. Тщательно зачеркнуты четыре слова из письма друга, вместившие в себя содержание «вымаранных» Карамзиным и «разобранных» Петровым «строк». На их месте поставлено интригующее многоточие: «После многих тщетных опытов показалось мне, что тут написано было... Если так, то для чего это вымарывать?» (С. 502). Очевидно, в начале XIX в., готовя письма покойного друга к публикации, так же как и пятнадцать лет назад, Карамзин видел в этих искренних, случайно прорвавшихся чувствах только отступление от заданного литературного образа. Карамзин не просто сознательно растит, лелеет, культивирует свою меланхолию — он играет в нее.

Скука, тоска, разочарование — один из основных мотивов переписки М. Н. Муравьева с В. В. Ханьковым. «Должен ли я слышать, — пишет Ханьков в феврале 1779 г., — что друг мой, лучшей участи достойнейший, находится в подобном мне положении: он равно скучает жизнью, как я...»¹³ Его реакция

¹¹ «После было тщательно вычеркнуты четыре слова, прочесть которые не удалось» (примеч Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского — С. 502)

¹² ИРЛИ, фонд бр Тургеневых, № 124

¹³ Цит по *Муравьев М Н* Стихотворения Л., 1967 С. 348

на исповедь друга адекватна: тревога, утешение, ответное признание, а главное — понимание.¹⁴ Переписка М. Муравьева с сестрой Ф. Н. Муравьевой и другом В. В. Ханыковым — это прежде всего интимный разговор «сродственных душ», наслаждающихся «рассматриванием друг друга»,¹⁵ «история сердца»,¹⁶ «отчет» в чувствованиях, делах и помышлениях.

В эпистолярном «романе» Карамзина и Петрова «роли» распределены иначе. Традиционную для переписки и столь естественную для Карамзина тему «мрачного состояния» Петров развивает в неожиданном ракурсе. Он отвечает пространным рассуждением о «скуке» и «противоскучиях», «противоядиях» ей: «Работа, ученье, плоды праздных и веселых часов какого-нибудь немца, собственная фантазия, добрый приятель...» (С. 499) Письмо Петрова Карамзину от 5 мая 1785 г. — классический пример воображаемого «разговора с отсутствующим». Адресат обретает в этом диалоге свое (пусть и предполагаемое) слово. Он возражает, он защищает себя: «Это все очень хорошо, — скажешь ты, — но когда скука овладеет мною, то я не могу приняться за работу; ученье нейдет в голову и самый Шакеспер меня не прельщает, собственная фантазия заводит меня только в пустые степи или дремучие леса, а доброго приятеля взять негде. — На это отвечаю..» (С. 499—500), — парирует Петров. Тема «скуки и монашествующей меланхолии» (С. 499) в переписке Карамзина с Петровым не имела и не могла иметь продолжения.

Столь же решительно и последовательно отвергнута Петровым и другая традиционная для переписки второй половины XVIII в. тема — тема дружбы. Не дошедшее до нас письмо Карамзина от 9 мая 1785 г. (об этом можно судить по ответному — от 20 мая 1785 г.) ориентировано на ту модель письма, которая сложилась под воздействием культа сентиментальной дружбы. Сердечные излияния, обожание друга, восхищение его достоинствами, словом, все, над чем так безжалостно иронизирует Петров: «Я никогда не сомневался, что ты меня высоко считаешь и горячо любишь (...) Великие и обработанные мои дарования в рассуждении первого, а любви достойные и приятные свойства в рассуждении другого, служат мне надежными поручиками. О тебе ж никогда я не думал, чтоб ты не мог отдавать справедливости и приписывать истинную цену достоинствам таких великих людей, как я» (С. 501). Ответно-

¹⁴ Ср. письмо А. А. Петрова Н. М. Карамзину от 5 мая 1785 г. «совсем не понимаю, как можешь ты почитать свое состояние столь мрачным, каким ты его описываешь» (С. 499)

¹⁵ О симпатии, из сочинений Г. Виланда // Утренний свет 1778 Ч II С. 12 Муравьев дословно повторяет эту фразу в письме 1778 г. к сестре, Ф. Н. Муравьевой

¹⁶ Надпись на обороте письма Ханыкова от 28 февраля 1779 г. Цит. по Кулакова Л. И. Поэзия М. Н. Муравьева // Муравьев М. Н. Стихотворения С. 29

го выражения дружеских чувств не последовало: «Люблю ли я тебя? О том не хочу сказывать. Я редко пропускаю случай писать к тебе; из чего можешь заключать по крайней мере то, что я всегда о тебе помню. „Disce philosophari!” — говорим мы, ученые; сиречь: учися любомудрствовать и от действия доходить до причины — ab effectu ad causam. (NB. Когда будешь писать ко мне, то, пожалуй, не забудь поблагодарить меня за сии латинские слова и похвалить мою ученость)» (С. 501). Ничего неожиданного в подобной реакции нет. Петров удивительно последователен. Он уже имел случай высказать свое представление о дружбе, откровенно и прозаично: «...добрым приятелем может быть всякий честный человек, у которого есть уши, язык и общий человеческий смысл, если только захочешь подладить к его тону» (С. 500). Но «чувствительный, как младенец»,¹⁷ Карамзин этого письма еще не получил и потому пока не знает, что на его признания друг ответит ироничными тирадами. Поразительно, но ни к одной из этих тем в переписке с Петровым Карамзин больше не возвращался. Его душа надолго, навсегда замкнулась. Письма Карамзина «отмечены печатью сухости и сдержанности, — подчеркивает Ю. М. Лотман. — На любые душевные излияния или отвлеченные рассуждения в них наложен запрет».¹⁸ Это верно. Исключением были несколько писем Карамзина Петрову, датированные маем 1785 г. и безвозвратно утраченные.

Начатая так, как начинались десятки других эпистолярных «романов», переписка Карамзина с Петровым сразу же была обречена на постоянные «сбои». Чтобы продолжить «роман», Карамзин был принужден «маневрировать». В письмах, относящихся к концу мая—началу июня 1785 г., он выступает в новой роли. Карамзин сменил на нее прежнюю («беспечный ленивец»), решительно отвергнутую другом: «Что же касается до праздности, то я никому в свете не поверю, чтоб ты ничего не делал» (С. 501). Теперь Карамзин явился автором и критиком, кабинетным затворником и (в письме от 26 июля 1787 г.) философом и мудрецом. Ни одну из этих «ролей» Петров не примет: «„Слава просвещению нынешнего столетия, и край симбирские озарившему”, — так воскликнул я при чтении твоих эпистол (не смею назвать русским именем столь ученые писания), о которых всякий подумал бы, что они получены из Англии или Германии. Чего нет в них касающегося до литературы? Все есть. Ты пишешь о переводах, о собственных сочинениях, о Шакеспере, о трагических характерах, о несправедливой Вольтеровой критике, равно как о кофий и табаке. Первое письмо твое сильно поколебало мое

¹⁷ Карамзин Н. М. Цветок на гроб моего Агатона // Карамзин Н. М. Записки старого московского жителя. Избр. проза. М., 1986 С. 234

¹⁸ Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. С. 17.

мнение о превосходстве над тобою в учености; второе ж крепким ударом сшибло его с ног (...) я признал слабость мою пред тобою, хотя ты и по латыни не учился» (С. 502). «Большого ученого» Петров уличает в незнании немецкого языка («Будучи великий Жени, ты () в трех строках сделал пять ошибок против немецкого языка») (С. 503), над философом смеется («Проницание твое несравненно: ты видишь то, что от всех прочих смертных сокрыто») (С. 504).

Чем объяснить столь резкое противостояние? Разностью психологических типов? Но тогда переписка Карамзина с Петровым может показаться одним из ранних вариантов «Чувствительного и холодного». Уже современники, и в частности Н. И. Новиков,¹⁹ узнавали двух друзей в героях этого очерка. На психологической антитезе построены и характеры, созданные в прозаической элегии Карамзина «Цветок на гроб моего Агатона» (1793). Однако горечь недавней утраты, установка на открытое литературное повествование смягчают реальные противоречия, сводя их к «различным свойствам души»: «. Агатон и я любили одно, но любили *различным образом*. Где он одобрял с покойною улыбкою, там я *восхищался*; огненной пылкости моей противопоставлял он холодную свою рассудительность; я был мечтатель, он деятельный философ».²⁰ Думается, что истинные причины этого противостояния в другом. В письмах Карамзина Петрову явно недостает «простоты чувствования».²¹ Великолепно осознавая литературность поведения Карамзина, Петров не принимает условий предлагаемой ему игры еще и потому, что в создаваемом друзьями эпистолярном «романе» у него есть своя «роль». Он учитель, еще точнее, придирчивый ментор. Его письмо, по собственному определению, — нравоучение («Каково понравилось тебе мое нравоучение? Пожалуй, постарайся употребить что-нибудь из него в свою пользу») (С. 500). Наставления и насмешка, порою больно задевающая самолюбие, — привычные для него «педагогические» средства.

Почему Петров выбрал именно эту «роль»? Здесь много причин. Он был старше и, очевидно, ему приятно покровительствовать. Он был масоном и в те годы (в отличие от своего друга) еще не сомневался в истине исповедуемого учения. Воспитание других становится для него почти профессией. Он редактирует «Детское чтение для сердца и разума» (1785—1789), он переводит «Учебную книгу для юношества, начинающего учиться немецкому языку»²² и энциклопедию

¹⁹ См Письма Н И Новикова к Н М Карамзину // Письма С И Г(амалея) М, 1836 Ч 2 С 268—269

²⁰ Карамзин Н М Цветок на гроб моего Агатона С 234

²¹ См об этом Кочеткова Н Д Литература русского сентиментализма С 82—84

²² Издана в Москве в 1788 г В 1786 г Петров подал в цензуру «Учебную книгу для детей, обучающихся по-немецки»

Р. Додсли «Учитель, или Всеобщая система воспитания, в которой предложены первые основания наук, особенно нужных молодым людям» (М., 1789. Ч. 1—3). Петров был блестяще образован, умен; у него был тонкий, безукоризненный вкус. Не зря Карамзин считал его своим литературным учителем.

Наконец, право воспитывать друга Петрову давал и господствовавший в московском окружении взгляд на приехавшего из Симбирска юношу как ученика. «Карамзин до заграничного путешествия во всех сферах жизни занимал позицию ученика, — пишет Ю. М. Лотман. — Настасья Ивановна (Плещеева. — Р. Л.) учила его искусству нежной дружбы (<...> В кругу Н. И. Новикова и А. М. Кутузова (<...> его учили науке самопознания, готовили к принятию мудрости и ко вступлению на путь добродетели и общественного служения. Даже дружба была окрашена в тона учительства (<...> Петров давал Карамзину уроки литературного стиля и вкуса».²³

Поразительно несовпадение жизненного облика Петрова с тем образом, который создается в его письмах. В жизни — «любезный нелюдим» («дик и чувствителен — при незнакомых молчалив и холоден; а с другом — сокровище»)²⁴ или «угрюм, молчалив и подчас насмешлив»;²⁵ в письмах 1785—1787-х гг. раскован, язвителен, педантичен. Однако этот образ объединяет лишь половину писем (четыре из девяти), т. е. первую и вторую «части» «романа». Между четвертым (Москва. 1787 году. Августа 1) и пятым письмами (из деревни Н** (овикова). 30 июня 1788) перерыв почти в год. И именно в этот период осуществляется серьезный перелом. Судя по письму от 30 июня 1788 г., он происходит постепенно. Еще сохраняется ирония, но как она переменялась: «Начать ли мне жалостную песнь и наполнить ли письмо упреками? Истязать ли тебя о причине, для чего не сдержал ты своего слова? Твердое твое I will (Я хочу (англ.)) заставило было все мои сомнения спрятаться; я ожидал уже было приезда твоего так, как из близкой тучи после молнии ожидают грома» (С. 505). Любопытно замечание Карамзина-редактора к словам «истязать ли»: «[Не нужно указывать] Разумеется, что покойный П*** (<...> в письмах своих употреблял часто слова для шутки» (С. 505). К подобной шутливо-иронической манере Карамзин часто прибегал в письмах Дмитриеву конца 1780-х—начала 1790-х гг. Вместо привычного подтрунивания над литературными успехами Карамзина («по приезде твоем все московские авторы и переводчики будут ходить повеся головы, для того, что (<...> книг их не можно еще начать печатать; ибо

²³ Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина С 22

²⁴ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву С 27, 26

²⁵ Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь // Дмитриев И. И. Соч. СПб., 1893 Т II С 26

обе типографии заняты печатанием российского Шакеспера») (С. 501) заинтересованное внимание к планам, нетерпение, любопытство, плохо скрываемые добродушной улыбкой: «Ты в Москве (...) несколько скупаешь; но еще более работаешь; десятую долю старых планов производишь в действо, делаешь новые планы (...) Не правда ли? — Поэзия, музыка, живопись воспеты ли тобою? (...) Ликует ли русская проза и любитесь ли каким-либо новым светильником в ее мире, тобою возженным? Отправлено ли уже письмо к Лаватеру с Луидором?» (С. 506). Иной характер приобретают критические отзывы. Прежде критика сводилась к скорому (порой уничтожающему) приговору и советам типа: «Если ж непременно хочешь писать по-немецки, то пиши кое-что такое, чего бы никто не читал; а с сформированною в голове твоей пиесою о Соломоне не осмеливайся показываться в публику»²⁶ (С. 503).

Но ученик вырос, стал интересен и значителен. Критика превратилась в обстоятельный анализ. Таково письмо от 19 июля 1792 г.: «Из надписей твоих — последняя, то-есть:

„Покойся, милый прах, до радостного утра!“ —

нравится мне отменно, как в сравнении с прочими, так и сама по себе (...) Она проста, нежна, коротка и учтива к прохожему, потому что не допускает его до труда думать, что бы сказать, узнавши, кто погребен под монументом (...) Однако ж, мне кажется, критического мнения даром оказывать не можно, и потому ты необходимо должен сообщить нам подробное и обстоятельное описание монумента, к которому она сделана» (С. 511).

Перестраивается композиционная структура письма. Информация о себе, прежде подчеркнута лаконичная («Касательно до меня самого не имею ничего нового сказать. Я живу все по-старому: сплю много, работаю мало, часто шатаюсь по улицам, заброжу иногда в театр...») (С. 500), разрастается в подробное сообщение, включающее немислимые ранее бытовые подробности, сценки (см. описание именин И. П. Тургенева) и даже рассказ о «небольшом приключении, недавно бывшем» (С. 508). В письмах 1785 и 1787 гг. господствовал запрет на выражение чувств: «Ты хорошо делаешь, что не спрашиваешь, для чего первое мое к тебе письмо было так коротко. Я не имею отменной охоты рассказывать (...) Проницательный человек сам усмотрел бы это из другого моего к тебе письма, а может быть, из самого этого, которое теперь пишу» (С. 504). Теперь запрет снят. Может быть, потому что отъезд Карамзина за границу растопил суровое сердце его друга: ведь еще никогда их разлука не была столь продолжительной. Так это или иначе, но тон писем резко переменялся.

²⁶ Интересно, что, готовя письма Петрова к публикации, Карамзин вычеркнул эти строки

Парадоксально, но письма Петрова эволюционировали в направлении, некогда, в 1785 г., предлагавшемся Карамзиным. Тематика, стилистика, эмоциональный тон писем теперь во многом определяются воздействием сентиментальной литературы. Мы найдем в них сердечное признание, мотивы дружбы и воспоминания («как одного из лучших (...) удовольствий») (С. 509), так характерные для дружеского письма последней четверти XVIII в., и писем Карамзина к Петрову, в частности: «Четыре уже месяца, как мы расстались, а я теперь только в первый еще раз пишу к тебе. Но ты весьма ошибаешься, если заключишь из этого, будто я мало о тебе помню. Нет, любезный друг, воспоминание о тебе есть одно из лучших моих удовольствий. Часто я путешествую за тобою по ландкарте; расчисляю, когда куда мог ты приехать, сколько там пробыть; вскарабкиваюсь с тобою на высокие горы, воображаю тебя бродящего по прекрасным местам или делающего визит какому-нибудь важновидному ученому» (С. 509). Вероятно, Карамзин не случайно включил этот отрывок из письма от 20 сентября 1789 г. в «Цветок на гроб моего Агатона». В письмах Петрова Карамзин видел «зеркало» его «тихой, стройной души».²⁷

Внутренняя жизнь Карамзина в этих «частях» «романа» отражена скупо. Но и по немногим деталям можно видеть, что именно в 1788—1792 гг. достраивается его литературный облик. Меланхолик и мечтатель наконец-то становится любителем сельского уединения и врагом света (сравним две реплики Петрова, разделенные пятью годами: «Не хочу доказывать тебе несправедливость твоего равнодушия к приятностям сельским (...) Позволь только спросить у тебя: как может находить вкус в беллетрах, в искусственном подражании прекрасной Nature тот, кто в самом оригинале не находит приятностей» (С. 505) и «...я надеюсь, теперь и живешь уже в деревне. O terque quaterque beatus!!! (О трижды, четырежды блаженный!!!) (латин.). Удели и мне частицу своего блаженства...») (С. 510).

«Роман в письмах» остался незаконченным. Карамзин «дописал» его уже после смерти Петрова. Он оплакал любимого друга в «Цветке на гроб моего Агатона»,²⁸ он заказал у Германа «прекрасный силуэт Александра Андреевича, который всегда» носил «в кармане».²⁹ Утрата была невосполнимой: «Я имею друзей сердца, которые меня любят, и мне всего на свете милее, но дух мой лишился любезнейшего своего брата и совоспитанника, которого никто, никто заменить не может!»³⁰

²⁷ Карамзин Н М Цветок на гроб моего Агатона С 234—235

²⁸ См Кочеткова Н Д Литература русского сентиментализма С 232—

²⁹ Письма Н М Карамзина к И И Дмитриеву С 38

³⁰ Карамзин Н М Цветок на гроб моего Агатона С 237

Я. М. Р. ЛЕНЦ И Н. М. КАРАМЗИН

Якоб Михаэль Райнольд Ленц (1751—1792), беспокойно кочевавший с начала 1780-х гг. между остзейскими землями и Петербургом, служивший губернатором (в частности, в семьях фон Бергов и Липартов), стремился вступить на императорскую службу: Л. Г. фон Николаи был секретарем и библиотекарем у великокняжеской четы, М. Клиндер — чтецом при «драгоценнейшем» («theuersten») великом князе Павле. Первоначально Ленц хотел было поступить учителем в Кадетский корпус, которым заведовал тайный советник и реформатор образования И. И. Бецкой. Однако надежды его не сбылись. На одну из причин неудачи указал издатель «Русской библиотеки» («Russischen Bibliothek») Н. Л. Хр. Бакмейстер в письме, написанном в Петербурге другу Ленца Ф. К. Гадебушу в июне 1781 г.: «Поэт Ленц совсем не подходит нашему городу. Что можно предпринять с его великой рассеянностью?»¹

Уже в июне 1781 г. Ленц встретил в Петербурге И. Г. Шварца, внеординарного профессора немецкого языка Московского университета, руководителя московских масонов. Результатом этого свидания стало переселение Ленца в Москву. Об этом свидетельствует недавно опубликованная Х. Вайсом рукопись Ленца 1792 г., носящая следующее заглавие: «Abgezwungene Selbstvertheidigung gegen eine mir aufgeheftete Leidenschaft aus welcher eine Farse werden wollen die mit einer Parforcejagd geendet haben würde: einem Kinde von 14 Jahren gewidmet in den vereinigten Logen zu Moskau». («Вынужденная самозащита против обуявшей меня страсти, из которой вышел бы фарс, кончившийся бы парфорсной охотой: посвящается четырнадцатилетнему ребенку в объединенных ложах в Москве»). Далее говорится: «Hier lernte ich den sel. Schwarz kennen und war froh Nachrichten aus Moskau zu erhalten worauf sogleich die Parthei ergriff nach Moskau zu gehen und alle diese Irrungen mit einemmal abzuschneiden» («Познакомился я здесь с покойным Шварцем и был рад получить из Москвы известие, по которому сразу же принял решение ехать в Москву, и со всеми этими сомнениями сразу было покончено»)²

30 августа 1781 г. Ленц писал историку Г. Ф. Миллеру, что хотел бы («unter Dero Rath und Leitung die Geschichte des

¹ Розанов М. Н. Поэт периода «бурных стремлений» Якоб Ленц, его жизнь и произведения М., 1901 Нем пер: *Rosanow M. N. Jakob M. R. Lenz, der Dichter der Sturm- und Drangperiode Sein Leben und seine Werke* Leipzig, 1909 S. 404 Эта книга до сих пор является основополагающим трудом по биографии Ленца

² *Weiss Ch. «Abgezwungene Selbstvertheidigung» Ein bislang unveröffentlicher Text von J. M. R. Lenz aus seinem letzten Lebensjahr // Lenz-Jahrbuch Sturm- und Drang-Studien* St. Ingbert, 1922 Bd 2 S. 31

Vaterlandes (wofür ich Rußland halte)») «с его помощью и при его руководстве заняться в Москве историей отечества (каковым я считаю Россию)», и просил, так как он русским едва овладел, разрешения остановиться в его доме. Просьба эта была удовлетворена. В октябре того же года Миллер, в то время директор архива в Министерстве иностранных дел и директор Московского воспитательного дома, предложил ему место воспитателя в одной знатной русской семье. Несмотря на свои стесненные обстоятельства, Ленц отказался от предложенного места, обосновав это тем, что он еще недостаточно знаком с русской историей.³

Ленц снова вернулся к начатым ранее литературным трудам. Он в числе прочего работал над «Catharina von Siena» («Катерина из Сиены») и «Sizilianischen Vesper» («Сицилианской вечерей»), последняя была опубликована в 1782 г. в «Liefländischen Magazin der Lectüre». Сохранился также и фрагмент «Бориса Годунова». Когда в 1782 г. в Петербурге был открыт памятник Петру Великому («Медный всадник»), Ленц сочинил оду «Auf des Grafen Peter Borissovitsch Scheremeteff vorgeschlagene Monument» («На монумент, воздвигнутый по предложению графа Петра Борисовича Шереметева») — очередную похвальную оду Екатерине II, которая благодаря этому памятнику «theilt die Loosung aus nach welchem Maas sie mißt» («определяет надписью на нем свое место в истории»). Смерть Миллера, последовавшая в 1783 г., стала для Ленца новым ударом судьбы. Правда, еще какое-то время он продолжал жить в его семье.

С 1783 г. Ленц поступает воспитателем в две частные школы. Его труды по педагогике были между прочим напечатаны в «Baltischen Monatsschrift». Уже в декабрьской книжке 1780 г. вышедшего в Митаве журнала «Für Leser und Leserinnen» появилась статья Ленца «Entwurf einiger Grundsätze für die Erziehung überhaupt, besonders aber für die Erziehung des Adels» («Набросок некоторых основ воспитания вообще, в особенности дворянского»). В 1784 г. Ленц разработал план создания литературного общества, которое должно было преследовать морально-просветительские цели в духе масонства и пиетизма. Его связь с новым Страсбургским литературным обществом, где Ленц был соучредителем, несомненна. Там в прочитанном в 1775 г. «Versuch über das erste Prinzipium der Moral» («Опыте о первом принципе морали») он определил свое понимание «предназначения человека». Неопубликованный набросок 1784 г. был написан на французском и русском языках. Французская рукопись носит заглавие «Proposition de paix ou projet d'ouverture d'une Assemblée littéraire à Mos-

³ Briefe von und an J. M. R. Lenz, gesammelt und herausgegeben von K. Freye und W. Stammler. Bern, 1969 (репринт. изд. К. Вольфа. Leipzig, 1918). S. 193—195.

соу» («Мирные предложения, или Проект открытия литературного общества в Москве»).

В то время как Страсбургское общество должно было преследовать цель развития национальной литературы, перед создававшимся московским обществом прежде всего ставились общеобразовательные задачи нравственного и религиозного характера. В проекте выдвигались три основные цели: 1) обновление и украшение церквей этой столицы; 2) содействие улучшению нравов всех сограждан этого огромного города; 3) отыскание средств для основания всевозможных школ. Собрания должны были происходить еженедельно по вторникам «в доме покойного члена вольного русского общества Ивана Григорьевича» (т. е. Иоганна Георга Шварца). Именно ему принадлежит часто используемая формула «Gott als allweiser Baumeister des Weltalls» («Бог — всемудрый зодчий Вселенной»), формула, привычная в среде русских масонов. Ленц варьировал ее иногда следующим образом: «allerhöchster Baumeister des menschlichen Körpers» («Всевышний — зодчий организма человечества»). В намерения Ленца входило объединение планируемого им литературного общества с немецкой масонской ложей («Zu Freundschaft») «К Дружбе».⁴

6 ноября 1782 г. было основано «Дружеское ученое общество», а в 1784 г. — «Типографическая компания» Это литературное общество и типография, которую возглавил Н. И. Новиков, предоставляли вознаграждение за переводы. Типография помещалась в доме у Никольских ворот. Там же долгое время дверь в дверь жили Ленц, молодой Карамзин и друг его А. А. Петров. Впоследствии И. И. Дмитриев вспоминал «скромное жилище молодых словесников», которое разделено было тремя перегородками, в одной стоял на столике, «покрытом зеленым сукном, гипсовый бюст мистика Шварца», «а другая освящена была Иисусом на кресте, под покрывалом черного крепя».⁵

Ленц тесно сблизился с кругом Новикова, однако при этом он надеялся, что будут приняты во внимание его собственные идеи, касавшиеся реформирования народного просвещения и социальных вопросов. Недаром он в своей ранее изданной рецензии на «Гетц фон Берлихенген» говорил, что не письменное слово, а «дело, дело должно стать душою мира» Однако его планы издания антологии новейшей русской литературы для немецкого читателя осуществились в столь же малой степени, как и его предложения в области педагогики и экономи-

⁴ Ср также *Winter H-G J M R Lenz Stuttgart, 1987 S 106, Hoff C J M R Lenz mit Selbstzeugnissen und Bilddokumenten dargestellt Reinbek bei Hamburg, 1977 S 130* Ср также *Damm S Vogel, die verkünden Land Das Leben des Jakob Michael Reinold Lenz Berlin und Weimar, 1988 S 373—383*

⁵ *Дмитриев И И Сочинения СПб, 1892 Т 2 С 25* Здесь же Дмитриев говорил о «нравственном образовании» Карамзина в кругу Новикова

ки, которыми он хотел содействовать культурному и хозяйственному развитию тогдашних остзейских провинций России.

Вероятно, что Ленц был поощряем «Типографической компанией». Об этом свидетельствуют относящиеся к этому времени его многочисленные переводческие проекты. В 1787 г. в Москве появилась книга, изданная Хр. Ридигером и отпечатанная в Лейпциге Брейткопфом, — «Übersicht des Russischen Reichs nach seiner gegenwärtigen Neu eingerichteten Verfassung» — осуществленный Ленцем перевод труда С. И. Плещеева «Обозрение Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии» (СПб., 1789). В дальнейшем Ленц трудился над переводом сочинения М. Д. Чулкова «Историческое описание российской комерции...» (СПб., 1781—1788. Т. 1—7). Этим Ленц занимался, очевидно, в последние годы своей жизни. По смерти Ленца Петров писал 19 июля 1792 г. Карамзину: «А мы, оставшиеся с наследием покойного, с Историею Российской торговли, примемся каждый за свой том, будем читать, штудировать, делать выписки...»⁶

Помимо этого Ленц переложил на немецкий язык первые пять песен «Россиады» М. М. Хераскова по изданию, подготовленному Новиковым (Россиада, поэма эпическая. Изд. 2-е, исправленное, пересмотренное и дополненное. М., 1786). Стимулировал работу над переводом, по собственному признанию Ленца, граф Ф. Е. Ангальт: «Als der Graf Anhalt hier durchging, mußte [ich] demselben versprechen, einige Gesänge der Russiade oder Gedichts von Rusland in der Übersetzung mitzutheilen...» («Когда граф Ангальт был здесь проездом, я должен был ему пообещать перевести некоторые песни Россиады, или стихи о России...»)⁷

Уже в ноябре 1785 г. Ленц писал своему отцу, что «habe das Glück gehabt, Sr Exelenz dem Herrn Curator Cheraskoff besondrs empfohlen zu seyn und beschäftige [sich] mit einem Aufsatz über einige Schönheiten seiner Gedichte, insofern sie auf die Erziehung der russischen Jugend Einflüsse haben» («имел счастье специально быть представленным его превосходительству господину куратору Хераскову», и что «занимается в настоящее время статьей о некоторых красотах его стихов, поскольку они имеют влияние на воспитание русского юношества»)⁸ Ленц обратился к переводу поэзии Хераскова также, по-видимому, под влиянием кружка Новикова. Не случайно Карамзин в 1787 г. в письме к И. К. Лафатеру называет Хераскова лучшим русским поэтом.

Среди до сих пор не опубликованных рукописей Ленца находятся переводы, в том числе под заглавием «Aus dem

⁶ Карамзин Н П Письма русского путешественника Л., 1984 С 510

⁷ Briefe von und an Lenz, а. а. О. Ленц отправил свой труд для напечатания в «Deutscher Museum» к Х. Х. Бойе, но посылка, очевидно, затерялась

⁸ Там же

ersten Theil der alten diplomatischen Bibliothek des Herrn von Novikoov» и «Probe des obenerwähnten Vortrages» («Из первой части „Древней российской вивлиофики” господина Новикова» (12 страниц in folio) и «Опыт вышеупомянутого доклада» (№ 10 «Древней российской вивлиофики»; 1 стр. in folio)).

К периоду между 1781 и 1787 годами относится набросок сцены из драмы о Борисе Годунове. Бориса посещают в 1591 г. «некоторые русские купцы» и торопят его насильственно воспрепятствовать восшествию на трон Дмитрия, младшего сына Ивана IV, изгнанного в Углич, «татарина».⁹

Очевидно, Ленц был «связующим» между «Типографической компанией» и издателем И. Ф. Харткнохом, что явствует из письма, написанного в сентябре 1787 г. Ленцем Харткноху «в большой рассеянности»: «Wehrtester Freund! Es haben mich einige Mitglieder der hiesigen *freyen* Typographischen Gesellschaft bevollmächtigt, mit ihnen über Theilnahme an derselben Briefe zu wechseln» («Дражайший друг! Некоторые члены здешней *вольной* типографической компании уполномочили меня вступить с Вами в переписку об участии Вашем в ней»). Однако планы новиковского кружка приобрели к тому времени уже вполне определенный характер: «То правда, что мы имеем здесь немецкую типографию, однако чтение еще не столь распространилось, чтобы открыть, например, новую книжную лавку (...). Здесь как бы стараются создать общество читателей, которые охотно бы приняли произведения немецкой литературы, предлагаемые каким-нибудь книгопродавцем».¹⁰ Отсюда явствует, что кружок Новикова не только трудился над изданием художественной, философской, исторической, религиозной или мистической литературы, но и стремился также организовать собственный сбыт. При этом Ленцу отводилась важная — до сих пор недооцененная — роль посредника. В своем письме к Харткноху, который приютил в своем рижском доме Ленца, потерпевшего в Веймаре в 1779—1780 гг. неудачу, последний называет следующих лиц, уполномочивших его на переговоры и поддерживающих его литературный проект: «Насколько я могу писать об этом предмете, поскольку г. Кутузов, чей силуэт я прилагаю Р. Аллерлау вместе с силуэтом кн. Трубецкого и его супруги, находится в настоящее время вне Москвы, а г. Новиков в своем имени. Не только эти истинно великие и благородные русские, но и некоторые другие, среди которых его превосходительство куратор здешнего университета (М. М. Херасков. — Г. Л.-К.), побудили меня сообщить иностранцам избранное из новой

⁹ Текст опубликован М. Келлером См.: *Verfehlte Wahlheimat: Lenz in Rußland // Russen und Russland aus deutscher Sicht 18. Jahrhundert: Aufklärung (=West-östliche Spiegelungen, Reihe A, Bd 2) München, 1987 S 522—523*

¹⁰ Briefe von und an J M R Lenz, a a O S 207—208

русской литературы под названием „Russisches Allerley” («Русская смесь»)»¹¹

Ленц сумел вызвать интерес кружка Новикова к произведениям Шекспира, а также к немецкой поэзии, философии, драматургии. Для Карамзина Ленц с 1786 г (несмотря на усиливающееся душевное расстройство последнего (шизофрения)) — чрезвычайно интересный собеседник, побуждающий к спору, от которого к тому же можно услышать современную немецкую речь (немало немецких академиков, состоявших на русской службе более длительное время, утратили живую связь с современным немецким языком и говорили на старомодном немецком). Когда Карамзин 21 июля 1789 г разыскал в Веймаре Виланда, немецкий поэт спросил его, как он, «живучи в Москве, научился говорить по-немецки», и тот сразу упомянул Ленца.¹² Ленц также был очень доволен своим «учеником» Карамзиным. В письме к брату, написанном им в апреле 1789 г, он очень высоко оценивает карамзинское владение языком: «Он любит немецкий язык исключительно, говорит и пишет на нем, как природный немец». В 1787—1788 гг Ленц и Карамзин виделись почти ежедневно.¹³ Ленц был для юного Карамзина во многих отношениях «ментором». Однако на формирование его литературных вкусов Ленц оказал не очень существенное влияние. Интересы Карамзина были ориентированы на литературу раннего периода «Бури и натиска»: его интересовали Шекспир, Юнг, Стерн, Томсон, Мильтон, Шефтсбери, Клопшток и т. д. (ср. кенигсбергский и страсбургский периоды Ленца). Карамзин предложил в своем «программном» стихотворении «Поэзия» (1787) программу чтения немецкой, а также английской и древней литератур, подобную той, что Ленц в стихотворении «Uber deutsche Dichtkunst» («О немецкой поэзии»), а Ф. В. Цахария в «Die Poesie und Germanien» («Поэзия и Германия») предлагали до него.¹⁴

В конце 1780-х годов Карамзин твердо придерживался идеалов начинающегося движения «Бури и натиска», т. е. проявлял меньше интереса к «современной литературе». Взгляд же Карамзина на перспективу развития немецкой литературы и духовной жизни Германии в целом формируется под сильным влиянием Ленца, который познакомил русского писателя с немецким литературным развитием до 1779 г. Ленц участвовал в составлении плана европейского путешествия, намечавшегося Карамзиным не позднее 1787 г. Х.-Б. Хардер говорил

¹¹ Там же

¹² Карамзин Н. М. Письма русского путешественника С. 74

¹³ Там же

¹⁴ Карамзин предваряет свое программное стихотворение эпиграфом из Клопштока: «Die Lieder der gottlichen Harfenspieler schallen mit Macht, wie beseelend» («Песни божественных арфистов звучат как одухотворенные») — Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений М., Л., 1966 С. 58

по этому поводу о «geistig vorgezeichneten Bahn» («обозначавшемся духовном пути») ¹⁵ Это отчасти и привело Карамзина к расхождению при составлении плана образовательного путешествия с намерениями С. И. Гамалеи, который давал советы стипендиату «Типографической компании»

Путешествуя по Германии и Швейцарии, Карамзин посетил места, где некогда жил Ленц: Кенигсберг, Веймар, Страсбург и Цюрих. Здесь он отыскивал старых знакомых Ленца, а также его прежних литературных противников, которых он, по желанию Ленца, должен был разыскать. Он побывал у Канта в Кенигсберге, у Виланда и Гердера из «Веймарского триумвирата», у Лафатера в Цюрихе, а также у Николаи в Берлине.

Семнадцати лет Ленц изучал теологию в Кенигсбергском университете, где Кант в 1769—1770 гг. читал мораль, метафизику, естествознание и антропологию. В 1770 г. Кант получил кафедру логики и метафизики, по этому поводу Ленц написал по поручению своих лифляндских и курляндских товарищей стихотворение «Als Sr. Hochedelgeborene der Herr Professor Kant, den 21. August 1770 für die Professur Würde disputierte» («На возведение его высокоблагородия господина Канта 21 августа 1770 г. в профессорское достоинство»). Вдохновленный лекциями Канта, Ленц уже в эти годы увлекся идеями Ж.-Ж. Руссо. 19 июня 1789 г. Карамзин наконец посещает Канта, о котором он уже знал, что у него «все просто, кроме... его метафизики».¹⁶

Отношение Ленца к Виланду складывалось сначала чрезвычайно трудно. Задетый критикой Виланда на свои «Anmerkungen übers Theater» («Примечания о театре»), Ленц неоднократно выступал против него с сатирическими выпадами, порой полными сарказма. К тому же в Виланде из-за его принадлежности к «Геттингенской роше» Ленц видел в 1775 г. безнравственного литератора (см. драматическую сатиру «Pandaemonium Germanicum» (1775)). Эта сатира, связанная с фарсом Гете «Боги, герои и Виланд», выражала полное литературное признание Лессинга, Клопштока, Гердера и Гете (это было в то же время воинственным ответом противникам литературного новаторства). Еще в 1775 г. Ленц анонимно опубликовал сатиру-диалог «Меналк и Мопсус», а также пародию «Eloge de feu Monsieur **nd» («Похвала покойному господину **нду»), направленные против Виланда. Уже отпечатанные полемические «Wolken» («Облака») Ленц в последний момент забрал назад. В 1776 г. Ленц сочинил более умеренное по своему характеру сочинение «Vertheidi-

¹⁵ Harder H.-B. Nikolaj Karamzin und die philosophisch-literarischen Kreise in Königsberg, Berlin, Weimar und Zürich. In: Beförderer der Aufklärung in Mittel- und Osteuropa. Freimaurer, Gesellschaften, Clubs (=Studien zur Geschichte der Kulturbeziehungen in Mittel- und Osteuropa Bd 5) Essen, 1987 S. 304—319.

¹⁶ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника С. 21.

гung des Herrn W. gegen die Wolken von dem Verfasser der Wolken» («Защита г. В. от облаков от автора „Облаков”»). Но вскоре в Веймаре Ленц близко сошелся с Виландом и принужден был пересмотреть свое мнение о нем, тем более что Виланд уже в 1774 г. в «Teutschen Mercur» дал благосклонную рецензию на «Hofmeister» («Гофмейстера») и переложение Ленцем Плавта Позднее Виланд рассказывал, что Ленц при первой встрече с ним воскликнул в удивлении: «Вы Виланд? Я думал вы с рогами, когтями и конскими копытами» («Sind Sie Wieland? Ich dachte Sie mit Hörnern? Krallen? dem Pferdefuß»). Когда Карамзин при знакомстве с Виландом упомянул Ленца, «разговор обратился на сего несчастного человека, который некогда был ему очень знаком». ¹⁷ Вначале Виланд весьма неприветливо встретил Карамзина, но затем смягчился и пригласил для новой беседы. За несколько часов Карамзин испытал нечто похожее на то, что Ленц переживал в течение нескольких лет: в первый раз утром непреодолимая дистанция между ним и Виландом, затем при втором, послеобеденном, посещении Карамзин заметил в нем «любезную искренность». Здесь и в других местах «Писем русского путешественника» (авторизованный немецкий перевод был сделан Й. Рихтером) Карамзин использует «самостилизацию» как литературный прием, иначе он не изображал бы так подробно этот первый разговор, который «зацепил заживо» его самолюбие. ¹⁸

Гердер, находившийся с Ленцем в самых дружеских отношениях, встретил молодого русского, как и ожидалось, чрезвычайно радушно. Очевидно, что Гердера привел в удивление ответ Карамзина на вопрос, кого из немецких поэтов он наиболее ценит, ибо ответ Карамзина звучал так: «Клопштока почитаю самым выспренным из поэтов германских». ¹⁹ В своем почитании Клопштока Карамзин сходил с Ленцем. Клопшток умел соединить религиозный взгляд на мир с новым, гуманистическим. Подобно тому как Клопшток ниспровергал несовершенную уже эстетику Готтшеда и нормативную поэтику, Карамзин ставил перед собой задачу реформировать русскую поэзию и русский язык. Гердер эту взаимосвязь не мог уловить, однако реагировал на ответ Карамзина очень дипломатично, так высказавшись по этому поводу: «И справедливо (...) только его читают менее, нежели других, и я знаю многих, которые в Мессиаде на десятой песни остановились, с тем чтоб уже никогда не приниматься за эту славную поэму». ²⁰ Гердер похвалил затем Виланда, «а особливо Гете, как будто мимоходом».

20 и 21 июля Карамзин посетил Гердера и Виланда. В письме от 22 июля он сообщает, что ему «рассказывали здесь

¹⁷ Там же С 74

¹⁸ Там же С 75

¹⁹ Там же С 72

²⁰ Там же С 73

разные анекдоты о нашем Л*(енце)». В марте—апреле 1776 г. Ленц через Мангейм и Франкфурт совершил путешествие в Веймар и Берк. Здесь после некоторых эскапад произошла его размолвка с другом юности Гете; возможно, по настоянию последнего в конце ноября 1776 г. Ленц принужден был оставить Веймар. Ленц держал себя как гений. Однажды он явился на придворный бал в маскарадном костюме «домино». Подобные странности прощались талантливому человеку. Гете писал фрау фон Штайн, что поведение Ленца вызвало «лихорадку смеха». Однако Карамзин описывает такое происшествие, которое не могло не прекратить смех при дворе: «С самого своего приезда Л*(енц) объявил себя влюбленным во всех молодых, хороших женщин и для каждой из них сочинял любовные песни. Молодая Герцогиня печалилась тогда о кончине сестры своей: он написал ей на сей случай прекрасные стихи; но не преминул в них уподобить себя Иксиону, дерзнувшему влюбиться в Юпитерову супругу. — Однажды он встретился с Герцогинею за городом, и, вместо того чтобы поклониться ей, упал на колени, поднял вверх руки, и таким образом дал ей мимо себя проехать. На другой день Л*(енц) всем знакомым разослал по бумажке, на которой нарисованы были Герцогиня и он сам, стоящий на коленях с поднятыми вверх руками».²¹ Карамзин вполне понимал, что Ленц в этот момент вовсе не был безумным, просто жизнь его — поэзия и поэтическая фантазия владеет его существом.

1 июля 1789 г. Карамзин посетил «известного автора и книгопродавца» Х. Ф. Николаи, которого он, согласно Ленцу, должен был «остерегаться». Однако, вопреки всем устрасениям, Николаи встретил его «С такой ловкостью, с такой учтивостью, какой бы нельзя было ожидать от немецкого ученого и книгопродавца». Карамзин знал о полемике, развернувшейся на страницах «*Berlinischen Monatsschrift*» по поводу связи католицизма с орденом иезуитов. Николаи объяснил Карамзину, что «дух католицизма не терпит никакой свободы в умствованиях и налагает цепи на разум». Карамзина, кажется, не особенно убедили аргументы Николаи, и он задал Николаи относительно «колкого ответа доктора Бистера господину Гарве» следующий вопрос: «Но зачем с такой жестокостью писать против некоторых почтеннейших мужей Германии, для того единственно, что они сомневаются в существовании тайных иезуитов и в том чтобы католики могли ныне быть опасны протестантам?» Кажется, Карамзин очень разочарован «толерантностью» берлинских просветителей (что уже было и с Ленцем): «Где искать терпимости, если самые философы, самые просветители — а они так себя называют — оказывают столько ненависти к тем, которые думают не так, как они?»²²

²¹ Там же С 79

²² Там же С 38

Ленц вступил в литературную полемику с Николаи еще в 1775 г. В 1774 г. вышли «Страдания юного Вертера» Гете. Николаи отозвался на них язвительной сатирой, носящей название «Freuden des jungen Werthers. Leiden und Freuden Werthers des Mannes» («Радости юного Вертера. Страдания и радости Вертера-мужа»). Вслед за этим Ленц решился защитить своего друга. Уже в 1775 г. он опубликовал статью «Briefe über die Moralität der Leiden des jungen Werthers» («Письма о моральной стороне страданий юного Вертера»), глубокое толкование романа Гете современником. Ленц пытался представить актуальный смысл основной нравственной линии романа Гете и тем самым оправдать автора в глазах тех, кто «всегда приписывает ему такие конечные нравственные цели, о которых он никогда и не помышлял». Фрагмент написанного Ленцем романа в письмах (трагикомического!) «Der Waldbruder» («Лесной брат», 1776), изданный Шиллером в «Horen» в pendant к «Страданиям Вертера» в 1797 г., построен как переписка разных авторов, в которой Ленц, скорее, следует более старому стилистическому образцу — «Новой Элоизе» Ж.-Ж. Руссо.

Очень вероятно, что Ленц повлиял на карамзинское восприятие Вертера. По крайней мере, одно беглое замечание (письмо из Лозанны от 11 сентября 1789 г.) свидетельствует о том, что Карамзин глубоко проанализировал «Вертера»: «Основание романа то же, и многие положения (situations) в Вертере взяты из Элоизы; но в нем более Натуры».²³ В 1792 г. Карамзин издал повесть «Бедная Лиза», привив таким образом России «болезнь Вертера». Сходство судеб, возраста заимствовано из «Вертера», как и мотив самоубийства.

Особенно сошлись Карамзин и Ленц на интересе к Шекспиру. Молодой русский писатель видел в немецком штурмере несбывшуюся надежду на немецкого Шекспира. Для Карамзина, переведшего в 1786 г. «Юлия Цезаря», статья Ленца «Anmerkungen übers Theater nebst angehängten übersetzten Stück Shakespeares» (Leipzig, 1774) («Замечания о театре вместе с приложенной переводной пьесой Шекспира») имела величайшее значение, так как и он стремился к реформе литературного стиля. «Возвышенный» язык русского классицизма был вытеснен языком литературных салонов и «хорошего общества». Карамзин сумел существенно упростить стиль прозы. Поэтика русского классицизма основывалась на античной поэтике, обновленной Ренессансом. Карамзин отказался — как уже это сделал Ленц — от классической нормативной поэтики, и прежде всего от аристотелевой традиции. Поэтические нормы стали определяться требованием «естественности», т. е. верности природе.

²³ Там же С. 150

Ленц также в своих «Anmerkungen übers Theater» («Замечания о театре»), частично восходящих к прочитанным зимой 1771—1772 г в Страсбурге докладам, решительно отверг драматургию, присягнувшую Аристотелю, и действовавшую еще тогда нормативную эстетику. Аристотелевы и обновленные Лессингом определения трагедии и комедии он поставил с ног на голову и определил задачей поэта подражание «природе», т. е. познаваемому миру. В Шекспире Ленц видел напряженное взаимодействие между трагедией и комедией и свободу от правил. Люди Шекспира сами по себе не есть характеры, они определяются своим положением, своими слабостями и предрассудками. В 1774 г. Ленц перевел на немецкий пьесу Шекспира «Love's Labour's Lost» («Бесплодные усилия любви») под заглавием «Amor vincit omnia».

Уже первая драма Ленца «Der Hofmeister oder Vorteile der Privaterziehung» («Гофмейстер, или Польза частного воспитания», 1772—1773) ориентирована на шекспировское построение драмы, на что указывает отсутствие единства времени, места и действия. Переводы Карамзина «Эмилии Галотти» Лессинга и «Юлия Цезаря» Шекспира могли возникнуть под влиянием Ленца. Вместе с тем в предисловии к своему переводу «Юлия Цезаря» Карамзин использовал статью Виланда «Der Geist Shakespears» («Дух Шекспира», 1773), в которой с восхищением говорилось о глубоком понимании человеческой природы, присущем Шекспиру.²⁴

В кругу московских масонов и просветителей, и особенно между А. Петровым и Карамзиным, шли плодотворные дискуссии о соотношении гения и природы. В Шекспире Карамзин видит гения, который сам, как природа, и поэтому не связан правилами. Идея, что гений может пренебрегать правилами, восходит, очевидно, через посредство Ленца к Мерсье.²⁵ Карамзин, во всяком случае, идентифицирует «природу» и шекспировский гений. Х. Роте по этому поводу указывает на то, что Карамзин под гениальной природой Шекспира понимал его способность к познанию.²⁶

Особенно интересными представляются шекспировские герои в связи с новым пониманием личности и культом гениальности. Согласно Х. Г. Шварцу, здесь происходит разрыв с традиционным принципом подражания, отчасти из-за исторического мышления, с его оправданием своеобразия и индивидуальности, которое способствовало преодолению нормативной эстетики. Гораздо важнее новое понимание человека,

²⁴ См. Кафанова О. Б. «Юлий Цезарь» Шекспира в переводе Н. М. Карамзина // Русская литература 1983 № 2 С 158—163

²⁵ Cross A. G. N. M. Karamzin A Study of His Literary Career London and Amsterdam, 1971 P. 16—17

²⁶ Rothe H. N. M. Karamzins europaische Reise Der Beginn des russischen Romans Berlin, Zurich, 1968 S. 57—65, особенно S. 64

открытое в произведениях Шекспира.²⁷ Вследствие этого меняется перспектива: аристотелево подражание действию вытесняется шекспировским подражанием личности. Факт, который для понимания эстетики русского сентиментализма и для «открытия» человеческой личности в новиковском кружке можно признать особенно значительным.

В «Письмах русского путешественника» имя Ленца встречается много раз. Когда Карамзин 31 мая 1789 г. попадает в Дерпт, он задает риторический вопрос: «Здесь-то живет брат несчастного Л***. Он главный пастор, всеми любим и доход имеет очень хороший. Помнит ли он брата?»²⁸ В Дерпте также он вступает в разговор (вымышленный или реальный?) «с одним лифляндским дворянином, любезным, пылким человеком». Оценка Ленца этим «собеседником» «случайно» совпадает с оценкой новиковского кружка и Карамзина, и опять говорится о несбывшейся надежде, что Ленц станет немецким Шекспиром: «Кто, читая поэму шестнадцатилетнего Л***, и все то, что он писал до двадцати пяти лет, не увидит утренней зари великого духа? Кто не подумает: вот юный Клопшток, юный Шекспир? (. . .) Глубокая чувствительность, без которой Клопшток не был бы Клопштоком и Шекспир Шекспиром, погубила его. Другие обстоятельства, и Л*** бессмертен!»²⁹ Эта цитата никак не подтверждает того, что Ленц, как недавно заметил Г. Винтер, в новиковском кружке «едва ли воспринимался как оригинальный поэт», тем более что его не поддерживали. По крайней мере, свидетельств этому нет. Совершенно неоправданно возлагать на Карамзина и других масонов «ответственность за „утрату его поэтического дара“, что привело к его „глубокой неуверенности относительно своей роли как автора“».³⁰ Ленц был загружен переводами и проектами, вместе с тем его состояние духа непрерывно ухудшалось. Несмотря на это, Карамзин замечает, что «в самом сумасшествии он удивлял нас иногда своими пиитическими идеями». Это признание смыкается с предположением Э. Кросса, что «лирическое эссе»³¹ памяти скончавшегося в 1793 г. А. А. Петрова «Цветок на гроб моего Агатона» («Аглая», 1794) могло быть навеяно сочинением Ленца «Etwas über Philotas Karakter. Ein Veilchen auf sein Grab» («Нечто о характере Филотаса. Фиалка на его гроб», 1780).³²

²⁷ Schwarz H-G *Dasein und Realitat Theorie und Praxis des Realismus bei J M R Lenz (=Studien zur Germanistik, Anglistik und Komparatistik, hrsg v A Arnold und A M Haas Bd 116) Bonn, 1985. S 46*

²⁸ Карамзин Н М Письма русского путешественника С 9

²⁹ Там же С 9—10

³⁰ Winter H G J M R Lenz S 109—110 Автор пытается применить к русской культурной ситуации масштаб буржуазной эмансипации, что весьма проблематично

³¹ Кочеткова Н Д Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания) СПб, 1994 С 232

³² Cross A G N M Karamzin S 146

Ленц, который был в самых тесных отношениях с цюрихским «магом» Лафатером, в 1777 г много путешествовал по Швейцарии и состоял с ним в переписке, нашел в новиковском кружке, в особенности благодаря участию почившего в 1784 г И. Шварца, близость с направлением Гаманна—Лафатера, перед которым он сам преклонялся. Шварц же в своих лекциях ставил Лафатера на одну ступень с Я. Беме. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что Карамзин 14 августа 1786 г. вступил с Лафатером в переписку, впрочем, видя в нем не мистика, а физиогномиста и знатока человеческих душ.³³ В письме к Лафатеру от 20 апреля 1787 г Карамзин сообщает о состоянии Ленца: «Он нездоров. Он всегда путается в мыслях. Вы, вероятно, не узнали бы его, если б теперь увидели. Он живет в Москве, сам не зная зачем. Все, что он по временам пишет, доказывает, что он когда-то был очень даровит, но теперь...»³⁴

Перевод Н. Ю. Алексеевой

³³ Heier E. Studies on Johann Caspar Lavater (1741—1803) in Russia (=Slavica Helvetica Bd 37) Bern u a, 1991, особенно S 37—72, Lehmann-Carlu G. Karamzins Lavater-Rezeption. Zur Genesis einer Stromung in der russischen Aufklarung // Zeitschrift fur Slawistik 1991 Bd 36 H 4 S 505—517

³⁴ Карамзин Н М Письма русского путешественника С 489

СЛОВАРЬ Г. КНАПСКОГО В РОССИИ

(Библиографические разыскания)

Имя польского лексикографа Григория Кнапского (1564—1639) в истории русской переводной лексикографии никак не отмечено,¹ между тем бытование его словарей в России интересно не только для истории техники лексикографической работы, но и для истории польско-русских литературных связей в целом.

Хотя перу Г. Кнапского принадлежат и другие литературные труды (три трагедии на латыни), в историю польской филологии он вошел прежде всего как автор вышедшего в трех томах словаря «*Thesaurus polono-latino-graecus*»: в 1621 г. вышел польско-латинский словарь, в 1626-м — латинско-польский, а в 1632-м — третий том, в котором Кнапский собрал польские пословицы («*Adagia polonica selecta*»). Вплоть до начала XIX в., т е до выхода «Словаря польского языка» С Б Линде, словарь Кнапского оставался лучшим словарем польского языка. Он выдержал множество переизданий: так, до 1793 г польско-латинская часть выдержала 35 изданий, латинско-польская — 15 изданий до 1780 г., а сокращенное издание сборника пословиц («*Idiotismi polonici*») — 19 изданий до 1766 г.² С середины XVII в. стали появляться сокращенные и переработанные издания словаря, он прочно вошел в школьную практику и стал незаменимым пособием как при обучении польскому языку, так и при переводе с латинского на польский. Именно из польских училищ он попал в Киево-Могилянскую коллегию, а уже ее выученики привезли словарь Кнапского в Москву.

В редкой библиотеке русских гуманитариев второй половины XVII—первой четверти XVIII в. не было одного или нескольких томов словаря польского лексикографа. В описи библиотеки Симеона Полоцкого—Сильвестра Медведева значатся «Книга Кнапиуш, на два языка», «Книга Адагия, на трех языках», «Книга Кнапия, том второй», «Книга Лексикон Григория Кнапи, латинская», «Книга Лексикон Григория Кнапи, полонолатинская».³ Словарь был также в библиотеках митро-

¹ См *Цейтлин Р М* Краткий очерк истории русской лексикографии М, 1958 С 15—17, *Якимович Ю К* Очерки истории переводной лексикографии в России // Переводная и учебная лексикография М, 1979 С 149—175

² См *Bibliografia literatury polskiej «Nowy Korbut» Piśmiennictwo staropolskie Warszawa, 1964 Т 2 S 328—329*

³ См *Временник ОИДР М, 1863 Кн 16, отд 3 С 58, 59* Вероятно, запись «Книга глаголемая Скарб, на полском языке» (там же С 58) также подразумевает словарь Кнапского (*skarb* — сокровище, т е *thesaurus*) Здесь и далее данные описей или записей на книгах цитируются без исправлений, ошибки и опiski не оговариваются

полита сарского и подонского Павла («Книга Синонима полонотинская, стар, неполна, 2 алтына (...) Книга Кнапиуш, полская»),⁴ Евфимия Чудовского («К(нига) печатная, Лексикон польско-латино-грецкой Григориа Кнапиа том 1-й, в досках () Того ж Григориа Кнапиа том 2-й в полдесть латинополский лексикон»),⁵ Димитрия Ростовского («Кнапеуш Другий Кнапеуш»),⁶ Федора Поликарпова («Кнапиуш латинополский»),⁷ Феофана Прокоповича («Георгии Кнапии Тезаврус полоно-лятино-грекус»),⁸ Феофилакта Лопатинского («Тезаврус полский латинский греческий»),⁹ Лаврентия Горки («Сокровище или подобоимения Георгия Кнапиа»),¹⁰ игумена Варфоломея Филевского (три тома).¹¹ Словарь был распространен и у людей светского образования: у А. А. Винуса был том с пословицами («Adagioium polonicogum Tom 3. Scagoviae 1632»),¹² все три тома — у А. А. Матвеева,¹³ второй том — у В. Н. Татищева («Спарii Thesaurus latino-polonicus, том 2 Scagau, 1648»)¹⁴ Вероятно, благодаря Татищеву в библиотеку екатеринбургской горной школы попал словарь Кнапского, который значится в ее описи 1788 г. («Кнапий Лексикон на полском, латинском, греческом языках»)¹⁵

Безусловно, сохранившийся экземпляр говорит много больше библиографической записи. На принадлежавшем Феофилактору Лопатинскому польско-латинском томе (Краков, 1621 — БРАН, инв 1172л) кроме польской владельческой записи 1626 г. и записи «Ex cathedrali bibliotheca Tferensis episcopi» на титульном листе выцветшая запись: «Зенов Иванов», а на первых листах книги две записи-скрепы: «Лета 7207 [1698] ноября в день сия книга богоспасаемого града Танбова дому боголепного Преображения Господня преосвященного Игнатия

⁴ См. Временник ОИДР 1850 Кн 5, отд 3 С 66, 69

⁵ См. Летописи русской литературы и древностей М., 1863 Кн 5, отд 3 С 52

⁶ См. Шляпкии И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 г.) СПб., 1891 Приложение, с 58

⁷ См. РГИА, ф 796, оп 3, № 1217, л 68

⁸ См. Верховский П. В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. Материалы Ростов-на-Дону, 1916 Т 2 С 43 Ср. Феофан Прокопович. Философські твори. Киев, 1981 Т 3 С 378

⁹ См. РГИА, ф 796, оп 20, № 576, л 143 об

¹⁰ См. Там же, л 92 об

¹¹ См. Там же, л 189

¹² См. ААН, ф 158, оп 1, № 212, л 6. Экземпляр сохранился — БРАН, шифр ХХІХ/6 21861, записи «Книга Андрея Винуяса цена 2 рубли с полтиною», «Кнапиуш на 3 языках», «Книга Андрея Винуяса»

¹³ См. Библиотека А. А. Матвеева (1666—1728) Каталог М., 1985 С 116—117 (№ 502—504)

¹⁴ См. Астраханский В. С. Каталог екатеринбургской библиотеки В. Н. Татищева 1737 г. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1980 М., 1981 С 33

¹⁵ См. Ситников Л. А. Западноевропейская книга в Сибири во второй половине XVIII в. // Книга в Сибири XVII—начала XX в. Новосибирск, 1980 Приложение 1, № 159 (таблицы без пагинации после с 98)

епископа танбовского домовая казенная»; «Та ксенга Семена Корсака дарована Василью Азанчееву». На последней странице — дата славянскими буквами «Лета 7172 [1664]-го», т. е. с 1660-х гг книга уже была в России и сменила нескольких владельцев, прежде чем попала к Феофилакту Лопатинскому. Ему же принадлежало еще два экземпляра: сокращенная переработка «*Synonyma seu Dictionarium polono-latinum*» (Калиш, 1698 — БРАН, инв. 38л) с записью «*Ex cathedrali bibliotheca episcopi Tferensis*» и записью-скрепой на первых листах «Сия книга глаголема синонема Иоанна Соколовскаго харьковской академеи, а купил за десять алтын»; латинско-польский том (Краков, 1693 — БРАН, инв. 763л) с пометой «*Ex cathedrali bibliotheca Tferensis episcopi*».

Два тома латинско-польского словаря попали на русский Север. Оба принадлежали Афанасию Холмогорскому. Один из них (Краков, 1691 — БРАН, шифр: 14799о/27168q) до Афанасия принадлежал студенту московской Славяно-греко-латинской академии, а второй (Познань, 1698 — БРАН, 9743q/27272R) — будущему деятелю духовного просвещения в Иркутске Иннокентию Кульчицкому (запись: «*Ex libris Inocentij Kolczuski manu progra*»).

Обилие словарей Кнапского, особенно латинско-польского тома, в русских библиотеках рубежа XVII—XVIII вв объясняется просто. Для обучения латыни в новосозданных учебных заведениях и для многочисленных переводов с латыни словарь необходим, и при отсутствии общеупотребительного латинско-русского словаря его роль с успехом выполнял словарь Кнапского, благо для большей части русских гуманитариев польский язык был языком культурного обихода. О популярности словаря говорит и то обстоятельство, что в описях библиотек он зачастую именуется просто «Кнапиуш» (а это вовсе не первое слово на титульном листе). Таким же понятным сокращением названия словаря до имени составителя со второй половины XVIII в. станет «Целлярий».¹⁶

Арсений Могилянский, впоследствии известный придворный проповедник императрицы Елизаветы Петровны, будучи учителем Тверской семинарии, в 1740 г. рекомендовал своим ученикам словарь Кнапского для лучшего изучения латыни;¹⁷ а преподаватель поэтики ярославской семинарии в 1757 г., рассуждая о необходимости большого запаса слов для амплификации, советовал накапливать его «частым и прилежным чтением Кнапского, его словаря, который у тебя в руках»¹⁸

¹⁶ См. *Keipert H Cellarius in Russland // Russian Linguistics* 1987 Vol 11 P 297—317

¹⁷ См. *Колосов В И История Тверской духовной семинарии Тверь, 1889 С 50*

¹⁸ Цит по *Lewin P Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w (1722—1774) a tradycje polskie Wrocław, 1972 S 155*

Феофан Прокопович, как известно, весьма критически относился к польскому ораторскому искусству, в частности к макароническому языку польских проповедей, насыщенных отдельными латинскими словами и выражениями. Язык этих проповедей, по мнению Феофана, нельзя назвать ни польским, ни латинским. И в подтверждение своего мнения о языковом пуризме Феофан сочувственно цитирует предисловие Кнапского («ученейшего мужа») к первому тому словаря, в котором польский лексикограф обрушивается на макаронические речи своих земляков, которых «не смог бы понять ни поляк, ни латинянин»¹⁹

К словарю Кнапского обращался и такой тонкий филолог, как Тредиаковский. Рассматривая в «Трех рассуждениях о трех главнейших древностях российских» (1757) слово «Гиспания», он утверждал, что «оно повреждено с славенского, и есть Выспания, как-будто полуостровная Речь Выспа на славенопольском значит полуостров, кой с трех сторон окружен водами, а с четвертая соединен с твердою землею. Однако, значит сие слово и целый остров»²⁰. К слову «выспа» Тредиаковский дал отсылку на «Сокровищницу» «иезуита Кнапия», однако ни здесь, ни в других местах словарь Кнапского не давал повода для фантастических этимологий Тредиаковского²¹.

Довольно рано словарь Кнапского стал одним из источников собственно восточнославянской лексикографии. Первый фундаментальный латинско-славянский словарь был составлен Епифанием Славинецким в 1642 г. «Лексикон латинский з Калепина преложенный на славенский лета от создания мира 7150»²². Подыскивая славянские соответствия для латинских слов словаря знаменитого итальянского лексикографа эпохи Возрождения Амвросия Калепина (1435—1511), Епифаний в сложных случаях (особенно для ботанической и зоологической номенклатуры) находил нужное слово в латинско-польском словаре Кнапского и переводил польское толкование на

¹⁹ См. *Feofan Prokopovič De arte rhetorica libri X Kijoviae 1706* / Hrsg von R. Lachmann Bohlau, 1982 S. 209—210. *Феофан Прокопович* Философські твори Київ, 1979 Т. 1 С. 245—246. Ср. *Łuzny R. Teofan Prokopowicz a literatura polska // Slavia Orientalis* 1965 N 3 S. 342—344.

²⁰ См. *Тредиаковский В. К.* Сочинения СПб., 1849 Т. 3 С. 357.

²¹ См. Там же С. 458, 515.

²² См. *Погорелов В.* Латинско-славянский словарь XVII в. // *Русский филологический вестник* 1904 № 1—2 С. 337—340. *Н. П.* О списках латинского словаря А. Калепина с русским переводом // *Лит. вестник* 1904 Т. 8 С. 127—129. *Німчук В. В.* Староукраїнська лексикографія в її зв'язках з російською та білоруською Київ, 1980 С. 218—246. *Birgegård U.* Johan Gabriel Sparwenfeld and the Lexicon Slavonicum His contribution to 17th century slavonic lexicography Uppsala, 1985 P. 105—113. См. издание словарей Епифания Славинецкого. *Лексикон латинський Є Славинецького*. *Лексикон словено-латинський Є Славинецького* та *А Корецького-Сатановського* / Підготував до видання В. В. Німчук Київ, 1973.

славянский²³ В 1650 г., уже после переезда в Москву, Епифаний вместе с Арсением Корецким-Сатановским составил новую редакцию словаря, а вместе они подготовили «Лексикон словенолатинский, трудолюбием иноков Арсения и Епифания в богоспасаемом граде Москве составлен». Основу церковнославянского словника составители заимствовали из «Лексикона» П Берынды, но также был использован и словарь Кнапского, его польско-латинская часть: для польского слова подыскивалось «словенское» соответствие и добавлялось латинское слово из Кнапского²⁴ В 1659 г на основе этого словаря П Т Семенников (именно он в 1649 г привез из Киева Епифания и других «киевских старцев») попытался составить славяно-латинско-польский словарь Польскую часть он взял из словаря Кнапского²⁵

В 1670 г в Москве был составлен «Лексикон языков полскаго и славенскаго скорога ради изобретения и уразумения, бывающыя в неведомых вещех и неискусства языков», насчитывающий более 15 тысяч слов и сохранившийся в двух списках²⁶ Составитель словаря, а им был Симеон Полоцкий,²⁷ для польской части своего труда использовал пер-

²³ См *Німчук В В* Староукраїнська лексикографія в її зв'язках з російською та білоруською С 235

²⁴ См Там же С 249

²⁵ См *Сперанский М Н* Один из источников «Трязычного лексикона» Федора Поликарпова — рукописный белорусско-латинско-польский словарь XVII в // *Сперанский М Н* Из истории русско-славянских литературных связей М, 1960 С 198—210, *Kochman S* Przyczynek do dziejów leksykografii gosijskiej (Słownik XVII w — Siemionnikowa) // *Zeszyty naukowe wyższej szkoły pedagogicznej w Opolu Filologia gosijska*, t 2 Opole, 1963 S 121—146 В жизни книжной Москвы Семенников до конца жизни играл заметную роль, а после его кончины в 1695 г ему написал эпитафию Карион Истоминон — См *Перетц В Н* Московский книгоич XVII в // *Лит вестник* 1901 Т 1, кн 4 С 430—431, *Харлампович К В П Т Семенников-Зеркальников* // Там же Кн 7 С 221—225, *Памятники литературы Древней Руси XVII век* Кн 3 М, 1994 С 258

²⁶ См РГАДА, ф 381, № 1792, ГИМ, Чудовское собр., № 366 Библиотека Московской синодальной типографии Ч 1 Рукописи, вып 2 Сборники и лексиконы / Описал В Погорелов М, 1899 С 100—106, *Witkowski W* Dwa rękopisienne słowniki polsko-cerkiewno-ruskie z XVII w // *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego Prace językoznawcze*, zeszyt 4 Kraków, 1961 S 217—225, *Лидиакин М, Стрекалова З Н* Из истории русской лексикографии («Лексикон полонославенский» 1670 г) // *Славянское источниковедение Сб статей и материалов* М, 1965 С 124—131, *Смольникова Л Н* «Лексикон полоно-словенский 1670 г» как источник по русской исторической лексикологии // *Питання східнослов'янської лексикографії XI—XVII ст* Київ, 1979 С 47—50, *Birgegård U* Johan Gabriel Sparwenfeld and the Lexicon Slavonicum P 145—148, *Бахтурина Р В* Два польско-русских рукописных словаря XVII в // *История русского языка и лингвистическое источниковедение* М, 1987 С 29—37

²⁷ См *Перетц В Н* Новые труды по источниковедению древнерусской литературы и палеографии Третья серия Пг, 1915 С 36, *Мыльников А С* Международные культурные связи России конца XVII—начала XIX в как фактор книгораспространения // 3-я Всесоюзная научная конференция «Книга в России до середины XIX в» Тез докладов Л, 1985 С 6

вый том словаря Кнапского, сократив его, а также добавил польские слова, отсутствующие у Кнапского. При переводе с польского на русский Симеон создавал и искусственные русские слова (типичные для лексикографии той поры слова, «рожденные в чернильнице»):²⁸ «мускиеначальник», «ветхолатательное художество», «мылотворец» и т. п.²⁹ Возможно, один из списков этого словаря был в библиотеке проф. Ф. Г. Баузе: «Словарь польского и российского языков, писанный в 1688 году В печати не существует. В лист, № 9»³⁰

У проф. Баузе было несколько рукописных словарей, в том числе «Словарь трех языков: латинского, славено-русского и польского. Весьма полный и с отличным тщанием писанный в половине XVII века, в лист», «Словарь латинского и славянского языков, сочиненный в Ростове в 1701 году Иваном Филиповичем», «Словарь Калепинов на латинском, русском и польском языках, писанный весьма чистым почерком в 1722 году, в печати не существует; в лист»³¹ В другом каталоге библиотеки второй из этих словарей описан с важным добавлением: «.. Иваном Филиповичем из Калепинова и Кнапиева, в печати не существует, в лист».³² Судя по всему, речь идет здесь об одном и том же словаре, появившемся на рубеже веков (датировка первого словаря «половиной XVII века» не вполне убедительна) Действительно, ни у Калепино, ни у Кнапского русской части в словарях не было; сомнительно, чтобы идея объединить эти словари и эти языки в одной последовательности могла спонтанно возникнуть приблизительно в одно время у трех разных людей.

Собрание рукописей проф. Баузе сгорело в Москве в 1812 г., однако, кажется, именно этот тип словаря представлен в собрании Библиотеки Академии наук объемистой рукописью на 778 листах рубежа XVII—XVIII вв.³³ Титульного листа или пояснений в рукописи нет, только текст словаря в три столбца: латинский, славянский и польский. Сличение показывает, что два первых столбца — копия с незначительными разночтениями латинско-русского словаря Епифания Славинецкого, его перевода словаря Калепино. Третий столбец — польские соответствия, взятые из словаря Кнапского Таким образом, сведения каталога собрания проф. Баузе подтверждаются; не исключено, что справедливы и его указания

²⁸ См. *Алексеев М. П.* Словари иностранных языков в русском азбучнике XVII в. Л., 1968 С. 49

²⁹ См. *Дидиакин М., Стрекалова З. Н.* Из истории русской лексикографии С. 131

³⁰ См. *Моисеева Г. Н.* «Собрание российских древностей» профессора Баузе // ТОДРЛ Л., 1980 Т. 35 С. 312

³¹ См. Там же С. 312, 313

³² См. ЧОИДР 1862 Кн. 2 Смесь, с. 45

³³ БРАН, 16 15 12 Бумага 1690-х гг (филигрань «двуглавый орел» — см. Водяные знаки рукописей России XVII в. / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина М., 1980 № 1022—1695 г.)

о дате составления словаря (1701 г.) и его составителя Иване Филиповиче.³⁴ В рукописи словаря есть две записи. Одна — владельческая: «A. Ribeygo Sanches. St. Peterburg 17²⁵34» Эта запись расшифровывается легко: рукопись принадлежала лейб-медику А. Н. Р Саншесу, который приобрел ее в 1734 г., через три года после приезда в Россию.³⁵ Вторая запись: «Вокабулы Максимовича» (на верхней внутренней крышке переплета) — выводит на сцену новое действующее лицо.

Упомянутый во второй записи «Максимович» — несомненно, Иван Петрович Максимович, племянник митрополита Иоанна Максимовича, известного литератора Петровской эпохи. Он был приближенным к гетману И. Мазепе лицом, после бегства Мазепы оказался вместе с ним в Турции, затем был прощен Петром и с несколькими другими прощенными сторонниками Мазепы оказался в 1714 г. в Москве, где и скончался в 1732 г.³⁶ За годы жизни в Москве Максимович был переводчиком, библиотекарем в библиотеке Московской синодальной типографии и лексикографом. Первым литературным опытом Максимовича стал стихотворный перевод с латыни элегий брюссельского мистика Германа Гуго «Pia desideria» («Желания благоговейные»). В предисловии к латинско-русскому словарю, законченному им в 1724 г., Максимович вспоминал о первом переводе: «Начатое дело еще и соверших, обаче не без трудности, никким же латинославенскаго лексикона подкрепляем помоществованием Тем же за ползу возмнех тоскливое время мое изживати на читании священных книг латинских купно и славенских ради удобнейшаго в сицевых преводах искусства. И не токмо сицевому прилежащ чтению, вся яже внятю моему неудобна вменяхуся, отмечая, но и отмеченная преписовая и по чину алфавита чинопологая, неколико иживих лет, вознамерен бо бех краткое собрание во образ лексикона латинославенскаго собственной ради нужды и ползы своей составити».³⁷

По ходу работы Максимович переменял свое мнение и решил «общенародной возугодити ползе. И предпочитая общее

³⁴ Известно, что у Дмитрия Ростовского был писарь «Иван Филипьев», прибывший с ним в Москву в 1701 г., однако еще в феврале 1701 г., т. е. до отъезда в Ростов, Дмитрий отпустил писаря на Украину — См. *Шляпкин И А* Св. Дмитрий Ростовский и его время С 280

³⁵ О библиотеке Саншеса см. *Хотеев П И* Книга в России в середине XVIII в. Частные книжные собрания Л, 1989 С 100—119

³⁶ О его жизни и трудах см. *Пекарский П* Наука и литература в России при Петре Великом СПб, 1862 Т 1 С 191—197; *Слуховский М И* «Каталог универсальный» 1727 г // Археографический ежегодник за 1979 год М, 1981 С 75—85, *Николаев С И* Литературные занятия Ивана Максимовича // ТОДРЛ Л, 1985 Т 40 С 385—399 К сожалению, только по завершении этой статьи мне стала известна еще одна работа *Horbatsch O* Ivan Maksymovych, ein verkannter ukrainischer Lexikograph des 18 Jahrhunderts und sein Wörterbuch // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U S 1960 Vol 8 P 95—114

³⁷ БРАН, 32 6 2, л XI—XI об. Далее листы рукописи указываются в тексте

благо паче, неже собственную корысть, уне восхотех послужити благоволеннию всеавгустейшаго императора и рачительство мое явити святейшему синоду, неже себе самому единому в тайных угождати» (л. XIII). Для образца Максимович решил найти хороший латинский словарь, с которым бы он мог «трудолюбийце мое сообразити. Ибо вновь индексы латинских речений сочиняти не точию излишний труд, но и всеуветный вознепщевах быти, занеже толь много лексиконов со избранными своими индексами давно уже везде обретаются. К чесому же убо пристало бы всеуе железо варити и тождества туне возумножати? Аще убо иных многих лексиконов не возмогах имети, имех же в руках моих Григория Кнапиа Фесавр, его же второй том латинополский паче прочиих, их же прежде видети возмогах, лексиконов угоден явися сих ради изрядных вин. 1, яко не с единых киихждо речений, но с припряженных и частиц такожде, и с многообразного простых речений преносения и связания сочинен. 2, яко не недовольными фрасиами, паче же единому глаголу начинателному и к предлогом неким приданными понаполнен, из каких мер (яко предрех) может изнаполнити звание лексикона совершеннаго. 3, еже вящшее есть, занеже в индекси своем содержит речений чиноположение, еже никоим образом свойству и производству их причастно есть, но всякое речение по чину алфавита в множайших литерех следующее, на своих си полагает местех, да удобнее и скорее всяк, хотя в сем деле и не искусен, избрести я возможно, что наипаче новочащихся в учениях их способствует. Сей же чин, иже по началам речений составляется, и при едином речении главном, аки при корене вся его свойственная, производная и сложная сограмаждает, сего ради не полезен есть, яко начала речений не всяк и мерно изучивыйся удобно и верно всегда разпознает, чесо ради о многих и между премудрыми людьми пря бывает. 4, яко ко употреблению и нужди поетической количества просодии стихотворной, известованием стихотворцев утвержденная, речением неудобнейшим приложена у себе имать. 5, яко толкованием неких речений в Библии обретающихся обилует. Сими убо винами преклонен, восприях усердие прилепитися с делом моим к индексу Григория Кнапиа, едино точию чиноположение речений латинских в алфавитной силе по его обычаю содержа, толкованиям же его нимало последуя, яко всякому сей ономастикон чтущему и испытующему яве будет» (л. XIII об.— XIV об.).

Максимович привлек и опыты отечественной лексикографии, в частности он пишет, что «Лексикон блаженных памяти митрополита ростовского Димитриа, его же он с Калепина сочинил, имех вместо указателя.³⁸ Случившаяся же мне в

³⁸ Такой лексикографический труд Димитрия неизвестен, хотя слухи о нем, как видно из слов Максимовича, относятся к началу XVIII в. — Ср. Библиотека московской синодальной типографии Ч 1 — рукописи, вып 2

индексе Кнапиевом речения, их же толку ни в вышереченном лексиконе, ни в нотатах моих обрести возмогах, тым толкование по моему прилагах разсуждению, аще не по славенску, то поне по-руску, якоже речений своих великая или малая Россия употребляет. Да вникнут убо во вся сия ненавистнии чуждаго труда, купно и хвалы охуждатели, иже еще плода ума моего не видяще, но точию слухом слышаще в плодотворении сем труждающася мя, не постыдешася в погаждение мое сия произнести слова: „Что великаго или труднаго есть индекс латинский Кнапиев превести по-руску?“ Аще не трудно, чесо ради прежде мене сего не твориша, ниже творити помыслиша сами? Да видят и прилежно испытуют сей труд мой: еда по разуму Кнапиеву, с полского языка состроенными, или славенскими и российскими самými едиными толковании сей есть изнаполнен?» (л. XV об.—XVI).³⁹

Подчеркивая как свою зависимость от Кнапского, так и свою самостоятельность в лексикографической обработке материала, Максимович не преминул заметить, что обратился к польскому словарю по необходимости: «Да не хвалится же тщеславием мира сего самохвалитися (да тако рещи) род иезуитов люботщательнейший, заеже от сонмища их Григория Кнапия индексу случися мне возследовати» (л. XVI об.). Далее в предисловии Максимович подробно разбирает принципы обозначения в словаре долготы и краткости гласных и орфографию Кнапского. Завершает же обширное предисловие самоуничижительное и вместе с тем оптимистическое обращение к читателю: «Егда сей труд мой святейший Синод за благо разсудит тиснению предати, аще что тебе, доброхотный читателю, в сем ономастиконе латинославенороссийском неключимое или несогласующее собству толковому либо странное коим-либо образом покажется, Бога ради, вземлющаго грехи мира, первому сему изданию прости благосозволи. Не по мнозе времени не точию исправнейших, прибыточнейших и яснейших изданий ожидающ, но и разных на различных языках фесавров всесовершенных в всепресветлейшем сем всероссийском империи видети надеющийся» (л. XXI—XXI об.).

В отношении судьбы своего труда Максимович обманулся: словарь, поднесенный составителем Екатерине I во время ее коронации в 1724 г., издан не был. Максимович, вероятно, надеялся на содействие Феофана Прокоповича, который в

Сборники и лексиконы С. IV Скорее всего, речь идет о словаре Епифания Славинецкого, к которому добавлена польская часть, т. е. словаре, представленном в рукописи БРАН, 16 15 12

³⁹ Мотив защиты своего труда от критики недоброхотов развивается как раз в эпоху Петра I. Это относится и к словарной работе, как видно из эпиграммы против критиков в словаре Ф. Поликарпова — См. *Николаев С. И.* «Зоил в российских градах» (От Симеона Полоцкого до А. Кантемира) // XVIII век СПб, 1991 Сб 17 С 17—27

1722 г. познакомился со словарем и ободрил автора. Более того, есть основания полагать, что именно с лексикографическим трудом Максимовича связана эпитаграмма Феофана «К сложению лексиков». ⁴⁰ Тем не менее до издания дело не дошло, не распространялся словарь и в рукописном виде, известен еще всего один список. ⁴¹ Не исключено, что именно словарь Максимовича был у Стефана Яворского, в описи его библиотеки значится «Sparius manuscriptus» (в другом списке: «Sparius latino-rutenicus scriptus»). ⁴²

На верхней внутренней крышке переплета подносного экземпляра словаря Максимовича запись «Иоанна Максимовича», сделанная тем же почерком, что и «Вокабулы Максимовича» в упоминавшейся рукописи того же собрания 16.15.12. Обе записи сделаны еще в XVIII в., вероятно библиотекарем. Первая из них вопросов не вызывает, смысл второй неясен: Максимович явно не был составителем словаря, появившегося до 1701 г., о принадлежности же ему рукописи можно судить только по самой этой записи

Последний этап восприятия словаря Кнапского в России XVIII в. связан с именем другого воспитанника Киево-Могилянской академии — К. А. Кондратовича. В собрании Библиотеки Академии наук сохранился принадлежавший ранее Российской академии рукописный латинско-русский словарь, на первом листе которого написано «Кнапиев дикционер латино-славенский, переведен Кирияком Кондратовичем, собранный в 1725 и 1726-м годах». ⁴³ В действительности, однако, только этот лист имеет отношение к Кнапскому, так как сам словарь (а это рукопись 1730-х гг.) — копия латинско-славянского словаря Епифаня Славинецкого, причем копия довольно неряшливая, с описками. Кто-то вычитал латинскую часть словаря до буквы «С», выправил ошибки и одновременно дополнил во многих местах славянский перевод Епифаня Славинецкого русскими соответствиями. Работа по вычитке и редактированию не была закончена; возможно, что проделал ее Кондратович. Неясно, однако, для чего ему понадобилось назвать эту работу переводом словаря Кнапского (если только речь не шла о простой маскировке плагиата). Во всяком случае, Кондратович не упомянул о каком-либо раннем переводе Кнапского в списке своих трудов (в том числе несколько словарей), составленном в 1745 г. ⁴⁴

⁴⁰ Обоснование этой гипотезы см. Николаев С. И. «Лексикографическая» эпитаграмма Феофана Прокоповича // Русская речь 1995 № 5 С 3—5

⁴¹ См. РНБ, Разнояз Q XVI 21

⁴² См. Маслов С. И. Библиотека Стефана Яворского Киев, 1914 С XXIX Поскольку Стефан скончался в 1722 г., это могла быть ранняя редакция словаря Максимовича либо неизвестная нам переработка словаря Кнапского

⁴³ См. БРАН, 17 16 2 В рукописи 723+III л.; на корешке тиснение «Кнапиев дикционер» На л 723 об запись «Petrus Tachtarow fecit»

⁴⁴ См. Пекарский П. Кондратович, русский прозаик и стихотворец, филолог и беллетрист XVIII столетия // Современник 1858 № 6 С 473—474

В сентябре 1747 г Кондратович представил в канцелярию Академии наук переведенные им «на славенский язык Кнапиев дикционер такоже и Целляриев дикционер, некоторую часть»⁴⁵ По решению канцелярии «Целляриев дикционер» был отдан для рассмотрения М В Ломоносову, а «Кнапиев лексикон» было определено «отдать к рукописным книгам в библиотеку» для сохранения⁴⁶ К сожалению, судьба этой рукописи неизвестна

В 1775 г в типографии Академии наук был напечатан составленный Кондратовичем «Польский общий словарь» — первый печатный польско-русский словарь Польский словник Кондратович взял из польско-латинского тома Кнапского, сократив его, русская часть — плод работы самого составителя⁴⁷ Это было первое, но одновременно и последнее отражение словаря Кнапского в русской печати — более поздних его следов в истории русского словарного дела не обнаружено

Историю восприятия Кнапского в России хочется завершить одним вполне гипотетическим предположением, имеющим отношение к третьему тому словаря, к собранию польских пословиц Этот том словаря был известен в России, хотя и не так широко, как двуязычные тома словаря Известны и изготовленные уже в России небольшие рукописные сборники польских пословиц сборник 1724 г выписок из Кнапского⁴⁸ и основанный преимущественно на Кнапском сборник 1726 г⁴⁹ Вероятно, на сборнике Кнапского основан и сборник 1714 г польских пословиц с латинским переводом из собрания ГИМ⁵⁰ Таким образом, русские книжники были внимательны и к Кнапскому-паремиографу

Конец XVII—первая половина XVIII в — время зарождения русской фольклористики, во всяком случае — вполне научной паремиографии. В это время было составлено несколько сборников русских пословиц, поговорок и просто «крылатых слов» Имена первых собирателей нам неизвестны, затем их собирали И В Паузе, А И Богданов, В Н Тати-

⁴⁵ *Биллярский П С* Материалы для биографии Ломоносова СПб, 1865 С 95

⁴⁶ См *Макеева В Н* Русская лексикография 40—50-х годов XVIII в и Ломоносов // *Ломоносов Сб* статей и материалов М, Л, 1960 Т 4 С 193 См также *Лекарский П* История имп Академии наук в Петербурге СПб, 1873 Т 2 С 372

⁴⁷ См *Обрембская-Яблонская А А* Об источниках польско-русского словаря Кирияка Кондратовича // *ТОДРЛ* М, Л, 1958 Т 14 С 597—604

⁴⁸ См *ИРЛИ, Древлехранилище, колл Перетца, № 219, Łuzny R Pisarzy kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskieј a literatura polska Kraków, 1966 S 11*

⁴⁹ См *Перетц В Н* Из истории пословицы Историко-литературные заметки и материалы С приложением Сборника польских пословиц по рукописи 1726 г СПб, 1898 С 17—39

⁵⁰ См *Описание рукописей собрания Черткова* Новосибирск, 1986 С 70 (№ 278)

шев⁵¹ Череду этих сборников открывают «Повести или пословицы всенароднейшая по алфавиту» (1690-е гг.) В предисловии неизвестный нам составитель, в частности, пишет: «... западных стран жители имут мирския сия притчи своим их течтом в типография живописатель бе изследованны, якоже из них некия моима видех очима».⁵² Конечно, составитель мог видеть самые разные сборники, в первую очередь «Adagia» Эразма Роттердамского. Однако самым известным и доступным в России был тогда сборник Кнапского. Возможно, что именно «Adagia» Кнапского служили образцом первому русскому собирателю пословиц. К сожалению, для подкрепления этой догадки положительных данных пока нет. Стоит отметить, что полстолетия спустя, в 1745 г., Кондратович писал в своем отчете: «Собрал все русские пословицы, к которым подвожу латинские точные».⁵³ Конечно, сама идея не очень оригинальна, однако именно так построен труд Кнапского, с которым Кондратович был, безусловно, знаком. Возможно, что исследование пока только намеченной темы истории польских пословиц в русском фразеологическом фонде⁵⁴ заодно сможет осветить и роль сборника Кнапского.

История бытования словарей Григория Кнапского в России в XVII—XVIII вв., возможно, не столь уж богата яркими страницами и событиями. Между тем его лексикографические труды исправно служили нескольким поколениям русских писателей, филологов и просто обучающимся латыни и польскому. Лишь с постепенным угасанием роли образования полонифильской ориентации в культурной жизни России словари Кнапского, уже явно устаревающие, выходят из учебного обихода. А в 1807—1814 гг. был издан знаменитый «Словарь польского языка» С. Б. Линде, и надобность в словаре Кнапского вовсе отпала. Словарь Линде был очень высоко оценен русскими рецензентами, на него заблаговременно подписывались в России, он даже попал в библиотеку А. С. Пушкина.⁵⁵

⁵¹ См. *Шахнович М.* Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок // Советский фольклор. Сб. статей и материалов. М., Л., 1936. Т. 4—5. С. 300—305. Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX вв. М., Л., 1961.

⁵² Цит. по Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий / Собр. и пригот. к печати П. Симони. СПб., 1899. С. 71. Предисловие перепечатано (с целым рядом досадных опечаток) в кн. Древнерусская притча. М., 1991. С. 305—307.

⁵³ *Пекарский П.* Кондратович, русский прозаик и стихотворец. С. 474.

⁵⁴ См. *Петец В. Н.* Из истории пословицы. С. 11, 15.

⁵⁵ См. *Wołoszyński R.* W Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych 1801—1830. Warszawa, 1974. S. 223—228.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

В четвертой серии библиографических заметок соблюдаются те же принципы и правила организации материала, что и в трех предыдущих. Однако, поскольку заметки накапливались в течение долгих лет, а подготовка их к печати происходила с большими интервалами, в картотеке неизбежно нарушалось единообразие описаний и столь же неизбежно эти отступления не могли не отразиться и в рукописи. Проявляются они по-разному в каждой серии, но везде в мелочах. В ряде случаев они были сознательным результатом поисков наиболее экономного и в то же время емкого способа оформления собранной информации. Подобные «вольности» вполне допустимы в избранной форме свободных «заметок», которая, по моему убеждению, не обязывает автора держаться строго в жестких рамках предписываемого государственным стандартом унифицированного библиографического описания. Если когда-нибудь будет переиздан «Сводный каталог» и в нем будут учтены эти заметки, то библиотечные специалисты придадут содержащимся в них сведениям должный (на тот момент) вид.

Сверка многих переводов с предполагаемыми подлинниками или оригиналами была возможна лишь благодаря любезности д-ра Аннелор Энгель (Гамбург), разыскавшей в западноевропейских библиотеках нужные книги и приславшей выдержки из них в виде ксерокопий, микрофильмов, микрофишей и даже выписок. Принося ей свою глубокую благодарность, сожалею, что не все предположения подтвердились; однако в поисках подобного рода отрицательный результат имеет важное значение, так что и в этой части помощь немецкой исследовательницы была бесценной.

1547. *Гомес М.-А. Пуассон де.* Анегдоты или Достопамятнейшие исторические сокровенные деяния Оттоманского двора... СПб., 1787. Т. 1—2.

Напечатано, по-видимому, в тип. Ф. Брейткопфа. См. ниже уточнения к № 3864.

3395. *Кюбьер М. де.* Рензий, или Великодушный сын. М., 1788.

В библиогр. списках произведений указанного автора не значится ни эта повесть, ни какое-либо издание, в котором она могла бы быть напечатана. Публикации анон. фр. подлинника: *Rensi, anecdote japonoise // Contes moraux, ou les hommes comme il y en a peu.* Paris, 1768; *Les hommes comme il y en a peu, et les génies comme il n'y en a point: Contes moraux, les uns pour rire, les autres à dormir debout, orientaux, persans, arabes, turcs, françois etc.* Bouillon, 1770. Т. 2. P. 1—42; *Nouv.*

éd. Bouillon, 1776. Т. 1. Сборники ошибочно приписывались Л.-С. Мерсье. (Martin et al. P. 126, 149, 163, 198). Др. пер.: Ренси, японская повесть // Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета. 1779. Ч. 2. Май. С. 120—158.

Повесть написана на сюжет широко известного в XVIII в. анекдота о том, как в Японии двое сыновей, спасая мать от нищеты, отдали в руки правосудия своего младшего брата как якобы вора в расчете получить вознаграждение. Выявленные западноевроп. публикации анекдота: 1. *Charlevoix P.-F.-X. de. Histoire et description générale du Japon*. Т. 1 (1715). См. переизд.: Paris, 1736. Т. 1. P. 142—144. 2. *Tendresse filiale peu commune* // [*Choffin D.-E.*]. *Amusemens philologiques; ou mélange agréable de divers pièces...* 2 éd. Halle, 1755. Т. 1. P. 455—457 (мн. переизд.). 3. *Amour filial* // [*Lacombe de Prezel H.*]. *Dictionnaire d'anecdotes...* Paris, 1766. Т. 1 (мн. переизд.; см.: Amsterdam, 1767. Т. 1. P. 34—35). 4. [*Bardou J.*]. *Amusemens d'un philosophe solitaire...* Bouillon, 1776. Т. 2. P. 107—108. 5. [*Genlis S.-F.*]. *Annales de la vertu...* Paris, 1781. P. 156—159. 6. *Éphémérides pour la jeunesse, ou lectures instructives et agréables pour chaque jour de l'année*. Trimestre 3. Paris, 1790. P. 167. 7. *Eine Frau in Japan* // [*Gavrilov M. G.*]. *Deutsches Lesebuch zum Gebrauch der Studierenden Jugend / Hrsg. von M. G. Moskau*, 1792. S. 33—34. Рус. пер.: 1. *Рейр Ж.* Друг детей с баснями пристойными их возрасту... М., 1779. С. 47—49. 2. Происшествие, взятое из Японских известий // Уединенный пошехонец. 1786. Ч. 2. Дек. С. 771—774. 3. Утренние часы. 1788. 15 июня. Ч. 1. Неделя 9. С. 134—137 (см.: Рус. культура XVIII в. С. 120. № 23.2). 4. Славный пример сыновней любви // Нравоучение. Ч. 1. С. 52—54. 5. *Рейр Ж.* Детской приятель... М., 1791. С. 60—64. 6. Достойный подражания пример сыновней любви // Мал золотник да дорог, или увеселительный и в смех приводящий рассказчик... М., 1792. С. 33—36. 7. Отменитая сыновья горячность // Новые ежемесячные сочинения. 1792. Авг. Ч. 74. С. 64—66. 8. Женщина, живущая в Японии // Там же. 1793. Июль. Ч. 85. С. 52—54. 9. Пример сыновнего усердия // Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч. 8. № 89. С. 156—159. 10. Редкий пример детской любви // Нов. басни и повести. Ч. 2. С. 81—83.

3652. *Лесаж А.-Р.* Похождение Естванилла Гонзалеса... СПб., 1765—1766. Т. 1—2.

Пер.: Булгаков Яков Иванович (1743—1809). В цензуру представил Приклонский Василий Андреевич (1746—1789). (XVIII в. Сб. 13. С. 244—247).

3847—3848. Любовные утехи, сочиненные для графини де Ж... графом де С... на счет прекрасного пола. СПб., 1773; 2-е изд. М., 1780.

Предположительно: *Complaisances amoureuses par le comte*

de S.. 1758. (Catalogue des livres françois et d'autres étrangers qui se trouvent à Breslau dans la librairie de J. E. Meyer. [Breslau], 1764. P. 14; Catalogue d'un assortiment complet des livres françois, italiens, anglois qui se trouvent à Breslau dans la librairie de G. Th. Korn. [Breslau], 1766. P. 25).

3863. Любопытное открытие города Геркулана... СПб., 1789.

Жокур Луи де. Herculanium // Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts, et des métiers / Par un société des gens de lettres. Neufchastel, 1765. Т. 8. P. 150—154. В переводе статья дополнена сведениями из др. позднее изданного неустановленного источника. (Словарь русских писателей XVIII в. Л., 1988. Вып. 1. С. 85).

3864. Любопытные известия о отличнейших султанах: Магомете Великом и его сынах с чадами. СПб., 1790.

Перепечатка или тит. изд. кн.: *Гомес М.-А. Пуассон де. Анегдоты или Достопамятнейшие исторические сокровенные деяния Оттоманского двора...* СПб., 1787. Т. 2. (СК 1547). Совпадают с. 5—212; разночтение в экз. БАН: с. 51, строка 5 св.: «горько» (1787) — «горко» (1790). Новый тит. л., новые посвящения и с. 1—4, 213—216 напечатаны тем же шрифтом, что и с. 5—212, совпадающие с СК 1547, из чего следует, что СК 1547 напечатана, по-видимому, в тип. Ф. Брейткопфа, а не Овчинникова.

Пер.: Острогорский Павел Петрович. Инициал «Н» под посвящением принадлежит, вероятно, жене П. П. Острогорского.

3883. Магазин чтения для всякого возраста и пола людей... М., 1789. Ч. 1—4.

Часть 1

Идиллия Миртиса и Дамон (с. 9—18): *Леонар Н.-Ж. Les Eroux. Mirtis et Damon.*

Анакреонтическая ода, Разговор стихотворца с любовью: Из сочинений г. де ла Мотта (с. 21—24): *Удар де Ла Мот А. Dialogue de l'Amour et du Poëte.*

Ода II. Купидоново обещание (с. 24—26): *Удар де Ла Мот А. Promesse de l'Amour.*

Ода III. Уединение (с. 27—28): *Удар де Ла Мот А. La Solitude.*

Часть 2

Известие о церемонии, которую отправляет каждый год Венецианский дож, обручаясь с морем, именем Республики, и о том, что подало к тому повод (с. 3—9): *Буше д'Аржи (Boucher d'Argis) Антуан-Гаспар (1708—1791). De la cérémonie que fait tous les ans le Doge de Venise, d'épouser la*

mer au nom de la République, et de ce qui y a donné lieu // Variétés historiques, physiques et littéraires. T. 1, pt. 2. P. 405—410. Конец статьи (р. 409—410) переведен под отдельным загл.: «О венецианских крестинах» (см. ниже). Фр. текст переписан в тетради Е. А. Болховитинова «Выписки из французских книг» (Шмурло Е. Ф. Митрополит Евгений как ученый: Ранние годы жизни, 1767—1804. СПб., 1888. С. 66).

О венецианских крестинах (с. 10—12). Выделено в отдельную статью из предыдущей.

Порта оттоманская: Изъяснение сего слова (с. 12—37): *Буше д'Аржи А.-Г. La Porte Othomane: Explication de ce terme // Variétés historiques, physiques et littéraires. T. 1, pt. 2. P. 411—426.* В пер. сокращен один абзац, соответствующий с. 413—414 подлинника. Фр. текст переписан «почти полностью» в тетради Е. А. Болховитинова «Выписки из французских книг» (Шмурло Е. Ф. Митрополит Евгений как ученый. С. 66).

Часть 3

Счастлирое созвездие, тайное повествование (с. 1—74): Перепечатка (с того же набора) СК 7082.

В экз. БАН (шифр: 1789 / 85), вместо указанного в огл. «Тайного повествования», на с. 1—75: [*Арни де Гервиль*]. Кандидамантор, или греческий путешественник. Напечатано с того же набора, что и с. 1—75 в кн.: [*Арни де Гервиль*]. Кандидамантор или Греческий путешественник / Пер. с фр. Матвеем Сонцовым. М., 1796. (СК 265).

Петр, немецкая повесть (с. 75—93); Селестина, гишпанская повесть (с. 96—136); Санш, португальская повесть (с. 137—160); Батменди, персидская повесть (с. 161—199): *Флориан Ж.-П. Клари де. Pierre, nouvelle allemande; Célestine, nouvelle espagnole; Sanche, nouvelle portugaise; Bathmendi, nouvelle persane // Florian J.-P. Claris de. Les six nouvelles. Paris, 1784. P. 87—146, 171—227.*

Подражание гимна Клеанта ученика Зенонова с переводу г. Томаса (с. 200—205): *Бре (Bret) Антуан (1717—1792). Imitation de l'Hymne de Cléanthe, disciple de Zenon; d'après la traduction de M. Thomas, dans son Essai sur les Éloges, tome premier, pag. 22 // MF. 1773. Juillet. T. 1. P. 5—7.* (См.: *Thomas A.-L. Oeuvres. Nouv. éd., rev., corr. et augm. Amsterdam; Paris, 1773. T. 1. P. 22—24.*) Др. пер. под загл. «Песнь Клеантова»: № 5730, с. 81—83.

Описание двух чудовищ, из которых одно жило 20 лет, а другое 28 лет (с. 205—210): *Буше д'Аржи А.-Г. Autre monstre qui a vécu vingt ans // Variétés historiques, physiques et littéraires. T. 2, pt. 2. P. 466—469.*

Необычайная воздержанность одной девицы и также одного мужчины (с. 211—217): *Буше д'Аржи А.-Г. Abstinences*

extraordinaires d'une fille et d'un homme // Variétés historiques, physiques et littéraires. Т. 2, pt. 2. Р. 469—472.

Чрезвычайная сила зрения в одной женщине и также в одном мужчине (с. 217—223): *Буше д'Аржи А.-Г. Vertu extraordinaire de la vue d'une femme et de celle d'un homme // Variétés historiques, physiques et littéraires. Т. 2, pt. 2. Р. 473—476.* Переводчиком добавлено примечание о «гадательном пруте» (с. 220—221), сокращены последние строки, содержащие библиографические сведения. Фр. текст переписан «почти полностью» в тетради Е. А. Болховитинова «Выписки из французских книг» (Шмурло Е. Ф. Митрополит Евгений как ученый. С. 66).

Некоторые рассуждения о печали и радости (с. 223—233): *Буше д'Аржи А.-Г. Quelques réflexions sur la tristesse et la joye // Variétés historiques, physiques et littéraires. Т. 2, pt. 2. Р. 398—403.* Есть добавления переводчика. Фр. текст переписан в тетради Е. А. Болховитинова «Выписки из французских книг» (Шмурло Е. Ф. Митрополит Евгений как ученый. С. 66).

Физическое изъяснение шумов, слышимых иногда в воздухе в деревнях (с. 234—278): *Буше д'Аржи А.-Г. Explication physique des bruits que l'on entend quelquefois dans l'air à la campagne // Variétés historiques, physiques et littéraires. Т. 2, pt. 2. Р. 416—442.* Переводчиком сделаны небольшие добавления, содержащие сведения о лицах, упоминаемых в первом абзаце; опущен предпоследний абзац.

Некоторые примечания о музыке (с. 290—303). Статья включает несколько переведенных в измененной по отношению к подлиннику последовательности абзацев из статьи А.-Г. Буше д'Аржи: *De la musique instrumentale // Variétés historiques, physiques et littéraires. Т. 2, pt. 1. Р. 238—245.* Фрагмент на с. 296—297 («В царствование Эриха ~ его не успокоил») заимствован из статьи: Письмо о производимом действии музыкою в сердце человеческом: Взято из собрания нравоучительных и сатирических сочинений господина Стонекастеля, часть IV, стран. 38 // ЕС. 1756. Июль. С. 86. (Предположительно из журн.: *The Universal Spectator / By Henry Stone-castle, of Northumberland [John Kelly, 1680?—1751]. London, 1747. Vol. 1—4; 3rd ed. London, 1756.*) Фр. текст переписан частично (р. 238—241) в тетради Е. А. Болховитинова «Выписки из французских книг» (Шмурло Е. Ф. Митрополит Евгений как ученый. С. 66).

(Статьи А.-Г. Буше д'Аржи первоначально печатались в MF и др. журналах).

Часть 4

С. 1—126. Перепечатка кн.: [Мейснер А. Г.]. Собрание разных нравоучительных повествований и басен / Пер. с нем. [П. С. Батурина]. Изд. 2. М., 1788. (СК 6639).

4092. Мартына Задека... любопытное, примечания достойное и, многих весьма важных в Европе происшествий, событием оправданное предсказание... СПб., 1798.

См. ниже № 5677—5678.

4117. Междуделье. СПб., 1792. Ч. 1—2.

Дополнение к СК VI Уточн. и Тр. Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. 1969. Т. 11. С. 150—151.

Др. пер. повести Никола де Ла Димери «Обоюдное удивление» см. т. № 2978.

4169. *Мерсье Л.-С.* София, нравоучительная повесть, или Люди, каких мало бывает. М., 1769.

Атрибуция ошибочная. Анон. сб., в котором был напечатан фр. подлинник этой повести, не содержит произведений Л.-С. Мерсье (*Béclard L. Sébastien Mercier, sa vie, son oeuvre, son temps, d'après des documents inédits.* Paris, 1903. P. 63, note 2; Martin et al. P. 126).

4171. *Мерсье Л.-С.* Таков ныне свет. СПб., 1784.

Фр. оригинал (повесть: *Les Hypocrites // Mercier L.-S. Contes moraux.* Amsterdam; Paris, 1769. Pt. 1. P. 1—130) представляет собой довольно точный пер. повести И. Г. Б. Пфейля: *Beitrag zur der geheimen Geschichte der menschlichen Tugenden // [Pfeil J. G. B.]. Versuch in moralischen Erzählungen.* Leipzig, 1757; 2. Aufl. Leipzig, 1760. (Annandale E. T. Johann Gottlob Benjamin Pfeil and Louis-Sébastien Mercier // *Revue de littérature comparée.* 1970. Т. 44. N 4. Oct.—Déc. P. 453).

4197 *Метастазио П. А. Д.* Пляска. СПб., 1778.

Пер.: Ханыков Василий Васильевич (1759—1839). Кн. вышла в марте 1778 г. (См.: *Письма русских писателей XVIII века / Отв. ред. Г. П. Макогоненко.* Л., 1980. С. 362).

4206. Методический опыт, каким образом можно выучить детей читать музыку столь же легко, как и обыкновенное письмо. М., 1773.

Анон. соч.: *Essai méthodique pour apprendre aux enfans à lire aussi aisément la musique, qu'on leur apprend à lire l'écriture ordinaire.* Liège, [1763]. (BLGC Vol. 102. P. 474; *Самсонова Т. П.* Библиотека музыкальных классов Академии художеств в XVIII в. // *Русские библиотеки и их читатель: (Из истории русской культуры эпохи феодализма).* Л., 1983. С. 198).

4266. Мифология, или История языческих богов, полубогов и славнейших в языческой древности героев. СПб., 1799.

Авт.: Жуванси Жозеф де. Латин. подлинник: *Appendix de diis et heroibus poeticis ad poetarum intelligentiam necessaria* (1709). Пер. с фр. оригинала, текст которого совпадает с текстом след. использованного для сверки изд., точно передающего латин. подлинник: *Jouvancy J. de. Appendix de diis heroibus poeticis, ou Abrégé de l'histoire poétique...* Bouillon, 1775. P. 67—155. По сравнению с латин. подлинником и фр.

пер. 1775 г. в рус. пер. добавлены в ч. 1 — гл. 1—3, в ч. 2 не переведены гл. 28—31. Почти во всех главах (особенно ч. 1, гл. 4) есть вставки неустановленного происхождения.

4374. *Муравьев М. Н.* Ода... на замирение России с Портою Оттоманскою. СПб., [б. г.].

Год издания: 1774. (СПб вед. 1774. 12 авг.; Фундаминский. С. 139).

4379. *Муравьев М. Н.* Послание к А. М. Бр. 1783 г. [СПб., не ранее 1785].

По сведениям В. А. Западова, это первый лист несостоявшегося сб. стихотворений М. Н. Муравьева 1780-х гг. Набор был начат ок. 1790 г. (Русская литература последней четверти XVIII века: Хрестоматия / Сост. В. А. Западов. М., 1985. С. 412).

4410. На пользу труд... М., 1792.

Пер. с фр. яз. В Моск. синодальную контору представил своекоштный студент Моск. ун-та Алексей Печенегов как книгу, «препорученную ему от одной особы» (РГИА, ф. 796, оп. 72, д. 32, л. 1).

4468. Наставление детям в законе веры. СПб., 1785.

Зейлер (Seiler) Георг Фридрих (1733—1807). Religion der Unmündigen. Erlangen, 1772 (переизд.).

4469. Наставление для пехотных офицеров... М., 1786.

Гауди (Gaudi) Фридрих Вильгельм фон (ум. 1788). Versuch einer Anweisung für Officiers von der Infanterie, wie Feldschanzen von allerhand Art angelegt und erbauet, und wie verschiedene andere Posten in Defensionsstand gesetzt werden können... Wesel, 1767 (переизд.). Фр. пер.: Instruction adressée aux officiers d'infanterie, pour tracer et construire toutes sortes d'ouvrages de campagne, et pour mettre en état de défense différens petits postes, comme les cimetières, les églises, les chateaux, les villages, les villes et les bourgs. Leipsick, 1768.

4507. *Наумов П. А.* Сокращение всеобщей истории. СПб., 1800.

Тираж 900 экз. (ЦГИАСПб, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1194, л. 1).

4525. Небылицы в лицах... М., 1793.

Сб. перепечаток из различных кн. и журн.

Повесть 2-я. Доброй государь (с. 25—29). Перепечатка (с небольшими стилистическими изменениями) рассказа: Государство: Восточная повесть // Растущий виноград. 1785. Ноябрь. С. 33—36. Фр. оригинал: La Royauté // [Blanchet F.] Apologues et contes orientaux. Paris, 1784; перепечатано в журн.: JE. 1785. Т. 1, pt. 3. Févr. 1. P 482—484.

Скупой. Сказка 2-я (с. 30—32). Перепечатка анон. стихотворения: Быль. Скупой // Вечерняя заря. 1782. Ч. 3. Окт. С. 161—162.

Повесть 3-я. О молодом трубочисте (с. 32—39). Перепе-

чатка рассказа: Победа честности над склонностью ко злу: Истинная повесть для детей // Покоящийся трудолюбец. 1784. Ч. 1. С. 203—208.

Лжец. Сказка 3-я (с. 39—42). Хемницер И. И. Первые публикации: Хемницер И. И. Басни и сказки N... N... СПб., [1779]. С. 32; 2-е изд. СПб., 1782. Ч. 1. С. 42.

Повесть 4-я. О султане, смотрящемся в зеркало (с. 42—45). Перепечатка рассказа: Хороший ответ визиря султану, смотрящемуся в зеркало // Уединенный кабинет, или Собрание, для приятного и полезного чтения различных материй удобных произвести удовольствие и разуму и сердцу / Пер. с фр. И. Р[ахманиновым]. СПб., 1787. С. 185—189. Фр. оригинал: Belle réponse d'un visir à un sultan qui s'était considéré dans son miroir // Cardonne D.-D. Mélanges de littérature orientale, traduits de différens manuscrits, turcs, arabes, et persans de la bibliothèque du Roi. Paris, 1770 (переизд.). (Рус. культура XVIII в. С. 96, сноска 43).

Стряпчий и воры. Сказка 4-я (с. 46—48). Хемницер И. И. Первая публикация: Хемницер И. И. Басни и сказки N... N... 2-е изд. СПб., 1782. Ч. 2. С. 43. Пер. басни Х. Ф. Геллерта «Cleant».

Повесть 5-я. О влюбленном плотнике (с. 49—55). Эмин Ф. А. Плотник и султан // Эмин Ф. А. Нравоучительные басни. СПб., 1764. С. 10—16 (переизд.).

Муж, спящий не для слуги, а для господина. Сказка 5-я (с. 55—59). Тучков С. А. Не для всех сплю: Сказка // Беседующий гражданин. 1789. Ч. 2. Май. С. 103—105.

Человеку свойственно ошибаться. Повесть 6-я (с. 59—63). Крюгер Иоганн Готлоб. Перепечатка (с небольшими стилистическими изменениями) рассказа: Обмануться сродни человеку: Повесть: Из Кригеровых снов / Пер. Павел фон Визин // Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия. 1762. Ч. 1. Янв.—март. С. 178—180. Источник: Der 159. Traum // Krüger J. G. Träume / Halle, 1758.

Лекарь и больной. Сказка 6-я (с. 63—67). Сумароков А. П. Перепечатка (с разночтениями) расширенной редакции: Лекарь и больной // Праздное время. 1760. [Ч. 4]. 7 окт. С. 226—228. Первая публикация: ЕС. 1756. [Ч. 4]. Ноябрь. С. 444.

Повесть 7-я. О ревнивом любовнике (с. 67—72). Перепечатка (со стилистическими изменениями) повести: Ревнующий к своей собственной тени любовник / Пер. с нем. П. П. // Праздное время. 1760. [Ч. 4. № 9]. 26 авг. С. 136—139.

Повесть 8-я. О диком абенакизде (с. 76—80). Сен-Ламбер Жан-Франсуа де. Перепечатка (со стилистическими изменениями) рассказа: Абенакизец: Нравоучительная повесть / Пер. с нем. яз. ... Дмитрий Рыкачев // Утренний свет. 1780. Ч. 8.

Февр. С. 172—176. Фр. подлинник и др. пер. см.: Библиогр. заметки III. № 1732. XIX.

Старик и молодчик. Сказка 8-я (с. 80—83). Тейльс И. А. Первая публикация: Старичок и молодчик // Полезное с приятным. 1769. Полумесяц 3. С. 27—29; включено в кн.: Тейльс И. А. Собрание трудов... СПб., 1781. С. 65—67.

Проклятые туфли. Повесть 9-я (с. 83—92). Перепечатка (со стилистическими изменениями) рассказа: Несчастье от туфель // Покоящийся трудолюбец. 1784. Ч. 1. С. 210—216. Фр. оригинал и др. пер. см.: Проблемы жанра в литературе Сибири. Новосибирск, 1977. С. 11—12, сноска 12. Неучтенный др. пер. см. ниже № 4608, ч. 2. С. 12—16.

Повесть 10-я. О имане, дозорном капитане, о кадие, его невольнице и невольнике, влюбленном в кадиеву невольницу (с. 95—118). Перепечатка рассказа: Макефа, то есть, наука познавать человеческие нравы и мысли и об оных размышлять: Отделение пятое // Утренний свет. 1778. Ч. 4. Дек. С. 346—359. Нем. подлинник и др. пер. см.: Библиогр. заметки III. № 572. Отд. 1—4.

Гости в беседе. Сказка 10-я и последняя (с. 118—124). Тейльс И. А. Басенка («В беседе некогда случилось быти мне...») // Полезное увеселение. 1769. Полумесяц 1. С. 28—33; включено в кн.: Тейльс И. А. Собрание трудов... СПб., 1781. С. 61—65; перепечатано: Зеркало света. 1786. Ч. 2. № 21. 12 июня. С. 64—68.

4543. Некоторые полезные статьи, выбранные из удивительных секретов великого Альберта... СПб., 1783.

Извлечение из второй и третьей частей кн. «Les admirables secrets d'Albert le Grand...», выдержавшей большое число изданий в XVIII в. и являющейся переводом популярной в XV—XVII в. латинской кн. (Alberti Magni Liber Aggregationis, seu Secretorum de virtutibus herbarum et animalium quorundam. Eiusdem de mirabilibus mundi seu de secretis naturae et alia opuscula. [Ferrara, 1477 ?]; [Bononiae], 1478; мн. переизд.), которая выдавалась за соч. Альберта Великого (Альберта фон Больштедта, ок. 1193—1280). (СВН I, стб. 499—502; BLGC Vol. 4. P. 265—267; Brunet J. C. Manuel du libraire et de l'amateur de livres. 5 éd. Paris, 1860. T. 1. Стб. 139).

4608. Николаи К. Ф. Новый спутник и собеседник веселых людей... М., 1796.

Корень всего зла (ч. 2. С. 12—16). Фр. оригинал и др. пер. см.: Проблемы жанра в литературе Сибири. Новосибирск, 1977. С. 11—12, сн. 12 (ср. выше № 4525, «Проклятые туфли»: Повесть 9-я). Неправильное указание оригинала: Левин Ю. Д. Дополнения к предшествующим библиографическим публикациям // От романтизма к реализму: Из истории междунар. связей русской литературы. Л., 1977. С. 307. № 24 (404а). Ошибка устранена в кн.: Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России. Л., 1990. С. 95.

4641. Новая для красильщиков книга... М., 1794.

Нем. оригинал: Neues Färberbuch, oder Kurzer Unterricht Wolle, Seide und Leinwand zu färben; nebst Recepten zu verschiedenen Arten von Tinte, wie auch allerley Flecke aus allerhand Waaren zu machen. Aus dem Dänischen übersetzt. Kopenhagen, 1768; Kopenhagen, 1771; 3. verb. Aufl. Kopenhagen, 1793. (Catalogus Universalis derjeniger Bücher, welche... zu haben sind bei J. F. Korn... in Breslau. Breslau, 1776. Th. 1. S. 230; Messkatalog. Ostermesse 1793. S. 34).

4645. Новая новинка или Всево понемножку. СПб., 1792.

Выписка письма из Лондона (с. 51—54). Др. пер.: 1. «Некто столетний старик, живший в Лондоне, имел 12 сыновей...» // СПб вестн. 1779. Ч.3. Апр. С. 302—304. 2. Благотворение ломбарда // Утренние часы. 1789. 22 марта. Ч. 4. Неделя 49. С. 152—155.

4664. Новиков В. В. Театр судоведения... М., 1791.

Невинный, по стечению подозрительных обстоятельств, подвергнувшийся опасности быть казненным (ч. 5. С. 119—138). Перепечатка ст.: Полагаясь на правдоподобие легко обмануться можно: (Переведено из Англинского) // СПб вестн. 1778. Ч. 1. Янв. С. 27—36; Февр. С. 105—110.

4676. Новые басни и повести... М., 1799. Ч. 1—2.

Предположительно: [Зимон (Simon) Эрнст Генрих]. Neue Fabeln und Erzählungen zum Unterricht und Vergnügen: Ein Geschenk für die Jugend edler Erziehung. Heilbronn, 1796 (или Heilbronn, 1796—1799). (Messkatalog. Ostermesse 1797. S. 49; Holz. u. Boh. II, 83; GV Bd 36. S. 7).

По заявлению переводчицы (ч. 1. С. [V]), она включила в свой сб. «не только находившиеся в оригинале пиэсы, но многие (...) также и из другой книги, которую (...) равномерно для упражнения переводила». Ряд переведенных ею басен и рассказов содержатся в учебной хрестоматии М. Г. Гаврилова: Deutsches Lesebuch zum Gebrauch der studierenden Jugend herausgegeben von M. G[avrilov]. Moskau, 1792. В частности, из двадцати басен Г. Э. Лессинга, отобранных М. Г. Гавриловым, восемнадцать содержатся и в книге М. Базилевичевой. Однако в «Новых баснях и повестях» каждая басня сопровождается нравоучением, отсутствующим и у Лессинга, и у Гаврилова; этот признак выводит, по-видимому, «Deutsches Lesebuch» из круга возможных дополнительных источников, которыми пользовалась переводчица.

Часть 1

(В скобках после названия в подлиннике басни Г. Э. Лессинга указывается римской цифрой книга и арабской цифрой порядковый номер басни в собрании прозаических басен Г. Э. Лессинга).

Зевес и лошадь (с. 9—11). Лессинг Г. Э. Zeos und das Pferd (I, 5).

Посрамленный боец (с. 17—18). Басня на сюжет из «Гулистана» Саади. См.: Гулистан. Критич. текст. С. 121 (гл. II, рассказ [43]).

Молодая ласточка (с. 21—22). Лессинг Г. Э. Die junge Schwalbe (I, 23).

Молодой и старой олень (с. 26—27). Лессинг Г. Э. Der junge und der alte Hirsch (III, 26).

Павлин и петух (с. 30). Лессинг Г. Э. Der Pfau und der Hahn (III, 27).

Две серны (с. 40—41). Выявленный нем. текст: Die beiden Gemsen // Deutsches Lesebuch. S. 13—14.

Мышь (с. 46). Выявленный нем. текст: Die Maus // Deutsches Lesebuch. S. 15.

Жирный дервиш (с. 50). Басня на сюжет из «Гулистана» Саади. См.: Гулистан. Критич. текст. С. 109 (гл. II, рассказ [22]).

Бык и олень (с. 51). Лессинг Г. Э. Der Stier und der Hirsch (I, 27).

Благодееяния (с. 57—58). Лессинг Г. Э. Die Wohlthaten: In zwey Fabeln (III, 13—14).

Храбрый волк (с. 62—63). Лессинг Г. Э. Der kriegerische Wolf (I, 12).

Дуб и свинья (с. 64—65). Лессинг Г. Э. Die Eiche und das Schwein (I, 15).

Лук (с. 68—69). Лессинг Г. Э. Der Besitzer des Bogens (III, 1).

Дух Соломонов (с. 75—76). Лессинг Г. Э. Der Geist des Salomo (III, 3).

Мальчик и змея (с. 81—83). Лессинг Г. Э. Der Knabe und die Schlange (II, 3).

Геркулес (с. 88—89). Лессинг Г. Э. Herkules (II, 2).

Овца (с. 91—92). Лессинг Г. Э. Das Schaf (II, 23).

Козы (с. 95—96). Лессинг Г. Э. Die Ziegen (II, 24).

Соловей и павлин (с. 99—100). Лессинг Г. Э. Die Nachtigall und der Pfau (I, 7).

Пастух и соловей (с. 100—101). Лессинг Г. Э. Der Schäfer und die Nachtigall (III, 30).

Палемон и его сын (с. 115—116). Выявленный нем. текст: Palemon und sein Sohn // Deutsches Lesebuch. S. 22—23.

Др. пер.: 1. Палемон с сыном // Новые ежемесячные сочинения. 1793. Ч. 85. Июль. С. 54—55. 2. Палемон и его сын // Приятное и полезное препровождение времени. 1794. Ч. 1. № 2. С. 31—32.

Часть 2

Великодушный брат (с. 1—11). Летурнер Пьер. Фр. оригинал (в Verquin) и др. пер. см.: Библиогр. заметки III. № 1838 (рассказ «Великодушие меньшего брата»).

Инкль и Ярико (с. 14—18). Выявленная публикация на нем. яз.: *Inkle und Jariko // Deutsches Lesebuch*. S. 25—27. Англ. подлинник, трансформации на разных яз. и др. рус. пер. см.: *Левин Ю. Д. Инкл и Ярико в России // Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России: Исследования и материалы*. Л., 1990. С. 257—266.

Благородный образ мыслей одного комедианта (с. 26—29). Арно Ф.-Т.-М. де Бакюлар д'. *Le Bienfaiteur // Délassements*. T. 2. Pt. 3. P. 11—20.

Потерянное дитя (с. 30—37). Выявленные публикации на нем. яз.: 1. *Das verlohrene Kind // Lektüre für die kleine Jugend, zum Unterricht, Vergnügen und Veredlung des Herzens*. Giessen, 1779. Th. 2. S. 312—317. 2. *Das verlorne Kind // Deutsches Lesebuch*. S. 27—32. Др. пер.: 1. Потерянный сын // *Дет. чт.* 1786. Ч. 6. № 2 [! 15]. С. 25—30. 2. Потерянное дитя // *Детская книга, или Собрание нравоучительных повестей, переведенных из лучших французских сочинителей воспитанниками Мещанского народного училища*. М., 1796. С. 46—55. Наличие этого пер. указывает на то, что подлинник рассказа, возможно, был французским.

Великодушный дофин (с. 41—43). Выявленная публикация на нем. яз.: *Der grossmüthige Dauphin // Mannigfaltigkeiten*. 1770. Marz 24. Jg 1. Woche 30. S. 468—469.

Великодушие (с. 50—52). Фр. подлинник и др. пер. см.: Библиогр. заметки III. № 993, ч. 1, рассказ «Великодушный поселянин». Предполагаемый источник нем. составителя (или рус. переводчицы?): *Générosité // [Lacombe de Prezel H.] Dictionnaire d'anecdotes...* Paris, 1766. T. 1 (мн. переизд.; см.: Amsterdam, 1767. Pt. 1. P. 318—319).

Верный друг (с. 59—61). Арно Ф.-Т.-М. де Бакюлар д'. *Le besoin d'être aimée // Délassements*. T. 1. P. 160—164. Источник нем. составителя (или рус. переводчицы?): *Verquin. В Verquin, Choix* под загл. «*L'ami fidèle*» (текст подлинника сокращен). Др. пер.: *Верный друг // Нравоучение*. Ч. 1. С. 250—251.

Человек, который никогда не лгал (с. 68—70). Выявленная публикация на нем. яз.: *Der Mann, welcher nie gelogen hat // Mannigfaltigkeiten*. 1770. May 19. Jg 1. Woche 38. S. 595—596.

Убеждение (с. 70—71). Др. пер.: 1. «В бытность епископа Салисбургийского...» // *Иртыш*. 1790. Февр. С. 26—28. (О фр. источн. см.: *Очерки литературы и критики Сибири: (XVII—XX вв.)*. Новосибирск, 1976. С. 60. № 16а). 2. Два попа // *Разные анекдоты...* // Пер. с нем. А. Даниловым. М., 1792. С. 8—9.

Спокойствие тиранна (с. 71—72). Сен-Ламбер Ж.-Ф. Рассказ «*Le sommeil du méchant*» из раздела «*Fables orientales*» в кн.: *Saint-Lambert J.-F. Les saisons, poëme*. Paris, 1769 (мн. переизд.). Выявленная публикация на нем. яз.: *Die Ruhe des*

Gottlosen: Eine orientalische Fabel // Mannigfaltigkeiten. 1770. April 21. Jg 1. Woche 34. S. 535. Сюжет из «Гулистана» Саади; см.: Гулистан. Критич. текст. С. 76 (гл. I, рассказ [12]). Др. пер.: 1. Сон злого человека // СПб вестн. 1780. Ч. 5. Март. С. 190—191. 2. Сон злых: (Подражание Саади) // Северный вестник. 1804. Ч. 2. № 6. С. 358—359.

Несправедливое неудовольствие (с. 76—78). Беркен А. Фр. подлинник: *Le contretemps utile* // *L'Ami des enfans* / Par M. [A.] Berquin. 1782. Juin. N 6. P. 42—46 (мн. переизд.).

Редкий пример детской любви (с. 81—83). См. выше № 3395. Судя по загл., восходит к западноевроп. публикации № 2, причем рус. пер. совпадает с текстом публикации на нем. яз. № 7.

Справедливый отец (с. 85—86). Др. пер.: Пример чрезмерной надменности в молодом человеке // Зрелище деяний человеческих, или Изображение удивительных происшествий... М., 1795. Ч. 1. С. 50—69.

Не все надобно хулить с первого взгляду (с. 86—92). Беркен А. Фр. подлинник: *Les buissons* // *L'Ami des enfans* / Par M. [A.] Berquin. 1782. Février. N 2. P. 48—56 (мн. переизд.).

Нечаянное щастие (с. 92—96). Фр. оригинал в Berquin (в Berquin, Choix под загл. «*L'heureuse acquisition*»).

Испытанная детская любовь (с. 96—97). Фр. оригинал в Berquin (в Berquin, Choix под загл. «*L'amour filial mis à l'épreuve*»).

История о двух братьях (с. 98—105). Пересказ эпизода из гл. 92 в кн.: Linschoten J. H. Van. *Itinerario. Voyage ofte Schipvaert van Jan Huygen Van Linschoten naer Oost ofte Portugaels Indien, inhoudende een corte beschryvinghe der selber Landen ende Zee-custen, etc.* Amstelredam, 1596 (переизд. и англ., лат., фр. пер.; BLGC. Vol. 193. P. 179—180; см.: Linschoten J. H. Van. *Itinerario. Voyage... / Uitgegeven door H. Korn. 'S-Gravenhage, 1910. D. 2. S. 98*). Выявленные публикации этой ред. анекдота: 1. *Notable Example of Fraternal Affection* // *The Universal Magazine of Knowledge and Pleasure*. 1769. Vol. 45. Dec. P. 315—317. Источн.: J. H. van Linschoten his discours of Voyages into ye Easte and West Indies... London, 1598 (BLGC. Vol. 193. P. 180; см.: *The Voyage of John Huygen van Linscoten to the East Indies. From the Old English Translation of 1598.* London. 1885. Vol. 2. P. 180—181). 2. *Trait touchant de générosité fraternelle, traduit de l'Universal-magazine et tiré du Lin Schoten's Voyages* // JE. 1770. T. 2, pt. 2. Mars 1. P. 292—295. 3. *Eine Geschichte von zwey Brüdern* // *Deutsches Lesebuch*. S. 39—44. Др. ред. этого анекдота см. ниже: № 8809. Ч. 2. С. 35—36, рассказ «Поступок братской любви».

Добродушный сын (с. 105—109). Фр. оригинал (в Berquin) и др. пер. см.: Библиогр. заметки III. № 1838, рассказ «До-

брый сын». Выявленный нем. пер.: Ein edles Kind zu Paris // Lektüre für die kleine Jugend, zum Unterricht, Vergnügen und Veredlung des Herzens. Giessen, 1787. Th. 6. S. 19—22.

Великодушный крестьянин (с. 109—111). Фр. подлинник, фр. оригинал (в Berquin) и др. пер. см.: Библиогр. заметки III № 1838, рассказ «Смелость и великодушные поселянина».

Люди добрые находятся везде, даже и между дикими (с. 111—114). Фр. подлинник, фр. оригинал (в Berquin) и др. пер. см.: Библиогр. заметки III. № 1838, рассказ «Есть везде добрые люди, и между дикими».

Долг человечества (с. 114—115). Фр. подлинник, фр. оригинал (в Berquin) и др. пер. см.: Библиогр. заметки III. № 1838, рассказ «Долг человечества».

Братняя любовь (с. 116—117). Англ. подлинник, фр. трансформации, фр. оригинал (в Berquin) и др. пер. см.: Библиогр. заметки III. № 1838, рассказ «Братская любовь».

Совесть никогда не умолчит (с. 120—125). Англ. подлинник и др. пер. см.: Левин. Материалы. № 92, 198, 425 и с. 100. Выявленный фр. пер.: L'Effet des remords // MF. 1769. Octobre. T. 1. P. 51—54.

Скупость и неблагодарность (с. 128—137). Выявленные публикации на нем. яз.: 1. Geiz und Undank: Ein morgenländisches Märchen // Lektüre für die kleine Jugend, zum Unterricht, Vergnügen und Veredlung des Herzens. Giessen, 1786. Th. 5. S. 178—184. 2. Geiz und Undank // Deutsches Lesebuch. S. 54—61. Др. пер.: Жадность к корысти и неблагодарность: Восточная сказка // Дет. чт. 1786. Ч. 7. № 32. С. 123—128.

(О рассказах, восходящих к Berquin, см. т.: Рус. культура XVIII в. С. 113—114, сноска 110).

4716. Нравственные картины. М., 1800.

I. Бедной Яков (с. 1—7). Арно Ф.-Т.-М. де Бакюлар д'. Jaque: Anecdote historique // MF. 1770. Juillet. T. 1. P. 51—60. Др. пер.: 1. Сила чувствования // Нравоучение. Ч. 1. С. 88—91. 2. Иаков, анекдот исторический, писанный к одной знатной госпоже // Иртыш. 1791. Июнь. С. 24—35.

II. Человеколюбие дикого: Американской анекдот (с. 7—15). Сен-Ламбер Ж.-Ф. Фр. подлинник и др. пер. см.: Библиогр. заметки III. № 1732. XIX.

XIV. Рассудительный башмачник (с. 64—66). Др. пер.: 1. Забавный поступок некоторого башмачника // Утренние часы. 1789. 29 марта. Ч. 4. Неделя 50. С. 173—175. 2. Аглинской анекдот // Нравоучение. Ч. 2. С. 44—47.

4735. О дворянстве. Рассуждение г. Шл.....ра / Пер. с нем. Никитой Карсаковым. СПб., 1791.

Авт.: Шлейснер (Schleussner der junger) Павел Христианович (ок. 1760—1838). В 1790-х гг. П. Х. Шлейснер был гувернером при детях генерала Ивана Корсакова: Алексее, Никите, Анне, Марии (Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л.,

1930. С. 224). Количество точек в фамилии на тит. л. соответствует числу пропущенных букв в рус. написании фамилии. Сообщено сотр. РНБ А. Р. Румянцевым. Др. соч. этого автора см. № 5857, 5861, СК VI Дополнения № 143.

4912. Ольбан, драматический отрывок. М., 1798.

Исправление и дополнение к СК VI Уточн.

Авт.: Рамон де Карбоньер (Ramond de Carbonnières) Луи-Франсуа-Элизабет (1755—1827). Отд. изд. подлинника: Yverdon, 1777. (СВН СХLVI, стб. 220—221; Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. С. 182—183).

4935. Описание жизни Конфуция, китайских философов начальника: Пер. с лат. М., 1780.

Купле Филипп (1628—1692). *Philosophorum sinensium principis Confucii vita // Confucius sinarum philosophus, sive scientia sinensis latine exposita / Studia et opera Prosperi Intorcetta, Christiani Herdtrich, Francisci Rougemont, Philippi Coup-let. Parisiis, 1687. P. СХVII—СХХIV.* Перевод сокращенный. Раздел «Конфуциево краткое нравственное учение, из трех книг Китайской науки выбранное» (с. 18—56) содержит извлечения из основного раздела фр. кн., озаглавленного «*Scientiae sinicae liber I—III*». (Maggs B. W. *Russia and «le rêve chinois»: China in eighteenth-century Russian literature.* Oxford, 1984. P. 11, note 8; p. 114, note 7. (Studies on Voltaire and the Eighteenth Century. 224)).

4956. Описание нравов и употреблений древних народов. М., 1783.

Многие статьи переведены полностью или частично или содержат изложение материала из кн. Д.-Э. Шюффена «*Amusemens philologiques, ou mélange agréable de divers pièces...*» (Halle, 1749, переизд.). (Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. С. 123; XVIII в. Сб. 16. С. 101. № 14).

5014. Опыт о расположении садов. СПб., [1776].

Мейсон (Mason) Джордж (1735—1806). *An Essay on Design in Gardening.* London, 1768. (Cross A. G. *The English Garden: An Anonymous Identified // Study Group on Eighteenth-century Russia Newsletter.* 1974. Sept. N 2. P. 25—29).

5051. Осман, или Гонимая добродетель. СПб., 1775.

Авт.: Пфейль И. Г. Б. (Взаимосвязи рус. и зарубеж. лит. С. 92—99).

5052. Основательное и ясное наставление в миниатюрной живописи...: Пер. с нем. яз. М., 1765.

Буе (Boutet) Клод. *Traité de la mignature pour apprendre aisément à peindre sans maître.* Paris, 1672. Неоднократно переизд. под этим загл. и под загл. «*École de la mignature...*» Нем. пер.: 1. *Grundmässige kurze und sehr deutliche Anweisung, zum Mignatur-Mahlen.* In Französischer Sprache von C. B. Anfangs beschrieben, anietzo das erstemal ins Deutsche gebracht [von G. A. Schmid]. Nürnberg, 1688. 2. *Anweisung zum Mignaturmahlen, Vermittelst deren diese Kunst ganz leicht*

und ohne Lehrmeister zu begreifen, nebst vielen raren und geheimen hierzu gehörigen Kunst-Stücken: Ingleichen ein Planier- und Muschel-Gold und Silber, wie auch den rechten Chinesischen Vernis silber machen. 2. Aufl. Leipzig, 1753. (CBN XVIII, стб. 222—223; Holz. u. Boh. I, с. 89).

5053. Основательные правила торговли: Пер. с нем. М., 1799.

Предположительно анон. кн.: Grundsätze der Handlung für Kaufleute. Wien: Stahel, 1785. (Messkatalog. Ostermesse 1785. S. 38).

5056. Остаток человеколюбия во Франции, или Анекдоты республики. М., 1798—1799. Ч. 1—2.

Анон. соч.: La France reconciliée avec l'humanité, ou Anecdotes républicaines. Т. 1. Brunswick, 1797. Издавалось также под загл.: Anecdotes républicaines. Т. 1. Strasbourg, 1797; Ham-bourg, 1797. Не переведено «*Avant-propos des éditeurs*», в котором проводится мысль о необходимости «примирить людей с людьми, дав им основания простить друг друга, не испытывая стыда, и сблизиться, не краснея». (Kayser II, с. 248; Heinsius I, стб. 920; Bibliothèque française, ou Catalogue des livres français qui se trouvent chez G. T. Korn, libraire à Breslau. [Bres-lau], 1802. P. 93).

5060. *Острогорский П. П.* Друзья соперники. СПб., 1782.

Ошибочная атрибуция: на тит. л. указано, что драма «сочинена в Санктпетербурге 1781 году», когда П. П. Острогорский находился в Харькове.

5063. От всего помаленьку. СПб., 1786. № 2.

След. три перевода представляют собою извлечения из произведений Л.-С. Мерсье.

V. Где Демокрит? Où est Democrite! Гл. 335 из соч.: Tableau de Paris. Nouv. éd., corr. et augm. Amsterdam, 1782. Т. 4. P. 191—197. Установление фр. источника обнажает безосновательность предположения, согласно которому статья «Где Демокрит?» является сочинением «русского автора, посчитавшего за лучшее остаться неизвестным» (см.: *Ищенко Л. И.* Место сатиры в журнале «От всего помаленьку» // Историко-функциональное изучение русской литературы. М., 1984. С. 24).

VI. Отрывок. Из книги: Глава XLIV. Versailles. Гл. 44 из романа «L'An 2440: Rêve s'il en fut jamais» (1770).

VII. Что будет Париж? Que deviendra Paris? Гл. 355 из соч.: Tableau de Paris. Nouv. éd., corr. et augm. Amsterdam, 1782. Т. 4. P. 299—308.

5070. Открытая тайна превосходнейших естественных искусств и наук как выводить из материй всякие пятна... СПб., 1779.

Предположительно анон. соч.: Eröffnetes Geheimniss der vornehmsten natürlichen Künste und Wissenschaften, alle Fleck-

en aus den Zeugen zu bringen... Frankfurt; Leipzig, 1765; Neue Aufl. Magdeburg; Helmstädt, 1767; 4. verm. Aufl. Helmstädt; Magdeburg, 1769; 6. verm. Aufl. Wissbaden, 1775; Geheimnis der vornehmsten natürlichen Künste und Wissenschaften, alle Flecken aus den Zeugen zu bringen, die weisse Wäsche von allen Flecken zu reinigen, seidene Strümpfe und Tücher zu waschen, goldene und silberne Spitzen wieder glänzend zu machen... Frankfurt, 1775. (Messkatalog. Michaelismesse 1765. S. 627; Michaelismesse 1767. S. 879; Ostermesse 1769. S. 1078; Ostermesse 1775. S. 823; Universal Catalogus der Bücher welche in der Meyerschen Buchhandlung zu Lemgo zu haben sind. [Lemgo], 1783. T. 1. S. 633).

5071. Открытие, описание и содержание города Геркулана... 2-е изд. СПб., 1795.

Авт.: Жокур Луи де. См. выше № 3863.

5149. *Пеннингтон С.* Советы несчастных матери ее дочерям... М., 1788.

Автор басен (с. 153—240): Мур (Moore) Эдвард (1712—1757). Подлинник: *Fables for the female sex* (1744). Переведены басни № 1—13.

5165. Переводы с латинского и шведского языков... СПб., 1786.

В кн. перепечатаны из журн. «Доброе намерение» (1764, июль—окт.) пер. из соч. Антонио де Гевары «Часы государей и Золотая книга Марка Аврелия» («*El Relox de Príncipes y el libro augeo de Marco Aurelio*», 1529). См.: Сервантесовские чтения / Отв. ред. Г. В. Степанов. Л., 1985. С. 17; *Гаврилов А. К.* Марк Аврелий в России // Марк Аврелий Антонин. Размышления / Изд. подгот. А. И. Доватур, А. К. Гаврилов, Л. Унт. Л., 1985. С. 128. Ср. ниже № 5407.

5313. Письма некоторой духовной особы и его дочери. М., 1784.

Дополнение к СК VI Уточн.

Фр. оригинал: *Lettres d'un ecclésiastique et de sa fille, écrites de la campagne à son fils à Londres*. Paris, 1778. (Enumerationis supellectilis librorum pars tertia. = Supplément du Catalogue des livres françois, italiens et anglois qui se trouvent chez les frères Walther... Dresde, 1786. P. 100t); Paris, 1779. (Bibliothèque française, ou Catalogue des livres français qui se trouvent chez G. Th. Korn, libraire à Breslau. [Breslau], 1802. P. 133).

5319—5320. Письмо некоторой женщины к ее любовнику. [М.], 1773; 2-е изд. М., 1780.

Le Spectateur françois. 1722. N 2. Авт.: Мариво Пьер Карле де Шамблен де.

5395. Плоды свободного времени. СПб., 1795.

Путешествие в Мекку: Восточная повесть (с. 33—39). Сен-Ламбер Ж.-Ф. Рассказ «*Le voyage de la Mecque*» из раздела «*Fables orientales*» в кн.: *Saint-Lambert J.-F. Les saisons, poëme*. Paris, 1769 (мн. переизд.). Вольная обработка сюжета

из «Гулистана» Саади; см.: Гулистан. Критич. текст. С. 111—112 (гл. II. О нравах дервишей. Рассказ [27]).

5407. Повествование о болезни, от которой Марку Аврелию Императору Римскому смерть приключилась... М., 1789.

В кн. перепечатаны из журн. «Доброе намерение» (1764, июль, сент.—окт.) и добавлены др. пер. из соч. Антонио де Гевары «Часы государей и Золотая книга Марка Аврелия». См. выше № 5165.

5412. Повесть дворянина Т. Л. Орлеанской провинции... М., 1786—1787. Ч. 1—4.

Указание на пер. с нем. яз. фиктивное. Авт.: Лазинский Федор. Расшифровка элементов загл.: Т. Л. — Theodore Lasinsky; Орлеанская провинция — Орловское наместничество.

5435. Подарок прекрасному полу... М., 1793.

Способ как предостеречь, чтоб лице от воспы не было испорчено (с. 104—107). Перепечатано из журн.: ЕС. 1755. Март. С. 258—259.

5540. Постоянница и ветреница. М., 1795. Ч. 1—2.

Дополнение к СК VI Уточн.

Предполагаемый фр. пер.: *Isabelle, ou la bonté recompensée*. Rotterdam, 1780; Paris, 1781. (Messkatalog. Michaelismesse, 1780. S. 1013; Ostermesse 1781. S. 123; Catalogue des livres françois, anglois, italiens... dans la librairie de G. Th. Korn. [Breslau], 1784. Pt. 4. P. 25).

5599. Правила учтивости. СПб., 1779.

Раздел: *Règles de la bienséance* // [Choffin D.-E.]. *Nouvelle grammaire à l'usage des dames et des autres personnes qui ne savent pas de Latin*. Berlin, 1755. Т. 2. P. 20—32. Гл. 1, 3, 4, 8 (с изменениями и в сокращении) из анон. кн.: *Règles de la bienséance, ou la civilité qui se pratique parmi les honnêtes gens. Avec la manière de faire des compliments*. Strasbourg, 1754 (переизд., в т. ч. под загл.: *Elemens de politesse et de la bienséance, ou la civilité qui se pratique parmi les honnêtes gens...* Strasbourg, 1766). Др. извлечение из «*Règles de la bienséance*»: СК 1836. См.: XVIII в. Сб. 16. С. 101. № 10. Библиогр. заметки III. № 1836.

5656. Приключения Теострика и Lieb-Розы... М., 1788. Ч. 1—3.

Разысканиями подтверждено ранее высказанное (СК VI Уточн.) предположение о фр. подлиннике. Авт.: Шиньяк де ла Бастид (*Chiniac de la Bastide*) Пьер де (1741—1811). Указание в фр. подлиннике на пер. с нем. яз. фиктивное. (Cioranescu. XVIII-me siècle. N 19525; Martin et al. P. 153. N 70.40). Атрибуция рус. пер. В. М. Протопопову небесспорна.

5677—5678. Примечания достойное предсказание славного Мартына Задека... СПб., 1770; 2-м тиснением. СПб., 1785.

Анон. соч.: *Wunderbare und merkwürdige Prophezeyung des berühmten Martin Zadecks, eines Schweitzers bey Solothurn der*

im 106ten Jahr seines Alters, vor seinem Tode den 20. Dezember, und nach seinem Tode den 22ten Dez. 1769. in Gegenwart seiner Freunde prophezeyet hat, auf gegenwärtige und zukünftige Zeiten. Basel, 1770. (*Pushkin A. S. Eugene Onegin: A Novel in verse / Tr. from the Russian with a commentary, by V. Nabokov. New York, 1964. Vol. 2. P. 514—516*).

5730. *Протопопов В. М.* К чему может служить досужное время?... М., 1789.

III. Симпатические души: Повесть (с. 14—39). Виланд К. М. *Zemin und Gulhindy // Wieland C. M. Erzählungen. Tübingen, 1752.* Фр. оригинал и источник: *Zemin et Gulhindy: Conte // Contes moraux, dans le goût de ceux de Mr Marmontel, recueillis de divers auteurs / Publ. par Mademoiselle Uncy. Amsterdam; Paris, 1763. Т. 1. P. 161—180.* Историю фр. оригинала и др. рус. пер. см.: Библиогр. заметки III. № 2425. Ч. 1, рассказ «Земин и Гулинда».

V. Кто есть истинный философ? (с. 41—48). Караччоли Л.-А. *Des philosophes // Caraccioli L.-A. La jouissance de soi-même. Paris, 1758* (переизд.). Ч. 29.

VI. О счастья (с. 48—58). Англ. подлинник: *The Guardian. 1713. April 16. N 31.* Авт.: Баджел (Budgell) Юстас (1686—1737). Фр. источн.: *Du bonheur // L'Esprit d'Addisson. Т. 3. P. 221—228.* Др. пер. из этого же источн.: О счастья // *Зеркало света. 1786. 4 апр. Ч. 1. № 9. С. 199—202.*

VII. О чести (с. 58—64). Англ. подлинник: *The Guardian. 1713. September 15. N 161.* Авт.: Аддисон Дж. Фр. источн.: *De l'honneur // L'Esprit d'Addisson. Т. 3. P. 228—233.* Др. пер. из того же источн.: О чести // *Зеркало света. 1786. 26 марта. Ч. 1. № 8. С. 178—182.*

VIII. О бессмертии (с. 65—68). Англ. подлинник: *The Guardian. 1713. June 27. № 93* (частично). Авт.: Уоттон (Wotton) Уильям (1666—1726). Фр. источн.: *De l'immortalité // L'Esprit d'Addisson. Т. 3. P. 233—235.*

IX. Иносказание (с. 68—73). Англ. подлинник: *The Tatler. 1709. November 22. N 97* (частично). Авт.: Аддисон Дж. Фр. источн.: *Allégories // L'Esprit d'Addisson. Т. 3. P. 269—273.*

X. Алцибиад (с. 74—76). Англ. подлинник: *The Guardian. 1713. June 13. N 81* (частично). Авт.: Аддисон Дж. Фр. источн.: *Alcibiade // L'Esprit d'Addisson. Т. 3. P. 266—268.*

XI. Утренняя песнь (с. 76—80). Леонар Н.-Ж. *Cantique du matin.*

XII. Песнь Клеантова (с. 81—83). Бре Антуан. См. выше № 3883. Ч. 3, «Подражание гимна Клеанта...».

XIV. Письмо к воспитаннику: О употреблении времени: Пер. с фр. (с. 88—95). *Lettre à mon Elève, sur l'Emploi du Temps // MF. 1760. Décembre. P. 38—44.* Подпись: *Desbords de la Conie.*

XVI. Письмо: О изобретении букв: Пер. с фр. (с. 98—123).

Lettre, sur l'Origine des Caractères // MF. 1760. Octobre. Т. 1. P. 59—84. Подпись: Paillasson E. E. j.

XVII. Идиллии. Леонар Н.-Ж.

Утро: Аминт (с. 123—127). Le Matin: Amintas.

Полдень: Фестил и Дафна (с. 127—129). Le Midi: Thestil et Darphé.

Вечер: Миртил (с. 129—133). Le Soir: Mirtile.

Ночь: Итис (с. 133—135). La Nuit: Itis.

Птичка: Атис и Зила (с. 135—137). L'oiseau: Atis et Zila. (Leonard N.-G. Poésies pastorales. Genève; Paris, 1771.

P. 5—19, 91—96).

XX. Сонет (с. 151). Подпись: Е. Б. Предполагаемый автор: Болховитинов Е. А.

5732. Протопопов В. М. Новая французская грамматика... СПб., 1790.

Напечатано «иждивением Т[имофея] П[олежаева]». См. ниже № 5733.

5733. Протопопов В. М. Новый легчайший способ к познанию начал французского языка... СПб., 1789.

«Печатано на иждивении Т[имофея] П[олежаева]». Ср. букву «Т» в слове «Санкт-Петербург» в выходных данных. В письме к С. И. Селивановскому от 6 апреля 1796 г. В. М. Протопопов писал: «Благодарю за новую азбуку. Французских тьма, а об русском не подумают. Впрочем я досажую, что мое вставлено о произношении. Полежаев с тем лишь купил у меня, чтоб иметь право сколько угодно ему делать эдиций, но не в чужих книгах и не под чужими именами» (Библиогр. записки. 1858. Т. 1. № 24. С. 760).

Речь идет о СК 6068, где перепечатаны русскими буквами склады из «Нового легчайшего способа» (с. 7—9), а остальные составлены по их образцу.

5736. Протопопов В. М. Совершенная любовь... СПб., 1790.

Атрибуция ошибочная. Авт.: Мюра Генриетта-Жюли де Кастельно (Murat Henriette-Julie de Castelneau, 1670—1716). La parfaite amour // Contes de fées... / par Mad. la comtesse de M**** [Murat]. Paris, 1698 (переизд. под загл.: «Nouveaux contes de fées») (Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. СПб., 1910. Т. 1. Вып. 2. С. 77). Предполагаемый переводчик: Лабзин Александр Федорович (1766—1825).

5755. Путеводитель юношества... М., 1786.

Чувствительность (с. 113—132). Перепечатано в журн.: Друг юношества. 1810. Декабрь. С. 94—106.

5756. Путешествие добродетели... М., 1782.

Авт.: Бериш Г. В. Reise der Tugend. Leipzig, 1776. Ранее пер. печатался в журн.: Утренний свет. 1778. Ч. 2. Март. С. 239—266; Ч. 3. Июнь. С. 97—184; Июль. С. 191—263. (Кочеткова Н. Д. Немецкие писатели в журнале Новикова «Утренний свет» // XVIII в. Сб. 11. С. 113—124).

5809. Развращенный, а потом исправленный любовью Флорикурт. СПб., 1773.

Дополнение к СК IV Уточн.

Первое изд. подлинника: 1762 (Martin et al. P. 80. N 62.14).

5825. Разные анекдоты... / Пер. с нем. А. Даниловым. М., 1792.

№ 6. Искусное притворство: Англинской анекдот (с. 7). Перепечатка анекдота: Искусное притворство // Дет. чт. 1785. Ч. 3. № 34. С. 127—128.

№ 8. Два попа: Англинской анекдот (с. 8—9). См. выше № 4676. Ч. 2, рассказ «Убеждение».

№ 13. Белуль на калифском троне: Восточный анекдот (с. 15—16). Фр. оригинал: Le trône: Anecdote orientale // [Blanchet F.]. Apologues et contes orientaux. Paris, 1784. Др. пер.: 1. Престол: Восточная поговорка // Растущий виноград. 1785. Сент. С. 91—92. 2. Трон: Восточный анекдот // Иртыш. 1790. Февр. С. 38. Историю анекдота см.: Очерки литературы и критики Сибири: (XVII—XX вв.). Новосибирск. 1976. С. 60—61. № 18.

№ 15. Полезной обман: Немецкой анекдот (с. 20—21). Др. пер.: «В Мейснерском округе, в городе Валтгейме, эконома дома безумных...» // Утренние часы. 1788. 21 сент. Ч. 2. Неделя 23. С. 158—159.

№ 16. Умной ответ: Гишпанской анекдот (с. 21). Пер. др. вариантов этого анекдота: 1. Равное равному // Смеющ. Демокрит. С. 6. 2. Курганов Н. Г. Письмовник... 4-е изд. СПб., 1790. Ч. 1. С. 162 (Присовокупление II. Краткие замысловатые повести. № 116).

№ 27. Обиженный дервиш: Восточный анекдот (с. 34—35). Фр. оригинал: Le derviche insulté // [Blanchet F.]. Apologues et contes orientaux. Paris, 1784. Перепечатывалось в журн.: L'Esprit des journaux. 1785. Т. 5. P. 174. На сюжет из «Гулистана» Саади; см.: Гулистан. Критич. текст. С. 86 (гл. I, рассказ [21]). Ф. Бланше указывал, что он знал кн.: Gulistan, ou l'Empire des roses (Paris, 1737), — но опирался на лат. пер.: Musladini Sadi Rosarium Politicum (Amstelodami, 1651). Др. пер.: 1. Поруганный дервиш, или турецкий монах // Растущий виноград. 1785. Дек. С. 44—45. 2. Обиженный дервиш // Полезное упражнение юношества. М., 1789. С. 259—260.

№ 28. Фонтенель: Французской анекдот (с. 35). Перепечатка анекдота: Фонтенель // Дет. чт. 1789. Ч. 19. № 31. С. 80.

№ 31. Острота Попе: Англинской анекдот (с. 36). Перепечатка анекдота: Попова острота // Дет. чт. 1789. Ч. 19. № 34. С. 127.

№ 49. География: Французской анекдот (с. 58—59). Извлечение из подборки: Примеры смешного невежества // Дет. чт. 1788. Ч. 16. № 52. С. 206.

№ 54. Совет приятеля: Италианской анекдот (с. 65—66).

Перепечатка ст.: Анекдот // Дет. чт. 1786. Ч. 8. № 46. С. 144.

№ 56. Разумный дурак: Немецкой анекдот (с. 66—67). Перепечатка анекдота: Дурак // Дет. чт. 1789. Ч. 19. № 28. С. 32.

№ 57. Восточные пословицы (с. 67—69). Перепечатка ст.: Восточные пословицы: Переведены из английского журнала *The Universal Magazine* // Дет. чт. 1789. Ч. 17. № 11. С. 175—176. В журн. «*The Universal Magazine of Knowledge and Pleasure*» англ. оригинал не выявлен (Левин. Материалы. № 194 и с. 99—100).

№ 59. Великодушной африканец: Испанский анекдот (с. 69—71). Нем. подлинник: *Der Kinderfreund: Ein Wochenblatt.* (Leipzig), 1779. Th. 14. Februar 20. St. 190. S. 122—123. Перепечатка рассказа: Анекдот из испанской истории // Дет. чт. 1786. Ч. 6. № 22. С. 143—144. Др. перепечатка из Дет. чт.: Анекдот // Корнильев Д. В. Исторической журнал... Тобольск, 1790. Ч. 1. С. 12—14. Др. пер. без загл. в кн.: Чувствительные анекдоты, посвященные душам благородномыслящим. М., 1798. С. 195—199. То же. М., 1799. С. 195—199.

№ 66. Аристотель: Немецкой анекдот (с. 82). Извлечение из подборки: Примеры смешного невежества // Дет. чт. 1788. Ч. 16. № 52. С. 207.

№ 77. Милосердие Иосифа: Немецкой анекдот (с. 98—99). Перепечатка рассказа: Анекдот // Дет. чт. 1786. Ч. 7. № 31. С. 110—111. Историю анекдота, др. перепечатки из Дет. чт. и др. рус. пер. см.: Пушкин А. С. Собр. соч.: В 5 т. СПб.: Библиополис, 1994. Т. 4. С. 405—406; Библиогр. заметки III. № 652.

№ 79. Добродетельной слесарь: Италианской анекдот (с. 101—102). Перепечатка рассказа: Анекдот // Дет. чт. 1786. Ч. 5. № 6. С. 95—96. Фр. подлинник, др. перепечатки из Дет. чт. и др. рус. пер. см.: Библиогр. заметки III. № 1838, рассказ «Долг человечества».

№ 84. Очки: Французской анекдот (с. 109). Перепечатка анекдота: Очки // Дет. чт. 1789. Ч. 19. № 32. С. 96.

№ 92. Нечастливые титулы: Гишпанской анекдот (с. 120—121). Перепечатка анекдота: Нечастливые титулы // Дет. чт. 1789. Ч. 19. № 31. С. 79.

№ 99. Доказательство: Французской анекдот (с. 128—129). Перепечатка анекдота: Доказательство // Дет. чт. 1789. Ч. 19. № 32. С. 94.

№ 100. Невинная хитрость: Персидской анекдот (с. 129—130). Перепечатка анекдота: Невинная хитрость // Дет. чт. 1785. Ч. 3. № 38. С. 191—192.

№ 102. Худая память: Англинской анекдот (с. 132). Перепечатка анекдота: Худая память // Дет. чт. 1789. Ч. 19. № 31. С. 79.

№ 108. Гофмейстер: Англинской анекдот (с. 137—138). Др. пер.: Анекдот / Иртыш. 1790. Янв. С. 30.

№ 121. Нравоучительные мысли (с. 154—155). Перепечатка ст.: Нравоучительные мысли // Дет. чт. 1786. Ч. 8. № 42. С. 72—73.

№ 133. Добродетельный башмашник и благодарность: Французской анекдот (с. 169—173). Арно Ф.-Т.-М. де Бакюлар д'. *L'artisan bienfaiteur et la femme de qualité reconnoissante* // *Délassements*. Т. 3. Pt. 6. P. 413—421. Др. пер.: 1. Моск. ведомости. 1788. 1 апр. № 27. С. 265—266. 2. Утренние часы. 1789. 29 марта. Ч. 4. Неделя 50. С. 168—173.

№ 164. Библиотека некоего Индейского владельца: Индейской анекдот (с. 216—218). Фр. оригинал: *La bibliothèque du roi des Indes* // [Blanchet F.]. *Apologues et contes orientaux*. Paris, 1784. Перепечатывалось в журн.: *JE*. 1785. Т. 1. Pt. 1. Janvier 1. P. 96—97. Ф. Бланше назвал своим источником кн.: Galland A. *Orientaliana ou bons mots des orientaux*. Paris, 1708 (ср. перепечатку в кн.: Cardonne D.-D. *Mélanges de littérature orientale...* La Haye, 1788. P. 322—324). Др. пер.: Библиотека короля индийского // *Растущий виноград*. 1786. Янв. С. 88—90.

№ 166. Невежество: Немецкой анекдот (с. 220). Извлечение из подборки: Примеры смешного невежества // Дет. чт. 1788. Ч. 16. № 52. С. 207.

№ 168. Знание света: Французской анекдот (с. 221—222). Перепечатка анекдота: Знание света // Дет. чт. 1789. Ч. 19. № 34. С. 126.

№ 197. Награда за поединок: Англинской анекдот (с. 254—255). Перепечатка рассказа: Рассудительность: Анекдот // Дет. чт. 1789. Ч. 18. № 26. С. 206—207.

№ 211. Ответ английского мещанина: Англинской анекдот (с. 271—272). Перепечатка рассказа: Английский ответ // Дет. чт. 1789. Ч. 19. № 30. С. 34.

(Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. С. 239).

5854. Рассуждение о великих людях. СПб., 1786.

Авт.: Фридрих Август герцог Брауншвейг-Люнебург-Эльс (Friedrich August, Herzog von Braunschweig-Lüneburg-Oels, 1740—1805). *Discours sur les grands hommes*. Berlin, 1768. (Holz. u. Boh. I, с. 409).

5857. Рассуждение о истинном величестве человека. СПб., 1792.

Авт.: Шлейснер Павел Христианович. Аргументацию и др. соч. этого автора см. выше № 4735.

5861. Рассуждение о чести и добром имени. СПб., 1793.

Авт.: Шлейснер Павел Христианович. Аргументацию и др. соч. этого автора см. выше № 4735.

5916. *Рейр Ж.* Друг детей... М., 1779.

Начиная со с. 65 перепечатан (с незначительными и редки-

ми стилистическими изменениями, а также купюрами и заменами) текст из ранее изданного пер.: [Рейр Ж.]. Друг детей с баснями пристойными их возрасту... М., 1779. С. 50 и далее. (СК 5917).

5917. Рейр Ж. Друг детей... М., 1779.

См. выше № 5916.

6068. Российская азбука... М., 1795.

Напечатано иждивением Т. А. Полежаева, с заимствованиями из СК 5733 (см. выше).

6110. Рубан В. Г. Любопытный месяцеслов на 1775... СПб., 1775.

Кн. вышла в 1774 г. (СПб вед. 1774. 1 авг.; см.: Фундаминский. С. 140).

6251. Сааведра Фахардо Д. Республика ученых... СПб., [1775].

Кн. вышла в 1774 г. (СПб вед. 1774. 5 дек.; см.: Фундаминский. С. 140).

6482. Сирой, или Заблуждение в любви... М., 1788.

Указание на перевод фиктивное. Беллетризованный за счет незначительных изменений и дополнений-связок текст кн.: Экстракт из оперы Сирой, представленной на придворном театре... ноября 25 дня 1760 года... СПб., [1760]. (СК 4205).

6639. Собрание разных нравоучительных повествований и басен... Изд. 2. М., 1788.

Перепечатку этой кн. см. выше: № 3883. Ч. 4. С. 1—126.

6682. Сокращение всемирной истории для научения отрочества. СПб., 1785.

Верне Жакоб. Abrégé d'histoire universelle, pour la direction des jeunes-gens qui commencent cette étude. Genève, 1753 (перизд.). Вставки, касающиеся русской истории: с. 60—62, 126—127, 138—139. (СВН ССVI, стб. 790).

6930. Студент Клаус кандидат. СПб., б.г.

Кн. вышла в 1774 г. (СПб вед. 1774. 4 июля; см.: Фундаминский. С. 140).

7045. Сумароков А. П. Стихотворения духовные. [СПб., 1774].

«Дополнение к духовным стихотворениям» продавалось отдельно от основного сборника (СПб вед. 1774. 5 авг.; Фундаминский. С. 139).

7365. Три восточные повести... М., 1790.

Повесть первая. Топал Осман, или Добродетельный и чувствительный турка (с. 3—34). Фр. подлинник: Lettre de M. D. L. C. à M. D. R. L. sur quelques particularités de la vie de Topal-Osman-Pacha, ci-devant Grand Visir de l'Empire Ottoman, et aujourd'hui Séraskier de l'Armée Turque en Perse. A Paris, ce 18 Janvier 1734 // MF. 1734. Janvier. P. 73—96. По сравнению с фр. подлинником рус. пер. сокращен, но в то же время дополнен сведениями о смерти Топал Османа и несколькими заключительными строками о пользе государству

иметь подобных людей. По-видимому, эти отступления были в нем. источнике. Историю текста фр. подлинника и сюжета см.: Взаимосвязи рус. и зарубеж. лит. С. 94—95.

Повесть вторая. Три ворона, или Награжденная честность, содержащая в себе удивительные приключения Саида Мокского уроженца. Др. пер.: Беспремерная честность // [Эрман Т. Ф.]. Абалфораддин мудрец... М., 1792. С. 11—62. См. ниже № 8673.

7366. Три дива нынешнего света. М., 1783.

Дополнения к СК VI Уточн.

[2]. Геройская добродетель награжденная, или Самос и Кармения, древняя германская повесть. Авт.: Гомес М.-А. Пуассон де. Перепечатка (с небольшими редакционными изменениями) повести: Самос // Гомес М.-А. Пуассон де. Сто новых новостей. СПб., 1765. Т. 2. С. 1—78. (СК 1554). Подлинник: On n'est point prophète en son pays // Gomez M.-A. Poisson de. Les Cent nouvelles nouvelles. La Haye, 1736. Т. 7. P. 243—322 (новелла 40; переизд.).

[3]. Дон Карл и София: Гишпанская повесть. Авт.: Скаррон Поль. Вставная повесть «Le juge de sa propre cause» из «Le roman comique» (t. 2, ch. 14), являющаяся переделкой новеллы Марии де Сайас-и-Сотомайор (Zayas y Sotomayor, 1566—1661) «El juez de su causa» из первой части ее сб. «Novelas exemplares y amogosas» (Madrid, 1634). Перепечатка (с незначительными стилистическими изменениями) перевода: Судья в собственном своем деле // Господина Скаррона Шутливая повесть / Пер. с нем. яз. В. Тепловым. СПб., 1763. Ч. 2. С. 106—160. (СК 6527). (Ленингр. ин-т советской торговли им. Ф. Энгельса. Материалы научно-методической конференции кафедры иностранных языков (13—14 июня 1968 г.) [Л.], 1968. С. 78—79).

7368. Три полезноувеселительныя повести нынешнего века... СПб., 1777.

II. Образец благоразумного владельца: Повесть европейская (с. 17—20). Под загл. «Благоразумный владелец» перепечатано (с незначительными стилистическими изменениями) в кн.: Зритель мира и деяний человеческих / Пер. с англ. Лука Сичкарев. СПб., 1784. С. 236—239. (Ср.: Библиогр. заметки III. № 2377).

7433. Убедительнейшее и утешительное письмо одного храброго и добродетельного сына, умирающего от смертельной раны на сражении, к своему храброму же отцу... М., 1790.

Авт.: Душ И. Я. Извлечение (письмо № 5) из кн.: *Dusch J. J. Moralischen Briefe zur Bildung des Herzens.* Leipzig, 1759. Др. пер.: Письмо от сына, умирающего на сражении, к отцу // Московское ежемесячное издание. 1781. Ч. 1. Апр. С. 267—280. Перепечатано в кн.: *Душ И. Я. Нравоучительные письма для образования сердца.* М., 1788. Ч. 1. С. 76—89.

7443. Уединенный кабинет... СПб., 1787.

Дополнения и уточнения к ранее опубликованным (Рус. культура XVIII в. С. 96—97, 102, 108—109) сведениям о западноевропейских подлинниках, оригиналах, источниках, включенных в сб. переводов.

Письмо от Фриinei к Сенократу философу (с. 57—111). Анон. соч.: *Lettre de Phriné à Xenocrate le Philosophe*. Amsterdam; Paris, 1768; то же в сб.: *Le goût de bien de gens, ou recueil de contes tant en vers qu'en prose*. Amsterdam; Paris, 1769. Т. 3. Р. 54—87. (МФ. 1769. Janvier. Т. 2. Р. 99—101; Martin et al. Р. 136. N 69.3). Др. пер.: Письмо Фрины ко Ксенократу // *Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета*. 1779. Ч. 2. Июнь. С. 186—209.

Гассан или суетность мыслей человеческих: Нравоучительная повесть (с. 126—169). Фр. источник является переводом с нем. яз. Авт.: Пфейль И. Г. Б. *Azem, oder der eingebildete Glückselige* // [Pfeil J. G. B.]. *Versuch in moralischen Erzählungen*. Leipzig, 1757. S. 27—46. (Взаимосвязи рус. и зарубеж. лит. С. 91—92).

7630. Учебная книга для юношества, начинающего учиться немецкому языку. М., 1788.

Дикой (с. 92—94). Фр. подлинник и др. пер. см.: Библиогр. заметки III. № 1838, рассказ «Есть везде добрые люди, и между дикими».

7631. Училище любви аглинская повесть. Тобольск, 1791.

Авт.: Пфейль И. Г. Б. *Der Triumph der tugendhaften Liebe* // [Pfeil J. G. B.]. *Versuch in moralischen Erzählungen*. Leipzig, 1757. S. 113—140. Франц. оригинал: *L'école des amants* // [Matné de Morville]. *Mes délassemens, ou recueil choisi de contes moraux et historiques, traduits de différentes langues*. Paris; Rouen, 1771. Pt. 2. P. 1—86. (Взаимосвязи рус. и зарубеж. лит. С. 96, сноска 90; Книга в России XVI—середины XIX в.: Материалы и исследования / БАН СССР. Л., 1990. С. 154—168).

7674. Фанния, комедия в одном действии. М., [б.г.].

Дополнения к СК VI Уточн.

Книга вышла в 1789 г. (объявление о поступлении в продажу в «Московских ведомостях», 1789, 14 марта, № 21, с. 217). Рукописный текст продавался, среди других списков пьес, у актера Алексея Панова (Московские ведомости. 1789. 3 марта. № 18. С. 181; 10 марта. № 20. С. 206; 14 марта. № 21. С. 220).

7698. Фенелон Ф. Зрелище природы о существе божием... М., 1766.

Источн.: *Du Spectacle de la Nature, tiré de l'Existence de dieu, par Mr de Fénelon* // [Choffin D.-E.]. *Nouvelle grammaire à l'usage des dames et des autres personnes qui ne savent pas de Latin*. Berlin, 1755. Т. 2. Р. 288—315. (XVIII в. Сб. 16. С. 100. № 2).

7707. Фенелон Ф. Позорище природы, произведенное из сущности божией. Тамбов, 1793.

Источник тот же, что и у № 7698. (XVIII в. Сб. 16. С. 102. № 19).

7792. Философические рассуждения 1) об игре. 2) об издателях журналов. 3) о бульварских зрелищах. 4) о собрании ученых в Париже. М., 1789.

Предположительно.

Ле Прево д'Эм (Le Prévost d'Exmes) Франсуа (1729—1793). *Entretiens philosophiques, ou le Philosophe du Luxembourg, sur les académies de jeu, sur les journalistes, sur les spectacles des boulevards, et sur le Musée de Paris.* Genève; Paris, 1785. (Quégard V, с. 194).

7824. Флорикурт развращенный, а по том исправленный любовью... М., 1788.

См. выше № 5809.

7838. Фок М.-А. де. Серальские и другие забавные сказки. 2-е изд. [М.], 1781.

В кн. включены две новеллы Эсташа Ленобля из сб.: [Le Noble E.]. *Le gage touché, histoires galantes et comiques.* Paris, 1696 (мн. переизд.).

Славной водоносец: Сказка четвертая (с. 147—167). Загл. подлинника: *L'illustre porteur d'eau.*

Одно предприятие истребляет другое: Сказка пятая (с. 168—180). Загл. подлинника: *Un projet en détruit un autre.* Др. пер.: Одна выдумка истребляет другую // [Ленобль Э.]. *Новые забавные сказки...* 3-е изд. М., 1790. С. 62—73.

7962. Херасков М. М. Творения. М., б.г. Ч. 7.

Том вышел в 1800 г. (объявление о поступлении тома в книжную лавку Московского университета в «Московских ведомостях», 1800, 15 авг., № 65, с. 1481).

8058. Храм бессмертных славы императора Петра Первого... СПб., 1789.

Ле Фебюр Гийом-Рене (Le Febure, Guillaume-René, baron de Saint-Ildephont, 1744—1809). *Eloge historique de Pierre le Grand, Czar, Empereur de toutes les Russies.* Utrecht, 1772 [! 1782]. В пер., помимо отдельных изменений текста, добавлен раздел «Повествование о кончине Петра Великого». (СВН XCII, стб. 622; Cioranescu. XVIII-me siècle. N 38485 (указывает имена: Pierre-Guillaume); Minzloff R. *Pierre le Grand dans la littérature étrangère.* St.-Petersbourg, 1872. P. 103; *Словарь русских писателей XVIII века.* Л., 1988. Вып. 1. С. 85—86).

8169. Чувствительные анекдоты, посвященные душам благородномыслящим. М., 1798.

V (с. 17—24). Авт.: Сен-Ламбер Ж.-Ф. *Aventure d'un jeune Officier Anglois chez les Sauvages Abenakis: tirée de Mémoires particuliers // Gazette littéraire de l'Europe.* 1765. Février 3. T. 4. N 59. P. 230—233. Мн. переизд. под загл. «L'Abenaki». Др. пер. см.: Библиогр. заметки III. № 1732. XIX.

XVIII (с. 100—134). [Анекдот о Монтескье]. Исходная публикация не установлена. Выявленные публикации: 1. Anekdoten von einem Kosmopoliten: Aus den Frankf. gelehrten Anzeigen // Neue Mannigfaltigkeiten. 1775. September 9. Jg 3. Woche 120. S. 241—249. 2. Anekdoten // Der Deutsche Merkur. 1775. October. S. 74—83. 3. Le jeune Marçellois et le baron de M... // Recueil amusant de voyages, en vers et en prose... Paris, 1801. T. 6. P. 271—280. Др. пер.: 1. Журнал // Утренний свет. 1780. Ч. 9. Июнь. С. 135—146. 2. Сыновья любовь // Утренние часы. 1788. 16 нояб. Ч. 3. Неделя 31. С. 65—79. 3. Великодушный поступок: Молодой житель Марселии и барон М... // Нравоучение. Ч. 1. С. 61—70.

XXII (с. 152—154). Авт.: Сен-Ламбер Ж.-Ф. Рассказ «L'Homme vrai» из раздела «Fables orientales» в кн.: Saint-Lambert J.-F. Les saisons, poëme. Paris, 1769 (мн. переизд.). Др. пер.: Добродетельный муж // Благодаров Я. И. Полезное и увеселительное чтение для юношества и для всякого возраста. М., 1788. С. 127—129. См.: Библиогр. заметки III. № 587.18.

XXV (с. 166—167). Нем. подлинник: Die Macht der Religion: Eine orientalische Geschichte // Mannigfaltigkeiten. 1769. December 16. Jg 1. Woche 16. S. 252; Petersburgisches Wochenblatt, zur Aufnahme der Oekonomie, und zu Ausbreitung anderer gemeinnütziger Kenntnisse. 1778. May 24. St. 4. S. 62—63. Др. пер. см.: Библиогр. заметки III. № 572. Отд. 18.

XXXIII (с. 195—199). См. выше № 5825.59 (рассказ «Великодушный африканец»).

8170. Дополнение к Чувствительным анекдотам, посвященным душам благородномыслящим. М., 1799.

XXXVI (с. 222—231). Выявленные публикации на фр.-яз.: 1. Trait de générosité // MF. 1776. Juillet. T. 2. P. 191—193. 2. Le secours généreux // [Berquin A.]. Suite des Lectures pour les enfans, ou Lectures pour les jeunes gens, également propres à les amuser et à leur inspirer le goût de la vertu. La Haye, 1778. P. 72—75. Др. пер.: Великодушное действие // Утренние часы. 1788. 25 мая. Ч. 1. Неделя 6. С. 90—93.

XLII (с. 239—241). Фр. подлинник, др. рус. переводы и перепечатки см.: Библиогр. заметки III. № 1838, рассказ «Долг человечества».

8236. Шекспир В. Юлий Цезарь. М., 1787.

Пер. с нем. яз. Нем. оригинал-посредник: перевод К. М. Виланда, отредактированный И. И. Эшенбургом (Eschenburg, 1743—1820). (Кафанова О. Б. «Юлий Цезарь» Шекспира в переводе Н. М. Карамзина // Рус. лит. 1983. № 2. С. 158—163).

8546. Эвфемиион... М., 1790.

Предположительно.

Анон. соч.: Euphemien, oder der nach guten und nachahmungswürdigen Mustern sich bildende Jüngling. Berlin, 1785.

(Göring L. Die Anfänge der deutschen Jugendliteratur im 18. Jahrhundert. Nürnberg, 1904. S. 67).

8673. Эрман Т. Ф. Абалфораддин мудрец... М., 1792.

Беспримерная честность (с. 11—62). Др. пер.: Повесть вторая. Три ворона, или Награжденная честность, содержащая в себе удивительные приключения Саида Мокского уроженца // Три восточные повести... М., 1790. С. 35—99. (См. выше № 7365).

Из письма премудрого Кагараша (с. 62—78). Англ. подлинник: The Adventurer. 1753. March 17. № 38. Авт.: Хоксуорт Джон. Др. пер. см.: Левин. Материалы. № 229, 301, 332, 372.

Омар (с. 103—111). Англ. подлинник: The Idler. 1760. March 22. N 101. Авт.: Джонсон Сэмюэл. Др. пер. см.: Левин. Материалы. № 144, 218.

Арраллаб и его сын Цицим (с. 111—126). Англ. подлинник: The Rambler. 1751. May 11. № 120. Авт.: Джонсон Сэмюэл. Др. пер. см.: Левин. Материалы. № 327.

8809. Беранже Л.-П. Нравоучение, представленное на самом деле... М., 1790. Ч. 1—2.

Второй составитель фр. сб.: Гибо Эсташ (Guibaud, Eustache, 1711—1794).

Часть 1

Епонина и Сабин: Римской анекдот (с. 9—21). Др. пер.: 1. Епонина, истинная повесть, почерпнутая из римской истории // Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей. 1793. Ч. 1. С. 139—153. 2. Эпонина: Отрывок из Римской истории // Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч. 5. № 12. С. 180—191. (Ср.: Проблемы жанра в литературе Сибири. Новосибирск, 1977. С. 28. № 127).

Славный пример сыновней любви (с. 52—54). Выявленные западноевроп. публикации анекдота и др. рус. пер. см. выше № 3395.

Аполог (с. 54—56). Сен-Ламбер Ж.-Ф. Рассказ «L'éducation d'un prince» из раздела «Fables orientales» в кн.: Saint-Lambert J.-F. Les saisons, poëme. Amsterdam, 1769 (мн. переизд.). Сюжет из «Гулистана» Саади; см.: Гулистан. Крит. текст. С. 177 (гл. VII, рассказ [6]). Др. пер.: 1. О воспитании // Старина и новизна. 1772. Ч. 1. С. 105—107. 2. Воспитание одного князя // Полезное упражнение юношества... М., 1789. С. 232—235. 3. Воспитание царского сына // Брусилев Н. П. Плоды моего досуга. М., 1805. С. 37—39.

Великодушной поступок: Молодой житель Марселии и барон М* (с. 61—70). Выявленные западноевроп. публикации и др. рус. пер. см. выше № 8169. XVIII.

Долг челоовеколюбия (с. 71). Источник фр. составителей:

Bequin. См.: Библиогр. заметки III. № 1838, рассказ «Долг человечества».

Добрый сын: Трогательной анекдот (с. 72—74). Источник фр. составителей: Bequin. См.: Библиогр. заметки III. № 1838, рассказ «Добрый сын».

Человек, благотворящий после своей смерти (с. 74—79). Авт.: Геснер С. Идиллия «Muson». Источник фр. составителей: Bequin, где под загл. «L'Homme bienfaisant, même après sa mort» (перераб. фр. пер. М. Юбера, см.: Amyntas // Gessner S. Collection complète des œuvres de M. Gessner / Trad. de l'allemand par M. Huber. Neuchatel, 1776. Т. 2. Р. 178—188). Др. пер.: Человек благотворительной и после своей смерти // Детское чтение, или Отборные небольшие повести... СПб., 1779. С. 26—30.

Сила чувствования (с. 88—91). Авт.: Арно Ф.-Т.-М. де Бакюлар д'. См. выше № 4716.I «Бедной Яков».

Постоянство и верность (с. 91—105). Предполагаемый источник фр. составителей: Panthée // Magazin historique. Liv. I, N 9 (Pt. 1. P. 14—19). Использован рус. пер.: Пантея // Трехязычная книга. С. 36—43 (перепечатка пер.: Пантея: Древняя повесть // СПб вестн. 1778. Ч. 2. Авг. С. 124—130).

Рай (с. 110—111). Предполагаемый источник фр. составителей: Le Paradis // Magazin historique. Liv. II, № 9 (Pt. 1. P. 87—88). Перепечатка пер.: Рай // Трехязычная книга. С. 31—32.

Награждение верности (с. 155—163). Летуэрнер Пьер. Le ministre berger // [Letourneur P.]. Choix de contes et de poésies erses, traduits de l'anglois. Amsterdam; Paris, 1772. Т. 1. P. 103—113. Источник фр. составителей: Bequin, где под загл. «Le prix de la fidélité». Перепечатка пер.: Алибей: Восточная повесть // Трехязычная книга. С. 61—71 (в «Трехязычной книге» перепечатан пер.: Алибей: Восточная повесть // СПб вестн. 1778. Ч. 1. Июнь. С. 448—455; в огл. ошибочно: «Алибей, восточная повесть, с французского г. Фенелона»). См.: Библиогр. заметки III. № 1837, рассказ «Цена верности».

Дикой (с. 163—165). Фр. подлинник и др. рус. пер. см.: Библиогр. заметки III. № 1838, рассказ «Есть везде хорошие люди, и между дикими». Перепечатка пер.: Дикий // Трехязычная книга. С. 46—48 (в «Трехязычной книге» перепечатан пер.: Дикарь: Повесть // СПб вестн. 1778. Ч. 1. Янв. С. 36—39).

«Император Иосиф II, прогуливаясь один по венским улицам...» (с. 165—168). Западноевроп. публикации анекдота и др. рус. пер. см.: Пушкин А. С. Собр. соч.: В 5 т. СПб.: Библиополис, 1994. Т. 4. С. 405—406; Библиогр. заметки III. № 652, рассказ «Анекдот».

Идиллия: Меналк и охотник Ешин (с. 172—175). Геснер С. Menalkas und Aeschines, der Jäger. Перепечатка пер.: Меналк и Ешин, охотник // Трехязычная книга. С. 57—61 (в «Трех-

зycznej книге» перепечатан пер.: Меналк и Ешин, охотник // СПб вестн. 1778. Ч. 2. Июль. С. 27—30).

Исторический суд (с. 175—176). Предполагаемый источник фр. составителей: *Le Tribunal historique // Magazin historique. Liv. III, N 5 (Pt. 1. P. 145—146)*. Перепечатка пер.: Исторический суд // Трязычная книга. С. 24—26.

Вознагражденная честность (с. 176—189). Авт.: Дюбуа-Фонтанель Жан-Гаспар. Источник фр. составителей: *Berquin*. См.: Библиогр. заметки III. № 1837, рассказ «Награжденная честность».

Надгробная речь над одним поселянином (с. 190—195). Мерсье Л.-С. *Oraison funèbre d'un paysan // Mercier L.-S. L'an 2440: Rêve s'il en fut jamais. Amsterdam, 1770. Ch. 43* (переизд.). Др. пер.: Надгробная речь одному крестьянину // Утренние часы. 1788. 12 окт. Ч. 2. Неделя 26. С. 193—199.

Беззакония, наказанные одно другим (с. 206—207). Авт.: Сен-Ламбер Ж.-Ф. Источник фр. составителей: *Berquin*. См.: Библиогр. заметки III. № 1821, рассказ «Злодеяние одно другим наказывается».

Великодушный меньший брат (с. 208—214). Авт.: Летурнер Пьер. Источник фр. составителей: *Berquin*. См.: Библиогр. заметки III. № 1838, рассказ «Великодушие меньшего брата».

Письмо графа Т..., касающееся до фамилии Флорио, известной в Лотарингии под именем Вальджу (с. 218—225). Трессан (Tressan) Луи де (1705—1783). Выявленные публикации: 1. В кн.: *Hirzel H. K. Le Socrate rustique... Trad. de l'allemand... 2e éd. augmentée... [d'un mémoire concernant la famille des Fleuriot]. Zurich, 1764. (CBN LXXII, стб. 490)*. 2. *Mémoire concernant la famille des Fleuriot connus en Lorraine sous le nom de Valdajou // Nouveau recueil pour l'esprit et le coeur. 1766. T. 2. P. 65—73*. 3. *Lettre de M. le Comte de Tressan, concernant la famille des Fleuriot, connus en Lorraine sous le nom de Valdajou // Recueil amusant de voyages, en vers et en prose... Paris, 1786. T. 2. P. 272—279; 2nd éd. Paris, 1787. T. 2. P. 272—280*. 4. *Fleuriot, eine lotharingische Familie // Lektüre für die kleine Jugend, zum Unterricht, Vergnügen und Veredlung des Herzens. Giessen, 1786. Th. 5. S. 2—8*. Др. пер.: 1. *Добродетельное семейство // Дет. чт. 1786. Ч. 7. № 37. С. 200—204*. 2. *Описание поколения Флориотов, известных в Лотарингии под наименованием Валдаионов // Гирцель Г. К. Сельской Сократ... М., 1789. Ч. 1. С. 334—353*.

Жаннот и Коллень (с. 228—235). Вольтер. *Jeannot et Colin* (1764). Источник фр. составителей: *Berquin*.

Отважность и благотворительность одного поселянина (с. 238—240). Источник фр. составителей: *Berquin*. См.: Библиогр. заметки III. № 1838, рассказ «Смелость и великодушие поселянина».

Верный друг (с. 250—251). Авт.: Арно Ф.-Т.-М. де Бакю-

лар д'. Источник фр. составителей: Berquin. См. выше № 4676. Ч. 2, рассказ «Верный друг».

Поступок братской дружбы (с. 257—258). Источник фр. составителей: Berquin. См.: Библиогр. заметки III. № 1838, рассказ «Братская любовь».

Немецкой аполог (с. 264—266). Лихтвер Магнус Готфрид. Der Vater und die drei Söhne // Lichtwer M. G. Vier Bücher Äsopischer Fabeln. Leipzig, 1748. Др. пер.: 1. Великодушное дело // Дет. чт. 1786. Ч. 7. № 28. С. 31—32 (с измененной концовкой). 2. «Отец, обремененный летами...» // Утренние часы. 1788. Авг. 17. Ч. 2. Неделя 18. С. 74—76. 3. Нравоучительное сказание // Приятное и полезное препровождение времени. 1794. Ч. 3. № 69. С. 249—251.

Хорошее мшение одного молодого солдата (с. 272—275). Англ. подлинник: The Tatler. 1709. April 21, N 5. Авт.: Стиль, Ричард. Возможный источник фр. составителей: Reconnoissance // [Lacombe de Prezel H.]. Dictionnaire d'anecdotes... Paris, 1766. Т. 2. (переизд.; см.: Amsterdam, 1767. Pt. 2. P. 243—245). Др. пер. и их источники см.: Рус. культура XVIII в. С. 112, сноска 101; История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век / Отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб., 1995. Т. 1. С. 285 (сноска 22).

Часть 2

Доброй сын (с. 27—30). Фр. подлинник: Trait de piété filial // MF. 1770. Février. P. 187—190. Источник фр. составителей: Berquin, где под загл. «Le bon fils». Использован рус. пер.: Добрый сын // Картина нравов. Ч. 2. С. 1—6. (Ср.: Библиогр. заметки III. № 993. Ч. 2. Рассказ I. «Добрый сын»).

Великодушный поселянин (с. 33—34). Авт.: Мармонтель Ж.-Ф. Использован рус. пер.: Великодушный поселянин // Картина нравов. Ч. I. С. 15—16. Фр. подлинник, посредствующую перепечатку (источник фр. составителей) и др. рус. пер. см.: Библиогр. заметки III. № 993. Часть 1. Рассказ II. «Великодушный поселянин».

Поступок братской любви (с. 35—36). Анекдот из кн.: La Clède [Desfontaines P.-F.-G.]. Histoire générale de Portugal. Paris, 1735. Т. 6. P. 171—173. Возможный источник фр. составителей: Amour filial // [Lacombe de Prezel H.]. Dictionnaire d'anecdotes... Paris, 1766. Т. 1 (переизд.; см.: Amsterdam, 1767. Pt. 1. P. 35—36). Выявленные др. западноевроп. публикации этой редакции анекдота: 1. La barque trop chargée // Magazin historique. Liv. IV, N 12 (Pt. 2. P. 13—14). 2. Grossmüthiger Streit zweener Bruder: (Aus Dodds Predigten für Jünglinge) // Neueste Mannigfaltigkeiten. 1778. Jg 1. Woche 50. S. 795—797. Англ. оригинал и нем. источник этой публикации: Dodd William (1729—1777). Sermons to Young Men.

London, 1771. Vol. 1—3 (переизд.); Predigten für Jünglinge. Lemgo, 1772—1774. Th. 1—3. (BLGC Vol. 85. P. 26; GV Bd 29. S. 333). Др. пер.: 1. «В 1585 году португальские войска, переезжая в Индию, претерпели кораблекрушение...» // Утренние часы. 1788. Авг. 24. Ч. 2. Неделя 19. С. 94—95. 2. Курганов Н. Г. Писмовник... 4-е изд. СПб., 1790. Ч. 1. С. 276 (Присовокупление II. № 338). (Гол. источн. и др. ред. анекдота см. выше: № 4676. Ч. 2. С. 98—105, рассказ «История о двух братьях»).

Аглинской анекдот (с. 44—47). Авт.: Арно Ф.-Т.-М. де Бакулар д'. Фр. подлинник и др. пер. см. выше: № 4716. XIV «Рассудительный башмачник».

Разные патриотические поступки (с. 50—66). Использован пер.: Разные патриотические поступки // Картина нравов. Ч. 1. С. 48—65.

Поразительной пример терпения и умеренности одного гофмейстера, которому препоручен был своенравной и избалованной юноша (с. 94—104). Использован пер.: Редкий пример терпения и умеренности одного гофмейстера // Картина нравов. Ч. 1. С. 33—47.

Отважность дружбы (с. 124—135). Авт.: Арно Ф.-Т.-М. де Бакулар д'. Использован пер.: Отважность дружбы // Картина нравов. Ч. 1. С. 1—14. Фр. подлинник, источник фр. составителей (Verquin), и др. пер. см.: Библиогр. заметки III. № 993. Ч. 1. Рассказ I. «Отважность дружбы»; Рус. культура XVIII в. С. 114, сноска 111.

Отмщение великой души (с. 136—138). Авт.: Лепренс де Бомон Мари. Использован пер.: Отмщение великия души // Трязычная книга. С. 43—46; а также: Отмщение великой души // Картина нравов. Ч. 1. С. 17—20 (этот пер. также выполнен с опорю на «Трязычную книгу»). Фр. подлинник, источник фр. составителей и др. рус. пер. см.: Библиогр. заметки III. № 993. Ч. 1. Рассказ III. «Отмщение великой души».

Диоген и Херей (с. 140—148). Авт.: Виланд К. М. Перепечатка пер.: Диоген и Херей // Трязычная книга. С. 71—80 (в «Трязычной книге» перепечатан пер.: Разговоры Диогеновы: (Из сочинений г. Виланда): Диоген и Херей // СПб вестн. 1778. Ч. 1. Февр. С. 120—128).

Примеры супружественной любви: Супруга Гроция; Супруга Фокиона (с. 161—163). Предполагаемый источник фр. составителей: L'Epouse de Grotius; L'Epouse de Phocion // Magazin historique. Liv. III. N 11—12 (Pt. 1. P. 153—154). Перепечатка пер.: Супруга Гроция; Супруга Фокиона // Трязычная книга. С. 22—24.

Почитать себя рожденным для делания добра, означает превосходное свойство (с. 166—169). Использован пер.: Почитать себя для делания добра, означает превосходное свойство // Картина нравов. Ч. 1. С. 125—130.

Пример есть действительное наставление (с. 169—172).

Использован пер.: Пример действительное наставление // Картина нравов. Ч. 1. С. 21—25.

Анекдот (с. 175). Предполагаемый источник фр. составителей: *Le Tailleur de Henri IV* // *Magazin historique*. Liv. II. N 40 (Pt. 1. P. 124). Перепечатка пер.: Портной Генриха IV // Трехязычная книга. С. 21—22.

Презрение богатства (с. 184—189). Частично использован пер.: Презрение богатства // Картина нравов. Ч. 1. С. 130—133.

Мудрый довольствуется малым (с. 190—193). Использован пер.: Мудрый довольствуется малым // Картина нравов. Ч. 1. С. 28—33.

Различие между завистью и соревнованием (с. 202—204). Использован пер.: Различие между завистью и соревнованием // Картина нравов. Ч. 1. С. 66—68.

Неустрасимость Генриха IV, его любовь к храбрым людям (с. 210—212). Использован пер.: Неустрасимость Генриха IV и любовь его к храбрым людям // Картина нравов. Ч. 1. С. 68—71.

Честность без религии не может быть (с. 216). Использован пер.: Честность без благочестия не может быть // Картина нравов. Ч. 1. С. 71—72.

Остроумной поступок одного победителя (с. 217). Использован пер.: Остроумной поступок одного победителя // Картина нравов. Ч. 1. С. 72—73.

Способ сражаться со страстями и побеждать их (с. 217—219). Использован пер.: Способ сражаться со страстями и побеждать их // Картина нравов. Ч. 1. С. 25—27.

Рассуждение о роскоши (с. 219—222). Использован пер.: Рассуждение о роскоши // Картина нравов. Ч. 1. С. 73—77.

Различные поступки Алфонса V, арагонского короля (с. 222—242). Использован пер.: Анекдоты Алфонса Пятого Арагонского короля // Картина нравов. Ч. 2. С. 26—53.

(Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. С. 182).

СК VI Дополнения. № 143. Нравственное рассуждение о воспитании. СПб., 1794.

Авт. Шлейснер Павел Христианович. Аргументацию и др. соч. этого автора см. выше № 4735.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

В список включены только те сокращения, которые впервые вводятся в этой серии «Библиографических заметок». Все прочие сокращения расшифрованы в дополнительном томе «Сводного каталога» и в списке, приложенном к предыдущей серии.

Библиогр. заметки III — *Рак В. Д.* Библиографические заметки // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 187—222.

- Гулистан Критич текст — *Са'ди* Гулистан / Критич текст, пер., предисл и примеч Р М Алиева М, 1959
- Иртыш — Иртыш, превращающийся в Ипокрену (журнал)
- Картина нравов — *Виноградский И Н* Картина нравов, или Собрание разных нравоучительных повестей и анекдотов, служащих к образованию сердца и нравов юношества М, 1789 Ч 1—2
- РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
- СПб вед — Санктпетербургские ведомости (газета)
- СПб вестн — Санктпетербургский вестник (журнал)
- Трезычная книга — [*Ардт Б Ф*] Трезычная книга, в пользу российского и иностранного юношества, обучающегося российскому, немецкому и французскому языкам СПб, 1779
- Фундаминский — *Фундаминский М И* Материалы по истории книги в книготорговых объявлениях газеты «Санктпетербургские ведомости» XVIII в // Книга в России в эпоху Просвещения Л, 1989 С 136—144
- ЦГИАСПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
- BLGC — The British Library General Catalogue of Printed Books to 1975 London et al, 1979—1987 Vol 1—360
- Délassements — [*Baculard d'Arnaud F -T -M de*] Délassements de l'homme sensible, ou anecdotes diverses Paris, 1783 T 1—6 Собрание переиздавалось
- Deutsches Lesebuch — *Gavrilov M G* Deutsches Lesebuch zum Gebrauch der studierenden Jugend / Hrsg von M G Mosklau, 1792
- L'Esprit d'Addisson — L'Esprit d'Addisson [¹], ou Les beautés du Spectateur, du Babillard et du Gardien, consistant principalement dans une collection des feuilles de Mr Addisson Ouvrage nouvellement traduit de l'Anglois / Par Mr J P A Yverdon, 1777 T 1—3
- GV — Gesamtverzeichnis des deutschsprachigen Schriftums (GV), 1700—1910 / Bearb unter der Leitung von H Schmuck und W Gorzny Munchen et al, 1979—1987 Bd 1—160
- Magazin historique — [*Pfeffel G K*] Magazin historique pour l'esprit et le coeur Strasbourg, 1764 Pt 1—2 Указывается книга и номер рассказа, в скобках — часть и страницы по изд Nouv éd Strasbourg, 1768
- Mannigfaltigkeiten — Mannigfaltigkeiten Eine gemeinnutzige Wochenschrift (журнал, продолжения под загл Neue Mannigfaltigkeiten, Neueste Mannigfaltigkeiten, Allerneueste Mannigfaltigkeiten)
- Messkatalog — Allgemeines Verzeichniss derer Bucher, welche in der Frankfurter und Leipziger Ostermesse (Michaelismesse) des Jahres entweder ganz neu gedruckt, oder sonst verbessert, wieder aufgeleget worden sind, auch inskuntige noch herauskommen sollen Leipzig Приводится название ярмарки и указывается год ее проведения
- Variétés historiques, physiques et littéraires — [*Boucher d'Argis A -G*] Variétés historiques, physiques et littéraires, ou recherches d'un savant, concernant plusieurs pièces curieuses et intéressantes Paris, 1752 T 1—3

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА В НИДЕРЛАНДСКОЙ ПЕЧАТИ

Статья немецких славистов¹ о находке перевода фрагмента «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева в немецком журнале конца XVIII века побудила меня к поиску отголосков дела Радищева в нидерландской печати этого времени. С этой целью я просмотрел крупнейший литературный журнал того времени «*Algemene Konst- en Letter-Bode*» («Всеобщий вестник искусства и словесности»). Поиски оказались тщетными. Я ничего не нашел ни о Радищеве, ни о его «Путешествии», ни о том, что он был осужден и приговорен к смертной казни, замененной позднее ссылкой в Сибирь. Зато я нашел другую статью, которая представляет большой интерес, так как она, наверное, является первой статьей о русской литературе в нидерландской печати².

В западной прессе XVIII века довольно регулярно писали о России. В каждой газете можно было что-то узнать об этой стране, главное внимание уделялось политическим и дипломатическим вопросам (разделы Польши, русско-турецкие войны и т. п.) и всегда коротко о русской литературе в нидерландской печати не упоминали. Исключение составляет статья, которую я нашел в уже упоминавшемся журнале «*Algemene Konst- en Letter-Bode*» от 7 мая 1790 г. Статья рисует довольно печальную картину русской литературы и просвещения конца XVIII века. Так как она является, пожалуй, первой статьей в нидерландской печати о русской литературе, стоит полностью процитировать ее.

«*Algemene Konst- en Letter-Bode*». Vrijdag den 7 May 1790
Berigten. Rusland.

Uittrekzel van enen Brief uit Petersburg, d. d. I. Febr. 1790. «Ik gelove niet, dat men duizend Russische oorspronkelyke werken

¹ *Grasshoff H., Hexelschneider E., Ziegengeist G.* Die langgesuchte erste deutsche Übersetzung von Radiščevs «Reise von Petersburg nach Moskau» aus dem Jahre 1793 // *Zeitschrift für Slawistik* 1962 Bd 7 S 175—197

² Первый перевод русского литературного произведения на голландский язык, который мне удалось найти, появился в 1789 г. Пьеса Екатерины II «Расстроенная семья осторожками и подозрениями» (1788) увидела свет под названием «*De familietwist, blyspel in vijf bedrijven*» (в сб. *Het Zedelyk Toneel Amsterdam, 1789 T 8 S 200—310*). В 1789 г. был опубликован немецкий перевод («*Der Familienzwiſt, durch falsche Warnung und Argwohn*»), с которого был сделан и голландский, — см. *Waegemans E. and Willemsen C.* Bibliografie van Russische literatuur in Nederlandse vertaling. Библиография русской литературы в голландском переводе 1789—1985. Leuven, 1991 S 180

kan tellen, wanneer men namelyk de Kerkboeken niet onder de Letterkundige voortbrengzels rekend. De Bibliotheek van de Akademie der Wetenschappen bevat, op zyn hoogst, ruim drieduizend Boekdelen, in de Russische tale, waar van verre de meesten overzettingen van buitenlandsche werken zyn, — en dat nog wel overzettingen van Romans, voor een groot deel. Zelfs in dezen is men op ene zonderlinge wyze te werk gegaan. Dikwyls bekreunde zig de overzetter niet aan de oorsprongelyke taal van 't Boek, maar vertaalde het uit zulk ene sprake, waar in het reeds door andere Natien was overgebracht, en welke hy best begreep te verstaan. Dus vind men hier: De reizen van Humphrey Klinkers, uit het Hoogduitsch, de Pamela van Richardson, uit het Fransch vertaald. De Messiade is insgelyks, doch in onrym, overgezet. Hoe getrouw deze overzettingen zyn, kan men naargaan, daar dezelve veelal door onbedreven jonge luiden verrigt worden. Gelukkig hebben hier omtrent nog enige uitzonderingen plaats: gelyk zo Werthers Leiden, de Anecdoten Friedr. d. Ilten, als mede de Oeuvres posthumes de Frederic II. en meer anderen, door den Hr. Kyriak, Lector by het Stift van adelyke Jongkvrouwen, vertaald zyn. Ondertuschen zyn deze uitzonderingen niet velen, want met schryven is hier weinig eer en even weinig gewin te behalen. De koude met opzigt tot de Letterkunde is hier even zo groot als de Natuurlyke. De Vorstin van Daschkow heeft, gedurende haar bestuur, verscheiden goede en nuttige werken bezorgt; en ettelyke ondernemingen gedaan: dan zy dienden alleen om de Boekmagazynen op te vullen. Het Journal der Sobesaednik (Genootschaps leden), een voornaam Russisch Werk, waar in ettelyke zeer goede Verhandelingen voorkomen, kromp, in de laatste delen, langs hoe meer in, en bleef met het 16de geheel steken. Van het Russisch Theater, en het Akademisch Journal, worden slegts weinige Exemplaren gesleten; en mogelyk zal het niet beter gaan met het Russisch Woordenboek, door de Akademie uitgegeven, waar van het eerste Deel reeds het licht ziet; en met de Vertaling van Buffons Natuurl. Historie, welke op bevel der Keizerin ondernomen is, en waar van dezer dagen het Eerste Deel is uitgekomen. Van het groot Glossarium van den Hr. Pallas is kortlings het 2de deel in 't licht verschenen: en van den Hoogl. Georgi is thans, zo men zegt, ene beschryving van Petersburg op de pers.

Перевод

«„Всеобщий вестник искусства и словесности”, 7 мая 1790 г. Известия. Россия.

Извлечение из письма, присланного из Петербурга, от 1 февраля 1790 г.

Я не думаю, что можно насчитать тысячу оригинальных русских творений, если не причислять к литературным произве-

дениям книги церковные³ Библиотека Академии наук насчитывает немногим более трех тысяч томов на русском языке. Из них наибольшая часть суть переводы иностранных творений, и прежде всего переводы романов. Даже в этом деле поступали странно. Часто переводчик пренебрегал оригинальным языком переводимой книги, но переводил с языка, на который книга была уже переведена другими нациями и которым он, как он думал, всего лучше владеет. И так, тут можно найти „Путешествия Гумфрия Клинкера” — с немецкого,⁴ „Памелу” Ричардсона — с французского⁵ „Мессиада” также переведена, хотя и без рифмы⁶. Насколько верны эти переводы, можно заключить из того, что они большей частью переведены неопытными молодыми людьми. К счастью, в этом отношении есть несколько исключений, например „Страдания Вертера”,⁷ „Анекдоты”,⁸ а также посмертные произведения Фридриха II⁹ и другие в переводе г Кирияка, инспектора Института благородных девиц. Между тем этих исключений немного, так как писательством здесь обрестишь мало чести и столь же мало прибыли. Холод в отношении словесности здесь столь велик, как и природный. Княгиня Дашкова во время своего управления спомоществовала появлению различных хороших и полезных творений и предпринимала бесчисленные начинания, но они служили только пополнению книжных лавок. Журнал членов общества „Собеседник”, выдающееся русское издание, в котором помещено много очень хороших трактатов, с последних выпусков все больше сокра-

³ Проф. X. Pote (Hans Rothe) в своей книге «Religion und Kultur in den Regionen des russischen Reiches im 18. Jahrhundert. Erster Versuch einer Grundlegung» (Opladen, 1984) говорит о «мифе о новой России» (S. 7) и о том, что «die neuen Kultureinflüsse, die bisher einseitig betont wurden» («новые культурные влияния подчеркивались до сих пор односторонне») (S. 112).

⁴ «Путешествие Гумфрия Клинкера, творение г. Фильдинга», переведенное с немецкого Иваном Захаровым СПб., 1789. Ч. 1—3. На титульном листе первой части ошибочно указано «творение г. Фильдинга». В частях второй и третьей правильно указано «Творение доктора Смоллета» (см. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века 1725—1800 М., 1966. Т. 3. Р.—Я. С. 135. № 6614).

⁵ Памела, или Награжденная добродетель. Аглинская нравоучительная повесть. СПб., 1787. Ч. 1—4. Пер с французского *Pamela, ou la Vertu recompensée* Amsterdam, 1744—1745. Об этом переводе см. Костюкова В. В. Роман С. Ричардсона «Памела» в переводе Ивана Шишкина // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 322—334.

⁶ Мессия, поэма, сочиненная г. Клопштоком / Пер с немецкого [Алексей Кутузов] М., 1785—1787. Ч. 1—2. Прозаический перевод первых десяти песен поэмы.

⁷ Страсти молодого Вертера. СПб., 1781. Ч. 1—2. [Пер Ф. Галченков].

⁸ Изображение великаго Фридерика, короля прусскаго, взятое из анекдотов самых достовернейших о военной, философской и приватной его жизни, сочинения г. Бурде. М., 1789. Пер с французского *Bourdais S. F. Portrait de Frédéric le Grand, tiré des anecdotes les plus intéressants et les plus certaines de sa vie militaire, philosophique et privée*. Lausanne, Paris, 1788.

⁹ Оставшиеся творения Фридриха Второго, короля прусскаго. СПб., 1789—1791. Т. 1—8. (пер Тимофей Кирияк и др.)

шался и на 16-м целиком прекратился¹⁰ Лишь немногие экземпляры „Российского Феатра“¹¹ и „Академического Журнала“¹² расходятся Вряд ли лучше будет с Русским словарем, изданным Академией, первый том которого уже выходит в свет,¹³ и с переводом „Натуральной истории“ Бюффона, который предпринят по повелению императрицы, и первый том которой появился на днях¹⁴ Недавно вышел 2-й том большого Глоссария г Палласа;¹⁵ и в настоящее время, как говорят, печатается описание Петербурга проф Георги»¹⁶

Самое примечательное, однако, заключается не в том, что автор статьи рисует пессимистическую картину российского издательского дела конца царствования Екатерины Второй, но что всего два месяца спустя тот же журнал снова печатает статью о положении дел в России, объемом в два раза больше, чем первая, и дает совершенно другое представление о культурной жизни екатерининской России. Прочитируем и эту статью

„Algemene Konst- en Letter-Bode“ Vrijdag, den 9 July 1790
Berigten Rusland

Men schryft uit St Petersburg over de vorderingen, welken men, in Rusland, in de Dichtkonst, Geschiedenis, Geneeskunde, Natuurkunde en Natuurl Historie, gemaakt heeft, het volgende:

¹⁰ «Собеседник любителей российского слова» (1783—1784) печатался при Академии наук в количестве 1812 экземпляров Журнал расходился не очень хорошо Печатал исключительно оригинальные произведения

¹¹ «Российский Феатр» (1786—1794) также выходил «при Академии наук» и печатал много антимасонских комедий Екатерины II Тираж был невелик, первая книжка вышла тиражом 612 экземпляров (см Берков П Н История русской журналистики XVIII века М, Л, 1952 С 342)

¹² Автор имеет в виду «Академические известия» (1779—1781), полное заглавие которых дает представление о характере этого издания «Академические известия, содержащие в себе историю наук и новейшие открытия оных, извлечение из деяний славнейших академий в Европе, новые изобретения, опыты в естественной истории, химии, физике, механике и в относящихся к оным искусствах, отличнейшие письма во всей Европе, академические задачи, любопытные и странные тяжбы и прочие примечательные происшествия»

¹³ Словарь Академии Российской СПб, 1789—1794 Ч 1—6 (1-я часть вышла в 1789 г, 2-я — в 1790 г)

¹⁴ Всеобщая и частная естественная история графа де Бюффона, предложенная с французского языка на российской По высочайшему повелению СПб, 1789—1808 Ч 1—10 (В 1789 г вышла 1-я часть)

¹⁵ Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы СПб, 1787 Ч 1, 1789 Ч 2 «Предисловие от издателя» подписано П С Палласом (см Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века 1725—1800 № 6812)

¹⁶ Описание российско-императорского столичного города Санктпетербурга и достопамятностей в окрестностях онаго / Соч И Г Георги СПб, 1794 Ч 1—3 Труд Георги впервые был издан в Петербурге на немецком языке в 1790 г

Ruslands Dramatieke Dichtkonst is zekerlyk, zedert eenige jaren, merkelyk vooruit gegaan, maar derzelve glans is byna geheel ontleend. — Zelfs zyn onze onze zogenaamde oorspron-gelyk Russische Stukken grootdeels vrye navolgingen van Duit-sche of Fransche Toneelstukken, en men vind, slegts in enige weinige, het geen hier t'huis behoort, en met 's Lands wyze overeenstemt. Een onzer voornaamste Toneeldichters is de Hr. Knäschnin, Secretaris van het Komptoir der Keizerl. Gebou-wen en Tuinen, te St. Petersburg; hy is de Auteur van verschei-den zeer geachte Treurspelen, van welken *Dido* en *Sophonisbe* de voornaamste zyn. De Russische *Sophonisbe* heeft misschien minder gebreken, als de Fransche, maar even zo, ook veel min-der, schoonheden als gene; en daarom houden de meeste Dido voor het beste Treurspel dezès Dichters, wiens Dichtstukken reeds tot 4 banden, in 4 to. aangegroeid, en in die gedaante, voor enige jaren, in 't licht gekomen zyn. Onze tweede Treurs-peldichter is de Hr. Nikolew, onder wiens Stukken voornamelyk *Palmira*, *Sorena* en *Zamir* uitmunten. Zy zyn echter, even als vele andere Stukken dezès Dichters, nooit gedrukt geworden, en het publiek kent ze daarom alleen van het Theater. Onder de Blyspeldichters heeft zekerlyk niemandeen zo algemene en wel-verdiende toejuiching verworven, als de Hr. van Wisin, door zyne beide stukken: de *Brigadier* en *Nedorosl*. (Een naam, welken men aan die genen geeft, welken reeds van de wieg af, of kort na dat zy de wieg verlaten hebben, in dienst der Guarde byzon-derlyk ingeschreven worden, en om zich te beter aan de Weten-schappen te konnen wyden, van den dienst ontheven zyn, tot dat zy de Jaren bereikt hebben, waarin zy bekwaam zyn, om dienst te doen). Dit laatstgenoemde stuk is, als 't ware, de Zegenpraal van het Russisch Toneel, dewyl het geheel de Zeden des Lands voorsteld in een Familie-Schildery van enen Adelyken Landheer, en zynen gantschen, volkomen hem passenden, Hofstaat. — By enkele Stukken, zyn de navolgende zeer goed overgezet: de *Alzire* van Voltaire, door Karabonow, Secretaris van Staat by den Vorst Potemkin, de *Mahomed*, door een onbekenden; *Mero-pe*, door Mnikow en *l'Orphelin de la Chine*, door Metschaew, Sergeanten by de Guare. Het Theater van Moliere, is door verscheidenen byna geheel, en de meeste Stukken van het zelve zeer gelukkig, vertaald, zo ook de *Aemilia* van Lessing, en deszels *Miss Sara Sampson*; doch zo goed niet: de *Clavigo* van Göthe, Niet meer als zes schotels, en meer anderen.

Onder de Epische en Lyrische Dichters heeft zekerlyk de Hr. Cheraskow, Staatsraad en tweede Bestuurder der Hogescho-l te Moskow, zonder twyffel aanspraak op ene der eerste plaat-sen. Zyne *Rossiade* is het voortreffelykste Epische Gedicht der Russen; ook is zyn kleine Historisch Dichtstuk: *De slag by Tschenne* genaamd, schoon. Zyne geestelyke en waereldlyke Oden zyn vol vuurs, maar zyne Treurspelen zyn hem zo goed niet gelukt. Hy heeft ook de *Georgica* van Vergilius vertaald. De

Hr. Derschawin is Schryver van de Ode, aan de *Kirgisische Czaarin Felice*, welke in het eerste stuk van den *Sobesaednik* gedrukt, en, zo ik my niet vergisse, in 't Leesboek van den Hr. Wolken, in 't Hoogduitsch vertaald is. Hy heeft ook, onder dienzelfden naam van *Felice*, in ene andere Ode de Keizerin bezongen, terwyl hy Raphaël bid, dat die hem het Beeldtenis van Felice mogt schilderen; en hem alle de eigenschappen opnoemt, welke dezelve in het beeldtenis moest doen uitsteken. De Hr. Hippolyt Bagdanowitsch heeft, behalve verscheide zeer kleine aardige Gedichten, de *Psyche* van la Fontaine, in ene vrye navolging, zeer gelukkig in het Russisch gewaad gekleed. Nog een der nieuwste Dichters is de Hr. Struiskoy, wiens by een verzamelde Gedichten, eerstdaags, in ene schone uitgave in 4 to. met veele Vignetten in 't licht staan te komen.

In de Russische Geschiedenis arbeiden voornaamlyk de Heren Tumanskoy en Kolurin, Tateschew, en de Vorst Tscherbatow, van welken laatsten zeer volledige Werken, over de Vaderlandscbe Geschiedenis het licht zien».

Перевод:

«„Всеобщий вестник искусства и словесности”, пятница, 9 июля 1790 г. Известия. Россия.

Об успехах, достигнутых в России в поэзии, истории, медицине, физике и естествознании, из С.-Петербурга пишут следующее.

Драматическое стихотворство России с некоторого времени, несомненно, заметно продвинулось, но блеск оно почти целиком заимствован. Даже его так называемые изначально русские пьесы большей частью суть вольные подражания немецким или французским пьесам, и только в некоторых можно найти то, что относится к сему месту и соответствует характеру страны. Один из наших первых драматических стихотворцев есть г. Княжнин, секретарь канцелярии о строении домов и садов в С.-Петербурге. Он автор разных очень почитаемых трагедий, из которых „Дидона” и „Софонисба” суть главные. Русская „Софонисба”, пожалуй, имеет меньше недостатков, нежели французская, но также гораздо меньше красот, чем та. Поэтому многие считают „Дидону” лучшей трагедией этого поэта, творения которого уже составили 4 тома и в таком виде несколько лет тому назад вышли в свет.¹⁷ Наш второй автор трагедий есть г. Николев, среди пьес которого выделяются прежде всего „Пальмира” и „Сорена и Замир”.¹⁸ Эти пьесы, однако же, как и многие другие пьесы того же

¹⁷ Трагедии Я Б Княжнина «Дидона» и «Софонисба» были опубликованы в 1787 г в его «Собрании сочинений»

¹⁸ Трагедия Н П Николева «Сорена и Замир» была опубликована в 1786 г, «Пальмира» — в 1787 г (Российский феатр Ч 5 С 147—234)

поэта, никогда не были напечатаны, и публика знает их лишь по театральным представлениям Среди писателей комедий никто не приобрел такую общую и заслуженную похвалу, как г Фон Визин обеими своими пьесами: „Бригадир” и „Недоросль” (так называют того, кого уже с колыбели или вскоре после нее записывают на службу в гвардию и, чтобы дать возможность лучше изучать науки, увольняют со службы до поры, пока будет достигнут возраст, когда он может служить) Последняя пьеса — триумф русского театра, потому что всесторонне описывает нравы страны, рисуя картины семейной жизни и хозяйство помещика-дворянина Среди драматических пьес очень хорошо переведены: „Альзира” Вольтера в переводе Карабанова,¹⁹ статс-секретаря при князе Потемкине; „Магомет”²⁰ в переводе неизвестного; „Меропа” в переводе Майкова²¹ и „L’Ogrhelin de la Chine” в переводе Нечаева,²² оба гвардии сержанты. Театр Мольера разными переводчиками переведен почти полностью, и большинство пьес очень удачно;²³ то же можно сказать об „Эмилии”²⁴ Лессинга и его же пьесе „Мисс Сара Сампсон”.²⁵ Не так хорошо переведены „Клавиво” Гете,²⁶ „Не более шести блюд”²⁷ и многие другие

Среди эпических и лирических стихотворцев, без сомнения, может претендовать на одно из первых мест г Херасков, статс-советник и куратор университета Его „Россияда”²⁸ есть наиболее замечательная эпическая поэма у русских. Красива

¹⁹ Альзира, или Американцы, трагедия / Соч г Вольтера СПб, 1786 [Пер Петра Карабанова]

²⁰ [Вольтер] Магомет Трагедия в пяти действиях / Пер с французского П С Потемкина СПб, 1798 Этот перевод, осуществленный в середине 1770-х гг, был хорошо известен по театральным постановкам — См Заборов П Р Русская литература и Вольтер XVIII—первая треть XIX века Л, 1978 С 41—42

²¹ Меропа, трагедия господина Волтера Переложена в стихи из русския прозы Васильем Майковым М, 1775

²² Китайская сирота, трагедия господина Волтера Переведена с французскаго [Васильем Нечаевым] СПб, 1788 (переводчик указан в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века» — № 1113)

²³ Русские переводы Мольера XVIII века указаны в «Сводном каталоге» (№ 4305—43210) См также Филиппов В А Мольер в России XVIII века (Библиографическая справка) // Беседы Сб общества истории литературы М, 1915 Т 1 С 110—143

²⁴ Эмилия Галотти, трагедия в пяти действиях г Лессинга, переведена с немецкаго госп А СПб, 1784 Позднее появился перевод Н М Карамзина Эмилия Галотти, трагедия в пяти действиях, сочиненная г Лессингом М, 1788

²⁵ В переводе В А Левшина пьеса ставилась в Московском театре, однако ее текст не был опубликован — См Данилевский Р Ю Лессинг в русской литературе XVIII века Эпоха Просвещения // Из истории международных связей русской литературы Л, 1967 С 293—296

²⁶ Клавиво, трагедия в пяти действиях г Гете, переведена с немецкаго [О П Козодавлевым] СПб, 1780

²⁷ [Гроссман Г Ф] Только шесть блюд, комедия в пяти действиях / Пер с немецкаго подлинника [А В Олсуфьева?] СПб, 1782

²⁸ Россияда, ироическая поэма [М], 1779 Второе, «исправленное пересмотренное и дополненное» издание вышло в 1786 г под названием Россияда, поэма эпическая

и его маленькая историческая поэма „Чесмесский бой”.²⁹ Его духовные и светские оды пламенны, трагедии же его не так удачны. Перевел он также „Георгики” Вергилия.³⁰ Г-н Державин — автор „Оды к премудрой киргиз-кайсацкой царевне Фелице”, которая появилась в первом выпуске „Собеседника”,³¹ и, если я не ошибаюсь, в книге для чтения г. Волкена в переводе на немецкий. Под тем же именем Фелицы воспел он в другой раз Императрицу,³² прося Рафаэля написать ему портрет Фелицы и перечисляя ему все качества ее, которые он должен подчеркнуть в картине. Г-н Ипполит Богданович кроме разных очень маленьких, приятных стихов перевел „Психею” Лафонтена в вольном подражании, очень удачно облекая ее в русское одеяние.³³ Еще одним из новейших стихотворцев является г. Струйский, собрание стихотворений которого скоро появится в свет в красивом четырехтомном издании со множеством виньеток.³⁴

На поприще истории трудятся прежде всего господина Туманский³⁵ и Колурин,³⁶ Татищев³⁷ и князь Щербатов.³⁸ Полное собрание сочинений последнего об отечественной истории выходит ныне в свет».

Бросается в глаза прежде всего то обстоятельство, что статья написана русским. Автор неоднократно говорит о «нашей» литературе, «наших» стихотворцах и т. д. Кто этот автор, нам узнать не удалось. Для этого необходимо глубокое и систематическое исследование русско-нидерландских литературных (и других) отношений в XVIII веке. В отличие от франко-русских, англо-русских и русско-германских отноше-

²⁹ Чесмесский бой, поэма. [СПб., 1771].

³⁰ В «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века» (№ 913) мы нашли только издание: «П. Вергилия Марона Георгик, или О земледелии четыре книги. С латинского языка переведены (...) Васильем Григорьевичем Рубаном» (СПб., 1777).

³¹ Ода к премудрой киргиз-кайсацкой царевне Фелице, писанная некоторым татарским Мурзою. [СПб.], [6.г.]; впервые она была помещена в «Собеседнике любителей российского слова» (1783. Ч. 1. С. 5—14).

³² «Изображение Фелицы» Державина появилось в «Новых ежемесячных сочинениях» (1789. Ч. 41, ноябрь. С. 63—93).

³³ Речь идет о поэме И. Ф. Богдановича «Душенька. Древняя повесть в вольных стихах» (СПб., 1783).

³⁴ Сочинения Николая Струйского. СПб., 1790; вышла только одна книга.

³⁵ Федор Осипович Туманский (1746—1810) выпустил «Полное описание деяний е в государя имп. Петра Великого» ([СПб.], 1788. Ч. 1) и «Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя имп. Петра Великого» (СПб., [1787—1788]. Ч. 1—10).

³⁶ Фамилия названного историка нам неизвестна, здесь, скорее всего, опечатка. Речь может идти об И. Н. Болтине (1735—1792).

³⁷ Первые четыре книги «Истории российской с самых древнейших времен» В. Н. Татищева вышли между 1768 и 1784 гг. в Москве.

³⁸ Семь томов «Истории российской от древнейших времен» М. М. Щербатова вышли между 1770 и 1791 гг. в Петербурге.

ний история отношений между Россией и Нидерландами³⁹ совершенно недостаточно изучена. Не исключено, что первая статья написана западным человеком, находившимся в России и знавшим русский язык; во всяком случае в ней автор не говорит о «нашей» литературе. Это обстоятельство могло бы объяснить разницу между пессимизмом первой статьи и оптимизмом второй.

Второе обстоятельство, которое можно подчеркнуть, — это то, что анонимный автор рисует нам довольно обнадеживающую картину русской культуры конца XVIII века. Его статья могла способствовать возрастающему на Западе представлению о том, что и Россия является цивилизованной страной и что она из ученика постепенно превращается в учителя. В этом, пожалуй, заключается важное значение российского XVIII века для классической русской литературы: после десятилетий подражания западным литературным моделям русские создают свою национальную литературу — великую и оригинальную.

³⁹ Начало изучению этих отношений было положено книгой «Голландцы и русские 1600—1917. Из истории отношений между Россией и Голландией» (Гаага, 1989), являющейся каталогом советско-нидерландской выставки, посвященной истории отношений обеих стран. В сравнении с другими странами в Нидерландах не изучено представление о русских и России в эпоху Просвещения, ср. для Германии *Grasshoff H. Russische Literatur in Deutschland im Zeitalter der Aufklärung. Die Propagierung russischer Literatur im 18. Jahrhundert durch deutsche Schriftsteller und Publizisten* Berlin, 1973, *Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts* Berlin, 1963—1970, Bd 1—4, *Russen und Rußland aus deutscher Sicht 18. Jahrhundert Aufklärung* München, 1987 (под общей ред. Льва Копелева), для Англии — многочисленные работы Э. К. Кросса; для Франции *Lortholary A. Les philosophes du XVIIIe siècle et la Russie (Le mirage russe en France au XVIIIe siècle)* Paris, 1948. Для XIX и XX веков указываю на сборник «*Rusland in Nederlandse ogen*» [Россия в глазах голландцев] (Amsterdam, 1986) и на свою книгу «*Montagnes Russes. La Russie vécue par des Belges*» [Русские горки. Россия в глазах бельгийцев] (Bruxelles, 1989). В России под моей редакцией вышел сборник «*Страна Синей птицы. Русские в Бельгии*» (М., 1995).

И. В. ГЁТЕ О ЕКАТЕРИНЕ II

В течение своей долгой жизни Гёте нечасто произносил имена российских монархов. В XVIII в. Россия интересовала поэта сравнительно мало. Положение изменилось, как известно, в начале прошлого столетия, когда веймарскому наследному принцу сосватали великую княжну Марию Павловну, сестру сначала одного, а затем следующего российского императора. Прошли антинаполеоновские войны. В качестве фактического главы правительства Саксен-Веймарского великого герцогства Гёте много занимался отношениями с Россией, да и культурное значение ее для Европы все возрастало. Тем не менее сказанное выше справедливо в общем и для пожилого Гёте. Он почти не дает характеристик российским монархам, во всяком случае его суждения о них, предназначенные для печати, дипломатичны и в меру комплиментарны. Примером может служить перечисление властителей России в начале жизнеописания художника Ф. Гаккерта, создавшего серию картин для Большого Петергофского дворца. Эта книжка Гёте, изданная в 1811 г., была посвящена Марии Павловне, и стиль сочинения вполне понятен. Так же нейтрально упоминает Гёте в «Путешествии в Италию» (1817) Екатерину II — как могущественную властительницу, заказавшую копии лоджий Рафаэля. Но все эти упоминания обладают, как кажется, неким трудноуловимым подтекстом, который становился явственнее тогда, когда Гёте высказывался перед друзьями и не думал о публикации своих мыслей, по крайней мере в ближайшее время.

В апреле 1829 г. в беседе с И. П. Эккерманом поэт посетовал на то, что столица России расположена в таком опасном месте, как болотистая дельта Невы, тогда как неподалеку имеются удобные возвышенности, и что причиной такого положения города был каприз или даже блажь (Grille) самодержца Петра.¹

Нечто подобное дало себя знать и в суждениях Гёте о современнице — Екатерине II; впрочем, так же судил он и о другой знаменитой политической фигуре его времени — о Фридрихе Прусском. В самом начале литературного пути, только что создав «Вертера», молодой «бурный гений» пишет сатирическую шутку в духе кукольных представлений и балаганных комедий — «Ярмарка в Старьевке» («Das Jahrmarktsfest zu Plundersweilern», 1774). Там рыночный шарлатан, зазывая публику, похвально:

¹ См. *Эккерман И. П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / Пер с нем Наталии Ман* Ереван, 1988 С 318—319

Не стану показывать вам аттестатов
Императрицы народа русского,
Фридриха, короля прусского
И прочих европейских potentatov ²

Появление имен самых могущественных «потентатов» в сатире, написанной «уличным» слогом и полной персональных намеков, говорит о *granum salis*

Почти через шестьдесят лет, в «Поэзии и правде» (кн 17, 1830) Гёте высказался наиболее пространно о Екатерине, но и сквозь всю дипломатичность проступила в этом тексте старая «соль» Отдав должное Екатерине и Фридриху как крупным личностям, поэт написал далее о российской императрице

«Екатерина, великая женщина, сама признавшая себя достойной престола, предоставляла высокоодаренным³ людям полный простор для расширения могущества их властительницы, — а так как происходило это за счет турок, которым мы за презрение к нам щедро платим тою же монетой, то даже когда эти нехристи гибли тысячами, считалось, что человеческих жертв не было»⁴

В этих словах помимо прочего — печальный опыт русско-турецких войн, сражений при Чесме, Очакове и Измаиле. Но здесь присутствует и более общая оценка, относящаяся не только к Екатерине, если припомнить отношение Гёте также и к Петру. Не выраженная прямо, она согласуется тем не менее с неприятием крепостного рабства и деспотического правления, распространившимся к концу XVIII в в части немецкого общества, настроенной антифеодально. Наступило разочарование в искренности просветительских намерений Екатерины. Это настроение пережили и И. Г. Гердер, и Ф. Шиллер, и другие близкие Гёте люди⁵. Путь от восторженных надежд до признания России страной рабства проделал друг юности поэта И. Г. Мерк, послуживший прототипом его Мефистофеля. Еще в 1773 г. Мерку довелось побывать в Петербурге, откуда он послал Гёте несколько писем, к сожалению, не сохранившихся. Но резко отрицательное отношение Мерка

² *Geme И В* Собр соч В 13 т Юбил изд М, Л, 1932 Т 2 С 156 (пер М Лозинского) При постановке «Ярмарки» в Веймаре в 1778 г Гете исполнил роль этого Шарлатана См также *Демченко В Д* Фарс в эстетической борьбе периода «бури и натиска» (Гете, Вагнер, Ленц) // Гетевские чтения, 1993 М, 1994 С 103—121

³ В подлиннике — игра слов «hochbegünstigt» означает также и «высочайшее обласканный»

⁴ *Geme И В* Собр соч В 10 т М, 1976 Т 3 С 597 (пер Наталии Ман)

⁵ В последней четверти XVIII в в немецком общественном мнении сложилось довольно стойкое представление о Российской империи как об оплоте реакции и агрессии, полностью подчиненной самодержавной воле. Обзор суждений см в статьях в кн *Russen und Rußland aus deutscher Sicht 18. Jahrhundert Aufklärung / Hrsg von M Keller (Westöstliche Spiegelungen / Hrsg von L Kopelew Reihe A Bd 2) München, 1987 S 29, 331, 382, 420—421, 454, 481—483*

к российским порядкам известно из других его писем и печатных выступлений⁶ А влияние друга на него было признано самим Гёте⁷

Кончина Екатерины II вызвала два замечания поэта. Одно из них было почти современным событию. Приблизительно через месяц после смерти императрицы, 9 декабря 1796 г., Гёте сделал приписку в своем письме Ф. Шиллеру: «Пишут, что Екатерина тоже наконец-то сошла с трона в могилу»⁸ За этим «тоже наконец-то» можно предположить и отклик на своего рода смену поколений в правящих домах Европы (в 1786 г умер Фридрих II, в 1790 — Иосиф II, несколько раньше умерла его мать и соправительница австрийская императрица Мария Терезия; наконец, в 1793 г. революция казнила Людовика XVI), однако — как нередко случалось — суждение Гёте могло иметь еще один уровень смысла: не близок ли конец и российского самовластия, столь откровенно косного в предсмертные годы Екатерины? О Павле пока еще нет речи.

Другое суждение, несомненно более позднее, Гёте вложил в уста своему Мефистофелю во второй части «Фауста», в сценах «Классической Вальпургиевой ночи». Упрекая Фауста в тщеславии, его спутник напоминает ему:

Славнейший из царей едва глаза закрыл, —
Уж псы к нему бегут мочиться на могилу

И вот пример:

Семирамида! В мире и войне
Она ль судьбу полмира не решала?⁹
И не была ль она на склоне дней вполне
Такой же славною, как с самого начала?⁹
И что ж? Едва судьбой ей нанесен
Удар был тяжкий, неминуемый, —
На гроб ее со всех сторон
Слетелися нелепых сказок тучи!⁹

Мефистофель внешне почитателен по отношению к умершей государыне, «северной Семирамиде». Но черт не может не быть ироничным: описанная им ситуация вполне укладывается в горькую констатацию пророка Исайи: «В преисподнюю низвергнута гордыня твоя со всем шумом твоим; под тобою подстилается червь, и черви — покров твой» (14 : 11).

Этот фрагмент не вошел в печатный текст «Фауста», оставшись в так называемых «Исключениях» («Паралипомена»),

⁶ См *Graßhoff H* Johann Heinrich Merck und Rußland Neues und Unbekanntes zur «Réponse à cette question» // Weimarer Beiträge 1978 H 10 S 177—185

⁷ В «Поэзии и правде» (ч 3, кн 13)

⁸ Der Briefwechsel zwischen Schiller und Goethe Briefe der Jahre 1794—1797 Leipzig, 1984 Bd 1 S 277 (Brief Nr 253)

⁹ *Geme И В* Фауст / В пер Николая Холодковского Пг, 1914 Т 2 С 140 См также *Zabel E* Goethe und Rußland // Jahrbuch der Goethe-Gesellschaft Weimar, 1921 Bd 8 S 31

как остался до поры в рукописи и другой отрывок из той же трагедии, где, по нашему мнению, также подразумевается российский абсолютизм, если не непосредственно Екатерина II. Отрывок относится к «Вальпургиевой ночи», не «классической», а германской, находящейся в первой части произведения.

Мефистофель и Фауст попадают, как все помнят, на шабаш, происходящий на горе Брокен, или Блоксберг, на Гарце. В стилистике этих фантастических сцен Гёте смело соединил средневековую книжную магию, народные предания и опробованный им еще в юности карнавальным стилем «низкой» пародии и сатиры. На вершине горы восседает сам Сатана, и к нему, пародируя придворный этикет, подводят новопривывших гостей. Одна из таких интермедий осталась недоделанной, но смысл ее в общем понятен.

Некто, обозначенный в гётевском черновике как «Икс», удостоивается аудиенции. Странник демократии и всяческой свободы, он тем не менее польщен высочайшим к себе вниманием:

И если здесь свободу нам дарят,
И быть вполне открытым я дерзаю, —
Тогда, хоть я душой и демократ,
Тебе, тиран, я когти лобызаю!¹⁰

Церемониймейстер (облик которого принял, очевидно, Мефистофель, как он будет менять обличья во второй части «Фауста») возражает на это, поясняя, что ритуал предписывает лобызать вовсе не когти, а «часть заднюю владыки». Наш демократ, не обинуясь, тотчас же произносит маленькую восторженную оду на сей предмет. Иронии Гёте нет предела, хотя неизвестно, кого именно поэт имел в виду в этом случае. «Икс» становится почти вневременным символическим обобщением политического ханжества и прозелитизма.

Сатана констатирует с удовлетворением:

Vasall, du bist erprobt!
Hierdurch beleh' ich dich mit Millionen Seelen
Und wer des Teufels Arsch so gut wie du gelobt,
Dem soll es nie an Schmeichelphrasen fehlen,¹¹ —

т. е., в нашем переводе:

Вассал, ты преуспел!
За то мильоны душ даю в твое владенье
Уж если чертов зад так нежно ты воспел,
То пой и впредь начальство в восхищенье

Дар Сатаны двусмыслен. Можно истолковать его как расширение лакейских качеств, свойственных «Иксу», на

¹⁰ *Göte И В Фауст / В пер Н. Холодковского Т 2 С 121*

¹¹ *Goethes Werke / Hrsg im Auftrage der Großherzogin Sophie von Sachsen Weimar, 1887 Bd 14 S 309*

миллионы человеческих душ Так сильно изменился европейский мир за пятнадцать лет, прошедших с тех пор, как Шиллер призвал в оде «К Радости» *миллионы* объединиться в братский союз любви и свободы! Однако сама формула дарения (в оригинале — не без элементов канцелярского стиля) подсказывает и другой смысл Властитель, щедро раздаривающий любимцам и льстецам «души» подданных, это для европейца конца XVIII в (фрагмент написан не позднее рубежа веков) почти наверное самодержец всероссийский; о Павле знали все-таки меньше, чем о его матери, чей образ давно уже сформировался И если также принять во внимание, что немецкая калька русского термина (крепостная) «душа» была известна внимательному читателю в Германии,¹² то в реплике гётевского Сатаны возникает, пусть намеком, образ все той же Екатерины II

Дважды — в начале творчества и на самой его вершине — Гёте задел репутацию Екатерины II приемами фарса, народной сатиры, приоткрыв к тому же в «Поэзии и правде» причину своей неприязни к российской императрице Возможно, даже не личность ее была ему неприятна, а тот принцип деспотизма, на который опиралась власть российских монархов, принцип пренебрежительного и жестокого отношения к человеку Перед лицом самовластия Гёте ощущал себя человеком из народа, гуманистом, отстаивающим внутреннюю и гражданскую свободу личности

¹² Например, Л Г фон Николаи, секретарь и библиотекарь цесаревича Павла, а затем президент Петербургской академии наук, в оде «Императрице Екатерине II» («An die Kaiserinn Katharina II», 1792) упоминал (правда, как преувеличение), что в России человеческая душа (die Menschenseele) может продаваться за сто рублей (см Keller M Deutsche Loblieder auf das Zarenreich (T G Hippel, J G Willamow, H L Nicolay) // Russen und Rußland aus deutscher Sicht 18 Jahrhundert Aufklärung S 511)

**О ПЕРВОМ РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА
Л.-С. МЕРСЬЕ «ГОД 2440-й»
(К биографии С. С. Волчкова)**

Знаменитый утопический роман Л.-С. Мерсье «Год 2440-й» оставался неизвестен русскому читателю более двухсот лет. Впервые изданный (анонимно) в Амстердаме (1771), он был немедленно запрещен, затем появился на английском (1772) и голландском (1792) языках. Первое упоминание романа в России относится к 1782 г. В печати в разное время было опубликовано несколько отрывков. Роман приписывался Дидро, Руссо, Вольтеру.²

Письмо Н. А. Муханова к И. Д. Делянову, обнаруженное мною в архиве Российской Национальной библиотеки, позволило расширить круг претендентов на авторство.

«29 мая 1863 г.

№ 7

Господину директору
Императорской Публичной библиотеки

Государь Император по всеподданнейшему докладу г. Вице-канцлера³ в 23 день сего мая высочайше повелеть изволил: рукопись под заглавием „Славному профессору Лейбницу во сне показанный 2440 год“ передать в Императорскую Публичную библиотеку для хранения.

Вследствие чего, препровождая при сем означенную рукопись, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство о получении оной почтить меня уведомлением.

Товарищ министра Н. Муханов». ⁴

Рукопись обнаружилась в Общем собрании рукописных книг (ОСРК). Она фигурирует в описи под условным названием «Лейбниц. Сочинение» (в читательском каталоге не отражена)⁵ и открывается большой подносной надписью Екатерине с подписью: «Всеподданно-нижайший раб Сергей Волчков. Декабря ... дня 1774 года». ⁶ Далее — титульный лист: «Славно-

¹ Мерсье Луи-Себастьян Год 2440-й Сон, которого, возможно, и не было / Изд подгот А Л. Андрес и П Р Заборов Л, 1977 240 с (Сер «Лит памятники»)

² См исследование П Р Заборова «Утопический роман Мерсье» в указанном выше издании

³ Те А М Горчакова

⁴ РНБ, ф 1, оп 1, 1863, № 3, л 108

⁵ РНБ, Ф III 21

⁶ Там же, л 1—4

му профессору Лейбницу во сне показанный две тысячи четырёхста сорок пятый год. Сия от него изданная книга с французского на российский язык переведена С.В. 1774 года».⁷ Переводчика ввел в заблуждение эпиграф: «В настоящем зреет грядущее. Лейбниц».⁸

Новонайденный перевод романа Л.-С. Мерсье отличается от выполненного двести лет спустя не только лексикой. Опущены примечания автора, отсутствует посвящение 2440 году, нет глав 41-й и 44-й, изменена последовательность 4-й—6-й глав.

Примечательно, что в характеристике России XXV века не говорится об отсутствии опоры на военную силу и самодержавия как отвратительной формы правления (хотя Мерсье высоко ценил Екатерину)⁹

Новонайденная рукопись позволяет также усомниться в достоверности принятой в литературе даты смерти С. С. Волчкова. Только в словаре Г. Н. Геннади было сказано: «Ум(ер) около 1773, в Спб»¹⁰ (курсив мой. — М. Э.). Теперь есть основание ввести другую датировку: «не ранее декабря 1774».

⁷ Там же, л 5

⁸ См *Мерсье Л.-С* Год 2440-й С 5

⁹ РНБ, Ф III 21, л 137 Ср *Мерсье Л.-С* Год 2440-й С 178—179

¹⁰ *Геннади Григорий* Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях Берлин, 1876 Т I С 170

НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О Н. И. НОВИКОВЕ

Обширная литература о Н. И. Новикове — преимущественно исследовательского характера и малодостаточна в документальной части. Это относится и к воспоминаниям современников.

Потому заслуживает внимания обнаруженное мною при сплошном просмотре переписки о дарах Публичной библиотеке письмо известного собирателя живописи Федора Ивановича Прянишникова (1793—1867), которым он сопроводил литографию, воспроизводящую знаменитый портрет работы Д. Г. Левицкого.¹ Публикуемое письмо Ф. И. Прянишникова тогдашнему директору библиотеки М. А. Корфу (имеется также черновик благодарственного ответа рукой помощника директора В. Ф. Одоевского)² примечательно тем, что написано до появления в печати работ М. Н. Лонгинова и др. и содержит самые общие, преимущественно приблизительные представления о легендарной личности издателя.

Особый интерес представляет центральный эпизод — воспоминания неизвестного «покойного друга» Н. И. Новикова (которого знал Ф. И. Прянишников). Предположительно речь идет о И. В. Лопухине и М. И. Невзорове. Описанное в воспоминаниях общение Н. И. Новикова со студентом может быть датировано 1781—1786 гг. («Собрание университетских питомцев»)³.

«Милостивый государь барон Модест Андреевич!

Вследствие личного объяснения с Вашим высокопревосходительством честь имею препроводить у сего для Императорской Публичной библиотеки портрет Николая Ивановича Новикова,* отставного поручика, жившего в царствование императрицы Екатерины II и умершего между 1813 и 1818 годами.

Вам более чем кому-либо известны заслуги Новикова. При содействии друзей своих, обладавших значительными капиталами, он устроил в Москве типографию в огромном размере, в коей печатал оригинальные сочинения русских писателей и переводы сочинений иностранных авторов по всем предметам, преимущественно же духовно-нравственного содержания, про-

¹ См. Федор Иванович Прянишников и его картинная русская галерея СПб, 1870 (Биографический очерк А. Д. Ивановского и описание коллекции), Дмитрий Григорьевич Левицкий 1735—1822 Каталог Л., 1987 С. 103

² РНБ, ф. 1, оп. 1, 1856, № 3, л. 58—59 об., 71

³ См. Мартынов И. Ф. Книгоиздатель Николай Новиков М., 1981 С. 57—69 (Сер. «Деятели книги»)

* Оригинальный портрет находится в моей галерее русских художников, писанный знаменитым Левицким

давал их по самым дешевым ценам, дабы доставить возможность и бедным людям приобретать книги, сам трудился над составлением Российской вивлиофики, которая и доселе служит важным воспособлением при исторических трудах. Был издателем четырех журналов:

- 1) Утренний Свет 1779го года,
- 2) Вечерняя заря 1782го года,
- 3) Покоющийся Трудолюбец 1784го года,
- 4) Размышления о делах Божиих (перевод с немецкого языка) 1787го года.

Не касаюсь причин, по которым Новиков подпал под гнев императрицы Екатерины в самом конце ее царствования, но до этой несчастной для него эпохи императрица благоволила к нему и, видя быстрые успехи литературных предприятий его, изволила говаривать шутя: „Не могу перещеголять поручика”.

Как глубоко проникнут был он любовью к распространению просвещения в Отечестве нашем, можно судить между прочим и по следующему случаю, переданному мне коротким приятелем его, тоже умершим. В один из зимних вечеров беседовали они в кабинете перед камином. Докладывают Новикову, что какой-то молодой человек желает переговорить с ним. Его позвали. Это был университетский студент; он просил Николая Ивановича купить сочиненную им комедию, объяснив с откровенностью, что в свободное от лекций время занимается литературными трудами и тем достаёт пропитание матери и малолетним сестрам. Наружность и скромный вид юноши внушали доверенность к его словам. Новиков спросил о цене и получил в ответ, что автор будет доволен, если дадут 100 руб. Подумав немного, Николай Иванович вручил просителю назначенную сумму. Приятели остались одни. Почитав вслух несколько страниц, Новиков увидел, что произведение слишком слабо для напечатания и бросил тетрадь в камин. Когда приятель заметил ему, что грешно бросать деньги бесполезно, „совсем не бесполезно, — сказал Новиков, — и вот почему: ты видишь, что молодой человек, вместо того чтобы проводить свободное время в праздности или шалостях, трудится с самою нравственною целью — прокормить мать и сестер. Ободренный сбытом своего произведения, он будет продолжать трудиться, напишет что-либо порядочное, далее и весьма хорошее, а со временем, быть может, выработается из него талантливый писатель. Отказал бы я — и никто уже у него не купит, он сделает еще попытку и вероятно тоже неудачную, перестанет трудиться, а вместе с тем перестанет развивать свои способности. Поддержать дух молодого человека — дело, друг мой, весьма полезное и Богу угодное”.

Передавая Вашему высокопревосходительству черты жизни замечательного мужа, мне казалось не излишним передать вам и черты его души.

С совершенным почтением и таковою же преданностью
имею честь быть

Вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга Федор Прянишников.

14-го апреля

1856-го г.

С.Петербург».

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ

1. И. А. Дмитриевский — переводчик с итальянского

И А Дмитриевский признан одним из главных деятелей русского театра XVIII века¹ Немало своих сил он отдал и поэтическому переводу музыкальных либретто, в том числе и итальянских Хорошо известны его переводы оперных либретто Да Понте, Гольдони и др Значительное число переводческих трудов осталось в рукописи, и, несмотря на обширные исследования В Н Всеволодского-Гернгросса, многое нуждается еще в тщательном изучении² Здесь я хотел бы привести некоторые данные, касающиеся двух его рукописных переводов Первый — это перевод оперы-буфф Андреи—Саккини «L'Avaro deluso» («Обманутый скупец»), второй — перевод из оперы Бертати—Паизиелло «I filosofi immaginati» («Мнимые философы»)³

Эти переводы хранятся в разных московских и петербургских архивах Я буду пользоваться здесь рукописями, хранящимися в Отделе рукописей РГБ в Москве (ф 11, Апраксиных, музыкальный), в архиве Центрального государственного музея музыкальной культуры имени М И Глинки (ф 187, фонд Воронцовых) и в Отделе рукописей РНБ в Петербурге (ф 550)

Первый перевод — о нем упоминает А Каратыгин в своем «Театральном Журнале»⁴ — является очень интересным при-

¹ См о нем исчерпывающую статью Е Д Кукушкиной и Л М Стариковой в «Словаре русских писателей XVIII века» (Л, 1988 С 266—268)

² В частности, я имею в виду книгу В Н Всеволодского-Гернгросса «И А Дмитриевской Очерк истории русского театра» (Берлин, 1923), где тщательно описана переводческая деятельность Дмитриевского (гл III) и напечатанные и изданные работы писателя, среди которых перевод из «La bella Pescatrice» («Рыбачка») Дзини-Гульельми (С 186—192) О переводах Дмитриевского см также *Гозенпуд А А Музыкальный театр в России от истоков до Глинки Л, 1959, Гардзонио С Русские стихотворные переводы и переводки итальянских оперных либретто (конец XVIII века) // Eurora Orientalis 1988 № 7 С 312 и след*

³ Опера «L'Avaro deluso» — произведение известного композитора А Саккини (1730—1786) Либретто — вариация А Андреи более известного либретто «Il Calandrano» Джованни Бертати — См *Mooser R-A Operas, Intermezzos, Ballets, Cantates, Oratorios, joués en Russie durant le XVIII-e siècle Genève, 1945 P 19*

⁴ См *Всеволодский-Гернгросс В Н И А Дмитриевской Очерк истории русского театра С 118—119* Рукописные копии перевода хранятся в собрании Апраксиных (РГБ, ф 11, муз, п 19, № 1—2, партитура 1787 года), в РНБ (F XII, № 52, ф 550, под заглавием «Осмеянный скупой») В центральной нотной библиотеке Петербурга хранится копия партитуры, но без речитативов (I С 153/ П О С) — См *Гозенпуд А А Пушкин и русский театр десятих годов XIX в // Пушкин Мат и исслед Л, 1986 Т XII С 32*

мером «склонения на русские нравы», по выражению В. И. Лукина, начиная уже с переложения имен персонажей Опера пользовалась в России большой популярностью: первый раз в русском переводе она была поставлена в Петербурге труппой Российского театра 25 мая 1789 г. в Деревянном театре, в 1792 г. — в Москве в Петровском театре⁵ О ней упоминает А. С. Пушкин в лицейском стихотворении «К Наталье» (1813):

Я желал бы, чтоб Назорой
Ты старалась меня
Удержать умильным взором⁶

Русский переводчик переделывает текст оригинала, прибегая к некоторым обычным оборотам русской комической оперы и к русскому просторечию по образцу либретто А. О. Аблесимова, М. А. Матинского и Я. Б. Княжнина. Хочу привести здесь любопытный пример «обрусения» итальянской кухни почти в духе пышных описаний державинских од.

Итальянский текст: «Signor Oste non crediate, / Che in un po' di refezione / La metà delle mie entrate / Qua vogli'io sacrificar. / Due grasse zuppe; erbaggi, e pasta? / No signore, che una basta. / Sei piccioni in fricassé! / No signor non fan per me, / Due capponi? Basta un pollo. / Signor Oste a rompicollo / Mi vorreste fare andar. / Beccafichi e buone orfelle / Ah, ch'io vedo, che la pelle / Mi vorreste scorticar».⁷

В русском переводе текст превращается в забавное противопоставление русской и французской кухни:

Нет, хозяин, нет, не мысли,
Дураком меня не числи,
На излишнюю еду { }
Денег тратить не хочу
Как три супа и три жаркие
Все излишны то пустые
Пять рагу, пять фрикасе
Не здорово это все
Сладки торты и пастеты,
Сладки торты и конфеты
Студень с квасом и щи да кашу,
Да еще хоть простоквашу
Должен к ужину подать,

⁵ См. *Mooser R-A Annales de la musique et des musiciens en Russie au XVIII siècle* Genève, 1950 Т 2 Р 542—596, История русской музыки М, 1985 Т 3 С 392, 394

⁶ Назора — персонаж оперы Саккини По предположению А. А. Гозенпу-да (Пушкин и русский театр десятых годов XIX в. С 33), можно отнести к либретто оперы Андреи—Саккини в переводе Дмитревского и стихи «Когда Милона молодого { } Спокойно в креслы упадаешь » из стихотворения «К молодой актрисе» (См также Пушкин А. С. Стихотворения лицейских лет 1813—1817 СПб, 1994 С 572)

⁷ Цит по [Bertati G] *Il don Calandrano* Firenze, 1781 Р 11 (фамилия либреттиста не указана)

Фрукты, груши и ананасы,
Знать, ты хочешь за припасы
Кожу всю с меня содрать
(РГБ, ф 11, Муз, п 19, № 1—2, л 49—53)

Большой интерес представляет собой также второй перевод Дмитревского — русское переложение оперы «I Filosofi immaginari» («Мнимые философы»). Эта опера, как известно, сыграла важную роль в истории русской музыкальной культуры XVIII века. В оригинале она была поставлена первый раз в Петербурге в Эрмитаже 3 февраля 1779 г.; была одной из излюбленных музыкальных пьес Екатерины II (см ее письма к Гримму) и поэтому была исполнена в 1780 г. в Могилеве при ее секретной встрече с Иосифом II.⁸ В русском переводе опера, насколько известно, была поставлена в Петербурге 6 октября 1794 г.⁹ Рукописный текст апраксинской коллекции находится в очень плохой сохранности. К счастью, в фонде Воронцовых в Центральном государственном музее музыкальной культуры имени М. И. Глинки хранится другая рукопись оперы, правда, на итальянском языке, но главные арии в ней приведены и в русском переводе. Благодаря сличению двух рукописей текст перевода реконструируется без трудностей. Перевод Дмитревского очень высокого качества и, очевидно, был предназначен для публикации. По этому поводу Р.-А. Моозер, с одной стороны, пишет (правда, не приведя точных данных), что перевод Дмитревского был издан по случаю первого его исполнения. С другой — добавляет, что печатное либретто, якобы хранящееся в Российской Национальной библиотеке, оказалось все-таки ему недоступным.¹⁰

В русском тексте встречается много интересных поэтических примеров. Вот, например, перевод арии «Se pietoso amor mi sei» (д. II, сцена 1), выполненный по образцу российской песни А. П. Сумарокова и М. И. Попова:

О любовь, о страсть драгая,
Страсть приятная и злая
Прекрати мое стенанье,
Возврати мне мой покой
Ах! когда б в сию минуту
Зрел драгой мое страданье,
Позабыл бы горесть люту,
Знал бы, сколь любим он мной
Зреть тебя, драгой, желаю,
День и ночь тобой пылаю.

⁸ Ср. Mooser R.-A. Annales de la musique et des musiciens en Russie au XVIII siècle T 2 P 229—231

⁹ Ср. История русской музыки Т 3 С 395 У Моозера указана дата 8 сентября 1796 г. Opéras Intemezzos Ballets Cantates С 57 Рукописи перевода хранятся в собрании Апраксиных (ф 11, муз, п 5а под заглавием Философы), в ЦГММК (ф 187, № 13-Б)

¹⁰ См. Mooser R.-A. Annales de la musique et des musiciens en Russie au XVIII siècle T 2 P 229

Знай, что жизнь мою скончаю
Я люблю тебя душой
(ЦГММК, ф 187, 13^б, л 4—13)

При переводе арии «*Di mie virtù sicuro*» Дмитревский применяет свою любимую тройную рифмовку АААб ВВВг..¹¹

Вам можно полагаться,
Что будут удивляться,
Что будут поклоняться,
Когда я что скажу.
Я следую Платону,
Я следую Невтону,
Иду по их закону,
Подобно Птоломею,
Дескарту, Галилею,
И столько разумею,
Что тонкостью своею
И всех их превзойду
Не требую совета,
Я пятую часть света
Открыть, найти, ласкаюсь
И в том не сомневаюсь,
Что я ее найду (ЦГММК, ф 187, 13^б, л 28—36)

Интересно отметить явно цитатную рифму «Платону—Невтону», отсутствующую в оригинале и восходящую к знаменитой оде Ломоносова 1747 года:

Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать

2. О «девушках-тигрессах» и о «женщинах-сиренах»

В известном своем «Дневнике студента» под датой 23 июля 1805 г. С. П. Жихарев вспоминает, как во время «*gouter dansant'a*» у графа Чернышева распорядитель праздника итальянец Приори сделал гостям сюрприз: «...с полным оркестром, принадлежащим помещику Дегтереву, он в качестве итальянца *supposé toujours chanteur* пропел, или, вернее, пропевел арию из оперы «*Cantatrici Villane*» в русском переводе. Ну, уж ария!

Все женщины — сирены!¹
Страх любят перемены;
Молоденьки девицы,
Замужни и вдовицы —
Все на один покрой
И муж глаза закрой

¹¹ О метрике переводных либретто см *Гардзонио С. Стих русских поэтических переводов итальянских оперных либретто XVIII век // Russian Verse Theory Proceedings of the 1987 Conference at UCLA Columbus, 1989* P 107—132

Мужья! Не горячитесь,
А если взбеленитесь,
В ревнивцы посвятят,
А там не горячитесь,
Рога то возвестят!

Я думал, что это перевод нашего обыденного общества, а вышло напротив Н Н Сандунов сказывал, что это перевод нашего почтенного А Ф Мерзлякова, сделанный по заказу смоленского генерал-губернатора С С Апраксина, у которого есть домашняя опера () Попался же Алексей Федорович! Теперь есть средство отомстить ему за насмешки над нами с Петром Ивановичем Эта ария так похожа на романс Бородулина

Все женщины — метрессы,
Престрашные тигрессы,
На них мы тигры сами
С предлинными усами, —

что, кажется, вылилась с одного пера»¹²

Воспоминание С П Жихарева интересно по разным причинам Во-первых, указывается неизвестный стихотворный перевод Мерзлякова Во-вторых, оно свидетельствует о большой популярности комической оперы Валентино Фиораванти «Le Cantatrici Villane» («Деревенские певицы») В-третьих, приведенный отрывок подтверждает широкую известность уже в начале XIX века сумароковской песни «Естьли девушки метрессы», которая, таким образом, выступает как подтекст приписанному Мерзлякову переводу и романсу неизвестного Бородулина

Это значит, что, несмотря на ее переводное происхождение, песня пользовалась большой популярностью и бытовала в песенниках еще долго после своего первого исполнения в 1758 г.¹⁴

¹² Жихарев С П Записки современника М, Л, 1995 С 78—79 О переводе Мерзлякова упоминается в труде М Малёнова «Пензенский крепостной театр Гладковых» (Пенза, 1955 С 48), где говорится, что опера Фиораванти шла также в театрах Позднякова (1813) и Апраксина

¹³ В Фиораванти родился в Риме в 1764 г, умер в 1837 г Опера «Le cantatrici villane» сочинена в 1798 г (либретто Дж Паломбы) О ней пишет редактор недавнего русского издания партитуры Т Крунтяева «„Деревенские певицы“ — типично неаполитанская комедия Премьера оперы состоялась в Неаполе в театре Dei Fiorentini, в Петербурге она была исполнена в 1804 году» (Фиораванти В Деревенские певицы Л, 1983 С 3) См также энциклопедическую статью Fioravanti Valentino // Dizionario Enciclopedico della Musica e dei Musicisti Le Biografie Torino, 1985 P 766

¹⁴ Недавно в своей статье, приготовленной для XI Международного съезда славистов в Братиславе (1993) «Некоторые фактические данные об одном русском переводе комедии Мольера „Сицилианец“» (Ricerche Slavistiche Vol XXXIX—XL 1992—1993 / 1 P 531—536), я старался доказать, что известная песня А П Сумарокова «Естьли девушки метрессы» — это просто перевод-переделка трех куплетов из комедии Мольера «Сицилианец» Именно с указанием «Из комедии „Сицилианец“» — встречается она в песеннике

К сожалению, в комментариях к мемуарам Жихарева мы не находим никаких других данных ни о переводе Мерзлякова, ни о стихотворце Бородулине. Упоминание о Мерзлякове и особенно о никому неизвестном Бородулине, кажется, носит сатирико-пародийный характер, что подтверждается и тоном Жихарева («Попался же Алексей Федорович! Теперь есть средство отомстить ему за насмешки над нами с Петром Ивановичем»): это как бы ответ на насмешки самого Мерзлякова над Жихаревым и Петром Ивановичем Богдановым¹⁵

Сам факт, что речь идет о театре С. С. Апраксина, заставляет сделать проверку в уже упомянутом фонде Апраксиных. И действительно, в этом фонде хранится перевод оперы Фиораванти под заглавием «Сельские певички». Текст апраксинского собрания совсем не совпадает с приведенным Жихаревым текстом. Из этого следует, что, наверное, существовало два перевода оперы. Второй перевод из апраксинского собрания, как кажется, можно отождествить с переводом, который П Арапов и вслед за ним А. И. Вольф приписывают И Виену¹⁶

Приведу теперь интересующий нас отрывок в анонимном переводе апраксинского собрания:

Как согласно, как прекрасно,
Будто нежные сирены,
Точно, точно, как сирены,
Слух пленяют изумленный
Ах! когда б на сцене здешней
Раздался сей хор прелестной,
Все бы зрители, конечно,
От похвал сошли с ума

Далее читается:

Есть женщины прекрасны,
Есть женщины прескверны
Замужные девицы,
Вдовы и молодницы,
Красотки, некрасотки,
Не бросят век охотки
Вы знаете какой
Быть вольности драгой,
Что будет после с вами,
Ревнивые мужья,
Вам вечно быть козлами,
Всегда носить рога (РГБ, ф 11, Муз., к 14, л 5—10)

М И Попова «Российская Эрата» (СПб, 1792), что и подтверждается сравнением с французским оригиналом

¹⁵ О характере самого Мерзлякова см свидетельство того же Жихарева от 8 января 1805 г «Были на пирушке у Гаврилы Ивановича Мягкова () Все были несколько навеселе, и Алексей Федорович острил беспрестанно Нет человека любезнее его, когда он нараспашку» (*Жихарев С П Записки современника* С 12)

¹⁶ *Арапов П* Летопись русского театра СПб, 1861 С 166, *Вольф А И* Хроника петербургских театров СПб, 1877 Ч 2 С 24

К концу XVIII—началу XIX века опера В. Фиораванти «Le Cantatrici Villane» пользовалась большой популярностью и ставилась неоднократно как на итальянском языке, так и на русском. Данное обстоятельство подтверждают многочисленные журнальные отзывы. Так, например, анонимный рецензент журнала «Северный Вестник»¹⁷ выражает свое восхищение русской постановкой оперы и мастерством русских певцов-актеров (С. В. Черниковой, Д. Болиной, В. М. Самойлова, Я. С. Воробьева) и добавляет: «О переводе не скажу вам ни слова. Вы знаете, как переводятся итальянские оперы; но я благодарю г-на переводчика за доставленное мне удовольствие»¹⁸

Сам факт, что рецензент проявляет некоторую учтивость по отношению к переводчику, можно истолковать как возможный признак принадлежности перевода какому-нибудь известному писателю, быть может именно А. Ф. Мерзлякову

Два года спустя рецензент журнала «Лицей»¹⁹ пишет о «Деревенских певицах» именно для того, чтобы восхвалить знаменитую Е. Сандунову в роли примадонны. Подобные суждения встречаем в журнале «Любитель словесности», где все-таки подвергается резкой критике бас Я. С. Воробьев за то, что «иногда он слишком много говорит таких слов, каких нет в пьесе, и не строго наблюдает правила благопристойности»²⁰

Успех оперы продолжался и в следующие десятилетия, по крайней мере до тридцатых годов, как явствует из разных отзывов в «Вестнике Европы» (1811. Ч. 59, № 17), «Северном наблюдателе» (1817. Ч. 2. № 26), в «Сыне Отечества» (1820. Ч. 61, № 13) и т. д.

3. Паизиелло в городе С*

Примеры перехода романсов, арий и литературных песен в быт и в городской фольклор многочисленны. Их можно найти и среди переводных арий и песен с итальянского. Большое распространение, например, имели переводные арии И. А. Дмитриевского из комических опер Да Понте-Мартин и Солер «Ди-янино древо» и «Редкая вещь».²¹ Очень часто «разгуливали по Руси» и знаменитые итальянские мелодии, уже под видом

¹⁷ Северный Вестник, 1804 Ч II, № 6 С 381—384

¹⁸ Там же С 384

¹⁹ Лицей, 1806 Ч 1, кн 2 С 102—104

²⁰ Любитель словесности 1806 Кн III, № 9 С 234

²¹ Примечателен случай «Самого новейшего отборнейшего Московского и Санкт-Петербургского, собранного из лучших и ныне употребительнейших песен» (М., 1799), изданного купцом С. И. Комиссаровым, где арии опер «Дианино древо» и «Редкая вещь» сопровождаются указаниями об их повседневном, домашнем исполнении Ср нашу работу «Ivan Dmitrevskij traduttore del Da Ponte o sia l'inattesa fortuna in Russia dei drammi giuocosi di Vicente

народных напевов. Наверное, самый интересный пример представлен мелодией из «La Molinara» Паизиелло «Nel cor più non mi sento». Она в связи с текстом «На толь, чтобы печали» встречается в рукописных песенниках по крайней мере до конца XIX века.²² Текст «На толь, чтобы печали» приведен И. С. Тургеневым в романе «Новь» (гл. XIX). Его исполняют супруги Субочевы (Фомушка и Фимушка), самые старые жители города С, еще полностью проникнутые музыкальной культурой XVIII столетия.²³ Весь эпизод у Тургенева отражает стремление художественно переосмыслить и уловить историко-психологические черты русского человека в чередовании разных исторических и культурных эпох.

Сам факт, что «На толь, чтобы печали» Субочевы исполняют дуэтом и «Nel cor più non mi sento» у Паизиелло — дуэт (дуэт Рахеллины и Коллоандро из «La Molinara», atto II, scena II), указывает на возможную связь русского текста с итальянским, а не просто на заимствование итальянской мелодии. Анализ двух текстов, итальянского и русского, показывает полное ритмическое совпадение и явную тематическую схожесть при совершенно вольной передаче текста. Такой подход, недопустимый в переводе целого оперного либретто, вполне обычен в переложении отдельных арий и песен и вписывается в общую практику перевода XVIII века.

Martin I Soler» (*Garzonio S. Gli orizzonti della creazione Studi e schede di letteratura russa Bologna, 1992 P 23—24*)

²² Ср. *Финдейзен Н 1*) Сборники российских песен XVIII века // ИЗО-РЯС 1926 Т XXXI С 291, 2) Русская художественная песня (романс) СПб, 1905 С 8

²³ За это указание выражаю благодарность О Е Левашовой К сожалению, и в последнем академическом издании сочинений И С Тургенева (Москва, 1982 Т 9 С 553) в комментарии читаем, что «источник не установлен»

«РУССКАЯ ПЛЯСКА» А. Н. ОЛЕНИНА—Н. А. ЛЬВОВА

(О сюжете и датировке гравюры)

Сотрудничество двух видных деятелей русской культуры: А. Н. Оленина — организатора и первого директора петербургской Публичной библиотеки, президента Академии художеств, ученого и художника — и Н. А. Львова — архитектора, художника, поэта — обогатило русское искусство замечательными достижениями в области книжной графики. Их совместную работу — иллюстрирование стихотворений Г. Р. Державина — комментировал Ф. И. Буслаев,¹ об их сотрудничестве рассказано в книге Л. В. Тимофеева, посвященной А. Н. Оленину и его усадьбе Приютино.² Но в поле зрения этих исследований не попало одно интересное произведение: раскрашенная акварелью гравюра (офорт), изображающая театральную сцену из эпохи Киевской Руси: богатые палаты, пляшущие девушки и наблюдающая за этой пляской княгиня (или княжна), окруженная слугами.

Гравюра эта хранится в фондах Третьяковской галереи (инв. № 6355), поименована в картотеке как «Русская пляска в балете „Игорь”», и автором ее значится А. Н. Оленин. Она была опубликована А. А. Сидоровым с подписью: «А. Н. Оленин и Н. А. Львов. Сцена из балета „Игорь”».³ О ней автор книги пишет следующее: «Львов был одним из самых разносторонних художников конца XVIII века. Помимо зданий он рисовал иллюстрации к сочинениям Екатерины II и Державина, расцвел акварелью выполненный им по наброску А. Н. Оленина офорт, посвященный русскому балету».⁴

Утверждение А. А. Сидорова о двух авторах офорта подтверждается подписью под самим офортом: *Olenin del. N. Lvoff sculp.* (сокращения обычно означают: *del.* — *delineavit* — «рисовал», *sculp.* — *sculpsit* — «гравировал»).

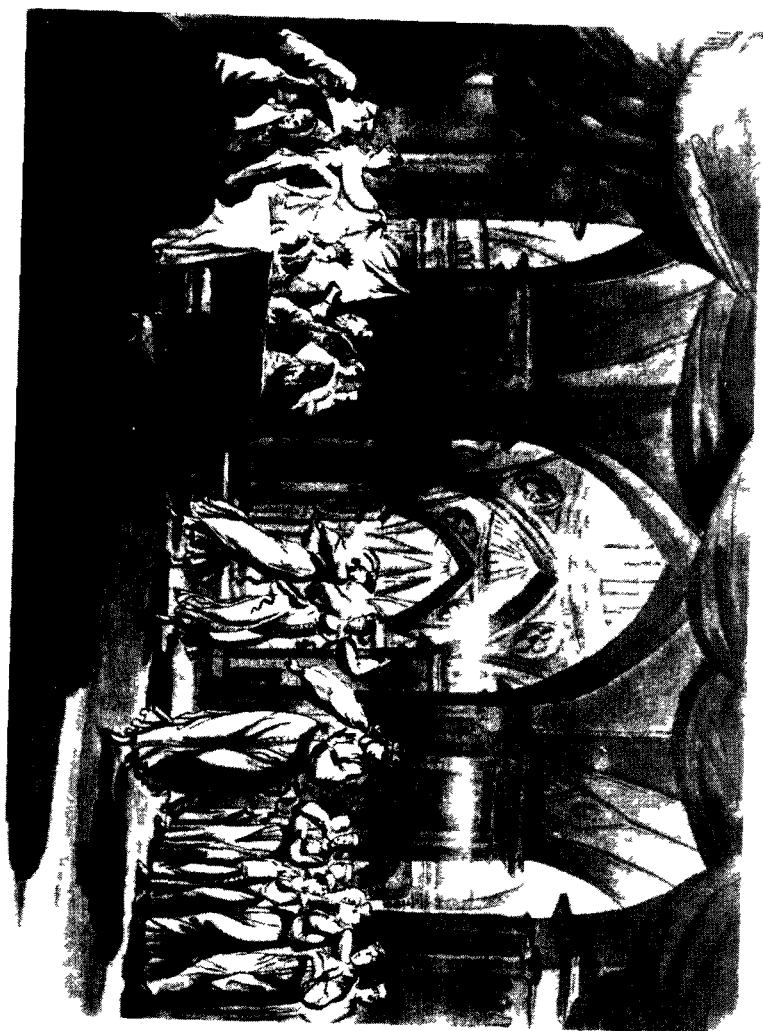
Прав А. А. Сидоров, очевидно, и в вопросе о степени участия Оленина в создании офорта. Работа выполнена с большим мастерством, Оленин же не был профессиональным художником. Часто он только придумывал идею рисунка, делал набросок, по которому рисовали профессионалы. Таковы, например, виньетки к книге М. Н. Муравьева «Обитатель предместья и Эмилиевы письма» (СПб., 1815) и к поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» (СПб., 1820), иллюстрации к басням Крылова 1825 года и ряд других произведений книжной графики, где кроме подписей художника и гравера стоит еще

¹ Буслаев Ф. Мои досуги М., 1866 Т. 2 С. 106

² Тимофеев Л. В. Приют друзей и муз Л., 1983 С. 22—29

³ Сидоров А. А. Рисунок старых русских мастеров. М., 1956 С. 191

⁴ Там же С. 186

знак $\text{\textcircled{A}}$ — монограмма А. Н. Оленина. (Кстати, *delineavit* полатыни имеет также значение «наметил», «начертил»).

Однако на оборотной стороне гравюры мы читаем еще один вариант названия: «Русская пляска из балета „Свадьба Игоря“».

Каково же правильное название офорта? Сцену из какого балета он изображает? Кто автор балета? Каково содержание этой сцены?

Поиски сведений о балете под названием «Игорь» или «Свадьба Игоря», однако, не привели к успеху.

Исходя из дат жизни А. Н. Оленина (1763—1843) и Н. А. Львова (1751—1803) и учитывая, что Оленин с 1780 по 1785 год находился в Германии, можно сделать вывод, что совместная работа была выполнена ими между 1785 и 1803 годами, и, следовательно, она изображает сцену из спектакля, поставленного в эти годы.

Но в обширной литературе, посвященной русскому театру XVIII—начала XIX века,⁵ ни одного спектакля с такими названиями не упоминается. Это касается не только балетных, но и музыкальных и драматических спектаклей. Ни одной пьесы с такими названиями в указанный период опубликовано не было.⁶ Правда, существовала пьеса Екатерины II под названием «Игорь», однако она не была окончена, никогда не ставилась на сцене, опубликована была впервые в 1901 году,⁷ и в тексте ее нет сцены, аналогичной той, которая изображена на офорте Оленина—Львова.

Между тем, и Оленин, и Львов известны как художники, принимавшие активное участие в деятельности императорских театров Петербурга, а офорт изображает, бесспорно, очень богатую постановку с роскошными декорациями и костюмами. Вряд ли это была малоизвестная постановка, о которой не сохранилось никаких документов и воспоминаний, так что она осталась незамеченной исследователями русского театра.

Логичнее было бы предположить, что названия «Игорь» и «Свадьба Игоря» условны, что они отражают содержание изображенной сцены, но не являются точным названием спектакля. Поэтому искать эту сцену следует в пьесах на темы истории Древней Руси, где среди действующих лиц был бы князь Игорь. Причем это не обязательно должен быть балетный спектакль — возможно, на офорте изображена сцена из опер-

⁵ *Аранов П. А.* Летопись русского театра. СПб., 1861, Архив дирекции Императорских театров. СПб., 1892. Вып. 1, Русский музыкальный театр 1700—1835 гг. Л.; М., 1941; *Гозенпуд А.* Музыкальный театр в России. Л., 1959; История русского драматического театра. М., 1977. Т. 1, 2, *Красовская В.* Русский балетный театр. Л., М., 1958.

⁶ Российский феатр. СПб., 1786—1794. Ч. 1—43, Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. М., 1962—1967.

⁷ Сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. 2.

НѢ ИМѢНЕМЪ МОИМЪ, НО ДОБРѢДѢТЕЛЮ ВЪ НАРОДѢ ПРОСЛАВИСИ

Дѣлѣ 5
Лѣтѣ 9

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Сваирѣ представляетъ псалму Княжескаго дома въ Киевѣ, двѣ бочрины сваки вводятъ Прекра у подъ руки въ чертоги, она въ шёлкѣхъ парчевой, рукава кисейные, въ персильяхъ, въ косахъ висящихъ, и фляшою флеровою покрывае.)

ТРИАНЪ

Государскіиъ вельнѣиъ, Княжна Прекраса! привезли мы тебя благополучно изъ Изборска въ сей славный градъ Киевъ, введена ты въ чертоги Княжескіе, и наречена Государынею Княжною Великою и невѣстою Князя Великаго.

(Сваки сажаетъ Прекрасу за дубовой столъ за скатертью бранничи, потомъ четыре сваки садятся влодой лавкѣ врадѣ, а четыре сидятъ бранни на другой лавкѣ врадѣ. Стоящія дѣвушки поютъ, и музыка играетъ.)

ХОРЪ.

Перекашио краснѣ солнышко, перекашио,
И ты звѣзда закатывалася,
Перекожа наша подружничка,
Изъ горницы въ горницу въ столовую во новую,
Садилася за дубовой столъ за скатертью за бранничи,

ного или драматического спектакля, ведь постановки с драматическими сценами, пением и танцами были широко распространены в то время.

Поиски привели нас к пьесе Екатерины II «Начальное управление Олега».

Эта пьеса была написана в 1786 году, в следующем году опубликована в журнале «Русский феатр» (Ч. XIV), а 22 октября 1790 года на сцене Эрмитажного театра состоялась премьера. Это был знаменитый спектакль, о котором сохранились восторженные воспоминания современников и который подробно описан историками русского театра. Музыка к спектаклю написали композиторы К. Каноббио, Д. Сарти и В. Пашкевич. Главную роль, князя Олега, исполнял прославленный И. Дмитриевский, роль Игоря — известный танцовщик И. Вальберх. Танцы ставили балетмейстеры Канциани и Ле Пик. Постановка отличалась большой роскошью. «Драгоценные русские старинные одежды, искусно расшитые, ослепительное сияние жемчуга, прекрасное оружие и утварь, часто сменяющиеся декорации превосходят самые пылкие ожидания», — рассказывал один из зрителей.⁸

В течение ряда лет пьеса неоднократно шла на сценах петербургских театров с участием многих знаменитых актеров.

В пьесе, не отличающейся исторической достоверностью (например, Олегу в ней приписывается заслуга основания Москвы), рассказывается, в частности, о том, как Олег, перед тем как отправиться в поход на греков, решает женить достигшего совершеннолетия Игоря на изборской княжне Прекрасе (которая принимает имя Ольги) и передать ему бразды правления. Далее следует такая сцена.

ДЕЙСТВИЕ III

ЯВЛЕНИЕ I

(Феатр представляет палату княжеского дома в Киеве. Две боярыни—свахи вводят Прекрасу под руки в чертоги; она в телогрее парчовой, рукава кисейные, в перевязке, в косах висящих и фатюю флёровою покрыта).

Т р и я н

Государским велением, Княжна Прекраса! привезли мы тебя благополучно из Изборска в сей славный град Киев, введена ты в чертоги княжеские и наречена Государынею Княжною Великою и невестою Князя Великого.

⁸ Гозенпуд А. Музыкальный театр в России. Л., 1959. С. 160.

(Свахи сажают Прекрасу за дубовый стол, за скатертью браными, потом четыре свахи садятся на одной лавке в ряд, а четыре сидячие боярыни на другой лавке в ряд. Стоящие девушки поют, а музыка играет).

Х о р

Перекатно красно солнышко, перекатно...

Т р и я н

Подобает теперь нареченную невесту Княжну Великую Прекрасу нарядить по своему чину, как ей, государыне, идти на место в платье и в венец с городы, с каменьи и с жемчуги.

(Триян уходит, и мужчин нет ни одного. Свахи, боярыни и девушки наряжают Прекрасу, как было выше сказано, и верхнее русское платье на нее налагают; и пока наряжают, поют свадебные песни, и музыка играет).

Х о р

По сенечкам, сенечкам...

(Засим следует пляска одних девушек. Нарядивши Прекрасу и покрыв ее покровом, а на покров убрисцем, а убрисец низан жемчугом с дробницами золотыми, посадят ее по-прежнему, свахи и боярыни сидячие сядут по своим местам, потом поют).⁹

Содержание этой сцены до деталей совпадает с тем, что изображено на офорте Оленина—Львова: Прекраса сидит за столом, на ней венец «с городы» (с зубчиками), с двух сторон возле нее сидят на лавках боярыни, сзади стоят девушки; мужчин нет ни одного, и пляшут одни девушки.

Но кроме текста пьесы «Начальное управление Олега» до нас дошло и изображение различных ее сцен. В 1791 году вышло роскошное издание пьесы, отпечатанное вместе с нотами в типографии Горного училища.

Книга иллюстрирована шестью гравюрами (офорты): одна на титульном листе и по одной к каждому из пяти действий. Иллюстрации эти выполнены как театральные сцены, и нас, естественно, интересуют прежде всего иллюстрация к третьему действию.

На ней представлены княжеские палаты, в центре — Игорь и Прекраса, за ними девушки; справа и слева стоят бояре, среди них Олег. Сцена относится к моменту, когда

⁹ Цит по Русский музыкальный театр 1700—1835 гг Хрестоматия / Сост С Л Гинзбург Л, М, 1941 С 153—154

Прекрасе дают имя Ольги; об этом свидетельствует подпись под гравюрой, слова Олега: «Не именем моим, но добродетелью в народе прославишься».

Художник выбрал, как мы видим, для иллюстрации к третьему действию не ту сцену, которая изображена на офорте Оленина—Львова. Однако изображения эти имеют много общего: декорации княжеских палат и костюмы действующих лиц на них совершенно одинаковы, а характер изображения (особенно характерны удлинённые фигуры действующих лиц) выдает руку одного и того же художника.

Кто же иллюстрировал издание 1791 года?

Сказанное выше заставляет, естественно, предположить авторство А. Н. Оленина и Н. А. Львова. Имя Львова мы встречаем в самой книге: он назван в числе участников издания, хотя и не в качестве иллюстратора: Львов перевел на русский язык с итальянского приложенное к книге «Объяснение на музыку, г. Сартием сочиненную для исторического представления „Начальное управление Олега“». Имя же иллюстратора в книге не названо, гравюры помещены без подписи.

Однако А. А. Сидоров установил, что Львов принимал участие и в создании иллюстраций. Исследователь пишет: «Имя рисовальщика (...) нами установлено по надписи на экземпляре „Начального управления“ из библиотеки дворца в Алушке: это Н. А. Львов. (На книге написано: «Его сиятельству графу Семену Романовичу от трудящегося в изображении виньетов и в переводе... диссертации о древней музыке Н. Львова»)».¹⁰

Принимал ли А. Н. Оленин какое-либо участие в издании «Начального управления Олега» 1791 года и имеет ли офорт Оленина—Львова какое-нибудь отношение к этому изданию, пока выяснить не удалось.

Но совпадение сюжета офорта и содержания сцены из пьесы, совпадение декораций и костюмов, изображенных на офорте и на иллюстрациях к пьесе, сходство художественных манер авторов офорта и иллюстраций, несомненное участие Н. А. Львова в той и другой работе позволяют сделать вывод: офорт Оленина—Львова из фондов Третьяковской галереи (инв. № 6355) является изображением сцены из I-го явления III действия пьесы Екатерины II «Начальное управление Олега».

Поскольку из всего, сказанного выше, ясно, что офорт был не просто иллюстрацией к пьесе, а изображением сцены уже состоявшегося спектакля, то можно уточнить и датировку офорта. Он был выполнен не ранее 1790 года.

С достаточной вероятностью можно утверждать также, что офорт был создан не позже 1796 года, года смерти Екатери-

¹⁰ Сидоров А. А. История оформления русской книги М., 1964 С. 186.

ны П. Вряд ли А. Н. Оленин, человек очень осторожный и лояльный по отношению к властям предрержащим, к тому же процветавший при императоре Павле I, стал бы заниматься иллюстрациями к пьесе Екатерины в то время, когда Павел старался делать все наперекор своей матери, пытался вытравить из своего окружения «екатерининский дух». Пьеса «Начальное управление Олега» после смерти Екатерины не ставилась (последний спектакль состоялся 24 октября 1795 года), не возобновлялся он и после смерти Павла,¹¹ так что и более позднее обращение Оленина и Львова к этому сюжету тоже весьма маловероятно.

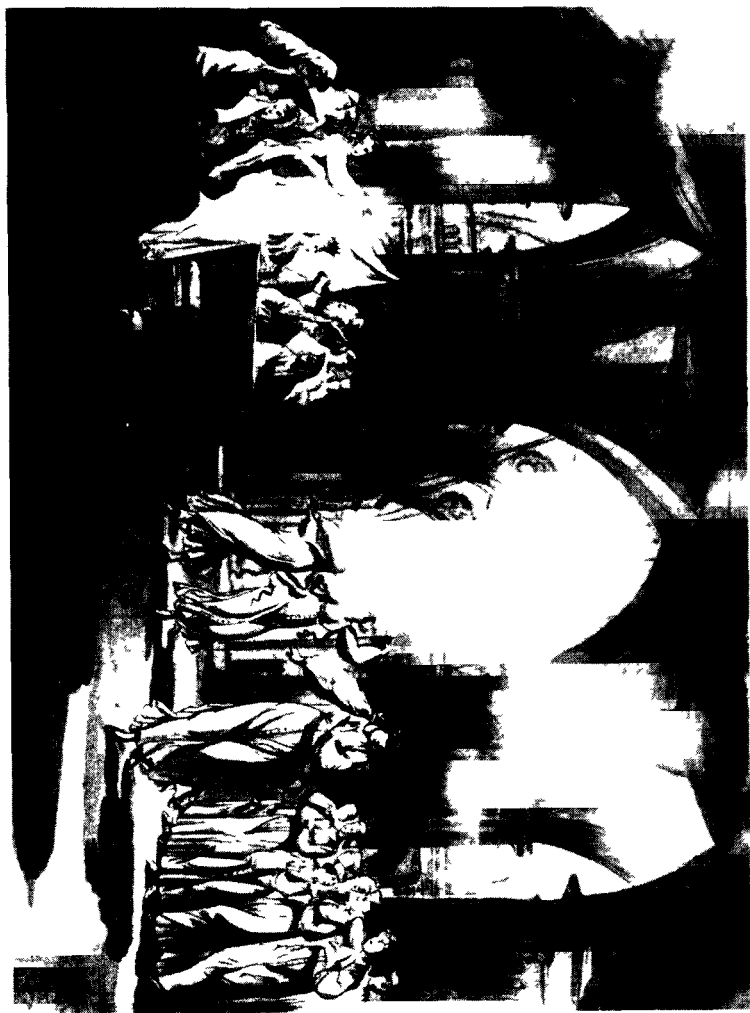
Поэтому с большой уверенностью можно утверждать, что офорт был создан между 1790 и 1796 годами.

Чем можно объяснить упоминание в названии офорта балета «Игорь» либо «Свадьба Игоря»?

Второй вариант, указанный на обороте гравюры, вполне объясним. В спектакле «Начальное управление Олега» почти весь третий акт являлся балетным представлением, изображавшим свадебный обряд. Это был балетный дивертисмент, имевший определенную самостоятельность внутри спектакля. «Свадьба Игоря» — точное название этого балета.

Что же касается названия «Игорь», то оно, скорее всего, явилось результатом ошибочного умозаключения наших современников, предположивших, что свадьба не может составить сюжет целого балета, и исходя из названия одной сцены — «Свадьба Игоря» — произвольно давших предполагаемому балету название «Игорь».

¹¹ См.: Репертуар драматических трупп Петербурга и Москвы 1750—1825 гг. // История русского драматического театра. М., 1977. Т. 1. С. 453; Т. 2. С. 449—542.

НѢ ИМЕНЕМЪ МОИМЪ, НО ДОБРОДЕТЕЛЕМЪ ВЕЛИКИМЪ СЛАВИМЪ

Сл. III
188

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Бояръ представляетъ папату Княжескаго дома въ Крѣкѣ, тѣмъ пріинимая
Ирину, которую въ рѣзкомъ, но въ то же время въ добромъ сердечномъ
разговорѣ съ князьями, и въ разговорѣ съ боярами.)

ТРИАМЪ

Государекнѣмъ гостемъ, Князю Прекрасу¹ привезли ны тебя благополучно
изъ Изборска въ сей славный градъ Крѣкѣ, введена ты еси чертоги Княжескіе,
и наречена Государынею Княжною Великою и невестою Князя Великаго.

(Слави сажаетъ Прекрасу за дубовой столъ за скаптерными бранями, пономъ четыре свахи
сидятъ поодаль и за нѣмъ вездѣ, а помыре сидятъ барыни надругомъ лавѣ вездѣ. Стоящія
дѣвушки поютъ, и музыка играетъ.)

ХОРОЪ

Перекашно красно солнышко, перекашно,
И ты звѣзда закашилася,
Перехожа наша подружинька,
Изъ горницы въ горницу въ столовую во новую,
Сидилась за дубовой столъ за скаптерными за бранями,

О ПЕРЕВОДЕ ПОХВАЛЬНОЙ ОДЫ М. МЕТТЕРА 1737 г.

Последние три десятилетия в изучении творчества А Д Кантемира отмечены в первую очередь пристальным вниманием к разнообразным текстологическим проблемам. Отыскиваются его утраченные ранее сочинения,¹ выясняются подробности издания его сатир в Европе и России,² а несколько произведений исключены из корпуса сочинений Кантемира³

Попытку расширить корпус переводов Кантемира сравнительно недавно предпринял Д С Смит⁴ В РГАДА (Госархив, ф 17 № 162) он обнаружил «Торжественный стих августейшей российской императрице посвященный» «Михаила Меттера», написанный в Лондоне в 1737 г., отыскал его латинский оригинал («*Carmen Eripicium Augustissime Russorum Imperatrici Sacrum*») и установил, что автор стихотворения — Мишель Меттер (1668—1747), сын французских эмигрантов, бежавших в Англию после отмены Нантского эдикта, преподаватель в Кембридже, историк книгопечатания и издатель классических авторов. Поводом для сочинения латинской оды послужило, вероятно, взятие Очакова русской армией под командованием Б Х Миниха в июле 1737 г.⁵

¹ См *Градова Б А* 1) Рукописи А Д Кантемира // Источники по истории отечественной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг [ГПБ] Л, 1983 С 17—33, 2) Первые переводы Антиоха Кантемира // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг [ГПБ] Л, 1985 С 46—57, 3) А Д Кантемир — составитель первого русско-французского словаря // Россия—Франция Век Просвещения / Кр тез докл науч конференции Л, 1987 С 16—18

² См *Грассгоф Х* Первые переводы сатир А Д Кантемира // Международные связи русской литературы М, Л, 1963 С 101—111, *Моисеева Г Н* Иван Барков и издание сатир Антиоха Кантемира 1762 г // Рус литература 1967 № 2 С 102—115, *Копанев Н А* О первых изданиях сатир А Кантемира // XVIII век Л, 1986 Сб 15 С 140—154, *Николаев С И* А Кантемир в польском журнале XVIII в // Рус литература 1993 № 3 С 64—65

³ См *Муравьева Л Р* Проблема так называемой «девятой» сатиры А Д Кантемира // XVIII век М, Л, 1962 Сб 5 С 153—178, *Калачева С В* Кантемир и рукописная традиция (Был ли Кантемир автором сатиры «К Солнцу На состоянии света сего»?) // Научн докл высшей школы Филол науки 1962 № 4 С 175—183, *Автухович Т Е* Об авторстве «*Metaphrasis Ps 36*» и «*Metaphrasis Ps 72*» // XVIII век Сб 15 С 154—160, *Николаев С И* Кто утешал Феофана Прокоповича в 1730 году? (Об авторстве «Эпода утешительного») // Рус литература 1989 № 2 С 193—195

⁴ См *Smith D S* An Unknown Translated Panegyric Poem of 1737 Michael Maittaire and Prince Antioch Kantemir // The Slavonic and East European Review 1977 Vol 55, № 2 P 161—171 Далее ссылки на статью даются в тексте

⁵ В тексте оды (С 168—171) повод написания не указан Д С Смит считает, что ода посвящена сражению под Ставучанами (С 162), то же

Переводчик оды Меттера неизвестен. Атрибутируя Кантемиру перевод, Д. С. Смит исходил из следующих соображений. Кантемир в то время находился в Англии в ранге полномочного министра при английском дворе. Известно, что Кантемир следил за европейской «россикой», и вряд ли ода Меттера ускользнула от его внимания. Последнее тем более вероятно, что само имя Меттера было Кантемиру известно: в своем переводе Анакреона он использовал, в частности, издание сочинений Анакреона, подготовленное английским филологом.

Не располагая положительными данными для атрибуции, Д. С. Смит анализирует стих перевода. Перевод выполнен нерифмованным одиннадцатисложником с мужской цезурой. Кантемир между тем считал, что в одиннадцатисложнике должна быть женская цезура, а мужскую отстаивал В. К. Третьяковский. Мужская цезура, таким образом, свидетельствует против Кантемира. Однако главным аргументом в пользу его авторства Д. С. Смит считает белый стих, разработанный Кантемиром в эти годы при переводе Анакреона, а затем Горация, в то время как Третьяковский в трактате 1735 г. считал, что «русские стихи должны иметь < . > рифму».

Атрибуция Д. С. Смита выглядит достаточно убедительно, хотя она и построена на косвенных доказательствах. Автор сам признает, что его аргументация не носит окончательного характера, и надеется, что дальнейшие разыскания в российских и британских архивах смогут пролить свет на личность переводчика. В частности, автор не исключает, что ода Меттера могла быть переслана в Россию и без приложенного к ней перевода. В этом случае, по мнению Д. С. Смита, ее переводчиком был, скорее всего, Третьяковский (С. 165).

Д. С. Смицу осталось неизвестно единственное, кажется, упоминание о переводе оды Меттера в русской печати, между тем именно оно вносит полную ясность в вопрос о переводчике. В 1873 г. П. П. Пекарский процитировал одну строфу разбираемого перевода.⁶ Цитированная им рукопись — автограф Третьяковского с незначительной правкой.⁷ В списке Госархива читается только окончательный вариант (с рядом описок, вероятно, копииста). Таким образом, переводчиком оды Мет-

сказано и в каталоге Британского музея, причем предположительным годом издания здесь указан 1739-й. См. British Museum General Catalogue of Printed Books London, 1962 Vol 150 Col 811. Это недоразумение, сражение под Ставучанами состоялось в августе 1739 г., за два дня до взятия крепости Хотин, между тем ода в оригинале и в переводе датирована октябрём 1737 г. Ближайшей победой русской армии было взятие Очакова.

⁶ См. Пекарский П. История имп. Академии наук в Петербурге СПб., 1873 Т. 2 С. 69.

⁷ См. ПФАРАН, Р. II, оп. 1, № 204, л. 45—46 об. Далее (л. 47—54) читаются тоже стихи Третьяковского (автограф).

тера был Третьяковский, а не Кантемир, хотя именно он, вероятно, прислал в Петербург латинскую оду.

Вместе с тем статья Д. С. Смирна не только полезна (в ней опубликован текст перевода, оригинал оды и сведения об авторе), но и поучительна. Она еще раз подтверждает, что даже при осторожном и тщательном анализе косвенных фактов решающее значение при атрибуции переводов первой половины XVIII в. имеют документальные данные.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ АДРЕС В. В. КАПНИСТА

В фондах Российского государственного исторического архива Петербурга имеются следующие сведения о домовладении Василия Васильевича Капниста.¹

22 мая 1790 г. жена «вагенмейстера двора ея императорского величества» Василия Ивановича Тарасова Катерина Алексеевна продала надворному советнику Василию Васильевичу Капнисту два своих собственных дома, один деревянный, другой каменный, «состоящих» в Санкт-Петербурге, Московской части, 3-м квартале, в приходе церкви Владимирской пресвятой Богородицы. Каменный дом под № 1950 находился на углу Большой Загородной и Разъезжей улиц, деревянный — под № 1951 на Разъезжей улице.² По нумерации конца XVIII века дома имели номера 152 и 153, по табелю 1804 г. — 169 и 171, по табелю 1822 г. — 195 и 196. Каменный дом занимал угловой участок, соответствующий ныне дому 18/2 по Загородному проспекту. В 1859 г. этот дом реконструировал петербургский архитектор А. Х. Пель, сохранивший и прежние габариты двухэтажного здания и высокую кровлю, крытую прежде черепицей.³ В настоящее время заканчивается капитальный ремонт дома, на котором предполагается установить мемориальную доску, свидетельствующую о том, что здесь с 1790 по 1793 г. жил В. В. Капнист.

Ко времени приобретения упомянутого выше участка у В. В. Капниста и его жены Александры Алексеевны (урожд. Дьяковой) уже была дочь Катерина. В период владения домом родились сыновья Семен (впоследствии член Союза благоденствия) в 1791 г. и Владимир в 1793 г. 9 декабря 1793 г. В. В. Капнист продал «свои два двора, один деревянный, а другой каменный со всем при них строением» «пансионному содержателю российского благородного дворянства, пасторскому сыну, курляндскому уроженцу Венеамину Крестьяновичу Геншу».⁴

¹ Сведения получены по запросу Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Поиски адреса В. В. Капниста были предприняты по инициативе праправнучки писателя Марии Ростиславовны Капнист, киноактрисы студии им. Довженко.

² РГИА, ф. 757, оп. 1, д. 1009, л. 175.

³ Сведения приводим по исторической справке, предоставленной Государственной инспекцией Петербурга по охране памятников.

⁴ РГИА, ф. 757, оп. 1, д. 1019, л. 269 об.—270.

ИЗУЧЕНИЕ РОССИИ XVIII ВЕКА В ЯПОНИИ

(Библиографический обзор)

Изучение России в Японии продолжается более ста лет, и достижения Японии в этой области более значительны, чем у какой-либо другой азиатской страны. Однако до второй мировой войны главным предметом изучения были проблемы XIX и XX столетий, а исследования, посвященные России до XIX века, были сравнительно немногочисленны. После войны интерес японцев к России возрастал, и возрастало число ученых, занимающихся русской историей и литературой, а также объем исследований о России XVIII века. К сожалению, большинство этих исследований в настоящее время неизвестно за пределами Японии, и предлагаемая библиография, составленная Йосио Имаи (Когакуин университет, Токио), Такаси Фудзинума (Васеда университет, Токио) и Джун Матсуда (Славянский исследовательский центр, университет Хоккайдо) для Пятой Международной конференции английской Группы по изучению России XVIII века, проведенной в Гарньяно (Италия) 10—15 сентября 1994 г., имеет целью восполнить этот пробел.

Самые ранние сведения о России XVIII века попали в Японию от Кодаю Дайкокуя, образованного купца, который вместе со своими товарищами потерпел кораблекрушение в 1783 г. близ Камчатки. Русские помогли ему и взяли его в Петербург, где он провел несколько лет. Благодаря содействию Эрика Лаксмана он был представлен Екатерине II и просил ее послать его обратно в Японию. В конце концов ему было разрешено вернуться на родину на русском судне в 1793 г. Однако правительство династии Токугава подвергло его домашнему аресту и запретило распространять сведения о России.

Начиная с последнего сегуна Токугава (середина XIX века) японское правительство было обеспокоено силой России. Даже после Реформации Мейдзи (1868) Россия беспокоила японское правительство с военной и дипломатической точки зрения как государство-соперник и опасный северный сосед. Официальное изучение России в Японии соответствовало правительственным целям.

Однако русская литература воспринималась в Японии с огромным интересом начиная с периода Мейдзи (1868—1912) и оказала большое влияние на развитие современной японской литературы. Японские историки и писатели создавали все большее число исследований по русской истории и культуре. После 1917 г. русская революционная мысль и советский социализм стали излюбленными темами японских историков.

Официальная японская политика была, однако, враждебна по отношению к революционной России, вследствие чего люди, интересовавшиеся русскими темами, часто подвергались преследованию. Это происходило даже после второй мировой войны, в период «холодной войны». В то время как официальные лица в основном интересовались политическими и военными проблемами, в народе возрастал интерес к русской культуре, языку и литературе. В Японии были представлены главным образом русские писатели XIX века, включая Тургенева, Толстого, Достоевского и Чехова, чьи произведения в японских переводах полюбили японские читатели.

Первый японский очерк по русской литературе XVIII века появился в период Мейдзи (1890) в книге Танби Тазакки «Очерки русской литературы» (глава первая; во второй главе упоминается Карамзин). В 1920-е годы Яе Йокемура перевела на японский язык несколько произведений Кантемира, Ломоносова, Фонвизина и Державина; ее супруг Йоситаро Йокемура и Хотоясу Кикучи перевели повесть Карамзина «Бедная Лиза». В 1939 г. Тойотака Комийя, известный литератор, писал о «Письмах русского путешественника» Карамзина.¹

После второй мировой войны Йоситаро Йокемура читал факультативные лекции по русской литературе XVIII века в университете Васеда (Токио). Слушателем его лекций был Такаси Фудзинума. Впоследствии он преподавал русскую литературу в университете Васеда и опубликовал многочисленные статьи о Карамзине. Фумихико Нибе — первый изучавший Карамзина японский ученый, имевший возможность работать в Пушкинском Доме в Петербурге и консультироваться с русскими специалистами. Йосикацу Накамура изучал русскую литературу под руководством покойного Юкихико Канеко, а затем преподавал главным образом древнерусскую литературу в качестве профессора университета Хитоцубаси (Токио). Он издал превосходные работы о русском фольклоре и о Дайкокуя Кодая.

Исследовательская группа по изучению русской литературы в Токийском университете, включающая профессоров Каори Кавабата, Ацуси Наоно, Юичи Сато, Мичико Каназава и Ацуси Андо, в 1982 г. выпустила в свет обзор под названием «Изучение русской литературы XVIII века. Проблемы модернизации в литературе», получивший стипендию от Министерства просвещения

Изучение истории России XVIII в. в послевоенной Японии было начато профессорами Тору Ивама, Шигео Абе, Шигето Торияма, Тоширо Ямамото, Йодзи Танака и Шуничи Курамоchi и продолжено более молодыми историками Цунеюки Доги и Коуичи Тойокава и др.

¹ Studies on Russian Culture Collected works for the 60th anniversary of Professor Sadayoshi Yasugi Tokyo Iwanami-shoten 1939

С глубоким сожалением сообщаем о смерти выдающегося исследователя профессора университета Хитоцубаси (Токио) Юкихико Канеко, скончавшегося в 82 года 25 июля 1994 г. Он был главным специалистом в Японии по русской литературе и общественной мысли и в обеих этих областях подготовил много специалистов, публиковавших работы о России XVIII в., в том числе профессора Ичиро Сибуйя, Икуо Исикава, Фумихико Нибе, Йосио Имаи, Такаси Кавасаки, Йосикацу Накамура, Такео Куриузава, Мицуо Наганава, Терио Сасаки, Кацуфуми Сиракура и Сиро Като.

После второй мировой войны благодаря японским ученым существенно возросло число исследований, посвященных России и Советскому Союзу. Число японских исследователей, занимающихся славянскими и восточно-европейскими темами, в 1994 г. достигло 1177 человек.² Славянский исследовательский центр университета Хоккайдо недавно был признан центральным национальным институтом славянских и восточноевропейских исследований в Японии. Хотя специалисты по России XVIII в. в Японии все еще в меньшинстве, их темы связаны с самыми разными областями, включая историю, общественную мысль, общественное движение и этнографию. Новые исследователи обращаются к новым темам, и уровень их трудов достаточно высок. Используя новейшие зарубежные исследования и первоисточники в русских библиотеках и архивах, они создали серьезные оригинальные труды о России XVIII в.

Развитие исследований о России XVIII в. за последнее время способствует повышению общего уровня японских работ, посвященных России. Однако японские публикации, связанные с этими исследованиями, еще неизвестны за рубежом, если не считать введения Йосио Имаи к японским исследованиям о Ломоносове, которое было опубликовано Академией наук СССР в 1977 г.,³ и библиографического обзора японских исследований по русской истории в прошлом и настоящем, написанного профессорами Ейичи Хизен, Такео Сузуки и Шууйчи Кодзима и опубликованного в Германии в 1985 г.⁴

Обмен научной информацией и научное сотрудничество стали широко практиковаться во всем мире, и японские ученые стремятся участвовать в этом процессе.⁵ Таким образом,

² List of Researchers on Slavic and East Europe, edited by the Slavic Research Center Hokkaido University 4th edition 1994

³ *Имаи Ёсио М В Ломоносов в японской литературе // Ломоносов: Сб статей и материалов Л, 1977 VII С 178—187*

⁴ *Hizen E, Suzuki S und Kojima S Japanische Forschungen zur russischen Geschichte in Vergangenheit und Gegenwart // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas Stuttgart 1985. Bd. 33 Н 3—4*

⁵ В Японии существуют два главных журнала на западных языках по славянским исследованиям «Acta Slavica Japonica», издаваемый Славянским

мы надеемся, что наш библиографический обзор и указатель будут способствовать знакомству за рубежом с именами наших исследователей и их трудами, а также развитию международного научного обмена в этой области

Матсуда подготовил библиографию исторических исследований, Фудзинума — историко-литературных, Имаи отредактировал и перевел на английский язык ⁶

Перевод с английского Н Д Кочетковой

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ДЛЯ НАЗВАНИЙ
ЯПОНСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ,
ПУБЛИКОВАВШИХ СТАТЬИ О РОССИИ XVIII ВЕКА
(В АНГЛИЙСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ)

SRH	—	Russian Historical Studies
SAR	—	Studies of Ancient Russia
SS	—	The Slavic Review
HM	—	Historical Magazine
HR	—	The Historical Review
HUR	—	The Hitotsubashi Review
HSB	—	Studies on the Humanities, Otaru Univ of Commerce Hokkaido
SSH	—	The Social Study of Hitotsubashi Univ Tokyo
SK	—	Shikan
SR	—	Shirin
WPE	—	The Political and Economic Magazine of Waseda Univ Tokyo
SEH	—	The Socio-Economic History
RR	—	The Studies on Russian Language and Literature
NRB	—	News of the Japanese Society for Study of Russian Literature
WGB	—	The Bulletin of Graduate Lit Studies, Waseda Univ
CSL	—	The Annals of Comparative Study on Literature
SSB	—	Sōgōsekibunsei
SEL	—	European Literary Studies
BKU	—	Bulletin of Kogakuin Univ Tokyo
BMG	—	Bulletin of Meiji Gakuin Univ Tokyo
BTU	—	Bulletin of Taisho Univ Tokyo
BFU	—	Bulletin of Dept of Education of Fukui Univ
RTU	—	Bulletin of Tenri Univ, Nara
IHS	—	Iwate Historical Studies, Iwate
BTY	—	Bulletin of Tōyō Univ Tokyo
BCH	—	Bulletin of the Liberal Art Dept of the Chukyo Univ
SFF	—	Study on Foreign Language and Literature, Hokkaido Univ
ISE	—	Bulletin of Dept of Politics and Economy of Ibaragi Univ
MUR	—	Bulletin of Matsuyama Univ of Commerce
MKR	—	Bulletin of Machikaneyama

исследовательским центром (университет Хоккайдо), и «Japanese Slavic and East European Studies», издаваемый Японским обществом славянских и восточноевропейских исследований

⁶ Во избежание неточностей все названия в прилагаемой библиографии приводятся на английском языке. На японском и параллельно на английском языках библиография напечатана в Японии университетом Когакуин (Токио, 1994)

I. Исследования по истории России XVIII века

I.1. Общие исследования по истории России XVIII века

1. History of Russia. Shūdōsha, 1950.
2. *Kanichi Iida*. History of the Russian Economy. 1953.
3. *Toshiro Yamamoto*. Russian Villages of the 18th Century // SEH. 1953. 14 (4/5).
4. *Shigeto Toriyama*. 18th century Russia // History of Russia / Ed. by Toru Iwama. Yamakawashupan, 1955.
5. *Hyosaku Tokunaga*. A type of modernization in Russia // Materials, Tokyo Foreign Language Univ., 1958. 7.
6. *Shigeo Abe*. Tsarism and Russian Peasant. Sōgensha. Tokyo, 1959.
7. *Toru Iwama*. 18th Century Russia // Iwanami World History Course. 1970. Vol. 17.
8. *Yukihiko Kaneko* (ed.). Russian Ideas and Literature. Kōbunsha. Tokyo, 1977.
9. *Shigeto Toriyama*. Aristocrat and Beauocrat in 18th century Russia // Problems of the Formation of the Modern State / Ed. by A. Yoshioka and O. Naruse. 1979.
10. *Shunichi Kuramochi*. Russia and Soviet Union. Yuhikaku Lit. Tokyo, 1980.
11. *Shigeto Toriyama*. States and Societies in Russia and European Countries. Kōbunsha, Tokyo, 1985.
12. *Tsuguo Togawa*. History of Russia and Soviet Union. Kōdansha Lit., 1991.
13. *Tsuneyuki Dohi*. Virtual Images and Realities of Russian Emperors — Illusion of Tsars and People. Fukutake Book Pub. Tokyo, 1992.
14. *Toshiro Yamamoto*. The Slavic World and Its Circumstances — Collected Historical Papers. Nauka, Tokyo, 1991.
15. *Haruki Wada*. A Russian—Soviet History. Asahishinbunsha, 1993.

I.2. Петр Великий и Екатерина II

16. *Ikuo Ishikawa*. On Peter I's Economic Policy // HUR. 1956. 36 (4).
17. *Shigeo Abe*. Peter the Great — The Dawn of Russia. Seibundoushinkousha, Tokyo, 1960.
18. *Shigeo Aida*. The emperor worked with a hammer // The History of the World, 1961. Vol. 8.
19. *Shigeto Toriyama*. Peter I // The World History. Chūou-kōron Lit. Tokyo, 1961. Vol. 10.
20. *Tetsuo Yonekawa*. The Labour Problems of the iron manufactures in the period of Peter I // Paper for the 15th Conference of the Japan Society for studies of History of Western Europe, 1964.

21. *Ryouhei Kizaki*. Peter the Great — Settlement of the Russian Empire. Shimizu-shoin, 1971.
22. *Tsuneyuki Dohi*. Aspect of the Law of Management of Territory // HSH, 1984. N 55.
23. *Tsuneyuki Dohi*. Peter the Great and His Period — the Birth of St. Petersburg. Chūoukōron-Lit. Tokyo, 1992.
24. *Michiko Ohno*. The Empress's Russia. Iwanami-shoten. Tokyo, 1994.

I.3. Русские деревни и крестьяне

25. *Shigeo Abe*. A consideration on resolutions of the Russian peasant in the midst of the 18th century // SEH. 1954. 20/3.
26. *Shiro Matsumura*. Russian Serfdom in the later half of the 18th century // RTU. 1954—1955. N 16/19.
27. *Tomiju Masuda*. Serfdom of New Russia // WPE. 1956. 139.
28. *Tomiju Masuda*. Some considerations on transform of the feudal rent in Russia // WPE. 1968. 208/19.
29. *Shigeto Toriyama*. Land-allotment in Russian villages commune — A consideration on process of its spread // SS. 1979.
30. *Tsuneyuki Dohi*. Preparatory consideration on so-called «Blank» of household in the villages in the period of Peter's Reform // SSH. 1984. N 49/2.
31. *Tsuneyuki Dohi*. Some considerations on Peasant Escapes // SRH. 1984. N 39.
32. *Tsuneyuki Dohi*. Social History of «Dead Souls» — the World of the Modern Russian Peasant // Publishing Section of the Nihon Editor School, 1984.
33. *Tsuneyuki Dohi*. A compulsory migration — One side of peasant life in the period of Peter I's Reform // HUR. 1994. 112/2.

I.4. Крестьянские восстания в России XVIII века

34. *Shigeo Abe*. Russian peasant wars // HR. 1956. N 79.
35. *Takato Yaegashi*. Russian peasant wars // IHS. 1965—1966. 47—48.
36. *Yōji Tanaka*. Re-examination of views on Russian Peasant Wars // SRH. 1974. N 22.
37. *Tsuneyuki Dohi*. Escaped peasants on the night before Razin's uprising // HUR. 1975. 73/1.
38. *Tsuneyuki Dohi*. Peasant resistance in modern Russia and ideological problem — On present situation of Soviet historiography // HSH. 1980. 61.
39. *Hitoshi Nakamura*. Peasant's illusion on Tsars in Pugachov's uprising // MKR. 1980 (14).

40. *Kōichi Toyokawa*. Bachkirs at the night before Pugachov's uprising — Their social changes // SEH. 1983. N 49.
41. *Kōichi Toyokawa*. Sources for Pugachov's uprising — From the trial of Saravato // SAR. 1986. N 16.
42. *Hitoshi Nakamura*. Pugachov's uprising — Revival of the good Tsars. Heibonsha, 1987.
43. *Kōichi Toyokawa*. Peoples movement in the 18th century Russia and its world — mainly about the landlord's peasants in Pugachov's Revolt // Shakaikagakukentou, 1988.
44. *Kōichi Toyokawa*. Provincial societies in 18th century Russia // Studies on Russia and East Europe / Ed. by T. Yamamoto. 1992. Cf. 1—14.

I.5. Колонизация, торговля и национальная политика в России XVIII в.

45. *Tōru Sagochi*. Russia and the Asian steppe. Yoshikawa-koubundou. Tokyo, 1961.
46. *Kiyomatsu Hika*. Trads between Russia and Rubek (Mid-17th—Mid-18th Century) // MUR. 1968. 1(5).
47. *Kyuzo Kato*. Possessed people in Siberia. Iwanami-shoten. Tokyo, 1974.
48. *Shigeto Toriyama*. Catherine II's Regional Reform // SS. 1975. (20).
49. *Shigeo Abe*. Kazak. Kyouikusha, 1981.
50. *Kōichi Toyokawa*. Colonization in Russia — Mainly in the South Urals in the 18th century // SK. 1985.
51. *Kōichi Toyokawa*. Bashikir, Saratova Yuramov — with regard to a tendency of recent studies on the Pugachov's uprisings // SRH. 1986. 42.
52. *Kōichi Toyokawa*. National policy of the Imperial Russia — in Wolgabasin and the Urals in 18 c. // SS. 1992.
53. *Hitoshi Nakamura*. Russian state and the Kalmyks (from 17 c. to later half of 18 c.) // SRH. 1985. N 42.
54. *Hitoshi Nakamura*. The colonization in the South Urals in the 18th century and Zaporozhe Kazaks // SR. 1986.
55. *Hitoshi Nakamura*. Problems of the early history of the Kazaks // SRH. 1990. N 49.

I.6. Религиозные и общественные проблемы

56. *Yōji Tanaka*. Nikon's Church Reformation — on the Tsar's authority and ecclesiastical authority in Russia // BTY. 1961. 15.
57. *Hiroyuki Ikeda*. Russian witch huntings — authority and heresy. Kenkyusha. Tokyo, 1972.
58. *Hitoshi Yasumura*. Some problems relating the Raskolniks // BCH. 1975. 16/1.

59. *Hitoshi Yasumura*. The differentiation in the Raskolnik (1) // BCH. 1979. 2/2.
60. *Tatsuya Moriyasu*. The History of Christianity. Yamakawa shuppan Lit. Tokyo, 1978. N 3.
61. *Yoshikazu Nakamura*. The Russian Old Believers // NA-ROUDO. 1980. 3.
62. *Tsuneyuki Dohi*. Escapes from the theological school — the village priests and their sons in 18th century Russia // MADO. 1989. N 68.

I.7. Русское просвещение в XVIII веке

63. *Toshiro Yamamoto*. Alexander Radischev // SK. 1953. N 40.
64. *Kinnosuke Ohtsuka*. On Ivan Pososhikov (1652—1726) // The Collected Papers for the 80th anniversary of Hitotsubashi Univ. Tokyo, 1955.
65. *Shiro Matsumura*. Radischev's view on Serfdom, Mainly from his «Journey from Petersburg to Moscow» // NRB. 1955. N 1.
66. *Ikuo Ishikawa*. On the economic thought of Iwan Pososhikov — A Study on merchantism in Russia // ISE. 1958. N 6.
67. *Ichiro Shibuya*. Special Character of the Russian Progressive Ideas in the 18th century // SRH. 1961. 2/1.
68. *Ichiro Shibuya*. A part of the history of Russian economic thought in the later half of 18th century // HUR. 1963. 5/3.
69. *Ichiro Shibuya*. Polemic points on Radishchev's ideas — A historical survey // BMG. 1963. 19 (80—81).
70. *Satoshi Yamamoto*. On the Imperial Free Economic Society. 1—2 // SS. 1965—1966. N 9—10.
71. *Yoshio Imai*. The formation of national consciousness and the enlightenment in Russia // SE. 1963. N 10.
72. *Yoshio Imai*. M. V. Lomonosov and the Petersburg Imperial Academy of Sciences in the period of its foundation // BKU. 1965.
73. *Yoshio Imai*. M. V. Lomonosov in Japanese publications // BKU. 1966.
74. *Yoshio Imai*. Karamzin as an enlightener and the French Revolution // HUR. 1968. 60(60).
75. *Soichi Fujiie*. Karamzin and the French Revolution // SFF. 1972.
76. *Masao Ohki*. The developement of legislation of University — law and education of legislation in Imperial Russia // Horitsujiho, 1975. 4(8).
77. *Katsufumi Shirakura*. The journey to Irimusk — the early days of Radishchev as an exile // HUR. 1976. 7/3.

78. *Katsufumi Shirakura*. Radishchev's «On Man — His Death and Immortality» // Russian Ideas and Literature / Ed. by Y. Kaneko. Kōbunshapub., 1977.
79. *Takashi Fujinuma*. Mosaic pictures made by Lomonosov // CSL. 1977. N 13.
80. *Teruo Sasaki*. On the censorship in the period of Catherine II // Quantification of the Bibliographical information to Schematize the Whole movements of European Radicalism / Ed. by Shigeyūki Sato. RINET Society Publication, 1983.
81. *Shigeo Abe*. The political changes of 1730 and V. N. Tatishchev // BTU. 1988. N 73.
82. *Shigeo Abe*. V. N. Tatishchev's study of Russian history // BTU. 1989. N 74.
83. *Shigeo Abe*. On V. N. Tatishchev's study on Russian history // BTU. 1989. N 76.
84. *Shigeo Abe*. V. N. Tatishchev and the mining industry in the Urals // BTU. 1990. N 75.
85. *Shigeo Abe*. Tatishchev in His Late Years // BTU. 1991. N 77.
86. *Takashi Minamoto*. Karl Bayle in the history of Russian bibliography and the library of the Imperial Academy of Sciences // WGB. 1990. Vol. 7, the special issue.
87. *Masaru Ohata*. Lomonosov's historiography and his project for the establishment of Moscow University — the prehistory of the establishment of Moscow University // BFU. 1991. N 41.
88. *Shiro Kato*. Dream of Russian aristocrat in the 18th century — On Shcherbatov's journey to Ophir // Histories and Cultures of Russia and East Europe / Ed. by Institute of Social Science. Waseda University, 1991.
89. Shcherbatov's criticism of the Russian autocracy // The Collected Papers on Slavic World and Its Surrounding / Ed. by Toshiro Yamamoto. Nauka. Tokyo, 1992.
90. *Masanori Kaji*. Lomonosov and the Imperial Academy of Sciences in the period of its foundation // Russia / Ed. by T. Hara. Shinchōsha. Tokyo, 1994.

1.8. Этнографические исследования о России XVIII века

91. *Tokuaki Bannai*. People's fars in St. Petersburg from the late of 18th century to the early 20th century // SRH. 1986. N 43.
92. *Tokuaki Bannai*. The beginning of ethnography in Russia // HUR. 1992. 108/3.

I.9. История русско-японских отношений в XVIII веке

93. *Akira Takano*. Japan and Russia — the Origins of the Mutual Relationship. Kinokuniyashoten, 1971.
94. *Shigetada Manabe*. History of Russo-Japanese Relations, 1697—1875. Yoshikawakoubunkan, 1978.
95. *Ryohei Yasui* (ed.). The Collected Papers — Japan and Russia. Nauka. Tokyo, 1990. Vol. 1.
96. *Kazuyoshi Nakamura*. A Survey on Russian Song of Bon Festival Dance. Gendai-kikakusha, 1990.
97. *Ryohei Kizaki*. Japanese shipcastaways and Russia — Wared Japan by the Northan Black ships in the Late Period of Tokugawa Government. Chuōkōronsha, 1991.
98. *Ryohei Kizaki*. Kōdayuu and Laksman. Tousuishobou, 1992.
99. The Edtional Committee for the 200 years History of Japanese—Russian Relations: The 200 Years History of the Japanese—Russian and Japanese—Soviet Relations. Sinjidaisha. Tokyo, 1993.
100. The Japanese Society for Russian history edited. The 200 Years History of Japan and Russia — History of Relations with a Neighbouring Country. Sairyūsha, 1993.

II. Исследования по русской литературе XVIII века

II.1. Русская литература, поэзия и язык XVIII века

101. *Tatsuo Kuroda*. The unique character of the process of development of Russian literature // SSB. 1950. 1.
102. *Tatsuo Kuroda*. Bibliography of the history of Russian literature // SSB. 1950. 2.
103. *Yukihiko Kaneko*. The Guidance of Russian Literature. Iwanamishoten. Tokyo, 1961.
104. *Kohei Tani*. A memorandum on the rules of Russian poetry // SEL. 1963. N 5.
105. *Iwao Yamaguchi*. History of Russian Medieval Grammar. Nagoya University Press, 1991.
106. *Takashi Fujinuma* (ed.). The World of Russian Folklore. Waseda University Press, 1991.
107. *Takashi Kawasaki*. History of Russian Poetry — from Ancient poetry to Pushkin. Kōbunsha, 1993.

II.2. Русские писатели XVIII века

108. *Keiji Kasama*. On Russian fable poems — Krylov's fables poems // WGB. 1958.

109. *Munesaburo Kobayashi*. Rise of satire magazines in the period of Russian enlightenment — On development of Russian periodicals. *Keizaishishu*, 1959. 28(6).
110. *Keiji Kasama*. On Derzhavin // *SSB*. 1960. N 12.
111. *Keiji Kasama*. Formation of the Russian fable Poem // *SEL*. 1969. N 16.
112. *Yoshihiko Kutsukake*. Kantemir and Latin satires // *WGB*. 1975. N 7.
113. *Yōuchi Adachi*. Kantemir's satire and 17th century satires // *WGB*. 1982. N 9, the special issue.
114. *Seiji Sasaki*. On Heraskov's epic «Rossiada» // *WGB*. 1984. N 11, the special issue.
115. *Yōichi Adachi*. Characteristics of 18th century Russian satires — Kantemir's views on satire // *RR*. 1985. N 17.
116. *Shinichi Murata*. Fonvizin's views on Russia and the West // *RR*. 1988. N 20.

II.3. Карамзин и русская литература

117. *Hidetora Okazawa*. Russian sentimental literature // *SEL*. 1966. N 10.
118. *Fumihiko Nibe*. On Karamzin's vocabulary // *RR*. 1976.
119. *Fumihiko Nibe*. Karamzin's views on the Russian language // *HUR*. 1976. 76/3.
120. *Fumihiko Nibe*. On Karamzin's use of the synonym in his «Letters from of a Russian traveller» // *Russian Ideas and Literature* / Ed. by Yukihiko Kaneko. Koubunsha. Tokyo, 1977.
121. *Kazuo Morohashi*. On the composition of «Poor Liza» // *SEL*. 1979. N 27.
122. *Fumihiko Nibe*. Karamzin and Pushkin — «Poor Liza» and «Station Master» // *RR*. 1979. N 11.
123. *Takashi Fujinuma*. General survey of studies on Karamzin // *RR*. 1985. N 17.
124. *Takashi Fujinuma*. Karamzin's starting point as a writer — his translation of Gessner's «Wooden Legs» and Haller's the «Origin of Evils» // *WGB*. 1985. N 13.
125. *Takashi Fujinuma*. «Children's Readings for their Heart and Reason» — The first magazine for children in Russia // *Soren-shuppanbunkatsushin*, 1985.
126. *Takashi Fujinuma*. Karamzin's entry into Freemasonry // *WGB*. 1986. N 32.
127. *Takashi Fujinuma*. Karamzin and a Swiss philosopher, Lavater // *WGB*. 1986. N 34.
128. *Yasuo Urai*. On Karamzin's use of the superlative form of Adjectives // *RR*. 1986. N 18.
129. *Yasuo Urai*. On Karamzin's use of capital letters — Utilized the reference of letter lines with the PC // *RR*. 1990. N 18.

130. *Takashi Fujinuma*. Karamzin's translation of Shakespeare's «Julius Caesar» // WGB. 1990. N 36.
131. *Takashi Fujinuma*. Some problems of the biography of Karamzin before his start as a writer // WGB. 1991. N 37.
132. *Takashi Fujinuma*. Russian folklore and 18th century Russian literature // The World of Russian Folklore / Ed. by T. Fujinuma. Waseda University Press, 1991.
133. *Yasuo Urai*. On the automatic analysis of Karamzin's use of epithets // RR. 1992. N 24.
134. *Takashi Fujinuma*. Karamzin's translation of James Thomson's «The four Seasons» // WGB. 1993. N 39.

ДОПОЛНЕНИЯ

- 1.2.135. *Tsuneyuki Dohi*. Peter's Reform and Foundation of Russian Empire // Russian History of the 18—19th Centuries / Ed. by Yōji Tanaka, Shunichi Kuramochi and Haruki Wada. Yamakawa Publishing Company, Tokyo, 1994.
136. *Tsuneyuki Dohi*. Russian Empire of 18th Century // Ibidem.
- 1.7.137. *Hiroshi Sasaki*. Two articles of Yuri Lotman on the Russian enlightenment // Hikakubungakunenshi. 1981. N 17.
138. *Shinichi Ichikawa*. Diderot and Catherine II: A Russian Experience in 18th Century France. (Diderot: Dilemma of the Modern Age: The 200th Anniversary of his Death. Special Issue) // Shiso, 1984, N 724 (Tokyo).
139. *Hiroaki Sasaki*. The Imperial Academy of Science and M. V. Lomonosov: Independence of Russian Science and Culture // Bulletin of Department of Education. Yokohama State University. 1986. N 26.
140. *Hiroaki Sasaki*. On the True Son of the Fatherland of A. N. Radishchev // Ibidem. 1989. N 29.
141. *Harutomo Akimoto*. An Introduction to the history of Russian enlightenment movement — N. I. Novikov (1—2) // The Collection of studies of the Education Department of Kobe University. 1989. N 82; 1990. N 84.
142. *Harutomo Akimoto*. An Introduction to the history of Russian Enlightenment Movement — A. N. Radishchev // Bulletin of Kobe University of Education. Kobe, 1992. N 88.
143. *Tokuaki Bannai*. Journey to Friendship: A Way to Read Radishchev // HUR. 1995. Vol. 3. N 114.
144. *Tokuaki Bannai*. The Folklorism of A. Radishchev's «Journey from St. Petersburg to Moscow» // The Russia: Saint and Chaos: A Collection of Cultural and Historical Essays /

Ed. by T. Bannai, T. Kuryuzawa, M. Naganava, and R. Yasui. Tokyo. Sairyu Sha Publishing Company. 1995.

145. *Shigeo Abe*. A Study on Tatishchev: A Bureaucrat of 18th Century Russia, Life and Works of an Intelligentsia. Tokyo. Tōsui Publishing Company. 1996.
- 1.9.146. *Katsuhiko Ominami*. The Black ship from St. Petersburg. Kadokawa-shoten, 1979.
147. *Fukuo Fujita*. On the Report of Isokichi Kōdayu's Subordinate, on his Experience in Russia, Gokuchinsho // Bulletin of Sugiyama-womens University. 1985. Vol. 2. N 6.
148. *Shōichi Okabe*. Daikokuya Kōdayu and the Laksmans, Father and Son: The First Russian Mission to Japan // The Report of Institute of Japanese Sea Regional Study (Nihon-kaiiki—Kenkyujo—Hokoku). 1986. N 18.
149. *Kenji Sakai*. Ban Shigenobu's Note on the Debriefing of Kōdayu // Tōyōbunko Shohō. Tokyo University. 1992. N 23.
150. *Michiko Ikuta*. Gestures and Language Culture: From Hokusabunryaku // Russian and Soviet Study. Osaka Foreign Language University. 1993. N 17.
151. *Michiko Ikuta*. Kōdayu's Kiss: From Roshiakoku Suimutan // Jinbungakuho. Kyoto University. 1995. N 75.
152. *Takeshi Kamei*. A Profile of Kōdayu's Late Years // The History of Japan (Nihon Rekishi). Tokyo. 1993. N 538.
153. *Ryohei Kizaki*. The Story of Kōdayu's Drifting in Vol. 1 and Vol. 2 of «Roshiakoku Suimutan» («A Story of Sleeping Dream of Ruswian State») // The Historiography of Risshō University. Tokyo. 1993. N 73.
154. *Toru Nakanishi*. Kōdayu's Drifting to Russia: Tracing his Life and Footprints // Historical Places and Art (Shiseki and Bijutsu). 1993. N 3 and N 8.
155. *Keiko Ito*. Daikokuya Kōdayu in German Documents: The Background of the Asch's Collection // The Hikakubungakukenkyu. 1994. N 65.
156. *Noriyuki Iwai*. On the Japanese Map Drawn by Daikokuya Kōdayu in the Göttingen University: A Bibliographical Study // Kyoyo Ronshu of Meiji University. 1994. N 269.
157. *Yoshikazu Nakamura*. On the Structure of Dates and Miscellanie: When Kōdayu met Catherine II? // HUR. 1994. Vol. 3. N 112.
- II.1.158. *Kaori Kawabata* and others. A Study on 18th Century Russian Literature: The Problems of Modernization in Literature. Tokyo University. 1982.
159. *Eiichi Hizen, Takeo Suzuki, Shuuichi Kojima*. Japanische Forschungen zur russischen Geschichte in Vergangenheit und Gegenwart // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Stuttgart. 1985. Bd. 33. H. 3—4.

160. *Takashi Fujinuma*. An Outline of the History of Studies on 18th Century Russian Literature in Japan // Eurasian Studies. Institute of Eurasian Studies. Tokyo. 1995. N 8.
- II.3.161. *Makoto Fukuzumi*. On Karamzin's «Letters of a Russian Traveller» // Bulletin of Soyo Educational Institute. 1988.
162. *Makoto Fukuzumi*. A Russian Observation on 18th Century Paris: Translation from Karamzin's «Letters of a Russian Traveller». Sairyu Sha Publishing Company. Tokyo. 1995.
163. *Yasuo Urai*. An Analysis of Common Nouns in Karamzin's «Poor Liza» // SS. 1995. N 42.

**ИЗ МАТЕРИАЛОВ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ И. А. КРЫЛОВУ
(1—2 ноября 1994 года)**

С. А. ФОМИЧЕВ

ПОСЛЕДНИЙ РУССКИЙ БАСНОПИСЕЦ

Исключительное место И. А. Крылова в историческом движении русской литературы определяется тем, что он — а это доступно лишь некоторым великим писателям — исчерпал предельные возможности литературного жанра в их полифонии. Писатель такого типа, как Крылов, столь же традиционен, как и непредсказуем. Он классик — и в смысле сохранения литературных заветов, и в смысле создания непревзойденного по сию пору образца, а потому его традиции не ограничиваются одним жанром, а оплодотворяют едва ли не все жанры национальной литературы. В. Г. Белинский считал, что в основании новой русской литературы лежат «Горе от ума» и «Евгений Онегин». При всей высокой оценке критиком крыловских басен, он все же не решился сказать то же и о них. Возможно, здесь сыграла роль репутация «дедушки Крылова» — благостная, с одной стороны, и анекдотическая — с другой, репутация, которую во многом творил сам поэт и которая живет по законам легенды по сей день. Деятельный свой ум Крылов прикрывал в быту маской ленивца. Но достаточно прочесть одну за другой его басни о фортуне и ленивце, чтобы понять, насколько иначе он мыслил.

Классическая басня вырастает на мощной многовековой культурной почве, храня в своей генетической памяти опыт поистине всего человечества. Так, крыловская басня «Ворона и Лисица», традиционно открывавшая весь его басенный свод, сюжетно восходит к басне Эзопа «Ворон и лиса». Но непосредственно Крылов ориентируется уже на басни Лафонтена и Сумарокова на тот же сюжет. У Эзопа ворон держит в клюве кусок мяса (что правдоподобнее), у француза Лафонтена — сыр. Любопытно, что последний учитывает обработку басенного сюжета в опытах византийского писателя Игнатия Диякона (VIII—IX вв.):

Ел ворон сыр; лиса хитрить пустилася
«Будь голос у тебя — ты стал великим бы!»
Закаркал глупый, сыр из клюва выронив;
А та: «Есть голос у тебя, да мозгу нет»¹

На русской почве в данном басенном сюжете (у Третьяковского, Сумарокова, Хвостова и др.) тоже обычно упоминается сыр. Сумароков к тому же удачно заменяет Ворона вороной, тем самым существенно меняя сам регистр притчевого рассказа: по Эзопу, хитрая лиса обманула мудрого ворона — по Сумарокову, — разиню-ворону. Так подготавливается гениальная крыловская строка, открывающая рассказ: «Вороне где-то Бог послал кусочек сыру...» Здесь — бездна пространства. В самом деле, Вороне (по Далю, ворона — нерасторопный, вялый человек, разиня, рохля, зевака) оказал помощь... сам Бог, но сколь ничтожен Божий дар — всего кусочек сыра. «Чем Бог послал», — обычно говорит хозяин, угощая гостя. Но у Крылова здесь вполне очевидный иронический парафраз: каждому же ясно, что Ворона где-то сыр украла (ср у Третьяковского: «Негде ворону унести сыра часть случилось...»; у Сумарокова: «Ворона сыру кус когда-то унесла...»). Так подготавливается изначально неожиданный, но закономерный финал басни: вор (плутовка) у вора (разини) украл.

Крылов, как видим, учитывает все оптимальные находки, отложившиеся в многочисленных обработках традиционного сюжета, вплоть до отдельных удачных выражений. Ср. у Сумарокова: «Какие ноженьки, какой носок...», а также в анонимной басне «Ворона и Соловей»: ворона «запела, или, лучше сказать, закаркала во все горло».² Впрочем, уже в своей шутотрагедии «Подщипа» («Трумф») Крылов воспроизводил механизм сладкой лести в речи Цыганки, обращенной к самодовольному Трумфу:

Подумай сам ладненько
Ну где есть личико другое так бельенко,
Где букли толще есть, где гуще есть усы,
И у кого коса длинней твоей косы?
Где есть такой носок, глазок, роток, бородка
И журавлиная степенная походка?
Ну есть ли девушка иль мужняя жена,
Чтоб, на тебя взглянув, не ахнула она?

¹ Классическая басня М., 1981 С 91 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте) О том, что Лафонтену были знакомы басни Игнатия Диякона свидетельствует басня французского баснописца «Пастух и Лев — Лев и охотник», где, в частности, упоминается «один грек, заостривший до предела этот изящный лаконизм Каждый сказ он вмещает в четыре строчки» (с 119) Понятно, почему из басни византийского писателя исчезло мясо в рационе простого византийца его не было «Утром подавали вареную пищу, два или три блюда, обычно из рыбы, сыра, бобов и капусты, приправленных оливковым маслом, вечером ограничивались хлебом, к которому добавляли овощи или фрукты» (*Каждан А П Византийская культура (X—XII век) М., 1968 С 11*)

² Московский журнал 1791 Ч 3, кн 1 С 197—198

И здесь, как и в крыловской басне, нет, по сути дела, ни одного слова лжи, разве что подсюсюкивание («носок, глазок, роток, борода») и точный расчет на убежденность глупца в своих самоочевидных достоинствах.

Как правило, басенный рассказ у Крылова к тому же в каждом сюжетном повороте освещается мудростью народной — пословицами, растворенными в подтексте. Приведем лишь некоторые из них, как бы аукающие крыловскому тексту: «Бог-то Бог, да и сам не будь плох»; «На что вороне большие разговоры, знай ворона свое „кра“»; «Лисье племя только льстит да манит»; «Где лисий хвост, где волчий рот»; «Лестью и душу вынимают»; «Лесть словно зубами съест»; «Каркала вещунья на свою голову».

Потому-то сказочный сюжет и оборачивается обычно у Крылова былью. Ведь не только ворона в просторечии разиня и воровка, но и лиса — лукавый, хитрый человек, пролаз, пронира, корыстный льстец.

И так вплоть до отдельных деталей рассказа. В докрыловской традиции, например, казалось несущественным, на дерево какой породы уселась ворона со своей добычей (только у Сумарокова сказано конкретно: «на дуб села»). У Крылова же — ель; возможно, это подсказано известным русским обычаем вывешивать на кабаке еловую ветку, что обусловило фразеологическую синонимичность: ель — кабак; ср.: «идти под елку» (в кабак); «елка (кабак) чище метлы подметает».

Тем самым басня Крылова теряет четкость дидактической ориентации, вроде бы прямо сформулированной в преамбуле басенного рассказа («Уж сколько раз твердили миру...» и пр.). Она разоблачает лесть, но не представляет в сюжете положительного героя. Так, по сути дела, и должно быть, ибо лесть подобна взятке, где наказуем должен быть и взяткодатель и взяточник. И порок этот — не только бытовой, но и социальный. Уж нам ли этого не знать, помнящим верховных правителей нескольких последних десятилетий...

Вот это-то и создает, как неоднократно отмечалось в педагогической литературе (как правило, с недоумением), непригодность крыловской басни для целей детского воспитания. Используя басню в качестве нравственной прописи, педагог нередко не находил отклика в наивном восприятии, реагирующем на басенный рассказ не умозрительно (как *должно*), а эмоционально и по сути более точно.

Так же дети обычно жалеют Стрекозу, прослушав басню «Стрекоза и Муравей», должную доказать, по мысли воспитателя, что бездельничать аморально.

Заметим, что у Эзопа праздный жук не наказывается, его лишь упрекает труженик-муравей — и вполне справедливо:

«В летнюю пору гулял муравей по пашне и собирал по зернышку пшеницу и ячмень, чтобы запастись кормом на зиму. Увидел его жук и посочувствовал, что ему приходится

так трудиться даже в такое время года, когда все остальные животные отдыхают от тягот и предаются праздности. Промолчал тогда муравей...» (с. 5).

Но в библейской книге «Притчи Соломоновы» (6,6—14) тот же сюжет моралистически заострен:

«Подойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его и будь мудрым

. он заготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою .

...человек лукавый, человек нечестивый ходит с лживыми устами, мигает глазами своими, говорит ногами своими, дает знаки пальцами своими. .

..Зато внезапно придет погибель его, вдруг будет разбит — без исцеления»

Ригористическая жестокость такого приговора смущала русских баснописцев. В басне Хемницера «Стрекоза» Муравей хотя и произносит бездельнице приговор («Пропела? Хорошо! поди ж теперь свищи»), —

Но это только в поученье
Ей Муравей сказал,
А сам на прокормленье
Из жалости ей хлеба дал

В басне Муравьева «Стрекоза» сюжет усложняется: Стрекоза попадает на прокорм вместе с кузнечиками и оправдывается:

«Лишь то во весь мой век утеха мне и труд,
Что с былия на стебель неслась и восхищалась
Увы! почто даешь ты мне толь строгий суд?»
— Не обвиняй меня, — мужик рек на прощенье, —
Зачем в сообществе была ты таковым?»

Отсюда мораль:

О души, коих есть невинность украшенья!
Бегите общества с злодеем и врагом

В басне Озерова «Кузнечик» (то же в басне Нелединского—Мелецкого «Стрекоза», прямо полемичной по отношению к крыловской интерпретации традиционного сюжета) в противовес Эзопу и Соломону рассказ однозначно направлен против Муравья:

Но Муравей довольно всем знаком
Великий скопидом
Ни зернышка он даром не погубит,
Охотник собирать, а раздавать не любит
«Да как же запастись ты в лето не успел?» —
Спросил Кузнечика капиталист нечивый

«Так ты, голубчик, пел, пляши же голубца!»

В басне Крылова все сложнее Крыловский Муравей не скопидом, не «нечивый капиталист» — он работник. И мораль, выраженная его жестоким приговором («Ты все пела?»

это дело Так поди же попляши!»), — трудовая, крестьянская, многожды проверенная народной практикой «День (летний) год кормит», «Делу время, а потехе час» и т. п. Есть, правда, — как это нередко в пословичном фонде, — и заветы, прямо противоположные: «Дело не медведь, в лес не уйдет», «Не хлебом единым жив человек», «Молодо-зелено, погулять велено» и пр. Но в басне Крылова приоритет, несомненно, остается за правдой труженика. Это жестоко? Но разве представление о том, что народ добр, не грешит прекраснотушением? Выявляя этот беспощадно пророческий смысл басни, Куприн в рассказе «Попрыгунья-стрекоза» на пороге грозных потрясений русской истории начала XX в. пребывает в русле крыловской морали — трезво умного, а не благостного представления о народе.

Басни Крылова в лучших образцах — это, конечно, «маленькие комедии», где авторская позиция по законам драматургии проявляется не в речах резонерствующего персонажа, а в столкновении разнонаправленных мотивов поведения, из которых истиной в конечной инстанции может не оказаться ни один. Регистр комедийной практики Крылова в его басенном творчестве предельно широк: от фарса до высокой комедии, которая может разрешаться трагическим катарсисом.

Поэтому представление о баснописце как о благостном «дедушке Крылове» изначально неверно. Великолепный истинно русский ум, который отмечали в нем наиболее прозорливые современники, определяет высокое искусство Крылова-баснописца, исчерпавшего жанр классической басни, создавшего шедевры, не сводимые ни к дидактической прописи, ни к отвлеченной притче, ни к исчерпанному раз и навсегда историческому применению. Басня — это и аполог, и притча, и сатира, и сценка, и распространенная пословица. Но она еще и анекдот, вспоминаемый по поводу сиюминутного события.

Чтобы не создалось впечатления, что в данном случае мы искажаем или модернизируем жанр крыловской басни, напомним определения жанра анекдота, сформулированные в ту пору По Кошанскому, «цель его (анекдота. — С. Ф.) объяснить характер, показать черту какой-нибудь добродетели (иногда порока), сообщить любопытный случай, происшествие, новость...»³ По Никитенко, анекдот — «краткий рассказ какого-нибудь происшествия, замечательного по своей необычности, новости или неожиданности. Главнейшие черты хорошо рассказанного анекдота суть краткость, легкость и искусство сберечь силу или основную идею его к концу и заключить оный чем-нибудь разительным и неожиданным».⁴

³ Кошанский Н. Ф. Частная риторика. СПб., 1832. С. 65—68.

⁴ Энциклопедический словарь. СПб., 1835. Т. 2. С. 303. См. также Курганов Е. Литературный анекдот пушкинской эпохи. Хельсинки, 1995. С. 29—33.

Выявляя своеобразие крыловской басни, Л. С. Выготский убедительно доказывает, что действие ее строится на противоборстве двух планов, изначально запрограммированных в рассказе, заканчивающемся неожиданным прояснением скрытого до поры до времени смысла — катастрофой, пуантом; по сути дела, басня здесь анализируется по законам анекдота (хотя психолог, случайно или нет, и не вспоминает прямо об анекдоте)⁵

Советской эпохе не случайно оказалась особенно близка именно эта грань классического жанра, так как по преимуществу в анекдоте в эту пору и бытовало по необходимости «мнение народное».

Этот тезис проиллюстрируем примерами, взятыми из романа Солженицына «В круге первом».

Описывая быт «шарашки», писатель рассказывает забавное поначалу происшествие, закончившееся тоже анекдотически, но отнюдь не весело:

«В прошлый воскресный вечер, веселя публику, Рубин экспромтом сочинил пародию на крыловскую „Ворону и Лисицу“, полную лагерных терминов и невозможных для женского уха оборотов, за что его пять раз вызывали на „бис“ и качали, а в понедельник вызвал майор Мишин и допрашивал о возвращении нравственности; по этому поводу было отобрано несколько свидетельских показаний, а от Рубина — подлинник басни и объяснительная записка».⁶

Второй крыловский анекдот интерпретируется в романе предельно трагично:

«Превозмогая боль и дурноту, Рубин так же мерно старался ходить по коридору. Ему припомнилась басня Крылова „Булат“. Басня эта на воле проскользнула мимо его внимания, но в тюрьме поразил:

Булатный сабли острый клинок
Заброшен был в железный хлам,
С ним вместе вынесен на рынок
И мужику задаром продан там

Мужик же булатом драл лыки, щепал лучину. И однажды Еж спросил Булата в избе под лавкой, не стыдно ли ему? И Булат ответил Ежу, как сотни раз отвечал себе Рубин:

Нет, стыдно-то не мне, а стыдно лишь тому,
Кто не умел понять, к чему я годен!⁷

И развивая традиции Крылова, Солженицын завершает свой роман характерным советским анекдотом-былью, упоминая об иностранном корреспонденте, который отмечает рост благосостояния жителей Москвы, заметив участвовавшее дви-

⁵ Выготский Л. С. Психология искусства М, 1965

⁶ Солженицын А. И. В круге первом М, 1990 С 396

⁷ Там же С 545

жение по улицам города фургонов с надписью «Мясо» (ему невдомек, что в таких фургонах гэбисты развозят заключенных)...

Нельзя не отметить, что в эпоху гласности, когда политический анекдот исчезает за ненадобностью, так как общественная жизнь приучила к обнаженной анекдотичности повседневных ситуаций, басни Крылова то и дело приходят на ум. И это, конечно, тоже не случайно. Продолжая мощную литературную традицию, баснописец Крылов был писателем нового времени. Сатира его, как правило, социальна, а сам поэт предстает проницательным психологом, воспроизводя склад ума и чувств всех российских социальных групп и слоев, более стойкий, нежели политическая система. В этом отношении он прямой предшественник Салтыкова-Щедрина.

Упомянем в этой связи издание басен Крылова (СПб., 1864) с иллюстрациями академика Трутовского, в которых выявлен — только на первый взгляд неожиданный — актуальный смысл нестареющих анекдотов, прямо аукнувшийся в эпоху великих реформ Александра II. Было бы любопытно повторить подобное издание сейчас, сопроводив его, возможно даже, фотографиями, — особенно такие басни, как «Синица», «Лягушки, просящие царя», «Ручей», «Раздел» и т. д. и т. п. — вплоть до последней крыловской басни «Вельможа».

КРЫЛОВ И РУССО

(Человек в философских схемах и реальной жизни)

Среди писателей своего времени, на фоне литераторов конца XVIII—начала XIX века фигура Крылова, застывшего на своем диване под опасно висящей картиною, и проч и проч резко выделяется¹ Но выделяется она не только и не столько этой своей позою — у каждого писателя крыловского времени была своя поза, сознательно внедрявшаяся в литературные и бытовые тексты Выделяется она мудростью, которую в этом контексте должно понимать как оппозицию философичности

К сожалению, до сих пор нет работ о Крылове и Вольтере, о Крылове и Мабли, о Крылове и его русских современниках-мыслителях² Мудрец Крылов оказывается как бы вне философских систем своего времени Между тем у него было свое отношение к ним для него характерны скепсис по поводу любой философской системы как таковой и убеждение в слабости ее перед лицом здравого смысла.

Речь пойдет об отношении Крылова к идеям Ж-Ж Руссо В сочинениях Крылова имя французского писателя мы находим несколько раз.

В сатирической повести «Ночи» Крылов описывает «обольщающую красавицу» и говорит: «Не подумай, однакож, любезный читатель, что госпожа эта скудна разумом. Если бы и случилось кому покрасть ее прелести, то осталось у ней еще одно очарование, против которого никакое нынешнее сердце не устоит красноречие — вот ее сильнейшее оружие; она превосходит им сочинителя Новой Элоизы. Письма ее к любовникам очень убедительны, хотя, правда, все они на один образец, ибо начинаются так: „Объявителю сего платит Государственный заемный банк и проч.“ Воскресни, Руссо, подобно Магометову отцу, на один только час и увидь свою победительницу, а если ты столь отважен, что вздумаешь спорить с нею в преимуществе красноречия, то выставим на одну доску письма твоей Элоизы и моей, и я ручаюсь, что последние станут торжествовать и что за них ухватятся все, не выключая академиков и самого тебя».³ Далее в этой же повести передан разговор слуги Ивана и его Барина Когда Иван слишком «разумничался» перед своим господином, Барин на-

¹ См Гордин А М, Гордин М А Крылов реальность и легенда // И А Крылов в воспоминаниях современников М, 1982 С 23—27

² Крылов не упоминается в исследовании Ю М Лотмана «Руссо и русская культура XVIII—начала XIX века» (Лотман Ю М Избр статьи В 3 т Таллин, 1992 Т 2)

³ Крылов И А Сочинения В 2 т М, 1956 Т 2 С 242

мекает ему на наказание, и Иван говорит: «А, а, понимаю! вы говорите про палки... и признаюсь, что убедительнее Руссо доказываете мне вредность наук.»⁴ Оба эти высказывания свидетельствуют о том, что Крылов был хорошо знаком с основными сочинениями Руссо и, во всяком случае, весьма высоко оценивал достоинства Руссо-писателя. Однако, судя уже по ироническому высказыванию Ивана, который уподобил палку своего господина трактату Руссо «О влиянии наук на нравы», философское учение Руссо Крылов принять не может.

Широко известно и глубоко усвоенное русской культурой в конце XVIII—начале XIX века учение Руссо о двух типах идеала человеческой жизни: «. дикарь и человек цивилизованный настолько отличаются друг от друга по душевному складу и склонностям, что высшее счастье одного повергло бы другого в отчаяние. Первый жаждет лишь покоя и свободы, он хочет лишь жить и оставаться праздным, и даже спокойствие духа стойка не сравнится с его глубоким безразличием ко всему остальному. Напротив, гражданин, всегда деятельный, работающий в поте лица, беспрестанно терзает самого себя, стремясь найти занятия, еще более многотрудные; он работает до самой смерти; он даже идет на смерть, чтобы иметь возможность жить, он отказывается от жизни, чтобы обрести бессмертие < > Такова и в самом деле действительная причина всех этих различий: дикарь живет в себе самом, а человек, привыкший жить в обществе, всегда вне себя: он может жить только во мнении других, и, так сказать, из одного только их мнения он получает ощущение собственного своего существования».⁵

В русской художественной культуре это противопоставление двух идеалов оформилось в устойчивой оппозиции вольности и покоя, с одной стороны, и счастья — с другой, причем за «вольностью и покоем» закрепилось значение не только жизни природной, внегражданской, внеобщественной, но и жизни народной, а за «счастьем» — значение жизни социальной, культурной, активно гражданской и общественной.⁶ Первому идеалу соответствовали в литературе образы, которые М.М. Бахтин назвал образами циклического хронотопа, т. е. жизни на одном месте, ибо, только находясь на одном месте, можно со всей полнотой осознать смену времен года и суток — те природные циклы, которые, будучи применены к человеку, создавали метафорические образы утра жизни, вянущей младости печального заката наших дней и проч.⁷ Второму идеалу — идеалу гражданской жизни в борьбе за

⁴ Там же С. 255

⁵ Руссо Ж.-Ж. Трактаты М., 1969 С. 96—97

⁶ Подробнее об этом см. Строганов М. В. Человек в художественном мире Пушкина Тверь, 1990 С. 72—83

⁷ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества М., 1979 С. 205 Суждение Руссо о том, что человек цивилизованный «может жить только во

«счастье» — соответствовали образы линейного хронотопа, отмечающие, как правило, индивидуальность, своеобразие поисков того или иного человека. Для изображения этого линейного хронотопа использовались обычно те же образы, но со знаком «минус»: увядание на утре дней, любовные страсти в старости и т. п. Наконец, для изображения этих идеалов жизни могли использоваться и пространственные образы — сидения на одном месте и пути, замкнутого водного пространства (озеро, море) и текучего водного пространства (река)⁸

Еще в добасенный период Крылов неоднократно высказывался по поводу того, в чем он видит идеал жизни человека, хотя и не называет при этом имени Руссо. Так в оде «Блаженство» (1793—1795?) он горько сетует по поводу того, что

Везде природы совершенство
Луч осветил всходяща дня,
Все чувствует свое блаженство,
Все веселится вокруг меня,
Все видит счастье под ногами,
Не гонится за ним морями
Никто от счастья не далек
Один лишь только человек,
Гордась свободой без свободы,
Блаженства ищет вне природы

Ему покой и радость чужды
Рожден желаньями кипеть
Его отрада — множить нужды,
Его мученье — их терпеть
Средь брани ищет он покою,
Среди покоя — алчет бою,⁹
В неволе — враг земных богов,
На воле — ищет злых оков,
Он в будущем лишь счастье видит
И в настоящем ненавидит¹⁰

Здесь, а также в оде «Уединение», в «Отъезде из деревни» (оба — 1793—1795?) деревня, близкая природной жизни,

мнению других, и, так сказать, из одного только их мнения он получает ощущение собственного своего существования», оказывается исключительно близко основным положениям антропологии Бахтина «Я прячется в *другого* и *других*, хочет быть только другим для других, войти до конца в мир других как другой, сбросить с себя бремя единственного в мире Я (*Я—для—себя*)» (Бахтин М. М. Литературно-критические статьи М., 1986 С. 524). Не развертывая этого сюжета, укажу лишь, что эти антропологические идеи Руссо уже обсуждались: *Леви-Строс К* Руссо — отец антропологии // *Курьер ЮНЕСКО* 1963 Март С. 10—15

⁸ Усвоение этой образности в русской литературе XVIII—начала XIX века описано нами в кн. «Человек в художественном мире Пушкина» (С. 21—71), *Русская литература первой трети XIX века* Тверь, 1993

⁹ Парафразом этих двух стихов выглядит лермонтовский «Парус». Однако и он на самом деле просто восходит к философской конструкции Руссо

¹⁰ *Крылов И. А.* Стихотворения Л., 1954 С. 499, 501. В дальнейшем цитаты из стихотворных произведений Крылова приводятся по этому изданию с указанием страницы в тексте

описывается как «недра спокойства и свободы», а город — как «мрачный гроб природы» (С 495).

Вот, казалось бы, законченный руссоист Но дело в том, что в эти же годы Крылов пишет еще и другие стихотворения, в которых проявляется отношение к проблематике Руссо Это «Письмо о пользе желаний» и «Послание о пользе страстей» (оба — 1794—1795²) Здесь тоже нет имени Руссо; напротив того, здесь прямо упоминаются Соломон и Зенон Но спорит Крылов все-таки именно с Руссо:

Не тот счастлив, кто счастьем обладает
Счастлив лишь тот, кто счастья ожидает

Прочь, школами прославленный покой
Природы враг и смерти брат родной! (С 511)

Не покой и вольность, прославленные Руссо, а «счастье в борьбе» — вот идеал, пропагандируемый в этом стихотворении В другом из них Крылов пишет:

Чтоб заключить в коротких мне словах,
Вот что, мой друг, скажу я о страстях
Они ведут науки — к совершенству
Глупца — ко злу, философа — к блаженству
Хорош сей мир, хорош но без страстей
Он кораблю б был равен без снастей (С 520)

Здесь Крылов спорит с трактатом Руссо о влиянии наук на развитие общества И если Руссо видел в науках пагубу для общественной жизни, то Крылов утверждает благость их влияния ¹¹

Итак, уже в 1790-е гг. Крылов дает два прямо противоположных толкования проблематики Руссо. Почему? Объяснение этому мы попытаемся дать чуть позже.

Обратимся к басням Крылова. Не составит большого труда обнаружить среди его басен группу, в которой противопоставлены эти идеалы жизни Сначала — «Два Голубя» (1803). Сюжет этой басни взят из Ж. Лафонтена (до Крылова этот сюжет разрабатывался в России А. П. Сумароковым, И. И. Дмитриевым, Д. И. Хвостовым) Но дело в том, что практически одновременно с Крыловым этот же сюжет (без аллегорической, впрочем, формы) осваивают В. А. Жуковский в «Теоне и Эсхине» и К. Н. Батюшков в «Странствователе и домоседе». У всех трех авторов подчеркивается преимущество домоседства, которое и обеспечивает постижение подлинных ценностей жизни, в то время как странничество, напротив, отдаляет человека от них.

¹¹ Полемику с этим трактатом Руссо у Крылова отметил уже Н. Л. Степанов (*Степанов Н. Л. Крылов — баснописец // И. А. Крылов Исслед и мат. М., 1947 С. 74*), указав на басню «Водолазы» и на «Похвальную речь в память моему дедушке» (1792) Ср. *Крылов И. А. Сочинения В 2 т Т 2 С. 290* В более поздних работах (например, «Басни Крылова» М., 1969) Н. Л. Степанов уже не возвращался к этому вопросу

Если же человек сознательно нарушает природный цикл, то это оборачивается для него гибелью. Об этом идет речь в басне «Дерево» (1814): деревце, стремясь скорее вырасти, просит человека вырубить вокруг него высокие деревья. Когда человек сделал это, деревце, лишившись естественной защиты, погибло. Здесь, казалось бы, верные подтверждения тому, что Крылов является последователем Руссо: он за этические ценности природной, «дикой» жизни, против жизни «цивилизованной», социальной.

Но дело в том, что рядом с басней «Дерево» в третьей книге басен Крылова находится басня «Старик и Трое Молодых» (1805; также написана на сюжет Лафонтена). Здесь трое молодых людей смеются над стариком, сажающим дерево, ибо он не сможет наслаждаться его тенью и плодами. Старик отвечает, что дни человека сочтены не людьми, и оказывается прав: все Трое Молодых вскоре умерли. Получается, что Трое Молодых, утверждавших циклический хронотоп как норму жизни, ошибались. И это действительно так, ибо и на самом деле не нам судить о длительности нашей жизни, — но это церковно-христианское воззрение. С точки же зрения схемы, предложенной Руссо, трое молодых — это носители истины.

Крылов дает, таким образом, два прямо противоположных ответа на вопрос о преимуществах/недостатках циклического времени. В басне «Старик и Трое Молодых» он опровергает его, а в басне «Дерево» его утверждает. Но обратим внимание на даты произведений. «Старик и Трое Молодых» написана в 1805 г., а «Два Голубя» и «Дерево» соответственно — в 1808 и 1814 гг. Может быть, изменение решений обусловлено идейной эволюцией автора?

Однако в таком случае Крылов вряд ли стал располагать басни, противоречащие друг другу, рядом. Обратимся к басне «Пруд и Река» (1814). Здесь изображен спор Пруда, олицетворяющего собой ценности циклического хронотопа — вольность и «покой», — и Реки — носительницы ценностей хронотопа линейного: «труда» и борьбы за счастье («И пользу приношу, и в честь вхожу и в славу»). Этот спор решается в пользу Реки, в пользу линейного хронотопа: Река и поныне катит свои волны, отягощенные грузом, а Пруд зацвел и заглох. Напрашивается живая аналогия: Обломов и Штольц.¹² Таким образом, в одном и том же 1814 г. написаны басни совершенно противоположных ориентаций: так сказать, анти-руссоистская «Пруд и Река» и проруссоистская басня «Дерево».

Это объяснить можно только одним. Ни одна философская система как таковая не верна и не справедлива с точки зрения Крылова. Ни одна философская система не исчерпывает

¹² На возможность применения этой аналогии указал еще М. М. Бахтин (*Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики* М., 1975 С. 383)

всего многообразия жизни. Каждый раз, прикладывая ту или иную философскую модель к реальной жизни, мы вынуждены давать новый ответ. Готовых решений нет, и то, что было хорошо и верно вчера, сегодня стало уже неверным и не подходит к нашим взглядам.

Этим и удобна поза мудреца-баснописца, а не философа. Философ обязан строго последовательно выводить из посылки следствие, он должен строить логическую систему доказательств и аргументов. Мудрецу-баснописцу этого не требуется: он рассказывает историю, конкретную и связанную с целым рядом обуславливающих ее причин. Поэтому к каждой истории и прикладывается свой, особый вывод. То, что могло казаться противоречием в лирике, в басенном творчестве снимается логикой жанра. Мудрец потому и мудрец, что он не подлаживается к теории, а умеет каждый раз мудро решить, казалось бы, один и тот же, но одновременно и иной (в силу конкретных обстоятельств) вопрос.

Подобная «противоречивость» особенно наглядно проявляется при решении социальных вопросов. Вот самый простой и естественный из них: социальное равенство — это благо или зло? Кажется, иного, кроме положительного, ответа быть не может. И Крылов пишет, что отсутствие социального равенства приводит к насилию слабого над сильным («Волк и Ягненок», 1808), к непризнанию верхами прав низов («Листы и Корни», 1811; «Мор зверей», 1805), при этом сильные надменны по отношению к слабым, хотя те больше трудятся на общую пользу («Орел и Пчела», до 1813; «Водопад и Ручей», 1812; «Пожар и Алмаз», 1812). Перед природою все равны («Василек», 1823), но люди часто не только нарушают природное равенство, но и установленное ими самими («Совет Мышей», 1811).

Итак, вывод напрашивается сам собою: Крылов отстаивал социальную справедливость и равенство всех людей перед высшим судом.

Но для этого естественного, казалось бы, вывода есть и контрвыводы. Во-первых, при наличии общих социальных условий не каждый умеет правильно воспользоваться ими («Фортуна в гостях», 1816). Во-вторых, если дать людям социальное равенство — они полезут выше, туда, где находится для них нет никаких оснований. Лягушка будет утверждать, что «мы пахали» («Лягушка и Вол», 1808), Скворец захочет петь по-соловьиному, не имея соответствующего дара («Скворец», 1816). Колос будет претендовать на особое внимание, хотя сеятель и сам знает, чего он достоин («Колос», 1819). Поэтому Крылов призывает:

Когда не хочешь быть смешон,
Держися звания, в котором ты рожден.
Простолюдин со знатью не родился;
И если карлой сотворен,

То в великаны не тянися,
А помни свой ты чаще рост
(«Ворона», до 1824,
С 323)

Отсутствие социального равенства — такое же зло, как и наличие его. Люди не умеют пользоваться равенством либо злоупотребляют им. Но одновременно люди и попирают равенство, ущемляя права слабых и бедных.

Так же — внешне противоречиво, а внутренне очень стройно — решается и вопрос о характере отношений власти и подданных. Диктатура лучше демократии. Такой вывод прямо следует из сюжета басни «Конь и Всадник» (1814):

Как ни приманчива свобода,
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мера не дана (С 196)

Так же точно решается вопрос и в баснях «Собака» (1816), «Кот и Повар» (1812). Но вот — «Лев на ловле» (1808). Когда власть своей силой претендует на кусок, принадлежащий слабым по праву, она перестает быть справедливой. Нельзя однозначно, раз и навсегда сказать, что одно хорошо, а другое заведомо плохо. Каждый раз приходится решать заново: что плохо, а что хорошо. В этом умении решать и заключается мудрость человека, который, не строя теорий, отдал предпочтение самой жизни. Так Крылов рассчитался со «столетьем безумным и мудрым»...

**«ОБРАЗ КРЫЛОВА» В ВОСПРИЯТИИ
К. Н. БАТЮШКОВА**

Уже одно упоминание имени знакомого писателя несет с собой некое впечатление «внешности», определяемое «образом» его произведений. *«Старик Аксаков»* — непременно седой патриарх с окладистой бородою, как будто и молодым никогда не был. *«Малютка Батюшков»* (по возрасту переживший С. Т. Аксакова) — обязательно «юноша-поэт» со светлыми кудрявыми волосами. *«Язвительный Вяземский»* — человек «без возраста», в неизменных круглых очках и с улыбкой опытного аналитика. Поэты XVIII века — почти все «мужи» почтенного возраста. И некий особенный символ «возмужалости» — *«дедушка Крылов»*, средоточие стихии поэтического «учительства» и житейского морализаторства.

Нет необходимости доказывать, что этот хрестоматийный «образ Крылова» никоим образом не отражает всех сложностей личностного и творческого облика баснописца. Но если обратиться к самому процессу оформления этого образа, то можно наметить ряд существенных тенденций, в соответствии с которыми образ этот, существуя в сознании современников во всей своей сложности, постепенно освобождался от каких-то «неглавных» черт и начинал осознаваться как биографический миф со всеми его конструктивными элементами.

Этот-то процесс «очищения» — и соответственной мифологизации — «образа Крылова» любопытно проследить в спектре оценок его личности — житейской и творческой, представленных его младшим современником К. Н. Батюшковым.

В письмах Батюшкова Крылов упоминается 33 раза (не считая писем «сумасшедшего» периода). По этим письмам устанавливается начало личного знакомства обоих поэтов: лето 1808 года (II, 78).¹ Они познакомились в доме А. Н. Оленина, который около этого времени принял горячее участие в судьбе Батюшкова (II, 84). С этих пор они особенно не сближались, хотя продолжали быть в приятельских отношениях. Существовала между ними и переписка: в одном из писем 1816 г. Батюшков упоминает полученное им письмо от Крылова (II, 398), а в 1817 г. через Н. И. Гнедича благодарит его за поправки и замечания к текстам *«Опытов в стихах и прозе»* (II, 436; 450, 453 — ни письма Крылова, ни замечания до нас не дошли).

¹ Произведения и письма К. Н. Батюшкова цитируются по наиболее полному научному изданию: *Батюшков К. Н. Соч.:* В 2 т. М., 1989. Далее в скобках указываются том и страница этого издания.

Но за этими достаточно скудными материалами «внешне-го» общения Крылова и Батюшкова стоит нечто более существенное. Батюшков постоянно намечает «для себя» некий «образ Крылова», как бы пытаюсь разобраться в непростых и противоречивых чертах многослойной личности поэта старшего поколения, произведения которого очень ему нравятся. При этом Батюшков как бы старается определить для себя: «делать жизнь с кого»...

Первое из развернутых упоминаний этого ряда находим в письме Батюшкова к Гнедичу от 1 ноября 1809 г. — оно формирует исходное восприятие: «Крылов родился чудачком. Но этот человек — загадка, и великая!.. Играть и не проигрывать. Скупость уметь соединять с дарованиями, и редкими, ибо если б он более трудился, более занимался... Но я боюсь рассуждать, чтоб опять не завраться» (II, 108).

«Крылов родился чудачком...» Понятие «чудак» в представлениях начала XIX в. было многозначным. Здесь и прямое значение: «чудаковатый», смешной человек, непохожий на других. И значение некоего «бытового» вызова окружающему миру: пушкинский Онегин выступает как «опаснейший чудак» (в восприятии соседей) и как «неисправленный чудак», «притворный чудак» (в восприятии автора). И значение, определяющее психологические искания предромантизма: «чудак» как средоточие противоречий «внутреннего человека», осмысляемое не столько бытом, сколько особенностями «устройства» человеческого ума и «сердца», на дне которого «крокодил» (образ из повести Ф. Р. Шатобриана «Рене», трансформированный в стихотворении Батюшкова «Счастливец»).

В пределах этой многозначности Крылов как тип «писателя-чудака» становился в глазах его младшего современника неким эталоном, носителем целого ряда факторов мифологического порядка. Бытовое «чудачество» становилось показателем «перевернутой» биографии (что отмечается в современных биографиях Крылова): «Когда-то, в дни молодости, Иван Андреевич Крылов придумал для себя псевдоним „Нави Вольтер“. Если прочесть эти слова наоборот, то и получится „Иван Крылов“. Таким „человеком наоборот“ и прожил свою долгую жизнь баснописец».² Отсюда же происходил и характерный «вызов» окружающему «правильному» обществу, которое «неправильный» гений заставляет смириться со своими «чудачествами». Здесь, наконец, заключалась и сама «загадка»: поиски тех истоков «чудачества», которые делают его характеристическим явлением времени.

«Загадку» эту Батюшков пытается объяснить, отталкиваясь от наиболее «заметного» биографического качества крылов-

² Смирнов-Сокольский Н «Нави Вольтер» Библиографическая повесть об Иване Крылове // Смирнов-Сокольский Н Рассказы о книгах 2-е изд М, 1960 С 271

ской личности — знаменитой крыловской «лени», его «спокойствия, доходящего до неподвижности» (П. А. Плетнев).³ И уповает на «труд»: «...ибо если б он более трудился, более занимался...» Но не случайно также и опасение «завратиться» в этом пассаже. Через несколько месяцев — в записной книжке 1810 г. («Разные замечания») — Батюшков ставит вопрос несколько иначе: а что, собственно, означает эта крыловская «лень»?

«Чтоб написать толстую ученую книгу, вам надобно иметь бумагу, перо и книги. Выбирай и пиши. Чтоб написать умную песню, надобно иметь сердце и ум. Однако ж иные не любят ни певца, ни дарования, а очень любят толстые книги. Я видел людей, которые стояли на коленях перед профессором, сочинителем „Лексикона“ (!!!), и те же люди разговаривали с Крыловым как с простяком» (II, 25).

В записной книжке 1817 г. («Чужое: мое сокровище!») эта же идея уточняется и принимает парадоксальный вид. Батюшков рассуждает о той бездне «чтения», которая открывается перед «трудящимся литератором»: «Какая пучина! Англичане, немцы, итальянцы, португальцы, гишпанцы, французы, восточные полуденные народы и вечные древние! Кто обвинит все творение ума человеческого! и зачем? Крылов ничего не читает, кроме „Всемирного путешественника“, расходной книги и календаря, а его будут читать и внуки наши. Талант нелюбопытен: ум жаден к новости; но что в уме без таланта, скажите, Бога ради! И талант есть ум: правда! Но ум сосредоточенный» (II, 45).

Современный поэт поэтически развил эту парадоксальную идею на соединении тех же двух имен: Батюшкова и Крылова:

Физически нельзя
Быть в курсе всех событий
Как Батюшков сказал —
Талант нелюбопытен
Он прочим — не чета
Рождающему слово
Не надо все читать, —
Возьмите хоть Крылова 4

Соединение это отнюдь не случайно. Батюшков совершенно искренне считал, что гений Крылова лежит где-то на стыке таланта, лени и особого рода «нелюбопытности», возникающей на том этапе, когда талант начинает реализовываться как «сосредоточенный ум».

В экспромте «Есть дача за Невой...» (вошедшем в состав письма к А. И. Тургеневу от середины мая 1813 г.) Батюшков обозначил четыре устойчивые номинации «образа Крылова»:

³ Плетнев П. А. Иван Андреевич Крылов // И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 200

⁴ Городницкий А. Берег. М., 1984. С. 71

Поэт, лентяй, счастливец
И тонкий философ,
Мечтает там Крылов
Под тению березы
О басенных зверях... (II, 249).

«Поэт» — и «лентяй», «счастливец» — и «философ». Для представлений начала XIX в. это противоречивые данности: поэт не должен быть «лентяем», равно как и счастливец — «философом». И в этом смысле Крылов тоже оказывается «загадкой».

Подобные установки определили и «образ Крылова» в знаменитой сатире Батюшкова «Видение на берегах Леты» (1809). М. Г. Альтшуллер справедливо предположил, что само появление этой сатиры было своеобразным литературным откликом на эпизод (случившийся 13 марта 1809 г.), когда Крылов, баллотировавшийся в Российскую академию вместе с такими «столпами», как С. А. Ширинский-Шихматов и А. А. Писарев, был демонстративно «провален» (в то время как прочие получили одобрение приемной комиссии).⁵ Этот беспрецедентный провал популярного сатирика, драматурга и баснописца был, в системе вышеприведенных наблюдений Батюшкова, вполне естествен: с Крыловым обошлись, «как с простяком».

В сатире Батюшкова «на берегах Леты» собирается пестрая толпа современных литературных деятелей: карамзинисты и «сочлены» Шишкова, патриоты и космополиты, сентименталисты и романтики, женщины и мужчины... Все они имеют одну общую черту: их творения тонут в Лете, т. е. обрекаются на забвение. «Бессмертия» удостоены двое: «славенофил» А. С. Шишков (в отличие от его «собратьев юных») и — Крылов. В том, что «спасшихся» в Лете именно двое (а не один Крылов, вопреки расхожему мнению), заключался огромный полемический смысл.

Действительно, «славенофил» добивается своего бессмертия с великими трудностями:

Один, один славенофил,
И то повыбившись из сил,
За всю трудов своих громаду,
За твердый ум и за дела
Вкусил бессмертия награду (I, 376).

Литературная молва тут же прибавила стих, поясняющий характер шишковского «бессмертия»: «Поставлен с Тредьяковским к ряду».⁶ В основных списках сатиры этот стих отсутствует: все ясно и без него. «Громада трудов», «дела», да еще и чрезмерное напряжение сил плохо сочетаются с обликом истинного таланта.

⁵ Иван Андреевич Крылов: Проблемы творчества. Л., 1975. С. 170—171.

⁶ См.: Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. 2-е изд. М., 1869. С. 197.

Крылов же удостоен бессмертия с завидной легкостью: не за какие-то «дела» (в отличие от Шишкова он может представить «на суд» *очень мало*), а просто за то, что он настоящий *поэт*. И даже за то, что он *лентяй и счастливец*. И за то, что *чудак*:

Тут тень к Миносу подошла
Неряхой и в наряде странном,
В широком шлафроке издранным,
В пуху, с нечесаной главой,
С салфеткой, с книгой под рукой
«Меня врасплох, — она сказала, —
В обед нарочно смерть застала,
Но с вами я опять готов
Еще хоть сызнава отведать
Вина и адских пирогов.
Теперь же час, друзья, обедать,
Я — вам знакомый, я — Крылов» (I, 376—377)

«Образ Крылова» здесь явно снижен, и однако, как заметил Н. И. Гнедич в письме к Батюшкову, следует «признаться, что пьеса будто для него одного писана». В том же письме Гнедич сообщает о реакции Крылова: «Каков был сюрприз Крылову; он на днях возвратился из карточного путешествия; в самый час приезда приходит к Аленину и слышит приговоры курногого судьи на все лица; он сидел истинно во образе мертвого; и вдруг потряслось все его здание и у него слезы были на глазах...»⁷

И сама «сниженность» образа здесь явно особенная. Основными чертами «биографического» Крылова оказываются здесь желание поспать («лень») и страсть покушать. Судя по сатире, Крылова «в обед нарочно смерть застала», но, явившись на берега Леты, он более всего озабочен тем, как бы пообедать «хоть сызнава», и в конце концов —

Крылов, забыв житейско горе,
Пошел обедать прямо в рай (I, 377)

«Однажды Батюшков шутя предсказал в стихах, что Крылов умрет за обедом. Современники впоследствии утверждали, что почти так оно и случилось», — заметил по этому поводу М. А. Гордин.⁸ «Образ Крылова», любителя покушать, сформировался во многом благодаря этой сатире и впоследствии трансформировался в мемуарах современников как действительно *ведущая* черта его облика: «Любил покушать наш Иван Андреевич! Не многие осмеливались с ним состязаться в этом деле; он выдерживал в гастрономии сильные поединки и всегда оставался победителем» (М. Е. Лобанов).⁹

⁷ С неточностями приведено в кн.: Фридман Н. В. Поэзия Батюшкова М., 1971 С. 146 Ср автограф: ИРЛИ, р 1, оп 5, ед хр 56, л 7 (письмо от 6 декабря 1809 г.)

⁸ Гордин М. А., Гордин А. М. Крылов реальность и легенда // И. А. Крылов в воспоминаниях современников С. 27

⁹ Лобанов М. Е. Жизнь и сочинения И. А. Крылова // И. А. Крылов в воспоминаниях современников С. 70

Но у Батюшкова дело вовсе не ограничивается констатацией подобного «обжорства». Смысл введения этой детали более глубок. Крылов единственный из героев «Видения...» *ничего* не говорит ни о литературе, ни о собственных заслугах на поприще русской словесности, предпочитая темы намеренно «низкие», намеренно «прозаические». Но в его устах эти темы оказываются значимее и достойнее собственно «литературных» рассуждений всех прочих героев. Это черта, прямо соседствующая с истинным поэтическим «бессмертием».

Ни один из других героев «Видения...» не представлен Батюшковым так детально и так «биографически». По отношению к остальным Батюшков ограничивается саркастическими формулами, никак не определенными бытовым обликом: «*маленькая тень*» (Мерзляков), «*Русской и поэт*» (С. Глинка), «*Сафы Русские*», «*беззерный*» (Д. Языков), «*Пастушок*» (Шаликов) и т. п. Крылов же удостаивается бессмертия еще и потому, что его житейский и поэтический облик выходит за рамки «приличного» представления о «среднем» человеке.

При этом детали «образа Крылова», несмотря на «сниженность», не переставали осознаваться как характерно поэтические. Тот же М. Е. Лобанов, один из приятелей покойного баснописца, построил биографию Крылова как свод мемуарных анекдотов о поэтической лени, поэтическом «обжорстве» и особого рода «неопрятности», причем привел свод этих анекдотов из самых «поэтических» соображений. А лицеист Пушкин, создавая — в подражание сатире Батюшкова — свою сатиру «Тень Фон-Визина» (1815) и воспроизводя там ту же ситуацию литературного «суда»,¹⁰ на место «бессмертного» Крылова (явившегося «*в пуху с нечесаной головой*») ставит «бессмертного» Батюшкова («*Певец Пенатов молодой*»). И образ Батюшкова в восприятии Пушкина напоминает бытовой образ Крылова в восприятии Батюшкова: он тоже «*весь в пуху*» и ленивый, и сонный, и неряшливый, правда, еще

с Лилой нежится младою,
Забыв совсем, что он пиит¹¹

Так бытовой «образ Крылова» превращался в литературный образ истинного Поэта.

На этой «сгущенной» бытовой основе постепенно начинают проявляться черты будущего «*дедушки Крылова*», писателя старшего поколения, над некоторыми частностями облика которого можно подсмеиваться, но при этом не забывать об его особенной житейской мудрости, границы и существо которой выходят за пределы собственно литературы.

¹⁰ Сопоставление «Тени Фон-Визина» и «Видения на берегах Леты» см. Кошелев В. А. Пушкин и Батюшков К проблеме литературного влияния // Болдинские чтения Горький, 1987 С 4—17

¹¹ Пушкин Полн собр соч Изд АН СССР, 1937 Т 1 С 164

В «Моих Пенатах» (1811) Крылов назван «баловнем природы» (I, 212). В «Похвальном слове сну» (1816) — зашифрован как «знаменитый ленивец», «который пишет прелестные басни и комедии и необоримую леность свою умеет украшать прочнейшими цветами Поэзии и Философии» (I, 115—116). «Цветы Поэзии и Философии» Батюшков находит прежде всего в крыловских баснях: «Поклонись от меня бессмертному Крылову, бессмертному — конечно, так! Его басни переживут века. Я ими теперь восхищаюсь» (из письма к Н. И. Гнедичу от 17 августа 1816 г. — II, 399).

Судя по дате этого письма, Батюшков «восхищается» только что вышедшим новым изданием басен Крылова в четырех частях. Но и до этого времени в его письмах находим многочисленные следы этого восхищения. В прозе Батюшкова часты цитаты из крыловских басен «Лисица» (II, 33), «Крестьянин в беде» (II, 438), «Сурок» (I, 111), «Демьянова уха» (II, 509). Последние две басни он в июле 1813 г. послал П. А. Вяземскому «из благодарности за поправки» к «Моим Пенатам» (II, 251). В письме к Гнедичу из армии от 30 октября 1813 г. Батюшков заметил: «Скажи Крылову, что ему стыдно лениться: и в армии его басни читают наизусть. Я часто слышал их на биваках с новым удовольствием» (II, 264). В том же ряду — многочисленные упоминания типа: «Басни Крылова рассмешили» (II, 409); «...басни его здесь в великом употреблении» (II, 509) и т. п.

Но за этим «восхищением» скрывается совершенно особенное восприятие Батюшковым крыловских басен. Вот характерный пример.

В 1817 г. Батюшков завел записную книжку под названием «Чужое: мое сокровище!», куда поначалу записывал (с краткими замечаниями) понравившиеся ему «чужие» тексты. В этой книжке переписана обширная басня Крылова «Добрая лисица» (19-я басня из IV книги); далее следует комментарий: «Без сомнения, это одна из лучших басен Крылова. Изобретение, рассказ, слог, здесь все прелестно. Красноречие лисы убедительно, и последняя черта — *chef-d'oeuvre*: „И поученья не допела!“» (II, 33).

Замечание это — типичное для литератора, работающего в «близких» жанрах. Батюшков отмечает блистательно построенный сюжет («рассказ»), «слог», убедительность «красноречия» лисицы (ее речь, последовательно построенную по принципу градации) и особенно выделяет пуант-концовку. Подобный же «уровень» замечаний обнаруживает, например, Пушкин в пометах на полях батюшковских «Опытов...»: «По чувству, по гармонии, по искусству стихосложения, по роскоши и небрежности воображения — лучшая элегия Батюшкова».¹² Т. е., ка-

¹² Там же. Т. 12. С. 263.

залось бы, перед нами — литератор-«наследник» и поэт-«соперник».

Между тем все попытки Батюшкова работать в басенном жанре имели плачевный результат. В «Опыты» вошла лишь одна его басня — «Сон Могольца», но сам Батюшков (по свидетельству Пушкина) именовал ее впоследствии «монгольской басней» (т. е. варварской!).¹³ Два других его опыта в басенном жанре — «Пастух и Соловей» и «Филомела и Прогна» — явно неудачны. Не лучше, вероятно, были и не дошедшие до нас, перечисленные в оглавлении несостоявшегося сборника 1810 г. басни «Блестящий червяк», «Орел и Уж», «Лиса и пчелы» (II, 28). Не случайно же ближайший друг Батюшкова П. А. Вяземский именовал его в письмах «дурным баснописцем» и издевательски писал о его «прекраснейших способностях к ремеслу Лафонтена».¹⁴

Тем интереснее этот субъективный фактор батюшковского «соперничества». Выделяя, например, «последнюю черту» крыловской басни, он как будто даже не замечает, что это еще не финал, что за «пуант-концовкой» басенного рассказа следует большая (в 8 стихов) мораль, переадресовывающая поведение «доброй лисицы» к людям («На деле же почти такие люди все / Сродни моей лисе»). Собственно мораль его не интересует: его привлек мастерский *пуант*, который он тут же готов признать «шедевром». Басня эта переписана из IV книги крыловских басен; рядом с нею были напечатаны произведения, получившие несравненно более шумный резонанс: «Квартет», «Листы и Корни», «Лебедь, Щука и Рак», «Тришкин кафтан», «Любопытный».. Батюшков почему-то выбрал именно эту. Кстати, «соседнюю» с нею басню, «Крестьяне и Река», он тоже запомнил и спустя 35 лет, 24 апреля 1852 г., находясь в состоянии душевной болезни, воспроизвел ее по памяти и приписал филологическое замечание, касающееся выражения «половина добра».¹⁵

Как видим, Батюшкова интересует прежде всего «механизм» басенного творчества, а не басенные «реалии», и тем более не морально-политический смысл. И в пределах подобного интереса он действительно ощущает себя не очень удачливым соперником.

Может быть, этим объясняется еще одна странность, опять-таки относящаяся к периоду психической болезни Батюшкова. К концу 1840-х годов он, живший в Вологде у

¹³ Там же С 278

¹⁴ Вяземский П. А. Письма к К. Н. Батюшкову / Публ. В. А. Кошелева // Литературный архив. Материалы по истории русской литературы и общественной мысли СПб, 1994 С 129

¹⁵ Приведено в изд. Батюшков К. Н. Сочинения СПб, 1886 Т 3 С 593 С некоторыми уточнениями см. Власов А. С. Заметки о жизни К. Н. Батюшкова в Вологде / Публ. В. А. Кошелева // История в лицах. Историко-культурный альманах. Череповец, 1993 Вып 1 С 154

родственников, несколько оправился от страшного заболевания (буйное помешательство его сменилось тихим), но так и не вошел в новое окружение, продолжая жить «теми идеями и понятиями, которые вынес из сознательных лет своей жизни, и далее их не шел, ничего не заимствуя из современности, которой для него как будто не существовало».¹⁶ Он почти забыл прежних своих близких друзей и знакомых (Гнедича, Вяземского, Жуковского, Тургеневых, Пушкина и др.), вспоминал о них в прошедшем времени, но единственным «сегодняшним» литературным воспоминанием для него остался именно Крылов. Вот характерные замечания из его «сумасшедших» писем:

Из письма к внучатой племяннице А. Г. Гревенс (лето 1849 г.): «Просите вашу маменьку прислать мне духов, деньги на покупку может занять на мое имя у Ивана Андреевича Крылова. Он знает, как я честно плачу то, что беру займы» (II, 587). Из письма к вологодскому знакомому П. И. Белецкому (28 сентября 1853 г.): «Льстивое письмо Ваше я получил, любезный Петр Иванович, при беспрестанном чтении моем на память у окна вологодской конторы народной басни Крылова „Лисица и Ворона“» (II, 589).

Естественно, что столь напряженный интерес к Крылову, определивший даже и ощущения душевнобольного, был связан с особенной ролью, которую играл Крылов в литературе его времени. Восприятие душевнобольного Батюшкова сродни восприятию младшим современником «дедушки Крылова», «народного» баснописца, ставшего своеобразным эталоном поэта и близкого человека, которого можно просить о чем угодно и который поможет и простит, ибо — «дедушка». В конце жизни Батюшков сам попал под обаяние той же легенды, в создании которой принял не последнее участие.

Впрочем, не только в конце жизни и не только в состоянии сумасшествия. Феномен «дедушки Крылова» возникает уже в письме Батюшкова из его пошехонской деревни Хантоново от мая 1817 г.; Батюшков описывает здесь антураж своей знаменитой элегии «Беседка муз»: «Я убрал в саду беседку по моему вкусу, в первый раз в жизни. Это меня так веселит, что я не отхожу от письменного столика, и веришь ли? целые часы, целые сутки просиживаю... руки сложа накрест. Сам Крылов позавидовал бы моему положению, особливо когда я считаю мух, которые садятся ко мне на письменный стол. Веришь ли, что очень трудно отличить одну от другой» (II, 440). «Сам Крылов» в данном случае высший авторитет, осознаваемый вполне серьезно:

Пускай и в седилах, но с бодрю душой,
Беспечен, как дитя всегда беспечных Граций,

¹⁶ Власов А. С. Заметки о жизни К. Н. Батюшкова в Вологде. С. 151

А в мае 1819 г., в письме из Италии, Батюшков заметил: «Греко-российскому Крылову бью челом и прошу его филолюбивую милость прислать мне новое издание басен» (II, 538). Крылов назван «греко-российским» не потому, что он «наследник Эзопа», а потому, что явил «греческое» представление о вполне свободном поэте, возросшем на почве российской действительности.

Это же ощущение проявилось и в единственном эпизоде творческого вмешательства Крылова в стихи Батюшкова. Весной 1817 г. Батюшков жил в деревне; в это время его приятель Гнедич в Петербурге собирал произведения для включения в издаваемый им том «Опытов в стихах» Батюшкова. Последний в многочисленных письмах к Гнедичу просит не печатать «дряни», отбирать только лучшее и при этом посоветоваться с друзьями-поэтами (среди которых называет и Крылова). К сожалению, ответные письма Гнедича за этот период до нас не дошли, и мы располагаем только «односторонней» информацией. В марте 1817 г. Гнедич показал Крылову (сослуживцу по Публичной библиотеке) какие-то батюшковские стихи; Крылов сделал на письме Гнедича к Батюшкову какую-то приписку («примарание»). Батюшков отреагировал на это «примарание» болезненно: «Поблагодари Ивана Андреевича за его *примарание*, но скажи ему, что мы сами с усами. Скажи ему, милый друг, что из всех его басен мне всего более нравится та, которую он кончил такими стихами:

Спой, светик, не стыдись... и проч.

Он помнит, что следует. Но за что меня жаловать в вороны? Грех ему, право, грех!» (II, 436). Вероятно, Батюшков расценил похвалу Крылова как лесть — и обиделся.

Затем, уже в мае, Батюшков послал Гнедичу «поправки» к сказке «Странствователь и Домосед», которые просил показать Крылову. В следующем письме (от начала июля 1817) напомнил: «Как понравились тебе поправки „Домоседа“? Что сказал Крылов? Ничего! Следственно, он меня ни любит, ни уважает. Если критикует, то любит, по крайней мере» (II, 450).

Гнедич высказал батюшковские обиды Крылову, и тот прислал-таки какие-то (не дошедшие до нас) свои «замечания». «Замечания» эти запоздали с пересылкой — том «Опытов в стихах» был уже отправлен в типографию. В письме Батюшкова к Гнедичу от второй половины июля 1817 г. указано: «...воспользуюсь замечаниями Крылова (которому очень обязан!) для другого издания. Теперь время ли? Если бы ты мог погодить!» (II, 453).

Следы работы Батюшкова над «другим изданием» дошли до

нас¹⁷ Возможно, что ряд стилистических исправлений — результат крыловского вмешательства. Кстати говоря, первое, что сделал Батюшков, готовя это «другое издание», — вычеркнул из него единственную «баснь» «Сон Могольца». Не стоит соревноваться с «дедушкой»

¹⁷ Экземпляр «Опытов в стихах» с правкой Батюшкова см. ОР РНБ, ф. 50, ед. хр. 18. Стилистические исправления, внесенные автором в этот экземпляр, учтены в указанном выше издании.

КРЫЛОВ И ОЛЕНИНЫ

Имя Ивана Андреевича Крылова теснейшим образом связано с именем Алексея Николаевича Оленина — ученого, художника, мецената, первого директора петербургской Публичной библиотеки, президента Академии художеств. Ближайший друг Оленина, Крылов в течение многих лет — почти член его семьи: бывает запросто у него дома, учит детей, играет с ними; он неперенный участник всех оленинских начинаний от домашнего театра до Публичной библиотеки. Летние месяцы он, как правило, проводит в Приютино, загородной усадьбе Олениных, считая ее родным домом. «Теперь собираюсь к себе в ваше Приютино», — пишет он в одном из писем к дочери Оленина Варваре Алексеевне.¹

Тема «Крылов и Оленины» весьма обширна, она включает в себя и личные взаимоотношения в кругу семьи и близких людей, и совместную работу в Публичной библиотеке, и участие в «Беседе любителей русского слова», членами которой были Крылов и Оленин, и сотрудничество на театральном поприще, и участие А. Н. Оленина в издании, особенно в иллюстрировании, крыловских басен.

Такое тесное сотрудничество предполагало и общность эстетических пристрастий, и определенную идейную общность. А между тем в течение долгого времени в советском литературоведении отношения Крылова и Оленина трактовались как отношения поэта и царского чиновника, поэта, естественно, прогрессивного, а чиновника — реакционного, задачей которого было наблюдение за благонамеренностью и лояльностью поэта. Такая точка зрения присутствует, например, в известной книге Н. Л. Степанова из серии ЖЗЛ.²

О том, что Крылов в свои зрелые годы, т. е. годы общения с А. Н. Олениным, уже не был тем вольнодумцем и бунтарем, каким мы знаем его по журналистской деятельности 90-х годов XVIII века, уже написано достаточно. Тем не менее, когда приходится объяснять смысл некоторых басен охранительного содержания, таких, например, как «Сочинитель и Разбойник» или «Конь и Всадник», существует тенденция либо смягчать их охранительный смысл,³ либо возлагать вину на Оленина, как это делает Степанов. Последний отказывает Крылову в искренности, когда речь заходит об этих баснях. «Оставаясь на демократических позициях, Крылов вынужден был (...) в ряде случаев подлаживаться под официальную идео-

¹ Крылов И. А. Сочинения М., 1964 Т. 3 С. 354

² Степанов Н. Л. И. А. Крылов М., 1963

³ См., например Десницкий А. В. Иван Андреевич Крылов М., 1983

логию», — пишет он в «Литературной энциклопедии» †. Думается, для этого нет достаточных оснований.

Хотя в быту Оленины и опекали Крылова, и помогали ему, хотя Крылов мог следовать советам Оленина при издании своих басен (так серьезная перекомпоновка сборника 1825 года, сделанная под влиянием сложных политических обстоятельств этого времени, — история этого издания исследована А. П. Могилянским,⁵ — вполне могла быть результатом советов Оленина), но в своем творчестве — и в пьесах начала XIX века, и в баснях — Крылов оставался столь же независимым, как когда-то в молодости в своей журнальной и театральной деятельности. Когда же мы встречаемся с совпадением взглядов, высказываний, оценок Оленина и Крылова, то это результат действительно общей системы ценностей, а не приспособление, не подчинение взглядов одного взглядам другого. И их дружба — дружба единомышленников и лишена корыстных расчетов.

Переключки во взглядах Оленина и Крылова можно проследить с самого начала их сотрудничества.

Оленин с молодых лет увлекался русской стариной. Он был принят в члены Российской академии за составленный им словарь старинных русских военных речений; созданный им в 90-х годах XVIII века офорт — иллюстрация к пьесе Екатерины II «Начальное управление Олега» — свидетельствует о его интересе к народным обычаям, к национальному костюму; он был решительным противником галломании русского дворянства — все это было очень близко взглядам Крылова, который боролся с галломанией еще во времена «Почты духов».

1806—1807-е годы, когда на сцене петербургского театра с огромным успехом шли высмеивающие галломанию пьесы Крылова «Модная лавка» и «Урок дочкам», — это одновременно годы начала дружбы Крылова с Олениным.

Переключку взглядов Оленина и Крылова можно увидеть и при сравнении их публикаций в «Драматическом вестнике». Так в статье о сравнительных достоинствах английского плуга и русской сохи Оленин, ратуя за нововведения и отдавая должное английскому плугу, принимает его с оговоркой: «Если нам необходимо нужно подражать иностранцам, то должно все, что мы от них занимаем, прилаживать всегда к положению нашей земли, к климату и обычаям нашим».⁶ Незадолго до этой статьи в том же «Драматическом вестнике» была напечатана басня Крылова «Обезьяны» с моралью:

Когда перенимать с умом, тогда не чудо
И пользу от того сыскать,
А без ума перенимать
И Боже сохрани, как худо!

⁴ Краткая литературная энциклопедия М., 1966 Т. 3 С. 855

⁵ Крылов И. А. Басни М., Л., 1956 С. 310—311

⁶ Драматический вестник СПб., 1808 Ч. 5 С. 31

Ряд басен Крылова выражает его скептическое отношение к возможностям науки и просвещения — таковы «Огородник и философ», «Водолазы». Последняя по просьбе Оленина была прочитана в торжественном собрании Публичной библиотеки при ее открытии 2 января 1814 года. Очевидно, сам этот факт мог натолкнуть на мысль о выполнении некоего официального заказа. Именно так истолковал его А. В. Десницкий, утверждая, что Крылов не выполнил заказа и написал не то, что ожидал Оленин.⁷ Но письма А. Н. Оленина к сотрудникам библиотеки, написанные 6 и 7 ноября 1813 года в связи с готовившимся открытием, говорят о другом. Оленин сообщает А. И. Красовскому, Н. И. Гнедичу и И. А. Крылову о 4 темах выступлений, намечаемых им для торжественного акта. И если к первым двум он обращается с просьбой подготовить соответствующие выступления, то Крылова просит прочитать басню, еще летом написанную в Приютине.⁸ Мысль, выраженная Крыловым, совпала с его собственными взглядами.

Существуют противоречивые мнения и о том, как отнесся Крылов к восстанию декабристов.

С одной стороны, создание в годы, предшествовавшие восстанию, ряда басен, резко критикующих произвол властей и цензуры, публикация этих басен в «Полярной звезде» и «Соревнователе просвещения и благотворения», говорят о сочувствии Крылова тем идеям, которые вдохновляли и декабристов. С другой стороны, существует ряд воспоминаний, говорящих об осуждении им восставших.

Вот что пишет Варвара Оленина: «Крылов 14 декабря пошел на площадь к самим бунтовщикам, так что ему голоса из каре закричали: „Иван Андреевич, уходите, пожалуйста, скорей“. И когда он воротился в батюшкин дом, его спросили, зачем от туда зашел, он отвечал: „Хотел взглянуть, какие рожи у бунтовщиков. Да нехороши, нечего сказать“». Нечто подобное рассказывает и М. Е. Лобанов.⁹

В своих комментариях к воспоминаниям В. Олениной А. М. и М. А. Гордины пишут: «В семье верноподданного Оленина очень остро переживали события 14 декабря. Среди участников восстания были добрые знакомые Оленина, посетители его салона; среди людей, причастных к тайным обществам, был сын Оленина Алексей Алексеевич. В ночь после подавления восстания на Сенатской площади Николай I заставил Оленина сопровождать из дворца в крепость арестованных декабристов. На следующий день — 15 декабря — Оле-

⁷ Десницкий А. В. Иван Андреевич Крылов С 118—120

⁸ Описание торжественного открытия Императорской Публичной библиотеки СПб, 1814 С 17, 148—149

⁹ И. А. Крылов в воспоминаниях современников М, 1982 С 71—72, 146

нин в письме к В. А. Олениной назвал участников восстания „подлецами”, а их выступление „злодейством”.

Такого рода представление о восстании 14 декабря, несомненно, имела и В. А. Оленина. В этом духе она интерпретирует и рассказ Крылова о виденных им эпизодах восстания.¹⁰

Воспоминания В. Олениной свидетельствуют о живом интересе Крылова к событиям 14 декабря и о добром отношении к нему восставших. Что же касается отношения к декабристам семьи Олениных и Крылова, то здесь все не просто. Не мог Алексей Николаевич считать подлецами и злодеями ни своего двоюродного брата С. Г. Волконского, ни давних друзей братьев Муравьевых, ни других близких ему людей. Сложные чувства водили его пером 15 декабря.

Чтобы лучше понять их, а также оценить позицию Крылова, обратимся к событиям, случившимся за 4 года до восстания.

В 1821 году Крылов написал сыну А. Н. Оленина Алексею странное письмо. Автограф его был опубликован В. В. Каллашем в 1904 году,¹¹ местонахождение его в настоящее время неизвестно. Письмо это до сих пор не привлекло серьезного внимания исследователей творчества Крылова, хотя его необычный вид, казалось бы, должен был вызвать ряд вопросов.

Весь текст письма, написанный рукой Крылова, состоит из двух басен, «Плотичка» и «Овца»,¹² предваряемых официальным обращением «Милостивый государь мой Алексей Алексеевич» и заключаемых не менее официальным «В прочем имею честь пребывать ваш покорнейший слуга Иван Крылов». Далее следует приписка рукой А. Н. Оленина: «P. S. Любезный автор наш просит тебя убедительно не давать никому переписывать сих басен, ибо он намерен несколько их накопить и потом напечатать. — Друг твой А. Оленин».

Под письмом стоит дата и место отправления: «Приютинно... 25. 1821» (оторван клочок бумаги с названием месяца). В начале письма адресат обозначил дату и место получения письма: «Новоржев 3 августа 1821», на основании чего можно установить месяц отправления — июль.

Здесь многое вызывает недоумение.

Во-первых, официальное обращение и подпись. Ко времени написания письма Крылов уже многие годы был ближайшим другом семьи Олениных. Он знал Алексея-младшего по меньшей мере с 8-летнего возраста. Откуда же эта официальность в обращении к молодому человеку (А. А. Оленину в 1821 году было 23 года)? Сравним, например, с его обращением в письмах к замужней Варваре Алексеевне.

¹⁰ Там же С 404

¹¹ Крылов И А Полн собр. соч. СПб., 1904. Т 1 Между С. 194 и 195

¹² Принятое сегодня название «Крестьянин и Овца» появилось позднее, при публикации в «Полярной звезде на 1823 год»

«Как изобразить вам мои чувства, любезнейшая и почтеннейшая Варвара Алексеевна, когда я получил ваше второе письмо!» — так начинается письмо Крылова от 22 июля 1825 года.¹³

Или: «За тридевятью морями, в тридесятom царстве вспомните иногда, любезная и почтенная Варвара Алексеевна, неизменного своего Крылова» — письмо от 1 февраля 1827 года.¹⁴ Никаких «милостивых государынь». Подписи: «Ваш неизменный И. Крылов», «Ваш слуга Иван Крылов», «Простите, будьте здоровы и не забывайте искренно любящего вас Крылова».

Наконец, сравним с еще одним дошедшим до нас письмом к самому А. А. Оленину. «Без очков и без глаз, однако пользуюсь случаем, чтобы напомнить о себе любезному путешественнику, которого с нетерпением ожидаем на родимую сторону» — в этом письме, датируемом январем—февралем 1826 года, Крылов вообще обходится без обращения.¹⁵ И подпись: «Ваш покорный слуга И. Крылов» — без всяких «имею честь пребывать».

Во-вторых, что это за письмо — без всяких сообщений, вопросов, пожеланий и т. п.? Почему Крылов, посылая басни, не счел нужным хотя бы осведомиться о здоровье своего адресата? Разве так пишут близким людям?

В-третьих, почему Крылов сам не обратился к Алексею с просьбой не распространять его басни? Почему от его имени это сделал Оленин-старший?

Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к содержанию басен. Быть может, они содержат те сообщения, ради которых письмо было послано?

В басне «Плотичка» рассказывается о том, как эта рыбка, шая, вертелась меж закинутых крючков и не внимала предупреждениям опытных подруг о грозящей опасности, пока, наконец, не попала на крючок.

«Овца» — басня о несправедном суде. Ни в чем не повинная Овца пострадала от того, что находилась в одном дворе с зарезанными курами и была обвинена в их смерти. Довод Овцы о том, что «она совсем не ест мясного», судья Лиса во внимание не приняла.

Здесь нужно сказать несколько слов об адресате письма.

Алексей Алексеевич Оленин был в это время офицером Гвардейского генерального штаба и находился в Псковской губернии, куда был послан по делам службы. Одна сторона его жизни до поры до времени оставалась тайной для его родных: он был членом тайного декабристского общества «Союз Благоденствия».¹⁶

¹³ Крылов И. А. Сочинения М., 1946 Т. 3 С. 353

¹⁴ Там же С. 356

¹⁵ Там же

¹⁶ Декабристы Биографический справочник М., 1988 С. 133

Не связано ли содержание басен с теми опасностями, которым подвергался любой член тайного общества? Не содержит ли письмо иносказательного предостережения Алексею Оленину?

Но тогда возникает вопрос: почему предостережение было сделано именно в это время и именно таким способом?

Оленин-старший, хотя сам был не чужд некоторым новым веяниям и хотя в его гостеприимном доме бывали многие члены тайных обществ, был вполне верноподданным царедворцем, успешно делавшим карьеру и при Павле, и при Александре, а впоследствии и при Николае. Невозможно представить себе, чтобы сын посвятил его в свою тайну.

Но незадолго до рассматриваемого события, в мае 1821 года, сведения о «Союзе Благоденствия» дошли до верховной власти.

А. Х. Бенкендорф представил Александру I записку, составленную М. К. Грибовским, полицейским агентом, засланным в «Союз Благоденствия» и входившим в его руководящий орган — Коренной совет. В этой записке, рассказывающей о деятельности тайного общества, назывались его организаторы и руководители, наиболее активные члены. В числе «примечательнейших по ревности» был назван, в частности, Оленин.¹⁷

Таким образом, в мае 1821 года имя Алексея Оленина как активного участника тайного общества стало известно царю и Бенкендорфу. Но есть основания предполагать, что в числе лиц, посвященных в это дело, был и начальник Главного штаба его императорского величества, князь Петр Михайлович Волконский, близкий родственник А. Н. Оленина.

П. М. Волконский был в это время одним из ближайших доверенных лиц Александра I. В биографическом очерке, посвященном Волконскому, мы читаем: «Он, и он один, кроме „без лести преданного“ (Аракчеева. — *И. Р.*), оставался бесменным другом и спутником Александра. Князь был действительно в полной мере доверенным лицом Монарха до самой кончины его в Таганроге».¹⁸ В 1820—1821 гг., когда царь находился за границей, П. М. Волконский всюду сопровождал его. Все донесения о положении в гвардейских полках шли царю от командира Гвардейского корпуса кн. И. В. Васильчикова и его начальника штаба А. Х. Бенкендорфа через П. М. Волконского, лично докладывавшего обо всем царю. В письмах на имя Волконского Васильчиков и Бенкендорф сообщали о проступках солдат и офицеров гвардии, о предосудительных разговорах, о тайных встречах. Через Волконского царю было сообщено о восстании Семеновского полка и о всех принимаемых по этому поводу мерах. По распоряжению

¹⁷ Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 184, 461.

¹⁸ Биографический очерк генерал-фельдмаршала светлейшего князя Петра Михайловича Волконского. СПб., 1914. С. 19.

Волконского была учреждена Васильчиковым в гвардии тайная полиция для слежки за настроениями офицеров.¹⁹ В письме от 3 декабря 1820 года Васильчиков сообщил Волконскому о завербованном им агенте — библиотекаре Генерального штаба Грибовском,²⁰ а в начале 1821 года — о готовящемся Московском съезде «Союза Благоденствия»,²¹ том самом, который послужит поводом и главной темой для записки Грибовского. Учитывая все эти обстоятельства, трудно себе представить, чтобы записка, хотя и адресованная непосредственно царю, осталась неизвестной Волконскому.

П. М. Волконский был своим человеком в доме Олениных. Вместе с супругой (двоюродной сестрой А. Н. Оленина) и всей семьей по воскресеньям он обедал у Олениных²²

Сам А. Н. Оленин в это время тоже занимал важный государственный пост: будучи статс-секретарем Государственного совета, он исполнял обязанности государственного секретаря. Участие сына в тайном обществе не только грозило опасностью ему самому, но могло разрушить и карьеру отца.

Мог ли царедворец П. М. Волконский в таких обстоятельствах не предупредить близкого ему человека о предсудительном в глазах царя поведении сына и о грозящей ему опасности?

Записка Грибовского была представлена царю в конце мая 1821 года, а 25 июля было написано письмо Крылова А. А. Оленину с двумя баснями и с припиской А. Н. Оленина. Содержание басен «Плотичка» и «Овца» удивительно соответствуют той ситуации, в которой находился А. А. Оленин, во всяком случае только так мог понимать эту ситуацию его отец. Конечно же, верноподданный Алексей Николаевич не мог представить своего сына серьезным заговорщиком. (Как выяснилось впоследствии, он и не был таковым. После роспуска «Союза Благоденствия» никакого участия в движении декабристов он больше не принимал). Алексей Николаевич мог расценить его участие как легкомысленную шалость, романтическое увлечение, однако увлечение опасное, от которого следовало предостеречь немедленно.

Написать обо всем прямо, называя вещи своими именами, было невозможно, сведения о «Союзе Благоденствия», конечно же, были государственной тайной. И крыловские басни пришлись как нельзя кстати. Для того чтобы у Алексея не возникло никаких сомнений в том, что басни посылаются ему не просто для прочтения, что их мораль адресована ему лично, Оленин и Крылов и придали письму такой необычный вид. Своей припиской отец показал, что письмо послано по

¹⁹ Русский архив 1875 Кн 1 С 339—359, Кн 2 С 44—98, 419—465

²⁰ Там же Кн 2 С 437

²¹ Там же Кн 2 С 442

²² И А Крылов в воспоминаниях современников М, 1982 С 158

его инициативе «Не будь Плотичкой, не будь Овцой», — внушал он сыну

Не исключено, что обе басни были написаны специально для А. А. Оленина. Во всяком случае, никаких данных о существовании этих басен до 25 июля 1821 года не имеется. Правда, о басне «Плотичка» В. Ф. Кеневич сообщает, что «по словам В. А. Олениной, Крылов написал эту басню для одного из племянников Елизаветы Марковны,²³ Полторацкого, который умер в молодых летах»²⁴ Но это сообщение вызывает серьезные сомнения. Варвара Оленина составила для того же Кеневича по его просьбе письменные примечания к басням, о которых она что-либо знала (так, она сообщила, что басня «Соловьи» была написана «для батюшки Алексея Николаевича», а басня «Ягненок» для ее сестры Анеты).²⁵ Но «Плотичка» в этих примечаниях не упоминается, почему-то о ней В. А. Оленина сообщила только устно. Варвара Алексеевна оставила воспоминания о своем знакомстве со многими декабристами,²⁶ однако ни единого слова о причастности к движению ее родного брата Алексея в этом рассказе нет. Очевидно, эта тема была запретной в их семье (особенно после бесславной гибели А. А. Оленина — он был убит в 1855 году своими крепостными)²⁷ Так что безымянный Полторацкий мог быть назван для сокрытия истинного адресата басни.

Но каков бы ни был непосредственный повод написания басен «Плотичка» и «Овца», смысл их появления в письме к А. А. Оленину кажется мне очевидным. А. Н. Оленин и И. А. Крылов осудили участие Оленина-младшего в тайной организации и призвали его к благоразумию.

Очевидно, письмо возымело действие. Во всяком случае, А. А. Оленин вскоре отошел от движения, уехал за границу и в восстании на Сенатской площади участия не принимал.

Однако сам факт принадлежности к тайному обществу был столь компрометирующим обстоятельством, что 14 декабря страх за судьбу Алексея, возможно, был главным чувством, которое пережил А. Н. Оленин, и этим, быть может, объясняется та резкость, с которой он отозвался об участниках восстания, чуть было не погубивших его сына.

И Крылов в доме Олениных не мог отозваться о них иначе при подобных обстоятельствах, тем более что само восстание,

²³ Е. М. Оленина, урожденная Полторацкая, — супруга А. Н. Оленина

²⁴ Кеневич В. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова СПб, 1868 С 208

²⁵ Литературный архив, издаваемый А. А. Картавовым СПб, 1902 С 73—77

²⁶ Письма В. А. Олениной к П. Бартеневу в кн. Декабристы. Летописи М., 1938 Кн. 3 С 483—491

²⁷ См. об этом в стихотворении Н. А. Добролюбова «Дума при гробе Оленина» (Добролюбов Н. Стихотворения СПб, 1948 С 8—24)

попытку изменить жизнь насильственным путем, он, как и Оленин, отвергал.

Поэтому рассказ В. А. Олениной об осуждении Крыловым восставших, вероятно, вполне точен, это воспоминание, а не интерпретация. Но высказывания 14—15 декабря, конечно, не отражают всей сложности отношения к декабристам как Оленина, так и Крылова. Порицая восстание, оба они глубоко сочувствовали многим осужденным, рассматривая события 14 декабря как трагедию.

Три года спустя, 30 сентября 1828 года, младшая дочь Оленина Анна записала в своем дневнике: «Боже мой, какая радость! вчера приехали папенька и братья, и вот их хорошие и худые новости: 1) что с них сняли цепи, 2) что Муравьев Александр Николаевич сделан начальником в Иркутске. Все чувства радости проснулись в душе моей: они свободны, хоть телом свободны. Но, увы, жалея о них, горя об их ужасной участи, я не могу не признать, что рука всевышнего карает их за многие дурные намерения».²⁸ Нет сомнения, что Анна здесь выражает не только свое мнение, но и мнение отца и братьев.

Думается, что таким же было мнение Крылова.

²⁸ Цявловская Т. Г. Дневник Олениной // Пушкин Исслед и мат Л., 1958 Т 2 С 276

И. А. КРЫЛОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Место Крылова в сознании его соотечественников настолько определено и незыблемо, что оно не было оспорено никем из его современников, не мог претендовать на это место и кто-либо из потомков¹ Уже при жизни Крылова утвердилась его литературная репутация как автора хрестоматийного, и в последствии вне зависимости от социально-политического устройства и господствующей идеологии на его баснях вырастали целые поколения Такое безусловное восприятие Крылова как единственного в своем роде явления выражается и в том, что его творчество недостаточно изучено в плане историко-функциональном, с точки зрения того, как оно входило в общественное сознание разных эпох Работы подобного рода весьма немногочисленны² Особенно важна проблема литературного освоения крыловского опыта его младшими современниками и писателями последующих поколений, потому что все русские литераторы, начинавшие после Крылова, «учились читать» (В Ф Одоевский) по его басням, которые становились для них своего рода обиходным языком; но этот язык у каждого автора — свой, и это «свое» в восприятии Крылова должно актуализироваться как предмет научного осмысления

Вопрос об освоении творческого опыта любого художника включает два уровня рассмотрения — типологический и генетический В нашем случае, когда речь идет о Крылове и Щедрина, типологическая близость писателей очевидна Свою иносказательную, басенную манеру Щедрин называл эзоповым или «рабым» языком и подобно Крылову использовал этот язык в сатирических целях Оба обладали своеобразным юмором, имеющим простонародную основу, отличающимся прямоотой и нестеснительностью, просторечной даже грубостью; Щедрин ярче, чем кто-либо другой, делает крыловское просторечие нормой литературной речи, хотя не ориентируется на Крылова, а выражает собственные творческие потенции Типологически сближаются они и на более глубинном, философском уровне И. З Серман замечает, что Крылов, «выросший на идеях Просвещения () остался сторонником разра-

¹ Известное суждение П. А. Вяземского было явно пристрастно, и впоследствии он сам вынужден был его корректировать

² См. Серман И. З. Литературная судьба Крылова // Рус литература 1970 № 4 С. 19—36, Ищук Г. Н. Л. Н. Толстой и И. А. Крылов // Иван Андреевич Крылов Калинин, 1971 С. 58—75, Привалова Е. П. И. А. Крылов и детская литература (К истории вопроса) // Там же С. 91—104, Курилов А. С. Методологические уроки В. А. Жуковского — критика, теоретика и историка литературы // Жуковский и литература конца XVIII—XIX века М., 1988 С. 69—85

ботки общих вопросов философии жизни и практической этики в их социальном функционировании, а не в индивидуальной психологии. Человек его интересовал в обществе, и путь к познанию личности он видел через углубленное понимание общества, социального механизма в его конкретных национальных формах бытия».³ С известными поправками на изменившееся содержание литературного процесса и авторскую индивидуальность это справедливо и по отношению к Щедрину, который явился признанным мастером изображения социальной психологии.

В генетическом аспекте Крылов — один из непосредственных предшественников Щедрина. Можно говорить и о развитии Щедриным определенных жанровых традиций, которые, впрочем, не составляли особенность исключительно крыловского творчества, но были общими для сатиры XVIII века (пародирование официальных документов,⁴ жанры утопии и антиутопии, в том числе и «восточная повесть», и т. д.). В отечественном литературоведении можно найти некоторые замечания о связи сказок Щедрина с баснями Крылова;⁵ если же исследовать эту проблему, то, видимо, нужно ставить ее более широко и рассматривать в целом развитие системы иносказательных жанров. Несомненно также, что произведения Крылова служили одним из источников щедринской образности: так, с басней «Лягушки, просящие царя» соотносимы такие произведения Щедрина, как «История одного города» и сказка «Богатырь». Каждый из перечисленных подходов требует отдельного внимания, поэтому остановимся лишь на одном аспекте многосоставной проблемы «Щедрин и Крылов» и обратимся к упоминаниям о Крылове и его произведениях в щедринских текстах.

Прямые высказывания Щедрина о Крылове практически неизвестны. Всего лишь два раза его имя встречается в письмах — к Н. А. Белоголовому и Н. К. Михайловскому (от 13 и 14 февраля 1884 г.) в связи с цензурным запрещением сказок: «Выходит, что если б теперь Крылов писал свои басни, то редкую из них не заподозрили бы».⁶

Параллель знаменательная, так как показывает, что Щедрин осознавал свою типологическую близость Крылову, но это не дает возможности судить об общем восприятии творчества Крылова; основным источником для этого служат тексты щедринских произведений

³ Серман И. З. Крылов-баснописец // Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества Л., 1975 С. 223

⁴ См. Стенник Ю. В. Комментарии // Русская сатирическая проза XVIII века Л., 1986 С. 434, 438

⁵ Степанов Н. Басни Крылова М., 1969 С. 110—111, Бушмин А. Сказки Салтыкова-Щедрина Л., 1976 С. 16

⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. В 20 т. М., 1977 Т. 19, кн. 2 С. 280. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте

Литературная репутация Крылова как автора хрестоматийного получила выражение в ряде произведений Щедрина, начиная с «Губернских очерков» и заканчивая «Пошехонской стариной» Никанор Затрапезный, характеризуя полученное им домашнее воспитание, замечает: «Несмотря на обилие книг, и тетрадей, которое я перечитал, я не имел ни малейшего понятия о существовании русской литературы () Ни хрестоматии, ни даже басен Крылова не существовало » (17, 67) Слово «даже» устанавливает ту роль, которая отводилась басням Крылова в общей системе воспитания дворянских детей Это одно из тех признаний героя, которое можно считать автобиографическим: семейные документы Салтыкова подтверждают, что изучение русской словесности не входило в систему домашнего образования детей или же находилось на ее периферии О М Салтыкова, будучи в отъезде, в письме от 22 июня 1834 г. делает наставления старшему сыну Дмитрию, чтобы он следил за обучением Николая и Михаила, которым надлежало каждый день по два часа заниматься музыкой, кроме того чистописанием на разных языках, рисованием, французской, немецкой и русской грамматикой, историей российской, всемирной, законом Божиим, риторикой — каждым предметом по два раза ⁷ Как видим, русская литература в этом списке не значится или же отнесена к разряду «и так далее», что подтверждает автобиографическую основу слов щедринского героя

Знакомство Салтыкова с русской литературой началось в московском Дворянском институте. Басни Крылова были включены в программу по русской словесности, которую Салтыков осваивал в первом семестре 1836—1837 года. В приведенном С. А. Макашиным учебном плане семестра значится: «Переложения из Крылова, все более и более отдаляющиеся от оригинала. »⁸ Образцы подобных заданий по русской словесности Щедрин впоследствии вводит в свои произведения в романе «Господа ташкентцы» можно прочесть о том, что учитель словесности задал «переложение в прозу басни „Дуб и Трость”» (10, 123). Вполне вероятно также, что для самого Салтыкова, как и для его персонажей, эти упражнения уже в юные годы не проходили бесследно, побуждая создавать собственные сочинения в басенном жанре. В незавершенном произведении «В больнице для умалишенных» рассказчик вспоминает, как обиженный своими школьными товарищами, «чтоб узвить их (.) » написал басню под названием „Философ и стадо ослов”, в которой выставил себя в выгодном свете „философа”, а товарищам предоставил играть роль „ослов”» (10,

⁷ Макашин С. А., Никитина Н. С. Из родового архива Салтыковых. Материалы для биографии писателя // Салтыков-Щедрин 1826—1976. Статьи. Материалы. Библиография. Л., 1976. С. 255

⁸ Макашин С. Салтыков-Щедрин. Биография. М., 1949. I. С. 90

631). Характерно, что в качестве формы литературной самозащиты избирается басня (а не эпиграмма, например), как жанр, по всей вероятности актуализированный учебной программой. О преподавании словесности в Царском-Сельском лицее, где продолжилось и завершилось «публичное воспитание» Салтыкова, можно судить по книгам, написанным его лицейским преподавателем П. Г. Георгиевским. В курсе истории литературы свое место занимает и Крылов, удостоенный высоких оценок и похвал. В его баснях признаются «светская наблюдательность, ум, прелесть рассказа», «национальный колорит», отмечается неувядаемость его таланта «Несравненный наш баснописец И. А. Крылов не перестает давать нам мудрые уроки...»⁹ Это представление об учительности крыловских басен определенным образом преломилось в творчестве Щедрина.

Тот запас басен Крылова, который Щедрин вынес из школьных лет, он активно включает в свои произведения. Другие жанры крыловского творчества напрямую не отражаются в щедринских текстах, хотя, безусловно, известны ему, в его произведениях Крылов закрепляется в своей самой яркой и общепризнанной ипостаси. Репертуар басен Крылова у Щедрина в целом невелик — всего около двадцати. Приведем их примерный список в порядке частоты использования: «Ворона и Лисица», «Стрекоза и Муравей», «Лев и Комар», «Пустынный и Медведь», «Два Голубя», «Орел и Пчела», «Ларчик», «Сочинитель и Разбойник», «Лжец», «Лягушка и Вол», «Дуб и Трость», «Осел и Соловей», «Петух и Жемчужное зерно», «Три Мужика», «Лисица и Виноград», «Обоз», «Музыканты», «Огородник и Философ». Однако количественный фактор не показателен. Другие авторы (будь то Пушкин или Державин) также выборочно представлены в щедринских текстах. Дело не в количестве используемых произведений, но в принципах их освоения.

Включение «чужого слова» в собственный текст интерпретационно и диалогично в своей основе, ибо содержит в разной степени выраженное отношение к этому слову. Для того чтобы понять особенности текстообразующего диалога Щедрина — в данном случае с Крыловым, необходимо учитывать, кто является носителем речи. В произведениях Щедрина субъектом речи выступает автор, рассказчик или герой, причем рассказчик практически никогда не является alter ego автора, хотя часто ему доверено собственно авторское слово, поэтому целесообразно говорить о двух субъектах речи — авторе и герое (включая рассказчика и лишь особо оговаривая те слу-

⁹ *Георгиевский Петр* Руководство к изучению российской словесности В 4 ч СПб, 1836 Ч IV С 290, 294 Белинский иронически назвал эту учебную книгу «бесподобной» (Белинский В Г Полн собр соч В 13 т М, 1955 Т VI С 345) Иронически относился к своему лицейскому наставнику и сам Салтыков

чай, когда рассказчик является носителем авторского слова). Функции «чужого слова» и степень его преобразования различны в речи автора и героя.

Голос автора наиболее непосредственно звучит в литературно-критических статьях и рецензиях, а также в публицистических статьях и некоторых очерковых циклах, где отмечено обращение к таким басням Крылова, как «Пустынник и Медведь», «Осел и Соловей», «Лжец», «Обоз», «Ворона и Лисица», «Два Голубя», «Лягушка и Вол». Имя Крылова встречается в авторской речи лишь в двух произведениях: в рецензии на брошюру «О русской правде и польской кривде», где Крылов назван как автор басни «Пустынник и Медведь», и в рецензии на сборник Я. П. Полонского «Сноп», где разбирается аллегория «Ночь в Летнем саду», одним из действующих лиц которой оказывается ожившая статуя Крылова. Аллегория Полонского и отклик на нее Щедрина стали очередными репликами в том диалоге, который завязался между ними несколько ранее, в 1869 г., с выходом в свет двухтомного собрания сочинений Полонского и критическим отзывом на него Щедрина, учтенным Полонским в его поэтической аллегории. Ни имя, ни слово Крылова в этой рецензии не имеют для Щедрина какого-либо эстетического или идеологического значения и опосредованы содержанием «злосчастной фантазии» Полонского. Характеристика же Крылова, данная собственно от лица рецензента, не идет вразрез с объективной и общепризнанной его оценкой — «знаменитый баснописец».

Крыловское слово обычно вводится в форме цитаты или реминисценции и даже не всегда графически обозначается как «чужое». Излюбленное выражение Щедрина — цитата из басни «Ворона и Лисица»: «от радости в зобу дыханье сперло», которая используется как ироническая характеристика упований и вождлений, например, газеты «Русский листок»: ей «хочется, чтобы кто-нибудь об ней побеседовал. Во-первых, это послужит ей вместо объявления, а во-вторых, от радости у ней стеснится в зобу дыхание...» (5, 268). То же в очерке «Клевета» — в пассаже о глуповцах, с восторгом внимающих клевете: «Дыхание спирается от радости в их зобах; им сладко и жутко от этих рассказов» (3, 471). Крыловское слово органически усваивается новым текстом, устраняется видимая дистанция между «своим» и «чужим словом», и в таких случаях «займствование» не всегда отмечается комментаторами.¹⁰ Цитата из басни «Ворона и Лисица» возникает и в речи

¹⁰ Не комментируются крыловские реминисценции из басни «Ворона и Лисица» в очерке «Клевета» (3, 471) и «Дневнике провинциала в Петербурге» (10, 299), а также реминисценция из басни «Петух и Жемчужное зерно» в «Письмах к тетеньке»: «Мы до такой степени восчувствовали, что нигде, кроме навозной кучи, уж и не чаем обрести жемчужное зерно» (14, 338).

героя-рассказчика: «Карьера! Это слово спирало в зобу дыхание» (10, 181); «Прокоп вдруг заволновался, и несколько секунд я думал, что у него от гнева сперло в зобу дыхание» (10, 299) — крыловская формула приобретает расширительный смысл, становясь ироническим обозначением не только радости, но вообще слишком сильных эмоций.

«Чужое слово» в речи автора используется как будто в качестве «фигуры и украшения», как риторический прием, в действительности же является выражением диалогической позиции приятия. Так, в текст одной из хроник «Нашей общественной жизни» вводится неточная цитата из басни «Орел и Соловей». В рассуждениях о «картонной жизни», подменяющей собой настоящую, возникает аллегорический образ жерновов «без мелева», запас которых в конце концов истощается: «это доказывается тем, что жернова перестают стучать сами собой, без всякой принудительной причины, а вслед за жерновами

умолкли ручейки
И улеглись стада » (6, 83)

Аналогичным образом в текст рецензии на роман Л. А. Ожигиной «Своим путем» включена неточная цитата из басни «Стрекоза и Муравей»: «Покуда разлитое море существует, покуда „под каждым листком готов и стол и дом“, только люди очень развитые могут критически относиться к такому благодатному положению...» (9, 373). В подобных случаях крыловское слово служит естественной принадлежностью авторской речи, что проявляется и в синтаксическом строении конструкций, где «свое» и «чужое слово» равноправны.

В авторской речи преобладают не сентенции крыловских басен, а стихи, создающие какой-то яркий, запоминающийся образ. И только в незавершенном наброске «Когда страна или общество...», рассуждая о лести и непредусмотрительном отношении к ней «баловней фортуны», Щедрин прибегает к сентенции: «Но эта самая непредусмотрительность, давая меру глупости и ошалелости „баловней фортуны“, служит объяснением, почему

Уж столько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна — и все не впрок

Не впрок, потому что лесть сладка, а вероломство стоит где-то за горами» (13, 634). Мораль крыловской басни является звеном в общей цепи рассуждений о лести как одной из составляющих частей «многоактной трагедии» под названием «Трепет» (трепет — лесть — вероломство) и служит необходимым смысловым толчком для дальнейшего развития темы. Подобную ассимиляцию крыловского текста наблюдаем, когда напоминание о содержании басни становится аргументом в полемике. В «Ответе г. Ржевскому» Щедрин возражает свое-

му оппоненту, говоря об ошибках, которые могут допускать мировые посредники: «...ошибки бывают различные по своим последствиям, ибо и медведь, ударивший пустытника камнем в лоб, в сущности сделал только ошибку, а не преступление» (5, 128).

Совершенно иначе выглядит крыловское слово в речи персонажей. Знаменательно прежде всего, что в обиходе щедринских персонажей доминирует басенная мораль, они апеллируют к тому дидактическому, нравоучительному смыслу, который заложен в баснях. Герои Щедрина, пробуя себя на стезе законодательства (Микаладзе в «Истории одного города» и отставной корнет Толстолобов в «Дневнике провинциала»), тешатся изречением из басни «Орел и Пчела». Микаладзе завершает свое сочинение «О благовидной всех градоначальников наружности» словами: «...я же, рассказав, что знаю о начальнической благовидности, утешаю себя тем,

Что тут и моего хоть капля меду есть » (8, 432)

Аналогичным образом подводит резюме в своем проекте «О необходимости децентрализации» корнет Толстолобов: «Излагая все сие, не ищу для себя почестей, но буду доволен, ежели за все подъятые мною труды представлено мне будет хотя единое утешение — утешение сказать: „И моего тут капля меду есть”» (10, 332). Для «культурных людей» Щедрина басенная мораль является приемлемой и лестной и служит оправданием, даже обоснованием их занятий и жизненных установок.

В большом ходу у щедринских персонажей моральные сентенции из басен «Лев и Комар», «Два Голубя», «Ларчик», «Сочинитель и Разбойник», «Три Мужика». Герои цикла «Недоконченные беседы» рассказчик и Глумов обмениваются мнением о молодом поколении, и если рассказчик пытается представить его как некую силу, то Глумов всячески опровергает это:

«— Для нас важно одно: сила это или не сила?

— Сила... комариная!

— Комариная... позволь! Но ведь и комар иногда может... вспомни-ка басню о комаре и льве!

— Так ведь тот комар умный был! он в самую мякоть залез! а наши земские комары и места-то такие излюбили, откуда их всего удобнее смахнуть можно! Смахнул — и нет его!» (15, кн. 2, 156—157). Мораль басни «Лев и Комар» заключена в словах: «Мстят сильно иногда бессильные враги». В диалоге щедринских героев крыловские персонажи получают конкретно-историческое осмысление, и эта своеобразная инновация создает эффект зримого разоблачения: само понятие «земские комары» — яркий образ реальной общественной ситуации. Эта же басня в незавершенном продолжении «Дневника провинциала» («В больнице для умалишен-

ных») вводится для объяснения такого психологического феномена, как «наслаждение вымучиванием»: «Процесс порабощения совершается с помощью таких нехитрых средств, которые могут вызвать только изумление или улыбку сожаления. Но эти нехитрые средства обманчивы и напоминают собой басню о комаре, залезшем в нос к льву. Вот и силен лев, а дрянной комаришко победил его. Он забрался в укромное место и вызудил-таки из него жизнь...» (10, 637). Характерно, что произведение Крылова именуется «басней о комаре и льве», тогда как ее истинное название — «Лев и Комар». Интерпретация осуществляется с помощью инверсии, вероятнее всего ненамеренной, но расставляющей басенных персонажей по своим местам.

Щедринские персонажи постоянно корректируют Крылова, и такое вольное обращение с крыловским словом оказывается насколько обычным, настолько же и функционально значимым. Персонажи не просто придерживаются басенных сентенций, но перетолковывают их в соответствии со своими потребностями. Яркий пример тому — цитируемый ниже фрагмент из романа «Современная идиллия».

«Давно, очень давно дедушка Крылов написал басню „Сочинитель и разбойник“, в которой доказал, что разбойнику следует отдать предпочтение перед сочинителем, и эта истина так пришлась нам ко двору, что с давних времен никто и не сомневается в ее непререкаемости. Позднее тот же дедушка Крылов написал другую басню „Три мужика“, в которой образно доказал другую истину, что во время еды не следует вести иных разговоров, кроме тех, которые, так сказать, вытекают из самого процесса еды. Эту истину мы долгое время малодушно пренебрегали, но теперь, когда теория и практика в совершенстве выяснили, что человеческий язык есть не что иное, как орудие для выражения человеческого скверномыслия, мы должны были сознаться, что прозорливость дедушки Крылов никогда не обманывала его» (15, кн. 1, 19).

Щедринский рассказчик по-своему интерпретирует смысл крыловских произведений. Он предельно упрощает мораль басни «Сочинитель и Разбойник», выраженную в словах: «Перед твоей ничто его вина», которые вне контекста могут быть поняты так, как это представлено в романе: «разбойнику следует отдать предпочтение перед сочинителем». Сам Щедрин эту басню прочитывал по-иному. В одной из авторских деклараций, сделанных от лица рассказчика-дяди в очерке «Первое мая» («Круглый год»), заявлено: басня «Сочинитель и Разбойник» «самым существованием своим доказывает, что заслуг литературы оспорить нельзя» (13, 457); таким образом, для Щедрина эта басня становится одним из аргументов в обосновании исключительного места литературы в жизни.

Весьма вольно обходится герой «Современной идиллии» и с басней «Три Мужика»: совершенно игнорируя иносказание,

он реализует лежащую в основе произведения метафору и выводит новую мораль. Дидактический урок басни Крылова — «Иному, до чего нет дела, О том толкует он охотнее всего», в романе Щедрина совсем другое: во время еды следует вести разговоры о еде. Такой отказ от обобщений, т. е. от сути крыловского слова — одно из проявлений той изменности существования, которой подчиняют себя герои Щедрина, избрав «подвиг гожения». Очень важно здесь признание об истинах, которые «приходятся ко двору», в основе этого признания мысль об особенностях восприятия «чужого слова»: человек понимает то, что способен понять, что укладывается в систему его представлений, а то, что ей не соответствует, он перетолковывает и приспособливает к своим потребностям — именно так и поступают щедринские персонажи с баснями Крылова. Об этом «подчинении» «истин, высказываемых литературой, истинам, провозглашаемым улицей», писал Щедрин в статье «Насущные потребности литературы» (9, 97).

В романе «Современная идиллия» находим и другого рода инновацию — инновацию крыловского персонажа, продолжение его жизни в новом литературном тексте. В драме о злополучном пискаре возникает старая лягушка, «та самая, которая когда-то

() на лугу увидевши вола,
Задумала сама в дородстве с ним сравняться ()

но, вопреки свидетельству дедушки Крылова, не лопнула () а явилась в настоящем деле главной доносчицей» (15, кн 1, 231). Как было замечено А. А. Жук, этот образ крыловской лягушки опосредован катковскими изданиями, в которых он использовался «для обозначения деятельности революционного лагеря»¹¹. Салтыков же «переадресовывает эту сатирическую характеристику самому Каткову, пародируя в речи лягушки тематику и стиль его передовиц»¹².

Все упоминания о Крылове в «Современной идиллии», как и в ряде других произведений Щедрина, в устах персонажей сопровождаются прозвищем «дедушка», которое с легкой руки П. А. Вяземского было, по его словам, «усвоено всею Россией»¹³. Это прозвище, как предвидел В. Г. Белинский, стало «народным именем» Крылова,¹⁴ остается таковым и поныне. В

¹¹ Жук А. Сатирический роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия». Саратов, 1958. С. 123.

¹² Жук А. А., Соколов К. И. Примечания // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений. В 20 т. М., 1973. Т. 15, кн. 1. С. 370.

¹³ Вяземский П. А. Сочинения. В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 85.

¹⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13 т. Т. VIII. С. 114. Заметим, что на появление в другую историческую эпоху «дедушки Ленина», вероятно, повлияло существование «дедушки Крылова», которое придавало новому словосочетанию необходимую положительную коннотацию.

речевом обиходе персонажей Щедрина существует еще один устойчивый словесный штамп, шаблон восприятия — «старик Державин». Это слово заимствовано из Пушкина, но у него «старик» не прозвище, а конкретная реалия. У Щедрина оно становится прозвищем и тоже своего рода «народным именем», словосочетание инновировается, приобретая налет фамильярности и некий иронический оттенок. В таком использовании имен Державина и Крылова определенным образом сказался биографический опыт Щедрина, его школьные воспоминания, наложившие также отпечаток схоластики и на имена Ломоносова, Карамзина, Жуковского. Подобным школьным грузом обременены и щедринские персонажи, и этим, вероятно, объясняется их почти «родственное» отношение к старым знакомцам. По модели «старик Державин» возникает и «старик Крылов». Механизм этого новообразования обнаруживается в пьесе «Тени», где один из персонажей заявляет: «Люблю старика Державина! А еще больше люблю старика Крылова (...) délicieux!» (4, 344).

Упоминания о Крылове часто сопровождаются обычным для разных персонажей комментарием — присоединением к его словам, одобрением того, что было им сказано: «А ларчик просто отворялся, сказал дедушка Крылов, и сказал истину святую» (3, 370); «А между тем, как говорит бессмертный наш баснописец Крылов: ведь ларчик просто открывался!!!» (10, 332). «Старик Крылов был прав» — таковы и исходная посылка, и умозаключение; персонажи Щедрина используют из Крылова те «истины», которые «пришлось им ко двору», для них басенные сентенции — это свод удобной в быту житейской мудрости, той мудрости, которую Щедрин именуется «азбучной». Фамильярные прозвания Крылова, оценочные его характеристики в речи персонажей служат для Щедрина средством разоблачения определенного жизненного уклада и правил, средством осмеяния житейской пошлости. Превращение крыловских изречений в сознании благонамеренного большинства в «эмпирические афоризмы» типа «уши выше лба не растут» выглядит как надругательство над словом, над высокой миссией литературы.

Щедрин показывает, что это вытверживание басен Крылова как свода немудреных житейских правил начинается с малолетства. В «Господах ташкентцах» будущий «солидный человек» Миша Нагорнов на каверзный вопрос учителя, какая часть речи «Осел и Соловей», с готовностью отвечает: «„Осел и Соловей” — это заглавие одной из самых нравоучительных басен дедушки Крылова» (10, 177).¹⁵ Детское восприятие «де-

¹⁵ См. также (в черновом варианте незавершенного очерка из «Благонамеренных речей») об «адвокате-пауке», занимающемся «юридическим сводничеством»: «Какой-нибудь Ерофеев, который не может двух слов сказать связно (...) Ерофеев, который, будучи в школе, фразой „Осел и соловей” спрягал как

душки Крылова» многие персонажи Щедрина проносят через всю жизнь, не только не подвергая сомнению усвоенные азы, но и находя в авторитетном слове оправдание и поддержку. Таков в позднем цикле «Мелочи жизни» «солидный читатель». Он «сыплет афоризмами самого первоначального свойства, цитирует пословицы, в которых преимущественно замыкается мудрость веков», и среди этих «азбучных поучений» оказываются басни Крылова:

«— Э, батюшка! и мы проживем, и дети наши проживут — для всех будет довольно и того, что есть! На насиженном-то месте живется и теплее и уютнее — чего еще искать! Старик Крылов был прав: помните, как голубь полетел странствовать, а воротился с перешибленным крылом? Так-то вот.

В этих немногих словах высказывается весь кодекс „солидной“ житейской мудрости; но так как он единственный, который не требует ни размышлений, ни исканий, то на него существует спрос. И ежели вы возразите, что так называемое „покойное проживание“ представляет собой только кажущееся спокойствие, что в нем-то, пожалуй, и скрывается настоящая угроза будущему и что, наконец, басня о голубе есть только басня и не все голуби возвращаются из поисков с перешибленными крыльями, то солидный человек и на это возражение в карман за словом не полезет» (16, кн. 2, 146—147).

Крыловское слово здесь подвергается двойному комментированию, герой и автор выражают противоположные мнения: герой одобряет — автор опровергает. Но Щедрин полемизирует не с самим крыловским словом, а с его применением, с превращением его в формулу соглашательства и отказа от поисков истины. Очерк «Солидный читатель» связан с другой главой цикла — с написанным несколько ранее рассказом «Чудинов», которому предпослан эпитафийный стих из басни «Два Голубя»: «Нет, вздумал странствовать один из них, лететь...» (16, кн. 2, 122). История Чудинова — это щедринский рассказ о «голубе», который отправился «увидеть, осмотреть Диковинки земного круга», и финал его недолгих жизненных странствий оказался трагичен. В противовес будущей «трезвенной» реплике «солидного читателя»: «чего еще искать!» горькой эпитафией звучит финальная фраза: «Умер человек, искавший ответа и обретший — смерть» (16, кн. 2, 132). Обращение к басне «Два Голубя» в «Мелочах жизни» отвечает общим принципам функционирования крыловского слова в текстах Щедрина, в том числе и особенности использования этого слова персонажами, которые извлекают из басен нравоучительные уроки. Вполне вероятно, что на щедринское отношение к

глагол? (. .) Поумнел ли он по крайней мере с тех пор? Сделался ли развитее и образованнее? Нет, ни то, ни другое. Он и до сих пор продолжает спрягать „Осел и соловей“. » (11, 630).

басне не как к «нравоучительному роду» мог повлиять Белинский, утверждавший, что басня не как нравоучение, но как сатира «есть истинный род поэзии».¹⁶ Это преимущественно сатирическое предназначение басни Щедрина усиливает, делая крыловское слово одним из средств разоблачения.

Значимость крыловского слова для Щедрина несомненна, но каково же все-таки его восприятие личности Крылова? Ответом на этот вопрос в какой-то мере может служить рассказ Буеракина («Владимир Константинович Буеракин») о некоем крутогорском чиновнике, чья физиономия напоминает «добродушно-насмешливое лицо Крылова». Это восприятие лица, а стало быть, и личности Крылова тоже своеобразный штамп, бытование которого определялось прежде всего тоном крыловских басен, но также и прижизненной мифологизацией его образа, получившей поддержку и в прозвище «дедушка», и в распространенных портретных изображениях. Но Буеракин буквально отождествляет чиновника со знаменитым баснописцем и называет его «крутогорским Крыловым» не только на основании портретного сходства. Он рассказывает о его «бескорыстном и нелицеприятном» служении обществу, которое заключается, например, в том, что, когда мимо проходит губернский аристократ, «он вполголоса произносит ему вслед только два слова: „Хоть куда!“ — но этими двумя словами он приносит обществу неоцененную услугу. Во-первых, эти слова очищают воздух от тлетворных испарений, которые оставляет за собой губернский аристократ, а во-вторых, они огорошивают самого аристократа, который поспешно подбирает распущенный хвост, и из нахального петуха становится хоть на время скромною индейкой...» (2, 308). Это было написано в тот период, когда Салтыков следовал своей теории «малых дел», пытаясь «практиковать либерализм в самом капище антилиберализма» (16, кн. 2, 322), и в словах героя выражена точка зрения автора. Однако и все последующие обращения Щедрина к Крылову показывают, что с годами это мнение не изменилось и для него Крылов навсегда остался человеком, чье слово «очищает воздух от болотных испарений».

¹⁶ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. VIII. С. 575

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК ТРУДОВ ВЛАДИМИРА ПЕТРОВИЧА СТЕПАНОВА*

1959

Неизвестная публикация главы «Клин» («Путешествие из Петербурга в Москву») в «Анекдотах русских» (1809) // XVIII век. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Сб. 4. С. 426—432.

1960

«История вкратце о Богеме, еже есть о земле Чешьской» и ее источник // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 16. С. 304—313 (совм. с А. М. Панченко).

Конференция по русской литературе XVIII века // Русская литература. 1960. № 1. С. 253—255.

1961

Материалы для библиографии изданий А. Д. и Д. К. Кантемиров и литературы о них (1917—1959) // Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 260—270 (совм. с П. Н. Берковым).

«Был ли карамзинский период в истории русской литературы?» (Дискуссия в Институте русской литературы) // Русская литература. 1961. № 3. С. 241—245.

1962

250-летие со дня рождения М. В. Ломоносова: Юбилейная сессия в Институте русской литературы // ИЮЛЯ. 1962. Т. 21. № 2. С. 176—179.

Научная сессия, посвященная 250-летию со дня рождения М. В. Ломоносова // Русская литература. 1962. № 1. С. 258—259.

Д. Н. Бегичев; С. С. Бобров; Н. П. Брусиллов; А. Ф. Воейков; Ф. Н. Глинка; И. И. Дмитриев; В. Р. Зотов; Р. М. Зотов; Ф. Ф. Иванов; А. Е. Измайлов; В. В. Измайлов; П. А. Катенин; А. Ф. Мерзляков; М. В. Милонов; В. А. Озеров; К. К. Павлова; В. И. Панаев; А. Погорельский; А. И. Подольский; В. Л. Пушкин; Е. П. Растопчина; О. М. Сомов; В. Г. Тепляков; В. И. Туманский; В. А. Ушаков; Д. И. Хвос-

* В настоящем выпуске сборника мы помещаем списки работ старшего научного сотрудника Сектора по изучению русской литературы XVIII века ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, кандидата филологических наук В. П. Степанова и ведущего научного сотрудника Отдела новой русской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, доктора филологических наук Ю. В. Стенника.

тов; П. И. Шаликов; А. А. Шаховской; А. А. Шишков; А. С. Шишков // История русской литературы XIX века: Библиографический указатель / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 146, 175, 178, 187—189, 218—221, 288—290, 344—345, 345—346, 346, 347—349, 349—350, 363—364, 454—456, 457, 515—517, 533—534, 536, 557—558, 559—560, 607—608, 615—617, 655—656, 673—674, 708—709, 752, 761—763, 807—808, 809—812, 820, 821—823.

1963

А. В. Амфитеатров; М. П. Арцыбашев; Ю. К. Балтрушайтис; И. А. Белоусов; Д. А. Далин-Линев; В. М. Дорошевич; Б. К. Зайцев; Е. И. Замятин; Л. Кармен; В. В. Муйжель; А. С. Новиков-Прибой; А. М. Ремизов; В. Ропшин-Савинков; А. С. Серафимович; С. Н. Сергеев-Ценский // История русской литературы конца XIX—начала XX века: Библиогр. указатель / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 68—71, 98—103, 105—106, 117—118, 227—228, 229—230, 238—240, 240, 249, 317—319, 332—333, 353—356, 359—361, 371—376, 376—379.

1964

О пражской находке профессора В. Черного // Русская литература. 1964. № 2. С. 214—216.

Отчет об обсуждении работы В. Черного в ИРЛИ.

1965

Конференция, посвященная национальным традициям русской литературы XVIII века // Русская литература. 1965. № 2. С. 294—298.

1966

Потаенный Радищев // Русская литература. 1966. № 1. С. 244—257 (без подписи).

Отчет об обсуждении в ИРЛИ книги Г. П. Шторма «Потаенный Радищев».

В. В. Капнист; А. И. Клушин; Г. В. Козицкий; Н. Г. Курганов // Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1966. Т. 3. Стб. 379, 606, 639, 914—915.

1967

Два юбилея [Державин и Карамзин] // Русская литература. 1967. № 2. С. 220—224.

Сессия, посвященная Г. Р. Державину и Н. М. Карамзину // Вестник АН СССР. 1967. № 2. С. 113—114 (без подписи).

Заседание Комиссии по истории филологической науки // ИЮЛЯ. 1967. № 2. С. 192—193.

1968

Обсуждение «Сводного каталога» книг XVIII века // Русская литература. 1968. № 3. С. 248—249.

Общий отдел [Библиография по общим вопросам истории литературы, общественной мысли, языка, фольклора, театра и культуры в России XVIII в.]; М. И. Веревкин; Е. Р. Дашкова; Г. Р. Державин; Екатерина II; А. Д. Кантемир; В. В. Капнист; А. И. Клушин; Н. Г. Курганов; Н. А. Львов; Ю. А. Нелединский-Мелецкий; И. П. Пнин; Феофан Прокопович; А. Н. Радищев; Н. Н. Сандунов; А. П. Сумароков; В. Н. Татищев; Д. И. Фонвизин; И. И. Хемницер; М. М. Щербатов; Предметный указатель // История русской литературы XVIII века: Библиогр. указатель / Сост. В. П. Степанов и Ю. В. Стенник / Под ред. П. Н. Беркова. Л.: Наука, 1968. С. 12—229, 237—239, 240—244, 244—257, 258—269, 272—279, 279—282, 282—283, 289—290, 314—315, 320—321, 336—337, 340—344, 344—364, 367—368, 368—374, 374—379, 386—395, 395—396, 403—405, 424—436.

П. А. Плавильщиков; И. П. Пнин // Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1968. Т. 5. Стб. 783, 810—811.

1969

Повесть Карамзина «Фрол Силин» // Державин и Карамзин в литературном движении XVIII—начала XIX века. Л.: Наука, 1969. С. 229—244. (XVIII век. Сб. 8).

Юбилей Г. И. Успенского // Русская литература. 1969. № 1. С. 244—246.

Юбилейная конференция, посвященная Н. И. Новикову // Русская литература. 1969. № 2. С. 238—240.

Изучение наследия Н. И. Новикова (конференция в Ленинграде и Тарту) // Вестник АН СССР. 1969. № 4. С. 118—120.

200 лет со дня рождения И. А. Крылова // Вестник АН СССР. 1969. № 5. С. 119—120 (без подписи).

Стихотворная сказка (новелла) XVIII—начала XIX века. Л.: Сов. писатель, 1969. 720 с. (Библиотека поэта; большая серия).

Подготовка текста и примечания (совм. с Н. М. Гайденовой); биографические справки об авторах.

А. Ф. Кони. Петр Великий и народное просвещение // Кони А. Ф. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Юридическая литература, 1969. Т. 7. С. 5—22, 410—416.

Подготовка текста и примечания.

А. Ф. Кони. Письмо В. А. Верещагину // Кони А. Ф. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Юридическая литература, 1969. Т. 8. С. 290—292, 445.

Подготовка текста и примечания.

1970

Чулков и «фольклорное» направление в литературе // Русская литература и фольклор (XI—XVIII вв.). Л.: Наука, 1970. С. 226—247.

1971

Павел Наумович Берков (1896—1969) [Некролог] // Археографический ежегодник за 1969 год. М.: Наука, 1971. С. 346—349.

«Санкт-Петербургский Меркурий» // Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1971. Т. 6. Стб. 647.

1972

М. Д. Чулков и русская проза 1750—1770-х гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972. 24 с.

В. Н. Олин. [Стихотворения / Подготовка текста, биографическая справка и примечания] // Поэты 1820—1830-х гг. Л.: Сов. писатель, 1972. Т. 1. С. 116—134, 706—708. (Библиотека поэта, большая серия).

1973

Элементы жанра в беллетристике XVIII века // Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра. Л.: Наука, 1973. С. 35—50.

Образ Петра I в литературе // Русская литература. 1973. № 1. С. 234—238.

Отчет о заседании в ИРЛИ.

Заседание Института русской литературы, посвященное памяти Л. И. Кулаковой // ИОЛЯ. 1973. № 5. С. 478—479 (совм. с В. Ф. Никифоровой).

1974

Восемнадцатая Некрасовская конференция [Хроника] // Русская литература. 1974. № 4. С. 225—228.

Изучение русской культуры XVIII века в Англии и США // Русская литература. 1974. № 4. С. 205—206.

Рец. на: Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter. 1973. N 1. September.

Г. В. Плеханов. Материалы к книге «История русской общественной мысли» // Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова: В 3 т. М.: Наука, 1974. Т. 3. С. 142—190, 336—341.

Подготовка текста и комментарии (совм. с М. И. Лебедевым).

Литературные реминисценции у Пушкина: 1. Записки С. А. Порошина и «Сказка о золотом петушке». 2. «Сочиненья Эмина» в «Домике в Коломне» // Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л.: Наука, 1974. С. 109—114.

Заседание памяти Л. И. Кулаковой // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. 1974. № 1. С. 111—112 (совм. с В. Ф. Никифоровой).

1975

Словарь русских писателей XVIII века: Принципы составления. Образцы статей. Словник. Л.: Наука, 1975. 94 с.

Журнал «Русская литература» за 1958—1973 гг.: Указатель содержания. Л.: Наука, 1975. 176 с.

Убийство Павла I и «вольная» поэзия // Литературное творчество декабристов. Л.: Наука, 1975. С. 75—99.

Критика маньеризма в «Примечаниях к ведомостям» // Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л.: Наука, 1975. С. 39—48. (XVIII век. Сб. 10).

Эволюция и теория басни в 1790—1810-х гг. // Иван Андреевич Крылов: Проблемы творчества. Л.: Наука, 1975. С. 196—220.

М. Д. Чулков; Н. А. Эмин; Ф. А. Эмин // Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1975. Т. 8. Стб. 561—562, 892, 892—893.

150-летие «Горя от ума» [Научная конференция в Институте русской литературы] // Русская литература. 1975. № 3. С. 247—250.

1976

Третьяковский и Екатерина II // Венок Третьяковскому. Волгоград, 1976. С. 89—93.

Новиков и Чулков: (Литературные взаимоотношения) // Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л.: Наука, 1976. С. 49—76. (XVIII век. Сб. 11).

Неизвестная ода М. Д. Чулкова // Там же. С. 166—177 (совм. с М. В. Виднес).

Новиков и его современники // Там же. С. 211—219.

Пер. с англ.: Гаррад Дж. «Русский Скаррон» (М. Д. Чулков) // Там же. С. 178—185.

1977

Русская басня XVIII—XIX веков. Л.: Сов. писатель, 1977. 656 с. (Библиотека поэта, большая серия).

Составление, подготовка текста и примечания — совм. с Н. Л. Степановым. Биографические справки.

1978

Забытые стихотворения Ломоносова и Сумарокова // Русская литература. 1978. № 2. С. 111—115.

К истории литературных полемик XVIII в. («Обед Мида-сов») // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л.: Наука, 1978. С. 131—146.

Чулков М. Д. // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1978. Т. 29. С. 257.

Комментарий [к статье «Замечания на статью Семейского о книге Устрялова „Царевич Алексей Петрович“» («Русское слово», 1860, № 1)] // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1978. Т. 18. С. 296—300.

1979

Попов М. И.; Чулков М. Д. // Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М.: Наука, 1979. С. 276, 364—365.

1980

Литературно-общественное движение конца 1760-х—1780-х годов: 3. Демократическая проза 1760-х годов // История русской литературы: В 4 т. Л.: Наука, 1980. Т. 1. С. 591—606.

Фонвизин // Там же. С. 655—672.

А. П. Сумароков. [Письма / Подготовка текста и комментарии] // Письма русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1980. С. 68—223.

«Кроме бедности ничего не нажил» [Публикация неизвестных писем А. П. Сумарокова] // Советская Россия. 1980. 6 янв., № 5 (7156). С. 4.

1981

Брант Л. В.; Зотов В. Р.; «Из Паткуля»; Крылов И. А.; Лонгинов М. Н.; Мерзляков А. Ф.; Плаксин В. Т. (совм. с

Л. Н. Назаровой); Сандунов Н. Н.; Фонвизин Д. И.; Шувалов А. П. // Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 69—70, 178, 183, 235—236, 265, 278—279, 417, 496, 599, 628.

1982

В. А. Рышков и его «Дневник» / [Вступительная статья, комментарий и публикация] // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л.: Наука, 1982. С. 119—159.

Об авторстве «Аввакумовского скитника» // Русская литература. 1982. № 2. С. 184—187.

1983

К вопросу о репутации литературы в середине XVIII в. // Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л.: Наука, 1983. С. 105—120. (XVIII век. Сб. 14).

Заметки о В. Л. Пушкине: 1. Автограф «Путешествия NN в Париж и Лондон» И. И. Дмитриева. 2. Первое издание «Опасного соседа» // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1983. Т. 11. С. 250—267.

1984

Ред.: Наука и культура России XVIII века / Сб. статей. Л., 1984. 260 с. (в составе редколлегии).

1985

К агиографии Чупятова: (Неизвестная повесть о раскаявшемся старообрядце) // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л.: Наука, 1985. С. 108—173.

Из комментария к «Евгению Онегину» // Временник Пушкинской комиссии. 1981. Л.: Наука, 1985. С. 159—166.

Русские подписчики на издания второй половины XVIII в. // 3-я Всесоюзная научная конференция «Книга в России до середины XIX века» / Тез. докл. Л.: БАН, 1985. С. 13—14.

1986

Полемика вокруг Д. И. Фонвизина в период создания «Недоросля» // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л.: Наука, 1986. С. 204—229. (XVIII век. Сб. 15).

Г. Р. Державин. Сочинения. Л.: Художественная литература, 1987. 504 с.

Составление (совм. с Г. П. Макогоненко), примечания (С. 446—496).

Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987.

«Российский феатр» (С. 337), «Санкт-Петербургский Меркурий» (С. 369), Аннотированный указатель писателей XVIII в. (указан в списке авторов статей Аннотированного указателя имен авторов художественных произведений на с. 535).

1988

М. Д. Чулков. Пересмешник. М.: Сов. Россия, 1988. 368 с. Составление, подготовка текстов, послесловие («Об авторе „Пересмешника”» — С. 326—350), примечания (С. 351—365).

Предисловие [без подписи]; Албычев А. А.; Байбаков А. А.; Барков И. С.; Барсов А. А.; Бекетов Н. А.; Беллинсгаузен И. Ф. (совм. с Р. Ю. Данилевским); Беляев О. П.; Бецкой И. И.; Бланк Б. К.; Богданович И. Ф. (совм. с Т. Н. Громовой); Болтин Д. С.; Ванслов И. У.; Вельяминов П. Л.; Ветошников И. Н.; Вицман А.; Владыкин И. А. (совм. с С. И. Николаевым); Вязмитинов С. К.; Голицын В. Д.; Гордин Е. Ф.; Горчаков Д. П.; Горюшкин З. А.; Дамский К. Я.; Дмитриевский И. И.; Добрынин Г. И. (совм. с А. Б. Шишкиным); Долгоруков И. М.; Домашнев С. Г.; Дубровский А. И.; Екатерина II; Екимов П. Е. (совм. с С. И. Николаевым); Елагин И. П., Ефимьев Д. В., Жуков В. М.; Захаров И. С.; Злобин К. В.; Золотницкий В. Т.; Зуев В. Ф.; Игнатьев С. Е.; Икосов П. П. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1: А—И. Л.: Наука, 1988. С. 3—10; 24, 48—52, 57—62, 64—68, 75—76, 78—79, 82—83, 88—91, 94—95, 102—104, 118, 139—140, 143—144, 152, 158—160, 160—163, 183—185, 213, 218, 223—226, 226—227, 237—238, 276—277, 278—279, 279—283, 283—287, 289—290, 291—302, 303—304, 304—309, 312—313, 316—317, 328—331, 338—340, 340—342, 343—345, 350—351, 352—353.

Ред.: Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1: А—И. Л.: Наука, 1988. 357 с. (в составе редколлегии).

1989

Неизданные произведения Д. П. Горчакова // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л.: Наука, 1989. С. 110—129. (XVIII век. Сб. 16).

Агафи А. Д., Аничков И. К.; Аристов И. Г.; Бакунин А. М.; Башарулов М. П.; Бенитцкий А. П.; Бланк Б. К.; Богданович И. Ф.; Брежинский А. П.; Буринский З. А.; Горчаков Д. П. // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. 1: А—Г. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 22—23, 79, 104, 141—142, 186, 237—238, 276—277, 300—301, 325—326, 367, 644—645.

Ред.: Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. 1: А—Г. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 672 с. (в составе редколлегии).

1990

К биографии Ф. Г. Карина // Русская литература. 1990. № 4. С. 192—196.

А. П. Сумароков [Стихотворения / Составление, подготовка текста, биографическая справка, примечания] // Русская литература — век XVIII. Лирика. М.: Художественная литература, 1990. С. 104—140, 661—664.

Ред.: Русская литература — век XVIII. Лирика. М.: Художественная литература, 1990. 735 с. (в составе редколлегии).

1991

Ред.: Русская литература — век XVIII. Трагедия. М.: Художественная литература, 1991. 719 с. (в составе редколлегии).

1992

Долгоруков И. М.; Загорский М. П.; Зилов А. М. // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. 2: Г—К. М.: Большая рос. энциклопедия, 1992. С. 149—151, 302—303, 339.

Ред.: Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. 2: Г—К. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. 623 с. (в составе редколлегии).

1993

Диалог Сумарокова «Ирсинкус и Касандр» // XVIII век. СПб.: Наука, 1993. Сб. 18. С. 31—39.

Новые материалы о Сумарокове // Сумароковские чтения: Материалы всероссийской научно-практической конференции. СПб., 1993. С. 15—20.

1994

Коптев А. А.; Краснопольский Н. С.; Кропотов А. Ф.; Крюков С. И.; Лобысевич П. П.; Лузанов Г. И.; Майков М. А.; Макаров М. Н.; Мартынов А. М.; Маслович В. Г.; Мац-

нев Н. // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. 3: К—М. М.: Большая рос. энциклопедия, 1994. С. 62—63, 136—137, 165, 186—187, 378, 401, 463, 468—470, 531—532, 543—544, 547.

Ред.: Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. 3. К—М. М.: Большая рос. энциклопедия, 1994. 592 с. (в составе редколлегии).

Составил С. И. Николаев

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК ТРУДОВ ЮРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА СТЕННИКА

1962

О художественной структуре трагедий А. П. Сумарокова // XVIII век. Сб. 5. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 273—294.

1963

Каким произведением следует считать «Герой нашего времени» Лермонтова — реалистическим или романтическим? // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. М., 1963. Т. XXII, вып. 4. С. 321.

Какова роль творческой индивидуальности писателя в общем процессе литературного развития (в частности, в славянских литературах разных эпох). — Возможно ли говорить о литературных направлениях реализма и романтизма исторически или о реалистическом и романтическом отражении действительности как об общих закономерностях художественного творчества. — Каким произведением следует считать роман Лермонтова «Герой нашего времени» — реалистическим или романтическим // Славянска филология. София: Българска Ак. Наук, 1963. Т. II. С. 51—52, 116—117, 129.

1964

Две редакции трагедии А. П. Сумарокова «Синав и Трувор» // Эпоха классицизма. М.; Л.: Наука, 1964. С. 247—257. (XVIII век. Сб. 6).

1965

Стихотворение А. С. Пушкина «Мордвинову»: (К истории создания) // Русская литература. 1965. № 3. С. 172—181.

1966

Княжнин Яков Борисович // Краткая лит. энциклопедия. М., 1966. Т. 3. Стб. 615—616.

1968

История русской литературы XVIII века. Библиографический указатель. / Под ред. П. Н. Беркова. Л.: Наука, 1968. 500 с. Составление. Совм. с В. П. Степановым.

Отзывы: Мартынов И. Ф. Научная библиография по истории русской литературы XVIII века // Сов. библиография, 1968. № 6. С. 58—62.

О роли национальных поэтических традиций XVIII века в поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» // Русская литература. 1968. № 1. С. 107—122.

Попугаев Василий Васильевич // Краткая лит. энциклопедия. М., 1968. Т. 5. Стб. 892.

1969

Национальные поэтические традиции XVIII века в творчестве Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1969. 19 с.

Пейзаж в романе «Евгений Онегин» и проблема преемственности национальных поэтических традиций // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1969. Т. 28, вып. 3. С. 220—231.

Преемственность традиций и литературный процесс: (Русская литература на рубеже XVIII—XIX веков) // Русская литература. 1969. № 4. С. 89—95.

1970

К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. (Сессия в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР 25—26 марта 1970 г. Хроника) // Русская литература. 1970. № 2. С. 230—231.

Литература и фольклор. (Конференция в ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР от 25—26 ноября 1969 г.) // Русская литература. 1970. № 1. С. 249—252.

Русский классицизм и фольклор: (Сумароков и его школа) // Русская литература и фольклор (XI—XVIII вв.). Л.: Наука, 1970. С. 137—179.

Сессия ученого совета ИРЛИ, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина (25—26 марта 1970 г. Хроника) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1970. Т. 29, вып. 4. С. 362—364.

1971

Ломоносов и Николев: (Некоторые тенденции в развитии жанра похвальной оды последней четверти XVIII века) // Поэтика и стилистика русской литературы: Сб. памяти академика В. В. Виноградова. Л.: Наука, 1971. С. 59—68.

1972

Системы жанров в историко-литературном процессе // Русская литература. 1972. № 4. С. 93—101.

1973

М. Ломоносов. «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» // Поэтический строй русской лирики. Л.: Наука, 1973. С. 9—20.

Рец.: Историко-литературный процесс и проблемы его типологического изучения: [Поспелов Г. Н. Проблемы исторического развития литературы. М.: Просвещение, 1972] // Русская литература. 1973. № 2. С. 267—273.

Одическая строфа Ломоносова // Вопросы русской литературы. Львов, 1973. Вып. 2 (22). С. 60—67.

1974

Драматургия Петровской эпохи и первые трагедии Сумарокова: (К постановке вопроса) // Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века. Л.: Наука, 1974. С. 227—249. (XVIII век. Сб. 9).

Рец.: Западногерманский славист о русской сатирической комедии XVIII века: [Kuntze K. Studien zur Geschichte der russischen satirischen Typenkomödie 1750—1772. Frankfurt am Main, 1971] // Русская литература. 1974. № 4. С. 197—202.

Системы жанров в историко-литературном процессе // Историко-литературный процесс: (Проблемы и методы изучения) Л.: Наука, 1974. С. 168—202.

1975

Традиции торжественной оды XVIII века в лирике Пушкина периода южной ссылки («Наполеон») // Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л.: Наука, 1975. С. 107—112. (XVIII век. Сб. 10).

Энциклопедия всякой мудрости // Белые ночи: О тех, кто прославил город на Неве. Альманах. Л.: Лениздат, 1975. Вып. 4. С. 335—365.

1976

Рец.: Новая книга о декабристах [Литературное наследие декабристов: Сб. статей / Отв. ред. В. Г. Базанов, В. Э. Вазуро. Л.: Наука, 1975] // Нева. 1976. № 11. С. 188—189.

Об эстетической функции сатиры // Русская литература. 1976. № 1. С. 78—92.

А. В. Кольцов // Русская литература и фольклор: (1-я половина XIX века). Л.: Наука, 1976. С. 292—333.

1977

Пушкин и советская поэзия: (40-е—60-е годы) // Русская советская поэзия: Традиции и новаторство. 1946—1975 гг. Л.: Наука, 1977. С. 90—119.

Некоторые вопросы изучения русской сатиры XVIII века // Русская литература. 1978. № 2. С. 68—86.

1979

Вяземский П. А.; Кайсаров А. С.; Кюхельбекер В. К.; Надеждин Н. И.; Склабовский А. В.; Тимковский И. Ф.; Тургенев А. И. // Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М.: Наука, 1979. С. 113—114, 170, 208, 246—247, 307, 330, 334—335.

Рец.: Из прошлого русской поэзии [Поэты-радищевцы. Ред., сост. и вступ. статья П. А. Орлова. Л.: Сов. писатель, 1979 (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.)] // Вечерний Ленинград. 1979. 4 декабря, № 227. С. 3.

1980

Гл. 1. Литературно-общественное движение 1730-х—нач. 1760-х годов. § 1. Введение. — § 4. Своеобразие русского классицизма. — Гл. 3. Сумароков А. П. — Гл. 4. Литературно-общественное движение конца 1760-х—1780-х годов. (§ 1. Введение. — § 2. Сатирические журналы 1769—1772 гг. Н. И. Новиков. — § 4. Поэты кружка М. М. Хераскова (В. И. Майков, И. Ф. Богданович, М. М. Херасков). — Гл. 7. Литературно-общественное движение 1780-х—1790-х годов. (§ 1. Введение. — § 2. Комическая опера. — § 3. Новые веяния в драматургии (Я. Б. Княжнин) // История русской литературы: В 4 т. Л.: Наука, 1980. Т. 1. С. 491—500, 513—522, 542—570, 571—591, 606—626, 673—697.

О специфике жанровой природы басни // Русская литература. 1980. № 4. С. 106—119.

Рец.: Панорама жанра. [Русская сентиментальная повесть. М.: Изд-во МГУ, 1979] // В мире книг. 1980. № 2. С. 70.

Радищев в идейно-политических исканиях Пушкина 1830-х годов // Болдинские чтения. Горький.: Волго-Вятское книжное изд-во, 1980. С. 149—162.

1981

Жанр трагедии в русской литературе: Эпоха классицизма. Л.: Наука, 1981. 168 с.

Отзывы: *Drage C. L. Ju. V. Stennik. Zhanr tragedii v russkoi literature. Epokha klassitsizma* (Leningrad: Nauka, 1981), 168 p. // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter, № 12. Cambridge, 1984. P. 51—54.

Институту русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР — 50 лет // Русская литература. 1981. № 3. С. 219—220.

И. А. Крылов—баснописец // История русской литературы: В 4 т. Л.: Наука, 1981. Т. 2. С. 189—203.

1982

Драматургия русского классицизма. Трагедия. — Драма-тургия русского классицизма. Комедия. — Комедия 1800—1820-х годов. // История русской драматургии. XVII—первая половина XIX века. Л.: Наука, 1982. С. 58—108, 109—162, 221—238.

Из истории популяризации в России XVIII века эстетической доктрины классицизма: («О пользе театральных действий и комедий к воздержанию страстей человеческих» / Вступ. заметка, подгот. текста, примеч.) // Эстетика и жизнь. Вып. 7. М., 1982. С. 253—264.

К вопросу о реализме в русской литературе XVIII века // Русская литература. 1982. № 4. С. 55—76.

1983

Из истории литературной полемики 1770-х гг.: (Сатира Су-марокова «О худых рифмотворцах») // Русская литература XVIII—нач. XIX века в общественно-культурном контексте. Л.: Наука, 1983. С. 251—260. (XVIII век. Сб. 14).

Концепция XVIII века в творческих исканиях Пушкина // Пушкин: Мат. и исслед. Л.: Наука, 1983. Т. XI. С. 76—87.

Сатиры смелой властелин: Вступ. ст. // Фонвизин Д. И. Избранное. Стихотворения. Комедии. Сатирическая проза и публицистика. Автобиографическая проза. Письма. М.: Советская Россия, 1983. С. 5—22. [Сост., подгот. текстов, примеч. — С. 311—333].

К вопросу о методе комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль»: Тезисы доклада // Проблемы литературных жанров: Мат. IV науч. межвуз. конф. Томск, 1983. С. 212—214.

1984

К вопросу о поэтическом состязании 1743 года // Русская литература. 1984. № 4. С. 100—104.

Проблема реализма в русской литературе XVIII века // На путях к романтизму: Сб. трудов. Л.: Наука, 1984. С. 18—51.

Рец.: Спектакль о человеческой мечте. [О спектакле Областного Уральского театра по пьесе А. П. Чехова «Чайка»] // Приуралье. 1984. 8 ноября, № 216. С. 4. (Совм. с А. А. Дырдиным)

Рец.: Благородный рыцарь просвещения: [Долгова С. Р. Жизненный путь Ф. В. Каржавина. Л.: Наука, 1984] // Книжное обозрение. 1985. № 35 (1002), 9 авг. С. 15.

Рец.: Дашкова Е. Р. Записки. 1743—1810 / [Подгот. текста, ст. и коммент. Г. Н. Моисеевой]. Л.: Наука, 1985. 288 с.

Рец.: Из культурного прошлого Ленинграда: [Кочеткова Н. Д. Фонвизин в Петербурге. Л.: Лениздат, 1984] // Нева. 1985. № 10. С. 163—164.

Русская драматургия XVIII—нач. XIX в.: (Поэтика и история жанров). Автореф. дис. ... доктора филол. наук. М.: МГУ, 1985. 47 с.

Русская сатира XVIII века / Отв. ред. Г. Н. Моисеева. Л.: Наука, 1985. 362 с.

Отзывы: Прокофьев Н. И., Ольшевская Л. А. // Науч. докл. высшей школы. Филол. науки. 1987. № 2 (158). С. 85—87; Севастьянов А. Н. Становление русской литературной сатиры // Вопросы литературы. 1987. № 5. С. 238—242. Gareth Jones W. // Study Group in Eighteenth-Century Russia: Newsletter. 1986. № 14. P. 68—72.

Судьба библиотеки Д. Дидро // Наука и жизнь. 1985. № 1. С. 155.

1986

Русская сатирическая проза XVIII века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 448 с.

Вступ. статья, сост. и примечания.

Эстетическая мысль в России XVIII века // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л.: Наука, 1986. С. 37—51. (XVIII век. Сб. 15).

1987

Ломоносов и Державин // Ломоносов и русская литература. М.: Наука, 1987. С. 235—267.

Проблема народности в русской литературе XVIII века и Фонвизин // Русская литература. 1987. № 3. С. 59—71.

Рец.: Согласно замыслу и чувству. [О спектакле «Власть тьмы» на сцене республиканского драматического театра им. В. Савина] // Молодежь Севера (Сыктывкар). 1987. 15 марта, № 32 (5820). С. 3.

Статья Жуковского «О сатире и сатирах Кантемира» и ее место в литературной полемике 1800—1810-х годов // Жуковский и русская культура. Л.: Наука, 1987. С. 125—137.

Теоретико-литературные взгляды М. В. Ломоносова // Ломоносов и русская литература. М.: Наука, 1987. С. 31—47.

Сатиры смелой властелин: Вступительная статья // Фон-визин Д. И. Бригадир. Недоросль. Сатирическая проза. Письма из Петербурга. Для старшего школьного возраста. М.: Сов. писатели 1987. Примечания. Перепечатка из изд. 1983 г.

1988

Вережкин М. И.; Волков А. А.; Волков Д. В.; Желтов А. // Словарь русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1988. Вып. I: А—И. С. 148—150, 167—168, 169—170, 316.

Проблема сатиры XVIII века в системе взглядов Добролюбова на литературу // Н. А. Добролюбов. Эстетика. Литература. Критика. Л.: Наука, 1988. С. 127—141.

Рец.: Сокровище российских древностей. [Факсимиле единственного сохранившегося экземпляра издания Н. И. Новикова (...)] М.: Книга, 1986] // Советские архивы. 1988. № 2. С. 106—108.

Русское Просвещение XVIII века в исследованиях зарубежных славистов последних лет // Русская литература. 1988. № 4. С. 215—225.

1989

Проблема периодизации русской литературы XVIII века // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л.: Наука, 1989. С. 17—31. (XVIII век. Сб. 16).

Рец.: Суд совести [О спектакле по пьесе В. Мережко «Женский стол в „охотничьем” зале» на сцене Республиканского драматического театра им. В. Савина] // Красное знамя [Сыктывкар]. 1989. 8 марта, № 56. С. 3.

Тема Великой Французской революции в памфлетной публицистике 1790-х годов // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1989. Т. 48, № 6. С. 528—535.

1990

Державин Г. Р. Стихотворения // Русская литература. Век XVIII. Лирика. М.: Худож. лит., 1990. С. 296—354, 681—687.

Подготовка текстов, биографическая справка и примечания.

Рец.: Жанр «диалога в царстве мертвых» в русской литературе XVIII века: [Marcialis Nicoletta. Caronte e Caterina. Dialoghi dei morti nella letteratura russa dei XVIII secolo. Roma.: Bulzoni Editore, 1989. 307 p.] // Русская литература. 1990. № 2. С. 240—244. (Совм. с А. И. Николаевым).

О национальных истоках славянофильства // Москва. 1990. № 11. С. 89—98.

Сумароков — драматург: Вступительная статья // Сумароков А. П. Драматические сочинения. Л.: Искусство, 1990. 480 с.

Составление, подготовка текстов, примечания.

Тема Великой французской революции в консервативной литературе и публицистике 1790-х годов // Великая французская революция и русская литература / Отв. редактор Г. М. Фридендер. Л.: Наука, 1990. С. 69—90.

1991

Ред.: Русская литература. Век XVIII. Трагедия. М.: Худож. лит., 1991. Т. 2. 719 с.

Жанр трагедии в русской драматургии XVIII века // Там же. С. 5—24, 29—158, 691—697.

Вступительная статья; *Сумароков А. П.* Хорев. — Синав и Трувор. — Димитрий Самозванец. — Подготовка текстов и комментарии.

Роль комедии в литературной полемике 1750—1760-х годов // XVIII век. Сб. 17. Л.: Наука, 1991. С. 28—47.

Становление жанра сентиментальной драмы в России XVIII века // Русская драматургия и литературный процесс: Сб. статей. СПб.; Самара, 1991. С. 53—83.

1992

Идея «древней» и «новой» России в литературе XVIII века: М. В. Ломоносов // Литература и история: (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII—XX вв.). СПб.: Наука, 1992. С. 6—31.

Ломоносов и Карамзин в оценке К. С. Аксакова: (К вопросу об истоках славянофильского движения) // От Карамзина до Чехова: Сб. статей к 45-летию научно-педагогической деятельности Ф. З. Кануновой. Томск, 1992. С. 24—32.

1993

Вопросы языка и стиля в журнале «Собеседник любителей русского слова» // XVIII век. Сб. 18. СПб.: Наука, 1993. С. 113—130.

XVIII век. Либерализм литературы и проблема власти // Русская литература. 1993. № 4. С. 3—16.

Галина Николаевна Моисеева (1922—1993). [Некролог] // Архив русской истории: Науч.-ист. журнал. М., 1993. Вып. 3. С. 276—278.

Е. Р. Дашкова организатор издательского дела в России XVIII века // Print and Publishing: Международный журнал печатной коммуникации. СПб., 1993, № 2, июнь—июль. С. 38—39.

О плане «Водопада» // Г. Державин. История и современность. Казань: Изд-во Казанского университета, 1993. С. 125—133.

Проблема композиции «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // Скафтымовские чтения: Мат. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. П. Скафтымова. 23—28 октября 1990 г. Саратов, 1993. С. 12—16.

Роль А. П. Сумарокова в развитии русской басни // Сумароковские чтения: Юбилейные торжества к 275-летию со дня рождения А. П. Сумарокова. Мат. Всерос. науч.-практ. конференции. СПб., 1993. С. 25—32.

Kniaznina Ekaterina Aleksandrovna. — Sumarokova Natal'a Petrovna // Dictionary of Russian women writers / Ed. by M. Ledkovsky, Ch. Rosenthal, M. Zirin. Westport, Connecticut; London: Greenwood Press, 1994. P. 298—299, 628 (1-я статья совм. с M. Zirin).

Об истоках славянофильства в русской литературе XVIII века // Славянофильство и современность: Сб. статей. СПб.: Наука, 1994. С. 5—22.

1995

Историософские аспекты содержания русской драматургии XVIII века: (жанр трагедии) // XVIII век. Сб. 19. СПб.: Наука, 1995. С. 70—85.

Православие и масонство в России XVIII века (К постановке проблемы) // Русская литература. 1995. № 1. С. 76—92.

Пушкин и русская литература XVIII века / Отв. ред. С. А. Фомичев. СПб., 1995. 350 с.

Традиции поэзии Державина в романе Пушкина «Евгений Онегин» // Державинский сборник. Новгород, 1995. С. 26—35.

Ivan Andreevich Krylov (1769—1844) // Dictionary of Literary Biography. Vol. 150: Early Modern Russian Writers, Late Seventeenth and Eighteenth Centuries. Detroit; Washington, D. C.; London, 1995. P. 197—207.

Mikhail Ivanovich Popov (1742—circa 1790) // Ibid. P. 308—312.

1996

Концепция «просвещенного абсолютизма» в культурной политике Екатерины II // Екатерина Великая: Эпоха российской истории. Межд. конф. в память 200-летия со дня смерти Екатерины II (1729—1796). Тезисы докладов. СПб., 1996. С. 57—59.

Роль Екатерины II в развитии русской литературы XVIII века // Русская литература. 1996. № 4. С. 3—20.

Составила Е. Д. Кукушкина

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ В ИЗДАНИЯХ СЕКТОРА
ПО ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА
ЗА 1976—1995 гг.***

- Автухович Т. Е.* 1) Об авторстве «Metaphrasis Ps. 36» и «Metaphrasis Ps. 72». XV. 154—160.
2) Анонимный роман «Несчастный Никанор». (Эпизод из истории формирования жанра). XVII. 73—87.
- Адрианова-Перетц В. П.* Новеллистические сюжеты в фольклоре и русской литературе XVIII века. X. 12—17.
- Айзеншток И. Я., Арбузова И. В. В. Ягич* — интерпретатор русской литературы XVIII века. X. 169—175.
- Алексеев А. А.* Старое и новое в языке Радищева. XII. 99—112.
- Алексеев М. П.* Державин и сюжеты Шекспира. X. 226—235.
- Алексеева М. А.* Гравюра на дереве «Мыши kota на погост волокут» — памятник народного творчества конца XVII—начала XVIII в. XIV. 45—79.
- Алексеева Н. Ю.* 1) Державинские оды 1775 года. К вопросу о реформе оды. XVIII. 75—92;
2) Письма Карамзина П. П. Бекетову. XIX. 183—186.
- Алексеева Н. Ю., Коплан Б. И.* Авторская правка Г. Р. Державина на экземплярах его «Сочинений» из собраний РГБ и БАН. М. 33—54.
- Альтшуллер М. Г.* 1) Неизвестный эпизод журнальной полемики XIX века «Друг просвещения» и «Московский зритель». X. 98—106.
2) Поэтическая традиция Радищева в литературной жизни начала XIX века. XII. 113—136.
- Андрущенко Е. А.* Материалы к сценической истории комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль». XIX. 276—293.
- Астраханский В. С., Малиновский К. В.* Неопубликованное письмо и список книг В. Н. Татищева 18 октября 1731 г. XV. 161—168.
- Бегунов Ю. К.* 1) Неизвестная рукописная повесть первой половины XVIII в. об Евграфе и Александре. XIV. 207—231.
2) Новонайденная агиографическая повесть начала XVIII в. XV. 135—139.
3) Новонайденное «Путешествие» по Русскому Северу начала XVIII века («Диурналы» и письма Матвея Жданова). XVII. 221—248.

* В указатель включены статьи сборников «XVIII век», а также сборника, изданного Сектором, «Маргиналии русских писателей XVIII века». СПб, 1994, обозначенного в указателе заглавной литерой М.

- 4) Неизвестная рукописная повесть первой половины XVIII века о Георгии и Фларенте. . . . XVIII. 383—397.
- Берков П. Н.* Насущные вопросы изучения общественной позиции Н. И. Новикова. . . . XI. 5—15.
- Бешенковский Е. Б.* Жизнь Федора Эмина. . . . XI. 186—203.
- Булангина Т. В.* Материалы для полного инвентаря курсов риторики и философии Киево-Могилянской академии. . . . XV. 122—130.
- Бухаркин П. Е.* Проблема комического в русской комедии середины XVIII века. . . . XVIII. 313—321.
- Валк С. Н.* Август Людвиг Шлецер и Василий Никитич Татищев. . . . X. 190—199.
- Вацуро В. Э.* 1) Г. П. Каменев и готическая литература. . . . X. 271—277.
2) И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века. . . . XVI. 139—179.
- Вентури Ф.* Неаполитанские литературные отклики на русско-турецкую войну (1768—1774). . . . X. 119—126.
- Виднес М. В., Степанов В. П.* Неизвестная ода М. Д. Чулкова. . . . XI. 166—177.
- Винтер Э. П. Н.* Берков и «Материалы и исследования по истории Восточной Европы». . . . X. 49—53.
- Вознесенский А. В.* Неизвестный вариант издания «Древней российской истории» М. В. Ломоносова. XVI. 215—218.
- Вознесенский М. В.* Народная музыкальная культура в русской сентиментальной повести. . . . XVII. 203—206.
- Вытженс Г.* Немецкие переводы русских писателей в последней трети XVIII века. (По фондам венских публичных книгохранилищ). . . . X. 154—159.
- Галаган Г. Я.* Герой и сюжет «Дневника одной недели» Радищева. Вопрос о датировке. . . . XII. 67—71.
- Гардзонио С.* 1) Об авторстве одной песни XVIII в. . . . XVIII. 364—368.
2) Автографы поэтов-шишковистов в книгах РГБ. . . . М. 66—74.
- Гаррард Дж.* «Русский Скаррон»: (М. Д. Чулков). . . . XI. 178—185.
- Гозенпуд А. А.* Ломоносов и Гольдберг о музыке. . . . X. 211—216.
- Горбачева Н. Н.* О датировке комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир». . . . XIV. 292—303.
- Грассхоф Х.* Значение общественно-воспитательной функции литературы для изучения русского просвещения. . . . X. 54—58.
- Гуковский Г. А.* Сиятельный злопыхатель XVIII столетия. . . . XIV. 247—250.
- Данилевский Р. Ю.* К истории библиотеки Лессинга. . . . X. 143—147.
- Доланский Ю.* Херасков и Линда. . . . X. 135—142.

- Долгова С. Р., Лаппо-Данилевский К. Ю. Работа Н. А. Львова по подготовке второго издания переводов из Анакреона. XVII. 190—202.
- Дрובה Н. П. Биографические предания о русских писателях XVIII в. как историко-литературное явление. XIII. 275—283.
- Дылевский Н. М. Русская и украинская историография XVIII столетия и «История во кратце о болгарском народе словенском» Спиридона (1792). X. 127—134.
- Жирмунская Н. А. Историко-философская концепция И. Г. Гердера и историзм Просвещения. XIII. 91—101.
- Жирмунский В. М. Оды М. В. Ломоносова «Вечернее» и «Утреннее размышление о Божием Величестве»: (К вопросу о датировке). X. 27—30.
- Заборов П. Р. «Орлеанская девственница» Вольтера в русских рукописных переводах. X. 247—250.
- Западов В. А. 1) К истории правительственных преследований Н. И. Новикова. XI. 37—48.
2) Неизвестная ода Г. Р. Державина. XI. 159—165.
3) Работа Г. Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии». XV. 229—282.
4) Последняя часть «Рассуждения о лирической поэзии» Г. Р. Державина. XVI. 289—290.
- Приложение. Г. Р. Державин. Продолжение о лирической поэзии. Часть 4-я. XVI. 290—318.
5) Проблема литературного сервилизма и дилетантизма и поэтическая позиция Г. Р. Державина. XVI. 56—75.
6) Был ли Радищев автором «Беседы о том, что есть сын отечества»? XVIII. 131—155.
- Иванов М. В. 1) Мир Швейцарии в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина. X. 296—302.
2) Державин и Новиков. XI. 77—86.
- Ионин Г. Н. Спор «древних» и «новых» и проблема историзма в русской критике 1800—1810 годов. XIII. 192—204.
- Канунова Ф. З. 1) Карамзин и Стерн. X. 258—264.
2) Карамзин и Жуковский. (Некоторые вопросы изучения русской истории по материалам библиотеки В. А. Жуковского). XVI. 130—138.
- Канунова Ф. З., Кафанова О. Б. Карамзин и Жуковский. (Восприятие «Созерцания природы» Ш. Бонне). XVIII. 187—202.
- Кафанова О. Б. 1) Библиография переводов Н. М. Карамзина (1783—1800 гг.). XVI. 319—337.
2) Библиография переводов Н. М. Карамзина в «Вестнике Европы» (1802—1803 гг.). (Окончание). XVII. 249—283.
- Кибальник С. А. 1) Об одном французском источнике эстетических взглядов Тредиаковского. XIII. 219—228.
2) О «Риторике» Феофана Прокоповича. XIV. 193—206.

- Клейн Й.* 1) Русский Буало? (Эпистола Сумарокова «О стихотворстве» в восприятии современников). . . . XVIII. 40—58.
- 2) Реформа стиха Тредиаковского в культурно-историческом контексте. . . . XIX. 15—42.
- Копанев Н. А.* 1) О первых изданиях сатир А. Кантемира. . . XV. 140—153.
- 2) Петр I — переводчик. . . . XVI. 180—183.
- Копылова В. С., Панченко А. М.* Роль музыки в реформе русского стиха. . . . XV. 5—20.
- Космолинская Г. А. Н. М.* Карамзин и Давид Юм: (К вопросу об историографической концепции Карамзина). . . . XVIII. 203—217.
- Костина Е. Л.* К истории ранних комедий Екатерины II. . . XVIII. 299—312.
- Костюкова В. В.* Роман С. Ричардсона «Памела» в переводе Ивана Шишкина. . . . XVIII. 322—334.
- Кочеткова Н. Д.* 1) И. Г. Рахманинов — переводчик немецких поэтов и творчество молодого Крылова. . . X. 251—257.
- 2) О первых русских переводах книги Л. С. Мерсье «Мой спальный колпак». . . . XI. 247—249.
- 3) Немецкие писатели в журнале Новикова «Утренний свет». . . . XI. 113—124.
- 4) Радищев и проблема красноречия в теории XVIII века. . . . XII. 8—28.
- 5) Формирование исторической концепции Карамзина — писателя и публициста. . . . XIII. 132—155.
- 6) Герой русского сентиментализма. 1. Чтение в жизни «чувствительного» героя. . . . XIV. 121—142.
- 7) Герой русского сентиментализма. 2. Портрет и пейзаж в литературе русского сентиментализма. . . XV. 70—96.
- 8) Проблемы изучения литературы русского сентиментализма. . . . XVI. 32—43.
- 9) Проблема «ложной чувствительности» в литературе русского сентиментализма. . . . XVII. 61—72.
- 10) Тема «золотого века» в литературе русского сентиментализма. . . . XVIII. 172—186.
- 11) Два издания «Московского журнала» Н. М. Карамзина. . . . XIX. 168—182.
- Экземпляры «Сочинений» Державина, хранящиеся в Пушкинском Доме.* . . . М. 55—66.
- Краснов Г. В.* Лев Толстой и Радищев. . . . XII. 137—148.
- Крестов Л. В. А. И.* Плещеева в жизни и творчестве Карамзина. . . . X. 265—270.
- Кросс А. Г.* 1) «Замечания» сэра Джона Синклера о России. . X. 160—168.
- 2) Василий Петров в Англии (1772—1774). . . . XI. 229—246.

- 3) Английские отзывы об А. П. Сумарокове. XIX. 60—69.
- 4) Поездки княгини Е. Р. Дашковой в Великобританию (1770 и 1776—1780 гг.) и ее «Небольшое путешествие в Горную Шотландию» (1777). XIX. 223—238.
- Кузьмин А. И.* Военная тема в сатирических «разговорах в царстве мертвых». X. 87—91.
- Кукушкина Е. Д.* 1) Переводная новелла в рукописных сборниках XVIII в. XIV. 180—192.
- 2) Текст и изображение в конклюдии петровского времени на примере портрета царевны Наталии Алексеевны. XV. 21—36.
- 3) Четыре записки Г. Р. Державина к В. Н. Олину. XVII. 207—213.
- 4) О драматическом компоненте в прозе XVIII века. XVII. 48—60.
- 5) «Записки» Прасковии Николаевны Львовой. XVIII. 262—298.
- 6) Комедиография В. А. Левшина. XIX. 86—101.
- Кулакова Л. И.* Н. И. Новиков в письмах М. Н. Муравьева. XI. 16—23.
- Кулябко Е. С., Соколова Н. В.* Утраченная переписка Ломоносова с польским пиаром Е. Цяпинским. X. 206—210.
- Лазарчук Р. М.* 1) Проза Радищева и традиция эпистолярного жанра. XII. 72—82.
- 2) Из истории провинциального театра: (Театральная жизнь Вологды 1780-х гг.). XV. 52—64.
- 3) Из истории провинциального театра: (Вологодский публичный театр конца XVIII—начала XIX в.). XVIII. 156—171.
- Лаппо-Данилевский К. Ю.* 1) К вопросу о творческом становлении Н. А. Львова: (По материалам черновой тетради). XVI. 256—270.
- 2) Неизвестное стихотворное посвящение В. И. Майкова. XVII. 159—161.
- 3) Комическая опера Н. А. Львова «Ямщики на подставе». XVIII. 93—112.
- 4) Итальянский маршрут Н. А. Львова в 1781 г. XIX. 102—113.
- Лаух А.* Бакмейстер и русский читатель эпохи Просвещения. X. 64—69.
- Левин Ю. Д.* Инкл и Ярико в России. X. 236—246.
- Левитт М.* 1) Драма Сумарокова «Пустынник». К вопросу о жанровых и идейных источниках русского классицизма. XVIII. 59—74.
- 2) Сумароков — читатель Петербургской Академии наук. XIX. 43—59.
- 3) К истории текста двух «эпистол» А. П. Сумарокова. M. 16—32.

- Леман У.* О некоторых особенностях русского просвещения. X. 59—63.
- Лепехин М. П.* 1) «Дворянин-философ» в кругу почитателей: (Новонайденные материалы о литературно-художественном окружении Ф. И. Дмитриева-Мамонова). XIV. 304—319.
2) «Опыт исторического словаря о Российских писателях» Н. И. Новикова: (Некоторые проблемы изучения). XVI. 234—250.
- Лихачев Д. С.* Система стилевых взаимоотношений в истории европейского искусства и место в ней русского XVIII века. X. 5—11.
- Лихоткин Г. А.* К вопросу об атрибуции и датировке «Рассуждения о непременных государственных законах». XVII. 169—189.
- Лотман Ю. М.* 1) Из комментариев к «Путешествию из Петербурга в Москву». XII. 29—39.
2) Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII—начала XIX столетия. XIII. 82—90.
3) Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х гг. (к генезису исторической концепции Карамзина). XIII. 102—131.
- Лужный Р.* Древнепольская традиция в литературе русского просвещения. X. 176—183.
- Лузянина Л. Н.* 1) Литературно-философская проблематика трактата Радищева «О человеке, его смертности и бессмертии». XII. 52—66.
2) Проблемы историзма в творчестве Карамзина — автора «Истории государства Российского». XIII. 156—166.
- Лямина Е. Д., Пастернак Е. Е.* Списки мемуаров И. И. Дмитриева «Взгляд на мою жизнь». XVIII. 369—375.
- Макогоненко Г. П.* 1) Пушкин и Гете: (К истории истолкования пушкинской «Сцены из Фауста»). X. 284—291.
2) Из истории формирования историзма в русской литературе. XIII. 3—65.
- Марлинский С. Я.* История и проблематика «Ведомостей» петровского времени в освещении П. Н. Беркова. X. 292—295.
- Мартынов И. Ф.* 1) Журналист, историк и дипломат XVIII века Григорий Леонтьевич Брайко. XII. 225—241.
2) Забытый типограф XVIII столетия Иван Никитич Тредяковский. XIII. 262—274.
- Мартынов И. Ф., Шанская И. А.* Отзвуки литературно-общественной полемики 1750-х годов в русской рукописной книге: (Сборник А. А. Ржевского). XI. 131—148.
- Матль Й. Ф. Я.* Янкович и австро-сербско-русские связи в истории народного образования в России. X. 76—81.
- Матхаузерова С.* «Собрание разных песен» Чулкова и «Славянские народные песни» Челаковского. X. 113—118.

- Медовой М. И.* «NN иностранец» и «Всезнающий». XI. 153—158.
- Мельник В. И. И. А. Гончаров и Н. М. Карамзин:* (К вопросу о некоторых традициях). XVII. 284—292.
- Моисеева Г. Н.* 1) О формировании стиля русских писателей первой трети XVIII века: (Роль переводных курантов XVII века). X. 82—86.
2) Археографическая деятельность Н. И. Новикова. XI. 24—36.
3) Дополнительные данные к обстоятельствам преследования Н. И. Новикова. XI. 149—152.
4) Русская история в творчестве Радищева 1780-х годов. XII. 40—51.
5) Экземпляр «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева в архиве Воронцовых. XII. 242—246.
6) К пониманию идейного замысла «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (глава «Тосна»). XIII. 185—191.
7) М. М. Щербатов и Н. М. Карамзин: (Записка «О повреждении нравов в России»). XIV. 80—92.
8) Дени Дидро и Е. Р. Дашкова. XV. 197—203.
9) «Опыт повествования о России» И. П. Елагина в оценке Н. М. Карамзина. XVI. 104—109.
10) Две стихотворные сатиры конца XVIII—начала XIX века. XVII. 214—220.
11) «Слово о полку Игореве» и Екатерина II. XVIII. 3—30.
- Морозова Н. П.* 1) Книга из библиотеки Гоголей (К вопросу об употреблении термина поэма в русской литературе). XVI. 251—255.
2) Русский писатель XVIII века в биографических преданиях. XVII. 162—168.
3) Библиотека дворян Башмаковых—Верещагиных (XVIII—начало XIX в.). XVIII. 351—363.
- Мурьянов М. Ф.* Отражение символики артуровского цикла в русской культуре XVIII века. X. 278—283.
- Мыльников А. С.* Иоахим Штернберг и чешские параллели к «Путешествию» Радищева. XII. 183—198.
- Немировский И. В.* 1) Швейцарская тема в «Вестнике Европы» Н. М. Карамзина. XVI. 271—280.
2) Статья А. С. Пушкина «Александр Радищев» и общественная борьба 1801—1802 годов. XVII. 123—134.
- Николаев С. И.* 1) Элогий и проповедь: (Проблемы изучения перевода «Adverbia togalia» С. Х. Любомирского 1730 г.). XIII. 205—218.
2) Польская поэзия в русских библиотеках XVII—первой трети XVIII в. и ее читатели. XIV. 165—179.
3) О стилистической позиции русских переводчиков Петровской эпохи (к постановке вопроса). XV. 109—121.

- 4) Проблемы изучения малых стихотворных жанров: (Эпитафия). XVI. 44—55.
- 5) «Зоил в российских градах». (От Симеона Полоцкого до А. Кантемира). XVII. 17—27.
- 6) «Повесть о Лукиановом осле» в кругу переводных античных памятников Петровской эпохи. . . XVII. 135—158.
- 7) Из литературной эстетики Петровской эпохи. XVIII. 218—229.
- 8) Трудный Кантемир: (Стилистическая структура и критика текста). XIX. 3—14.
- 9) Пометы В. Е. Тредиаковского на «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова. М. 7—15.
- Овчинников Г. Д.* Савелий Ферельцт — автор «Путешествия критики». XVI. 281—288.
- Панченко А. М.* 1) «Потемкинские деревни» как культурный миф. XIV. 93—104.
- 2) Начало Петровской реформы: идейная подоплека. XVI. 5—16.
- 3) Церковная реформа и культура Петровской эпохи. XVII. 3—16.
- Пастушенко Л. М.* Письма М. М. Хераскова к Г.-Ф. Миллеру (1756—1764). XI. 204—210.
- Привалова Е. П.* 1) А. Л. Шлецер — автор исторической книги для детей. X. 200—205.
- 2) Социальная проблема на страницах журнала Новикова «Детское чтение для сердца и разума». . . XI. 104—112.
- Пумпянский Л. В.* Ломоносов и немецкая школа разума. XIV. 3—44.
- Разумовская М. В.* 1) «Естественная история» Бюффона и Фонвизин: (К постановке вопроса). XV. 97—108.
- 2) Россия и «Письма» маркиза д'Аржана. XVIII. 335—342.
- Рак В. Д.* 1) Возможный источник стихотворения М. В. Ломоносова «Случилось вместе два астронома в пиру...». . . X. 217—219.
- 2) Переводные анонимные произведения в «Городской и деревенской библиотеке». XI. 125—130.
- 3) Об одной ошибочной атрибуции. XII. 251—253.
- 4) «Присовокупление второе» в «Письмовнике» Н. Г. Курганова. XII. 199—224.
- 5) Переводчик В. А. Приклонский. XIII. 244—261.
- 6) Был ли Фонвизин автором рукописного «Недоросля»? XIV. 261—291.
- 7) «Адская почта» и ее французский источник. XV. 169—196.
- 8) Гипотезы об издателе журнала «Смесь». XVI. 76—103.
- 9) Петер Хольстен, библиотекарь британской фактории, и цикл «Краткие исторические известия» в тобольском журнале. XVII. 88—122.

- 10) Об одном раннем переводе Фонвизина. XVIII. 398—399.
- 11) Переводы в журнале «Чтение для вкуса, разума и чувствований». XVIII. 230—261.
- 12) Библиографические заметки. XIX. 187—222.
- Рев М.* Сходство и различия в развитии идей Просвещения в России и Венгрии второй половины XVIII века. X. 70—75.
- Росси Л.* Сентиментальная проза М. Н. Муравьева: (Новые материалы). XIX. 114—146.
- Серман И. З. П. Н.* Берков как исследователь литературного творчества Ломоносова. X. 18—26.
- Смусина М. Л.* Трагедия А. А. Ржевского «Подложный Смердий» и общественно-политическая борьба 1770-х годов. XI. 220—228.
- Солодкин Я. Г.* 1) Летопись «О разорении русском» в трудах В. Н. Татищева. (К изучению творчества В. Н. Татищева как писателя русской истории). XVI. 200—214.
2) «История» Авраама Палицына в сочинениях В. Н. Татищева. XVIII. 376—382.
- Стенник Ю. В.* 1) Традиции торжественной оды XVIII века в лирике Пушкина периода южной ссылки. («Наполеон»). X. 107—112.
2) Из истории литературной полемики 1770-х гг.: (Сатира Сумарокова «О худых рифмоторцах»). XIV. 251—260.
3) Эстетическая мысль в России XVIII в. XV. 37—51.
4) Проблема периодизации русской литературы XVIII века. XVI. 17—31.
5) Роль комедии в полемике 1750—1760-х годов. XVII. 28—47.
6) Вопросы языка и стиля в журнале «Собеседник любителей российского слова». XVIII. 113—130.
7) Историсофские аспекты содержания русской драматургии XVIII века: (Жанр трагедии). XIX. 70—85.
- Степанов В. П.* 1) Критика маньеризма в «Примечаниях к Ведомостям». X. 39—48.
2) Новиков и его современники: (Биографические уточнения). XI. 211—219.
3) Новиков и Чулков: (Литературные взаимоотношения). XI. 49—76.
4) К вопросу о репутации литературы в середине XVIII в. XIV. 105—120.
5) Полемка вокруг Д. И. Фонвизина в период создания «Недоросля». XV. 204—228.
6) Неизданные произведения Д. И. Горчакова. XVI. 110—129.
7) Диалог Сумарокова «Ирсинкус и Касандр». XVIII. 31—39.

- Тарановский К. Ф. Ранние русские ямбы и их немецкие образцы. X. 31—38.
- Татаринцев А. Г. 1) Идеино-эстетическая позиция автора «Отрывка путешествия в *** И*** Т***». . . XI. 87—103.
 2) К вопросу о творческой истории оды «Вольность» Радищева. XII. 83—98.
 3) Неизвестные родословные документы Радищевых. . . . XII. 149—165.
- Тоцев А. И. Петровские «Ведомости» как тип издания. XVI. 184—199.
- Фоменко И. Ю. 1) Исторические взгляды М. Н. Муравьева. . . XIII. 167—184.
 2) Автобиографическая проза Г. Р. Державина и проблема профессионализации русского писателя. XIV. 143—164.
- Фраанье М. Г. Прощальные письма М. В. Сушкова: (О проблеме самоубийства в русской культуре конца XVIII века). XIX. 147—167.
- Фридлиндер Г. М. 1) Достоевский и Фонвизин X. 92—97.
 2) История и историзм в век Просвещения XIII. 66—81.
- Хексельшнайдер Э. 1) Открытие мемориальной доски Радищеву в Лейпциге XII. 247—250.
 2) Х. Ф. Д. Шубарт в России X. 148—153.
- Холшевников В. Е. Заметки о русском стихе XVIII века . . . XIII. 229—243.
- Церлюк-Аскадская С. С. Леонард Эйлер как теоретик музыки: (Суждения и оценки) XVI. 219—233.
- Цыпкин Д. О. К вопросу о текстологическом изучении «Книги о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова XV. 131—134.
- Шаркова И. С. О русском переводе «Записок о Московитских делах» С. Герберштейна 1785 г. XVIII. 343—350.
- Шарыпкин Д. М. 1) Сказочная повесть В. А. Лёвшина «О Исполине Стеркатере» X. 220—225.
 2) Радищев и роман Мармонтеля «Велизарий» XII. 166—182.
- Шишкин А. Б. Поэтическое состязание Третьяковского, Ломоносова и Сумарокова XIV. 232—246.
- Шредер Х. Ларошфуко в России X. 184—189.
- Шруба М. Об авторстве сатиры «Самозванец Нелюдим» . . . XIX. 269—275.

Составила Н. Ю. Алексеева

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БРАН	— Библиотека Российской академии наук
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
ПФАРАН	— Петербургский филиал Архива Российской академии наук
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	— Российский Государственный архив литературы и искусства
РГБ	— Российская государственная библиотека
РНБ	— Российская Национальная библиотека
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом)
ЧОИДР	— Чтения Общества истории и древностей российских

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Абе Ш 254, 257, 258, 261, 265
 Аблесимов А О 224
 Август, император 31
 Аверинцев С С 48
 Автухович Т Е 249
 Аддисон Дж 187, 203
 Адрианова-Перетц В П 3
 Азанчеев В 159
 Аксаков С Т 281
 Александр I, имп 58, 129, 234, 235, 297
 Александр II, имп 273, 131
 Алексеев М П 162
 Алексеев М Я 131
 Алексеева Н Ю 12, 48, 49, 156, 341
 Алексей Михайлович, царь 35, 42
 Алиев Р М 203
 Аллерлай Р 148
 Алпатов М А 27
 Альтшуллер М Г 60, 284
 Альфонс V 201
 Амвросий Калепин 160, 164
 Анакреон 56, 57
 Ангалт Ф Е 147
 Андо А 254
 Андреев А И 40
 Андреи А 223, 224
 Андрей Боголюбский, князь 28, 45, 46
 Андрес А Л 218
 Анна Иоанновна, имп 88
 Анненков П В 93
 Ансом Л 97
 Аполлос см Байбаков А Д
 Апраксин С С 227, 228
 Апраксины 223, 228
 Аракчеев А А 297
 Арапов П Н 228, 243
 Аристотель 154
 Арндт Б Ф 203
 Арни де Гервиль 172
 Арсений Корецкий-Сатановский 160, 161
 Арсений Могилянский 159
 Архилох 73
 Астраханский Е С 158
 Афанасий Холмогорский 159
 Ахингер Г 13, 14, 16, 17
 Бабкин Д С 99
 Баджел Ю 187
 Базилевичева М 178
 Байбаков А Д 22
 Байер Г З 24, 25
 Бакмейстер Н Л Х 144
 Бакунин (Меньшой) П В 97, 98
 Бакунин А М 101
 Бакунина П М 103
 Бакюлар Арно де Ф Т М 180, 191, 198, 199, 201, 203
 Барков И С 87—94, 249
 Бартнев П И 50, 299
 Батте Ш 15
 Батулин П С 173
 Батюшков К Н 277, 281—291
 Баузе Р Г 162
 Баумгарт И 124
 Бахтин М М 80, 275, 276, 278
 Бахтурина Р В 161
 Башилов С 25
 Белинский В Г 267, 304, 309, 312
 Белоголовый Н А 302
 Беме Я 156
 Бенкендорф А Х 297
 Беранже Л-П 197
 Берг, семья 144
 Берш Г В 188
 Беркен А 179—182, 196, 198—201
 Берков П Н 16, 20, 21, 29, 207
 Бернар П Ж 97
 Бертати Дж 223
 Берында П 161
 Бестужев А А 13
 Бецкой И И 144
 Билярский П С 167
 Бистер И Э 152
 Благодаров Я И 196
 Бланше Ф 189, 191

¹ В указатель не включены имена из помещенных в сборнике списков трудов

Бобров С С 60, 234
Богданов А И 167
Богданов П И 228
Богданович И Ф 211
Болина Д 229
Болтин И Н 27, 211
Болховитинов Евгений 66, 83, 86,
172, 173, 188
Больштедт А фон (Альберт Вели-
кий) 177
Боровиковский В Л 101
Бородулин А А 228
Бортнянский Д С 99, 100
Бре А 173, 187
Брейткопф И Г 147
Бреннер Д К 97
Брехт Б 134
Бризар 96
Буало Н 14—22, 48, 57, 58
Буасси Л 107
Буланин Д М 4, 9
Булгаков Я И 170
Бурде С Ф 206
Бурсо Э 96
Буслаев Ф И 241
Буте К 183
Бутенант фон Розенбуш 35
Бухаркин П Е 3, 12
Буше д'Аржи А Г 171—173, 203
Бушмин А С 302
Бюффон Ж Л 205, 207

Вагеманс Э 204
Вайс Х 144
Валберх И И 133, 245
Валберхова М И 130
Ваншенкин К 91
Варфоломей Филевский 158
Васильчиков И В 297, 298
Вельяминов П Л 105
Вергилий 6, 15, 208, 211
Верещагин В 96
Верне Ж 192
Веронезе П 123
Верховский П В 158
Веселовский А Н 3, 123, 124
Виен И 228
Виланд К М 138, 149, 150, 151,
154, 187, 201
Виниус А А 158
Виноградский И Н 203
Винтер Г 155
Власов А С 288, 289
Волкен 211
Волков Г Г 116, 117
Волков Гаврила Г 117, 118
Волков Ф Г 90, 114—120
Волконский П М 297, 298
Волконский С Г 296

Волчков С С 218, 219
Вольтер 15, 24, 33, 34, 40, 95, 96,
139, 199, 208, 210, 274
Вольф А И 228
Воробьев Я С 229
Воронцов А Р 235
Востоков А Х 232
Всеволод Ш, князь 46
Всеволодский-Гернгросс В Н 114,
223
Выготский С Ф 272
Вяземский А И 136
Вяземский П А 115, 287—289,
301, 309

Гаврилов А К 185
Гаврилов М Г 170, 178, 203
Гаккерт Ф 213
Галаган Г Я 235
Галченков Ф 206
Гамалея С И 140, 150
Гаманн 156
Гарве Хр 152
Гардзонио С 223, 230
Гарт П 79, 82
Гаспаров Б М 10
Гаспаров М Л 232
Гауди Ф В фон 175
Гевара А Д 185, 186
Геллерт Х Ф 176
Геннади Г Н 219
Генрих IV, король 202
Генш В Х 252
Георги И Г 205, 207
Георгиевский П 304
Гердер И Г 150, 151, 214
Герцен А И 133, 136
Гершкович З И 16
Гешнер С 198
Гете И В 150, 152, 153, 208, 210,
213—217
Гибо Э 197
Гильфердинг А Ф 239
Гинзбург Л Я 136
Гинзбург С Л 246
Гинцбург Н С 18
Гирцель Г К 199
Гладковы 227
Глинка М И 223, 225
Глинка С Ф 286
Глумов А Н 121, 129
Глюк Х В 97
Гнедич Н И 281, 282, 285, 287,
289, 290, 294
Гоголь Н В 131
Гозенлуд А А 223, 224, 243, 245
Голицыны 36
Головкина Е А 223
Гольдони К 223

- Гомер 15
 Гомес М -А 169, 171, 193
 Гондо П Г 97
 Гораций 17—19, 30, 48, 49, 60, 61,
 63, 64, 67, 69, 232
 Горбунов И Ф 116
 Гордин А М 274, 285, 294
 Гордин М А 274, 285, 294
 Горка Лаврентий 158
 Городницкий А 283
 Горчаков А М 218
 Готтшед И Х 15, 151
 Градова Б А 249
 Грассхоф 204, 212, 215, 249
 Гревенс А Г 289
 Гретри А Э М 97
 Греч Н И 118, 182
 Грибовский М К 297, 298
 Грибоедов С А 13
 Гримм М 225
 Гроссман Г Ф 210
 Грот Я К 22, 48, 50, 51, 56, 62, 64,
 70, 72, 81, 89, 90, 96
 Гуго Герман 163
 Гуковский Г А 47, 88, 89
 Гюнтер И Х 15
 /
 Да Понте Мартин и Солер В 229
 Давыд, лекарь 42
 Далейрак Н М 100
 Даль В И 6, 8, 268
 Даниил Александрович, князь 26,
 45, 46
 Данилевский Р Ю 122, 210, 213
 Данилов А 180
 Дашкова Е Р 205, 206
 Дегтерев, помещик 226
 Делянов И Д 218
 Демкова Н С 10
 Державин Г Р 15, 22, 47—94, 99,
 100, 101, 103, 104, 113, 209, 211,
 241, 254, 263, 304, 310
 Десницкий А В 292, 294
 Джонсон С 197
 Джордано Л 123
 Дзини-Гульельми 223
 Дианова Т В 162
 Дидиакин М 161, 162
 Дидро Д 218, 264
 Дмитрий Ростовский 158, 163, 164
 Дмитриевский И А 98, 99, 114, 118,
 223—226, 229, 245
 Дмитриев И И 74, 135, 141, 143,
 146, 277, 284
 Дмитриев-Мамонов А В 114
 Дмитриев-Мамонов М В 114
 Дмитриев-Мамонов Н А 114
 Дмитрий Самозванец 27
 Добролюбов Н А 299
 Доватур А И 185
 Доги Ц 254, 257, 258, 260, 264
 Додсли Р 141
 Долгорукие 36
 Долгорукий М Ю 37
 Достоевский Ф М 254
 Дризен Н В 131, 132
 Дружинин А В 93
 Дуни Э Р 97
 Душ И Я 193
 Дьяков 99
 Дьякова Д А 113
 Дьякова Е А 98
 Дьякова М А 98, 99
 Дюбиньи Т Б 133
 Дюбуа-Фонтанель Ж-Г 199
 Дюканж В 121
 Дюмениль 96
 Дюпаре 130
 Евгений см Болховитинов Евгений
 Еврипид 95
 Евфимий Чудовский 158
 Егоров Б Ф 93
 Екатерина II, имп 32, 53—56, 61,
 87, 88, 92, 102, 115, 117, 118,
 145, 204, 207, 213—220, 225,
 241, 243, 245, 247, 248, 253, 257,
 259, 261, 264, 265, 293
 Елагин И П 87, 118
 Елизавета Петровна, имп 8, 159
 Ельницкая С 47
 Епифаний Славинецкий 160—162,
 165, 166
 Ергольская Т А 136
 Ермолай Еразм 10
 Ефремов П А 114, 115
 Живов В М 16, 17, 18
 Жихарев С П 130, 226—229
 Жокур Л де 171, 185
 Жуванси Ж де 174
 Жук А А 309
 Жуковский В А 55, 277, 289, 301,
 310
 Заборов П Р 210, 218
 Завадовский П В 238
 Западов В А 48, 49, 77, 87, 97, 175
 Захаров И 206
 Зейлер Г Ф 175
 Зимон Э Г 178
 Ивама Т 254, 257
 Иван Грозный, царь 25
 Ивановский А Д 220

- Игнатий Дьякон 267, 268
Игнатий, епископ 158
Ильинский Л К 75
Имаи Й 253, 255, 256, 260
Иннокентий см Кульчицкий Инно-
кентий
Иоанн см Максимович Иоанн
Иоанн см Соколовский Иоанн
Ионин Г Н 56
Иосиф II, имп 215, 225
Исикава И 255, 257, 260
Истомин Карион 161
Ищенко Л И 184
Ищук Г Н 301
- Й**
Йокимура Й 254
Йокимура Я 254
- К**
Кавабата К 254
Кавасаки Т 255
Кадлубовский А П 22
Каждан А П 268
Калачева С В 249
Калепин Амвросий 160
Каллаш В В 295
Каназав М 254
Канеко Ю 254, 255, 257, 261—263
Канитц Ф Р 15
Каноббио К 245
Кант И 150
Кантемир А Д 4, 16, 49, 165, 249—
251, 254, 263
Канциани Дж 245
Капнист (Дьякова) А А 252
Капнист В В 64, 74, 99, 103, 252
Капнист Вл В 252
Капнист Е В 252
Капнист М Р 252
Капнист С В 252
Карабанов П М 208, 210
Каразмин Н М 74, 135—143, 144—
156, 196, 210, 254, 260, 263, 264,
266, 310
Каратыгин А В 129, 223
Каратыгина А Д 129
Караччиоли Л А 187
Карион см Истомин Карион
Карл Великий, имп 10
Картавов А А 299
Като С 255
Катон 39
Кафанова О Б 154, 196
Кезен А 121
Кеневич В Ф 299
Кениг И У 15
Кенья Л Ш 121—123, 127, 130, 133
Кичуци Х 254
Киприан, митрополит 31
- Кирияк Т 205, 206
Киструй 30
Клабунд см Хеншке А
Клерваль Ж Б 97
Клингер М 144
Клопшток Ф Г 149, 150, 151, 155,
206
Клочков В П 105
Клушин А И 121, 127—129, 132
Ключевский В О 3, 26
Кнапский Г 157—168
Княжнин Я Б 91, 98, 99, 208, 209,
224
Кодаю Д 253, 254, 262, 265
Кодзима Ш 255, 265
Козицкий Г В 30
Козодавлев О П 210
Колесов В В 3
Коломб 97
Колонна Карл 31
Колосов В И 159
Колтовская Н А 62
Кольридж С Т 84
Комния Т 254
Комиссаров С И 229
Кондратович К А 166, 167
Кононко Е Н 76
Копанев Н А 249
Копелев Л 214
Корецкий-Сатановский Арсений см Ар-
сений
Корнель П 95, 96
Корнильев Д В 190
Корсак С 159
Корсаков А И 182
Корсаков И 182
Корсаков Н И 182
Корсакова А И 182
Корсакова М И 182
Корф М А 220
Костюкова В В 206
Костюхина Л М 162
Кочеткова Н Д 72, 114, 135, 140,
143, 155, 188, 256
Кошанский Н Ф 271
Кошелев В А 281, 286, 288
Красовская В 243
Красовский А И 294
Кребийон П Ж 95
Кревые Ж Б 24
Крекшин П Н 25, 41
Кромер 46
Кросс Э Г 74, 154, 155, 183, 212
Крунтяев Т 227
Крутинин 132
Крылов И А 241, 262, 267—312
Крюгер И Г 176
Кукушкина Е Д 103, 104, 223, 331
Кулакова Л И 97, 100, 135, 138

Кульчицкий Иннокентий 159
Купле Ф 183
Куприн А И 271
Куприянова Е Н 10
Курамочи Ш 254, 264
Курганов Е 271
Курганов Н Г 189, 201
Курилов А С 301
Куриузава Т 255
Кутузов А М 64, 141, 148, 206
Кучеров А Я 90
Кучковичи 45, 46
Кюбьер М де 169

Ла Димери Н де 174
Ла Рива 96
Лабзин А Ф 188
Лаврентий см Горка Лаврентий
Лагранж Ж-Б 19
Лазарчук Р М 135, 136
Лаксман Э 253, 262, 265
Ламартерьер Ж А Ф 121
Лаппо-Данилевский К Ю 95
Ларив Ж М де 121
Ларует, актриса 97
Лафатер И К 142, 147, 150, 156
Лафермьер Ф Г 100
Лафонтен Ж 211, 267, 268, 277,
278
Лахманн Р 12, 160
Ле Пик К А 245
Ле Прево д'Эм Ф 195
Ле Фебюр Г-Р 195
Левашева О Е 230
Левин Ю Д 177, 180, 182, 189,
190, 197, 200
Леви-Строс К 276
Левицкий А А 13, 47
Левицкий Д Г 220
Левшин В А 210
Легра Ж 97
Лейбниц Г В 218, 219
Лекен А Л 96
Леклерк Н Г 27
Леманн-Карли Г 144
Лемер А 133
Ленобль Э 195
Ленц Я М Р 144—156, 214
Леонар Н Ж 171, 187, 188
Лепренс де Бомон М 201
Лесаж А Р 170
Лессинг Г Э 150, 154, 178, 179,
208, 210
Летурнер П 179, 198, 199
Лефевр П Ф А 96
Ливий Тит 30
Линде С Б 157, 168
Липарт, семья 144
Ли-Синг-тао 133

Лихачев Д С 3, 11
Лихтвер М Г 200
Лобанов М Е 285, 286, 294
Ложон П 97
Лозинский М Л 214
Лозинский Ф 186
Ломоносов М В 3—12, 19, 20—22,
24, 26, 27, 29, 30, 33, 34—37,
40—43, 48, 49, 55, 74, 75, 78,
167, 226, 254, 255, 260, 261, 264,
310
Лонгинов М Н 220
Лопатинский см Феофилакт Лопатинский
Лопе де Вега Ф 95
Лопухин И В 220
Лотман Ю М 60, 135—137, 141,
264, 274
Лукин В И 117
Лурье Я С 123
Львов Н А 64, 74, 75, 95—113,
241—248
Львов Ф П 101, 105
Львова В Н 102
Львова Е Н 102
Люстих А 130

Мабли Г Б 274
Мазепа И С 163
Майков В И 72, 89, 94, 95, 210
Макарий, митрополит 31
Макашин С А 303
Макеева В Н 167
Макогоненко Г П 10, 56, 58, 85,
174
Максимович И П 163
Максимович Иоанн 163—166
Макферсон Д 66
Малобнов М 227
Малерб Ф 18, 19, 48
Мамай, хан 30
Ман Н 213, 214
Манкиев А И 31
Манфред А З 127
Мариан Схоластик 62
Мариво П К де 185
Мария Павловна, вел княжна 213
Мария Терезия, имп 215
Марк Аврелий 185, 186
Мармонтель Ж-Ф 97, 104, 106,
107, 112, 200
Марсолье Б Ж 100
Мартини Ж П Э 97
Мартынов И Ф 220
Марченко Н А 135
Маслов С И 166
Матвеев А А 34—37, 41, 42, 158
Матвеев А 41
Матинский М А 224

- Матсуда Дж 253
 Матюшкина 101
 Махровская Н Н 252
 Медведев Сильвестр 34—36, 42, 157
 Мезин С А 105
 Мейор А Г 79
 Мейснер А Г 173
 Мейсон Дж 183
 Мерзляков А Ф 227, 228, 286
 Мерк И Г 214
 Мерсье Л-С 95, 154, 170, 174, 184, 199, 218, 219
 Метастазо П А 95, 96, 174
 Меттер М 249—251
 Миллер Г Ф 24—27, 31, 32, 42, 44, 144, 145
 Милославские 35—36, 40, 42
 Милославский И М 35—36
 Мильтон Дж 15, 149
 Миних Б Х 249
 Михайлов Н Н 131
 Михайловский Н К 302
 Мовель Ж М 121
 Могилянский А П 293
 Могилянский см Арсений
 Моисеева Г Н 3, 4, 162, 249
 Мольер Ж Б 95, 208, 210, 227
 Монсиньи П А 97
 Монтеские Ш Л 196
 Моозер Р-А 223—225
 Морозов А А 57
 Мотонис Н Н 29, 32
 Моцарт В А 103
 Мур Э 185
 Муравьев А Н 300
 Муравьев М Н 64, 89, 94, 97—101, 137, 138, 175, 241, 270
 Муравьева Л Р 249
 Муравьева Ф Н 138
 Муравьев-Апостол И М 100, 101
 Муравьевы 295
 Мусин-Пушкин А А 100
 Муханов М А 218
 Мыльников А С 161
 Мюра Г-Ж де 188
 Мягков Г И 228
- Наганава М** 255
 Накамура Й 254, 255, 260
 Наоно А 254
 Наполеон Бонапарт 127
 Нарышкин И К 42
 Нарышкин К П 41
 Нарышкины 35, 37, 42, 43
 Наталья Алексеевна, вел княгиня 50, 53, 62
 Наталья Кирилловна, царица 37
 Наумов Н В 18
 Наумов П А 175
- Невзоров М И 220
 Некрасов Н А 93, 94
 Нелединский-Мелецкий Ю А 270
 Нестор Летописец 25
 Нечаев В 208, 210
 Нибе Ф 254, 255, 263
 Никита Пустосвят 41
 Никитенко А В 131, 271
 Никитина Н С 303
 Николаев С И 157, 163, 249, 322
 Николай Л Г 144, 217
 Николай Х Ф 150, 152, 153, 177
 Николай I, имп 131, 294, 297
 Николев Н П 208, 209
 Нимчук В В 160
 Новиков Н И 33, 41, 90, 114, 118, 140, 141, 146—148, 178, 188, 220—222, 264
- Обрембская-Яблонская А А** 167
 Одино Н М 97
 Одоевский В Ф 220, 301
 Ожигина Л А 306
 Озеров В А 270
 Озеров И Г 40
 Оленин А А 295—299
 Оленин А Н 61, 241—248, 281, 285, 292, 294—300
 Оленина (Полторацкая) Е М 299
 Оленина А А 300
 Оленина В А 292, 294—296, 299
 Оленины 292—300
 Олсуфьев А В 87, 210
 Орлов В 88
 Орлов Г Г 44
 Ослябя 30
 Островский А Н 93
 Острогорский П П 171, 184
- Павел I, имп** 50, 53, 62, 118, 144, 217, 248, 297
 Паизиелло Д 101, 223, 229—230
 Паллас П С 205, 207
 Паломба Дж 227
 Пальчикова (Пещурова) С 105
 Панаев И И 93, 94
 Панин Н И 118
 Панов А 194
 Панченко А М 3—5
 Пассек В 88
 Паузе И В 167
 Пашкевич В 245
 Пекарский П П 163, 166—168, 250
 Пель А Х 252
 Пеннингтон С 185
 Пенчко Н А 114
 Пересвет 30
 Перетц В Н 21, 161, 167, 168

- Перро Ш 14
 Петр Великий, имп 12, 23, 31, 33,
 35—38, 40, 41, 46, 165, 195, 211,
 214, 257, 258, 264
 Петров А А 135—143, 146, 147,
 154, 155
 Петров И А 135
 Петрова Е Н 56
 Печенегов А 175
 Пиксерекур Р Ш Г де 121
 Пиндар 6, 14, 17—19, 57
 Писарев А А 284
 Питч И В 15
 Плавт 151
 Плетнев П А 283
 Плещеева А И 141
 Поансине де Сиври А 97
 Погорелов В 160, 161
 Подольская И И 90
 Позняков 227
 Полежаев Т А 188, 192
 Поликарпов Ф 158, 165
 Полонский Я П 305
 Полоцкий см Симеон Полоцкий
 Полторацкий М Ф 99
 Поп А 189
 Попов М И 95, 225, 228
 Поповский Н Н 49
 Посошков И Т 260
 Потемкин Г А 73, 208, 210
 Прач И 99
 Превиль 96
 Преображенский А Г 81
 Привалова Е П 301
 Приклонский В А 170
 Приори 226
 Прокопович см Феофан Прокопович
 Протопопов В М 186—188
 Прохоров Г М 123
 Приишников Ф И 220, 222
 Птолемей 51
 Пугачев Е И 258, 259
 Пумпянский Л В 4, 60
 Пуссен Н 123
 Пушкин А С 4, 6, 13, 55, 79—87,
 91, 92, 94, 168, 190, 198, 223,
 224, 238, 241, 262, 263, 286—
 289, 304, 310
 Пушкин В Л 92, 286
 Пушкин Л С 92
 Пушкин Н Л 92
 Пушкин С Л 92
 Пфейль И Г Б 183, 194

 Радищев А Н 204, 231—240, 260,
 261, 264
 Радонежский см Сергей Радонеж-
 ский
 Разин Степан 23

 Рак В Д 169, 202
 Рамо Ж Ф 97
 Рамон де Карбоньер Л -Ф -Э 183
 Расин Ж 95, 96
 Рафаэль С 122, 211
 Рахманинов И 176
 Рейр Ж 170, 192
 Реньяр Ж Ф 98, 117
 Речицкий И Х 241, 292
 Ридигер Х 147
 Рихтер Й 151
 Ричардсон С 205, 206
 Розанов А С 103, 104
 Розанов М Н 144
 Роллен Ш 14, 24, 30
 Романовы, династия 131
 Ростовский см Димитрий Ростов-
 ский
 Роте Х 122, 154, 206
 Роттердамский см Эразм Роттердам-
 ский
 Рубан В Г 192, 211
 Рубановский 118
 Рубенс П 123
 Рульен 30
 Румянцев А Р 183
 Руссо Ж-Б 16, 19, 48, 49
 Руссо Ж-Ж 67, 96, 97, 101, 150,
 218, 274—280
 Рыкалов В Ф 120
 Рыкачев Д 176
 Рылеев К Ф 67
 Рыцарева М Г 99, 100
 Рычков П И 24
 Рэндолф Дж 103

 Сааведра Фахардо Д 192
 Саади 179, 181, 189
 Сажин В Н 92, 93
 Сайас-и-Сотомайор М де 193
 Саке Г 124
 Саккини А 97, 223, 224
 Салмина М А 23, 28
 Салтыков Д Е 303
 Салтыков Н Е 303
 Салтыкова О М 303
 Салтыков-Щедрин М Е 273, 301—
 313
 Самойлов В Н 229
 Самсонова Т П 174
 Сандунов Н Н 227
 Сандунова Е 229
 Саншес А Н Р 163
 Сарти Дж 102, 245
 Сасаки Т 255, 261
 Сато Ю 254
 Сафо 232, 234, 240
 Сахаров Н Д 12
 Светлов Л Б 231, 232

- Свиясов Е В 231
 Седен М Ж 97
 Селивановский С И 188
 Семенников-Зеркальников П Т 161
 Сен-Ламбер Ж - Ф 176, 180, 182,
 185, 195—197, 199
 Сен-Фуа Ж Ф 95, 103, 104, 107
 Сергей Радонежский 30
 Серебрянников С 117
 Серман И З 64, 301, 302
 Сибуйя И 255, 260
 Сидоров А А 241, 247
 Сильвестр см Медведев Сильвестр
 Симеон Полоцкий 4, 61, 162, 165
 Симони П К 168
 Сиповский В В 188
 Сиракура К 255
 Ситников Л А 158
 Сичкарев Л 193
 Скалберг П 123
 Скаррон П 193
 Скюдери М 136
 Славинецкий см Епифаний Славинецкий
 Слуховский М И 163
 Смирнов В А 131
 Смирнов И П 9, 10
 Смирнов-Сокольский Н 282
 Смит Д С 249—251
 Смольникова Л Н 161
 Соболевский А И 239
 Соймонов М Ф 96
 Соколовский Иоанн 159
 Солженицын А И 272
 Сонцов Н 172
 Софокл 95
 Софья Алексеевна, царица 36, 42,
 43
 Сперанский М Н 161
 Срезневский И И 6
 Старикова Л М 116, 117, 223
 Стенник Ю В 23, 302, 313, 323
 Степан см Разин Степан
 Степанов В П 87, 313
 Степанов Г В 185
 Степанов Н Л 277, 292, 302
 Стерн Л 149
 Стефан Яворский 166
 Стиль Р 200
 Страленберг Ф И 34, 40, 43, 44, 46
 Стрекалова З Н 161, 162
 Строганов А С 100, 101
 Строганов М В 253
 Строганова Е Н 301
 Струйский Н Е 211
 Стрыйковский М 46
 Сузуки Т 255, 265
 Сумароков А П 19, 21, 23, 25—28,
 30—33, 35—38, 40—46, 48, 90,
 176, 192, 225, 227, 232, 239, 240,
 267—269, 277
 Сумароков И Б 42
 Сумароков И М 42
 Сумбулов (Сунбулов) М И 37, 40
 Тазаки Т 254
 Танака Й 254, 258, 259, 264
 Тарановский К 91, 92, 94
 Тарасова Е А 252
 Тассо Т 15
 Татаринов А В 102
 Татищев В Н 24, 25, 34, 35, 40—
 43, 45, 46, 158, 167, 211, 261,
 265
 Творогов О В 3
 Тейльс И А 177
 Теплов В 193
 Тимофеев Л В 241
 Тимофеев Л И 57
 Тит, император 39
 Титов А Н 129
 Тихонравов Н С 123
 Тойокава К 254, 259
 Толстая А А 136
 Толстой Л Н 93, 136, 254, 301
 Толстые 36, 40
 Тома А -Л 172
 Томсон Дж 149
 Топал Осман-паша 192
 Торияма Ш 254, 257—259
 Тредиаковский В К 4, 13—22, 24,
 26, 30, 48, 49, 57, 63, 160, 235,
 239, 240, 250, 251, 268, 284
 Трессан Л де 199
 Триаль 97
 Трубецкой Е Н 11
 Трубецкой Н Ю 148
 Трутовский В Ф 273
 Туманский Ф О 35, 211
 Тургенев А И 283
 Тургенев А М 116, 117
 Тургенев И П 142
 Тургенев И С 254, 230
 Тургеневы 289
 Тучков С А 176
 Тынянов Ю Н 47
 Тютчев Ф И 60
 Удар де Ла Мотт А 95, 171
 Унт Л 185
 Уоттон У 187
 Успенский Б А 135, 137
 Фасмер М 6
 Федор Алексеевич, царь 26, 36—39,
 41, 42

Фенелон Ф 21, 194, 195
Феофан Прокопович 14—17, 20,
158, 160, 165, 166, 249
Феофилакт Лопатинский 158, 159
Филдинг Г 206
Филевский см Варфоломей
Филлдорф Ф А 97
Филипович (Филипьев) Иван 162,
163
Филиппов В А 210
Финдейзен Н Ф 99, 230
Фиораванти В 227—229
Флоренский П 11
Флориан Ж-П 172
Фок М-А де 195
Фомин Е И 103
Фомичев С А 267
Фонвизин Д И 114—120, 208, 210,
254, 263, 286
Фонвизин П И 176
Фонвизина Е В 114
Фонвизина Ф И 118
Фонтенель Б 189
Фрамери Н Э 97
Фрейд М 107
Фрейденберг О М 122—124,
134
Фридендерг Г М 4
Фридман Н В 285
Фридрих Август, герцог Брауншвейг-
Люнебургский 191
Фридрих Великий, король 49, 205,
206, 213—215
Фудзинума Т 253, 254, 256, 261—
265
Фундаминский М И 192, 203

Халле М 68, 70, 71
Ханыков В В 137, 138, 174
Хардер Х Б 149
Харткнох И Ф 148
Хвостов Д И 67, 268, 277
Хемницер И И 96, 176
Хеншке А 133, 134
Херасков М М 47, 59, 60, 147,
148, 195, 208, 210, 263
Хизен Е 255, 265
Хованские 41
Холмогорский см Афанасий
Холодковский Н 215, 216
Хомяков В В 137, 138
Хотеев П И 163

Цахария Ф В 149
Цейтлин Р М 157
Цирль Х 124
Цицерон 6, 41
Цявловская Т Г 300

Черникова С В 229
Чернышев, граф 226
Чертков А Д 167
Чехов А П 254
Чижевский Д И 4
Чудовский см Евфимий Чудовский
Чулаки М 91
Чумаков Ю Н 83

Щакловитый (Шегловитый) Ф Л 35
Шатобриан Ф-Р 282
Шахнович М 168
Шаховской И А 76
Шварц И Г 144, 146, 156
Шварц Х Г 154
Шекспир В 138, 139, 142, 149,
153—155, 196, 264
Шеллер Ф И 133
Шеньяк де ла Бастид П де 186
Шереметев П Б 145
Шефтсбери А Э 149
Шиллер Ф 153, 214, 215
Ширинский-Шихматов С А 284
Шишкин И 206
Шишков А С 284, 285
Шлегель Ф 67
Шлейснер П Х 182, 191, 201
Шлецер А Л 24, 25
Шляпкин И А 105, 158, 163
Шмурло Е Ф 172, 173
Шоффен Д Э 183
Штейн фон, корреспондентка Гете 152
Штрубе де Пирмон Ф Г 24

Щербатов М М 27, 211, 261

Эзоп 200, 267—270
Эккерман И П 213
Эльзон М Д 218, 220
Эмин Ф А 24, 33, 39, 40, 176
Энгель А 169
Эпикур 41
Эразм Роттердамский 168
Эрман Т Ф 193, 197
Эткинд Е Г 47
Эшенбург И И 196

Юбер М 198
Юнг Э 64, 149
Юрий Долгорукий, князь 28

Яворский см Стефан Яворский
Якимович Ю К 157
Яковлев А С 129
Ямамото Т 154, 257, 259—261
Яхонтов Н П 102, 103, 105

Abe Sh см Абе Ш
Achinger G см Ахингер Г
Adachi Y 263
Addisson J см Аддисон Дж
Aida Sc 257
Akimoto H 264
Albert le Grand см Больштедт А фон (Альберт Великий)

Béclard L 174
Baculard d'Arnaud F-T-M de см Бакюлар д'Арно Ф-T-M
Banna T 261, 264
Bardou J 170
Baumgart I см Баумгарт И
Bayle K 261
Berquin A см Беркен А
Bertati G 224
Birgegård U 160, 161
Blanchet F см Бланше Ф
Boucher d'Argis A-G см Буше д'Аржи А Г
Bourdais S F см Бурде С Ф
Boutet C см Буте К
Brenner D Cl 97
Bret A см Бре А
Brunet J C 177
Budgell см Баджел Ю
Buffon J L см Бюффон Ж Л

Caraccioli L-A см Караччиоли Л-A
Cardonne D D 176, 191
Charlevoix P-F-X de 170
Chinac de la Bastide P de см Шеньяк де ла Бастид П де
Choffin D-E 170, 186, 194
Čiževskiy D см Чижевский Д И
Couplet Ph см Купле Ф
Cross A G см Кросс Э Г
Cseredin 121

Davidenkoff A 47
Desbords de la Copie 187
Desfontaines P-F-G 200
Diderot D см Дидро Д
Dodd W 209
Dohi Ts см Доги Ц
Dusch J J см Душ И Я

Fénélon F см Фенелон Ф
Florjan J-P см Флорнан Ж-П
Frédéric le Grand см Фридрих Великий
Freud M см Фрейд М 107
Friedrich August, Herzog von Braunschweig-Lüneburg-Öels см Фрид-

рих Август, герцог Брауншвейг-Люнебургский
Fujie S 260
Fujinuma T см Фудзинума Т
Fujita F 265
Fukuzumi M 266

Gaigniez L C см Кенье Л Ш
Galland A 191
Gaudi F W von см Гауди Ф В фон
Gavrilov M G см Гаврилов М Г
Genlis S-F 170
Georgi I G см Георги И Г
Gessner S 198, 263
Goethe I W см Гете И В
Gomez M-A Poisson de см Гомес М-A
Gorzny W 203
Grasshoff H см Грассхоф Х

Haller A 263
Hara T 261
Hart P 79, 82
Henri IV см Генрих IV
Henschke A см Хеншке А
Hexelschneider E 204
Hika K 259
Hippel T G 217
Hirzel H K 199
Hizen E см Хизен Е
Horbatsch O 163
Huber M см Юбер М

Ichikawa Sh 264
Ikeda H 259
Ikuta M 265
Ishikawa J см Исикава И
Ito K 265
Iwai N 265
Iwama T см Ивама Т

Jouvancy J de см Жуванси Ж де

Kühnel A см Кюнель А
Kaji M 261
Kamei T 265
Kaneko J см Канеко Ю
Kanichi J 257
Kasama K 262, 263
Kato K 259
Kato Sh 261
Kawabata K 265
Kawasaki T 262
Kawerau W 124

Keipert H 159
Keller M 148, 214, 217
Kelly J 173
Kizaki R 258, 262, 265
Klabund см Хеншке А
Kobayashi M 263
Kochman S 161
Kōdayuu D см Кодаю Д
Kojima Sh см Кодзима Ш
Korn G T 171, 184—186
Korn J F 178
Kruger J G 176
Kuramochi Sh см Курамочи Ш
Kuroda T 262
Kuryuzawa T 264
Kutsukake Y 263

La Fontaine J см Лафонтен Ж
Lachmann R см Лакманн Р
Lacombe de Prezel H 170, 180, 200
Laksman см Лаксман Э
Lavater J K 263
Le Febure G-R, baron de Saint-Ildephont см Ле Фабюр Г-Р
Le Noble см Ленобль Э
Lehmann U 72
Lenel S 107
Leonard N G 188
Lessing G E см Лессинг Г Э
Letourneur P см Летурнер П
Lewin P 159
Lewitsky A A см Левицкий А А
Lichtwer M G см Лихтвер М Г
Linschoten J H van 181
Lortholary A 212
Łuzny R 160, 167

Maggs B W 183
Manabe Sh 262
Marmontel J-F см Мармонтель Ж-Ф 107
Mason G см Мейсон Дж
Musuda T 258
Mercier L-S см Мерсье Л-С
Merck J H 215
Metsumura Sh 258, 260
Meyer J E 171
Minamoto T 261
Minzloff R 195
Mirsky D S 79
Moor E см Мур Э
Mooser R-A см Моозер Р-А
Moriyasu T 260
Morohashi K 263
Mosclau M G 203
Murat H-J de Castelnau см Мюра Г-Ж де
Murata Sh 263

Nabokov V 187
Naganava M 264
Nakamura H 258, 259
Nakamura K 262
Nakamura Y см Накамура Й
Nakanishi T 265
Nibe F см Нибе Ф
Nicolai H F см Николаи Х Ф

Ohata M 261
Ohki M 260
Ohno M 258
Ohtsuka K 260
Okabe Sh 265
Okazawa H 263
Ominami K 265

Pallas P S см Паллас П С
Pfeffel G K 203
Pfeil J G B см Пфейль И Г Б

Quasin 121

Ramon de Carbonnière L-F-E см Рамон де Карбоньер Л-Ф-Э
Richard 121
Richardson S см Ричардсон С
Ricsard 121
Roger A 121
Rothe H см Роте Х

Sagochi T 259
Saint-Lambert J-F см Сен-Ламбер Ж-Ф
Sakai K 265
Sasaki Hiroaki 264
Sasaki Hiroshi 264
Sasaki S 263
Sasaki T см Сасаки Т
Sato Sh 261
Schiller F см Шиллер Ф
Schleussner der junger см Шлейснер П Х
Schmid G A 183
Schmuck H 203
Seiler G F см Зейлер Г Ф
Shakespeare W см Шекспир В
Shibuya J см Сибуйя И
Shirakura K 260, 261
Simon E H см Зимон Э Г
Smith D S см Смит Д С
Sophie, Grossherzogin von Sachsen Weimar 216
Sparwenfeld J G 160, 161
Stonycastle H см Kelly J
Suzuki T см Сузуки Т

Takano A 262
Tanaka Y см Танака Й
Tani K 262
Thomas A-L см Тома А-Л
Thomson Y 264
Togawa Ts 257
Tokinaga H 257
Toriyama Sh см Торияма Ш
Toyokawa K см Тойокава К
Tressan L см Трессан Л де

Uncy, mademoiselle 187
Urai J 263, 264, 266

Voltaire см Вольтер

Wada H 257, 264
Waegemans E см Вагеманс Э
Walther (братья) 185
Whitfield F J 79

Wieland K M см Виланд К М
Willamow I G 217
Willemsen C 204
Witkowski W 161
Wolken см Волкен 209
Wołoszyński R W 168
Wotton W см Уоттон У

Yaegashi T 258
Yamaguchi J 262
Yamamoto S 260
Yamamoto T см Ямамото Т
Yasugi S 254
Yasui R 262, 264
Yasumara H 259, 260
Yonekawa T 257
Yverdon J P A 203

Zabel E 215
Ziegengest G 204
Ziri Ch см Цирль Х

СОДЕРЖАНИЕ

<i>П Е Бухаркин</i> Топос «тишины» в одической поэзии <i>М В Ломоносова</i>	3
<i>Н Ю Алексеева</i> «Рассуждение о оде вообще» <i>В К Тредиаковского</i>	13
<i>Ю В Стенник</i> Сумароков — историк	23
<i>А А Левицкий</i> Образ воды у Державина и образ поэта	47
<i>Н Д Кочеткова</i> «Правосудие» и «милость» в поэзии Державина	72
<i>А Г Мейор</i> Пространство и время Державин и Пушкин (Стихотворение Державина «Евгению Жизнь Званская»)	79
<i>В А Западов</i> Барковиана и Державин ¹	87
<i>К Ю Лаппо-Данилевский</i> Комическая опера <i>Н А Львова</i> «Сильф, или Мечта молодой женщины» и традиции русской любительской сцены	95
<i>Н Д Кочеткова</i> Фонвизин и Волковы	114
<i>Е Д Кукушкина</i> Сюжет «Суд Соломона» в драматургии	121
<i>Р М Лазарчук</i> Переписка <i>Н М Карамзина</i> с <i>А А Петровым</i> (К проблеме реконструкции «романа в письмах»)	135
<i>Г Леманн-Карли</i> <i>Я М Р Ленц</i> и <i>Н М Карамзин</i> Перевод <i>Н Ю Алексеевой</i>	144
<i>С И Николаев</i> Словарь <i>Г Кнапского</i> в России (Библиографические разыскания)	157
<i>В Д Рак</i> Библиографические заметки	169
<i>Э Вагеманс</i> Русская литература XVIII века в нидерландской печати	204
<i>Р Ю Данилевский</i> <i>И В Гете</i> о <i>Екатерине II</i>	213
<i>М Д Эльзон</i> О первом русском переводе романа <i>Л-С Мерсье</i> «Год 2440-й» (К биографии <i>С С Волчкова</i>)	218
<i>М Д Эльзон</i> Неизвестные воспоминания о <i>Н И Новикове</i>	220
<i>С Гардзонио</i> Заметки по истории русской музыкальной поэзии	223
<i>Е В Свясов</i> Опыт атрибуции «Строф сафического размера» <i>А Н Радишеву</i>	231
<i>И Х Речицкий</i> «Русская пляска» <i>А Н Оленина</i> — <i>Н А Львова</i> (О сюжете и датировке гравюры)	241
<i>С И Николаев</i> О переводе похвальной оды <i>М Меттера</i> 1737 г	249
<i>Н Н Махровская</i> Петербургский адрес <i>В В Капниста</i>	252
<i>Й Имаи, Т Фузизума, Дж Матсуда</i> Изучение России XVIII века в Японии (Библиографический обзор) Перевод <i>Н Д Кочетковой</i>	253
ИЗ МАТЕРИАЛОВ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ И А КРЫЛОВУ (1—2 НОЯБРЯ 1994 ГОДА)	
<i>С А Фомичев</i> Последний русский баснописец	267
<i>М В Строганов</i> Крылов и Руссо (Человек в философских схемах и реальной жизни)	274
<i>В А Кошелев</i> «Образ Крылова» в восприятии <i>К Н Батюшкова</i>	281
<i>И Х Речицкий</i> Крылов и Оленины	292

<i>Е Н Строганова</i> И <i>А Крылов</i> в произведениях <i>М Е Салтыкова-Щедрина</i>	301
Хронологический список трудов <i>Владимира Петровича Степанова</i> Составил <i>С И Николаев</i>	313
Хронологический список трудов <i>Юрия Владимировича Стенника</i> Составила <i>Е Д Кукушкина</i>	323
Указатель статей в изданиях Сектора по изучению русской литературы XVIII века за 1976—1995 гг Составила <i>Н Ю Алексеева</i>	332
Список сокращений	342
Указатель имен	343

XVIII ВЕК
СБОРНИК 20

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской академии наук*

Редактор издательства И И Шефановская
Технические редакторы О В Иванова и Л П Николаева
Корректоры О И Буркова, Н И Журавлева, И А Крайнева
и Е В Шестакова
Компьютерная верстка Л Н Напольской

ЛР № 020297 от 27.11.91 Сдано в набор 26.04.96 Подписано к печати 20.12.96
Формат 60 × 90 1/16 Бумага офсетная Печать офсетная
Усл. печ. л. 22,5 Уч.-изд. л. 26,7 Тираж 1100 экз. Тип. зак. № 3123 С 1547

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12